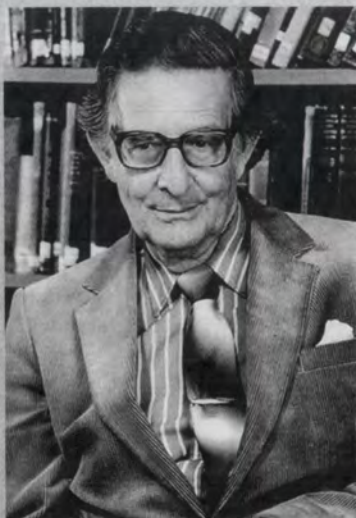

ГАНС АЙЗЕНК

ПАРАДОКСЫ
ПСИХОЛОГИИ

■ **Г.Ю. АЙЗЕНК** – классик современной психологии, один из основателей клиническо-психологического направления исследований в Великобритании. Известен многочисленными работами в области исследования интеллекта, внес значительный вклад в разработку психодиагностических методов лечения неврозов и других расстройств личности. Является автором оригинальной модели личности, написал более 45 книг и 600 научных статей.

■

Эта книга могла бы называться «Общественное значение современной психологии».
Психология — общественная наука; если ее открытия не лишены смысла, их следует применить для решения социальных проблем нашего времени.

Ганс Айзенк

Парадоксы психологии
(766)

Одеса
Бул. ЧНЗ, 33
(0482) 32-17-97

29823
10.12.2006

1271852

К С
КНИЖКОВИ СУПЕРМАРКЕТ

Цена:
99.30 грн

0 000012 719529

ГАНС АЙЗЕНК

ПАРАДОКСЫ
ПСИХОЛОГИИ

МОСКВА

ЭКМО

2009

УДК 316.6
ББК 88
А 36

Hans J. Eysenck
PSYCHOLOGY IS ABOUT PEOPLE

Перевод с английского *Сергея Степанова*

Художественное оформление *Евгения Савченко*

Айзенк Г.

А 36 Парадоксы психологии / Ганс Айзенк ; [пер. с англ. С. Степанова]. — М. : Эксмо, 2009. — 352 с. — (Психология общения).

ISBN 978-5-699-33527-5

Ганс Юрген Айзенк — знаменитый английский психолог, широко известный не только как крупный ученый, но и как блестящий популяризатор достижений психологической науки. Научная честность, умение «называть вещи своими именами» снискали ему громкую (хотя и с оттенком скандальности) славу. «Парадоксы психологии» — одна из самых популярных его книг, переведенная во многих странах. Познакомившись с нею, читатель убедится, что психологи умеют не только ставить острые вопросы, но и давать на них честные ответы.

Чем может психологическая наука помочь в решении проблем повседневной жизни? Как психологический склад человека влияет на его успехи и неудачи? Как возникают душевные расстройства и как от них избавиться? Что общего у любителей порнографии и политических экстремистов? Можно ли перевоспитать закоренелого преступника или вырастить из заурядного ребенка гения? На эти и многие другие вопросы автор дает спорные, но научно обоснованные ответы, помогая нам лучше разобраться в себе и понять окружающих нас людей.

УДК 316.6
ББК 88

© Personality Investigations,
Publications and Services. All rights reserved.
© Перевод. Степанов С. С., 2008
© Издание на русском языке. Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2009

ISBN 978-5-699-33527-5

Содержание

Мудрость Ганса Айзенка. <i>С. Степанов</i>	7
От автора	17
<i>Глава 1.</i> Крыса или кушетка?	25
<i>Глава 2.</i> Секс и личность	88
<i>Глава 3.</i> Поведенческие технологии в психиатрии и образовании	140
<i>Глава 4.</i> Расцвет медиократии.	204
<i>Глава 5.</i> Парадокс социализма: социальные установки и общественные классы	246
<i>Глава 6.</i> Польза и вред порнографии	287
<i>Глава 7.</i> Не стреляйте в бихевиориста — он старается изо всех сил	318

Мудрость Ганса Айзенка

Психологами в наши дни называет себя такое огромное количество людей, что порой диву даешься, как ухитрились наши отцы и деды вполне благополучно строить свою жизнь и сохранять душевное равновесие без этой многочисленной армии советчиков и помощников. Расцвет так называемой «практической психологии» пришелся на последние полвека. Любопытно, что именно в эту пору небывалых масштабов достигли общественные настроения уныния и цинизма, отчуждения и враждебности. Никогда прежде человечество не знало такого размаха бытового насилия, психических нарушений и разводов. Невольно напрашивается вопрос: стал ли рост популярности психологии ответом на запросы общества, или, наоборот, — нарастающий вал психологических проблем порожден избыточным предложением спорных идей и, мягко скажем, не очень полезных советов?

Беда в том, что множество современных психологов-консультантов, коучей, тренеров личностного роста и прочих торговцев мыльными пузырями, выступающих якобы от лица психологической науки, не имеют к ней никакого отношения. Ибо психология — это прежде всего наука. Суть ее — изучение природы человека экспериментальными методами, а вовсе не перековка зажатых неудачников с комплексами в самодовольных неудачников с амбициями. Конечно, знание основ психологической науки в их приложении к повседневной жизни может помочь разобраться в себе и своих проблемах многим. Но

для этого необходимо обратиться к идеям не корыстных выдумщиков, а серьезных ученых, чьими трудами настоящая психология и создана.

Ганс Юрген Айзенк, вне сомнения, принадлежит к числу таких ученых.

Он родился 4 марта 1916 г. в Берлине, в семье, интересы которой были максимально далеки от науки: его мать была киноактрисой, звездой немого кино, снявшейся в 40 фильмах, отец — популярным конферансье. Родители развелись, когда мальчику едва исполнилось два года, и воспитывала его бабушка, которая впоследствии погибла в нацистском концлагере. Сам Айзенк, вопреки всем теориям наследственности (в развитие которых он внес немалый вклад), никакой тяги к артистической карьере не испытывал. Всегда считавшийся талантливым, но не слишком прилежным учеником, он очень рано ознакомился с работами Э. Резерфорда и решил, что делом его жизни может стать только физика. По окончании школы в 1934 г. он вознамерился поступить на физическое отделение Берлинского университета. Однако выбор профессионального пути в нацистской Германии был неразрывно связан с выбором политических взглядов. Поступление в университет на столь притягательное для него физическое отделение оказалось возможным лишь при условии вступления в национал-социалистическую партию. Это условие не было обязательным для всех, но от Айзенка, известного независимостью суждений и отличавшегося сильной неприязнью к фашизму, власти потребовали демонстрации лояльности режиму. Условие было для молодого человека абсолютно неприемлемым. Оставался один путь — эмиграция.

Весной 1934 г. Айзенк уехал во Францию, а спустя несколько месяцев перебрался в Англию. Началась эмигрантская жизнь со всеми ее «прелестями» — адаптация к другой культуре, негативизм окружающих, предельно скромное существование на репетиторские заработки, позднее, с началом войны, — ограничение в правах, угроза интернирования.

Весной 1935 г. Айзенк блестяще сдал вступительные экзамены в Лондонский университет, намереваясь реализовать здесь свою давнюю мечту — заняться углубленным изучением физики. Но этому намерению не суждено было осуществиться. Выбор факультетов в Лондонском университете жестко определялся тем, какие вступительные экзамены сдавались. Айзенк об этом не знал, в Германии правила были другими. Выяснилось, что для специализации по физике им сданы не все необходимые экзамены. Откладывать поступление на следующий год он не мог, так как был сильно стеснен в средствах. Оставалось выбирать из тех факультетов, которым «подходили» сданные экзамены. Таким факультетом оказался психологический. Именно по такой иронии судьбы психология приобрела одного из самых ярких и продуктивных исследователей.

Отделение психологии Лондонского университета, созданное Ч. Спирменом, в то время возглавлял Сирил Берт, уделявший особое внимание психометрическим исследованиям. Одной из первых работ, выполненных Айзенком на этом отделении, было сравнение двух подходов к исследованию интеллекта: Ч. Спирмена, выделившего фактор общих способностей (*g-factor*), и Л. Терстоуна, рассматривавшего в структуре интеллекта ряд независимых способностей. Современные представления о том, что между этими подходами не существует непримиримого противоречия, базируются на той давней студенческой работе Айзенка.

В 1938 г. Айзенк получил звание бакалавра и был признан лучшим студентом на своем курсе. В 1940 г. он защитил докторскую диссертацию, руководителем которой формально являлся Берт, но по сути она была полностью самостоятельной работой. Посвящена она была экспериментальной эстетике и включала в себя исследования по восприятию (от простейших фигур до произведений искусства).

Закончив обучение, Айзенк поступил психологом-исследователем в госпиталь, носящий имя Генри Модсли, психиатра Викторианской эпохи, чей фундаментальный труд «Физиология и патология души» (1867, русский перевод вышел в

1871 г.) заложил основы детской психиатрии (в нем Модсли доказывал, что сам по себе возраст может способствовать некоторым психическим нарушениям). У нас имя Модсли известно главным образом благодаря Айзенку, поскольку оно фигурирует в названии диагностического опросника, созданного в годы работы в госпитале Модсли. Руководитель госпиталя Обри Льюис планировал создать при Лондонском университете Институт психиатрии, задачами которого являлись бы диагностика, изучение и лечение неврозов, психозов и мозговых нарушений. Самостоятельные и энергичные исследователи (психологи и психиатры), которых он набирал в штат госпиталя, должны были, по его замыслу, стать ядром нового института.

Когда планы Льюиса воплотились в реальность и Институт психиатрии был открыт, Айзенку было предложено возглавить в этом институте отделение психологии. С этого времени, то есть с 1955 г., жизнь и работа Айзенка были неразрывно связаны с Институтом психиатрии.

Поражает широта научных интересов Айзенка. Пожалуй, не было в мире другого психолога, которому удалось бы сделать так много и в столь разных областях.

После защиты диссертации он начинает исследования структуры свойств личности. Именно этой теме посвящены его первые книги («Измерения личности», 1947; «Научное изучение личности», 1952; «Структура личности», 1952). В те годы появилась столь хорошо знакомая психологам триада личностных свойств Айзенка — экстраверсия-интроверсия, нейротизм и психотизм, — исследование которой он не прекращал до последних дней своей жизни.

Сегодня понятия экстраверсии и интроверсии знакомы многим и даже стали элементами повседневной речи. Экстраверт — человек, преимущественно ориентированный на внешний мир, мир предметов и людей, тогда как интроверт ориентирован в основном на свой внутренний мир, мир своих переживаний и представлений. Экстраверты требуют постоянной стимуляции от внешней среды, они общительны, стремятся к

новым впечатлениям, склонны к риску, любят перемены, готовы к быстрым реакциям. Для них характерны раскованность поведения, оптимизм, веселость, а также вспыльчивость, некоторая агрессивность, поверхностность в восприятии людей и явлений. Интроверты, наоборот, черпают стимулы жизненной активности изнутри, живут своим богатым внутренним миром. Они замкнуты, малообщительны, медлительны, серьезные, сдержанны, любят порядок, склонны к самосозерцанию, дружат преданно, но с немногими, избегают шумных компаний.

Другая характеристика подразделяет людей по параметру эмоциональной устойчивости: на тревожных (нестабильных), то есть повышено чувствительных к неудачам и ошибкам, склонных к самообвинениям, постоянно стремящихся к совершенствованию, — и эмоционально стабильных, то есть уравновешенных, стрессоустойчивых.

Строго говоря, и эти понятия были введены в научный обиход задолго до Айзенка: их предложил Карл Густав Юнг еще в 20-е годы в своей знаменитой работе «Психологические типы». Но только благодаря Айзенку они получили широкую популярность, проникли в разговорную речь, поэтому именно Айзенка многие считают их изобретателем. Основная же заслуга Айзенка состоит в том, что им был создан практичный опросник для выявления этих личностных черт. Широко распространяемый множеством популярных изданий, этот опросник является ныне одним из самых известных психологических тестов.

Специалистам хорошо известны работы Айзенка, выполненные в контексте клинической психологии, — по тревожности и истерии, по выделению типов личности, имеющих склонности к различным соматическим заболеваниям. Он многое делал для развития поведенческой (бихевиоральной) терапии, занимаясь разработкой ее теории, популяризацией и непосредственно терапевтической работой, в частности с раковыми больными. По его инициативе с 1960 г. стал издаваться журнал «Поведенческие исследования и терапия». Отвергая

господство психиатров над психологами в Институте психиатрии, Айзенк сместил акцент в клинической психологии с диагностики на активную терапию. Не будучи ни терапевтом, ни клиницистом, он тем не менее заслуженно считается основателем английской клинической психологии. Его отделение дало приют развивающейся поведенческой терапии и стало родным домом для специалистов, ее практикующих.

Айзенк изучал психофизиологические основы интеллектуальной деятельности и создал «биологическую» теорию интеллекта, которая базируется на предположении о том, что в основе интеллекта лежит скорость прохождения импульса по «каналам нервной связи».

На протяжении всей жизни Айзенка интересовали биологические, и в частности наследственно обусловленные, истоки индивидуальных различий. Он всегда был активным и последовательным сторонником генетических исследований психических функций и, будучи человеком действия, стал одним из организаторов Лондонского близнецового исследования, выполненного в контексте генетики поведения.

В последние годы жизни Айзенк создал теорию креативности, в соответствии с которой процессы активации рассматриваются как фундаментальная основа и личностных, и когнитивных составляющих творческих способностей.

При всем многообразии тематики исследований Айзенк никогда не изменял главной теме своего научного поиска — исследованию индивидуальных различий. Какая бы психологическая реальность ни становилась предметом его изысканий, какие бы экспериментальные схемы и методы им ни использовались, цель всегда была одна — понять, в чем проявляются различия между людьми и какова причина этих различий. В 1979 г. им был основан журнал «Личность и индивидуальные различия», предназначенный для публикаций именно по этой тематике и призванный объединить исследователей в этой области. Айзенк многое сделал для создания Международного общества по изучению индивидуальных различий (ISSID), восьмая конференция которого (последняя, на

которой он присутствовал) состоялась за полтора месяца до его ухода из жизни (умер Айзенк 4 сентября 1997 г.).

Айзенк был исключительно продуктивен. Им (самим и в соавторстве) написано более 70 книг и свыше 600 научных статей. Неизменным предметом его гордости было то, что индекс цитирования его работ оказывался всегда одним из самых высоких в мире: среди здравствующих психологов он уступал первенство лишь швейцарцу Жану Пиаже, а среди британских психологов был самым цитируемым автором. Вместе с тем очевидное признание работ Айзенка мировым психологическим сообществом почти никак не проявлялось в официальном признании его заслуг. Только в самом конце своей научной карьеры (в 1988 — 1993 гг.) он был удостоен награды Американской психологической ассоциации. Британская официальная наука не успела сделать и этого.

В нашей стране работы Айзенка долгое время были известны лишь узкому кругу профессионалов. Сам он бывал в Москве и несколько раз выступал перед небольшими аудиториями. Был период, когда его труды было принято обсуждать в резко критическом тоне, что вызывало ощущение неловкости у тех, кто их читал и, соглашаясь или не соглашаясь с Айзенком, не мог не оценить его исключительную эрудицию, прозрачную ясность его теоретических построений, четкость и доказательность изложения.

Айзенк часто оказывался в центре острой полемики, что вообще не очень характерно для академических психологов. Он получил известность своей убийственной критикой психоанализа, в качестве альтернативы которому он выдвигал поведенческую терапию; он осмелился публично усомниться в доказательности связи между курением и раком, высказывал небесспорные суждения о расовых различиях, настаивал на необходимости научного изучения паранормальных психических феноменов. Зачастую в словах Айзенка было гораздо меньше поводов для споров, чем в том, что ему приписывалось; его взгляды были гораздо менее радикальны, чем можно судить по вольным цитатам. Сегодня, когда труды Айзенка по-

степенно становятся нам все более доступны, каждый сам может оценить подлинное значение этого психолога в истории мировой науки. Но какими бы ни были эти суждения, игнорировать роль выдающегося британского психолога уже невозможно.

Наш проницательный читатель давно уже понял: если на обложке крупными буквами написано «бестселлер», то это, скорее всего, беззастенчивый рекламный трюк, с помощью которого ему пытаются «впарить» залежалый заморский ширпотреб. А если еще и автор в аннотации назван крупнейшим специалистом с мировым именем, можно почти не сомневаться, что его имя не знакомо никому, кроме его студентов из учительского колледжа штата Айдахо. Если уж и вовсе ничего такого не написано, то книгу вообще, наверное, не стоит брать в руки. Так может подумать иной потенциальный читатель, скользнув взглядом по обложке книги Айзенка с не очень выразительным названием. И совершит огромную ошибку! Ибо автору нет равных в мировой психологии XX века — научные труды Айзенка цитируются чаще работ любого другого психолога, а его научно-популярные книжки переиздаются во всем мире гигантскими тиражами. Дошла очередь и до нашей страны, где Айзенка по старинке многие продолжают считать лишь автором практичного опросника и популяризатором тестов IQ. Ныне он предстает в качестве, давно известном просвещенному миру, — как глубокий знаток психологической науки, легко и доходчиво рассказывающий о ней непосвященным.

Книга призвана разъяснить читателю, не очень искушенному в психологии, основные закономерности человеческого мироощущения и поведения. В отличие от растиражированных поп-психологических поделок — «Как за неделю улучшить свою память», «Как воспитать из ребенка гения» и т.п. — это не книга-инструкция, а книга-разъяснение. Именно в этом своем качестве она убедительно демонстрирует — более или менее полная ориентировка в проблеме гораздо полезнее

директивной инструкции по ее решению. Автор затрагивает широкий круг вечно актуальных психологических проблем — источники удовлетворенности жизнью, оценка умственных способностей, природа психических заболеваний, стратегии семейного воспитания, механизмы межличностного восприятия и оценивания и т.д. Причем во всех случаях автор опирается на данные показательных психологических экспериментов и наблюдений. Коллеги, пишущие в том же жанре, могут упрекнуть автора, что тот фактически снял все «сливки» психологической эмпирии — в книге описаны знаменитые эксперименты многих звезд мировой психологии. Казалось бы, обо всем этом написано уже не раз, однако, пожалуй, впервые так емко, разносторонне и доходчиво. Поэтому даже психологу было бы очень полезно прочитать книгу, несмотря на то, что кое-какая содержащаяся в ней информация для профессионала не нова. Что-то новое отыщет в книге даже самый большой эрудит, она вооружает по-настоящему убедительными аргументами и примерами. Многие порой задаются вопросом: «Что бы такого интересного почитать по психологии?» Теперь, держа в руках труд Айзенка, за ответом далеко ходить не надо. Польза от этого чтения несомненная, да и удовольствие немалое.

Данная книга была впервые издана в Англии в 1972 г. и в нашей стране до сих пор не издавалась. Бывшая в свое время всемирным бестселлером, книга и сегодня читается с огромным интересом, словно подтверждая давний тезис: «Качество никогда не выходит из моды». По прошествии десятилетий работа Айзенка отнюдь не устарела и продолжает оставаться одним из непревзойденных образцов научно-популярной литературы по психологии.

50—60-е годы XX столетия можно назвать золотым веком психологии. В ту пору едва ли не ежедневно публиковались результаты ярких психологических экспериментов, в полемике выдающихся ученых зарождались блестящие научные концепции и школы. Но, как это часто бывает, на гребне волны было поднято и немало пены. Айзенк поставил перед собой задачу

«отделить зерна от плевел», продемонстрировать широкой общественности подлинные достижения научной мысли в их противопоставлении «мыльным пузырям» — переливающимся, но пустым. Измерение умственных способностей и сексуальных предпочтений, политические убеждения и национальные стереотипы, формирование общественного мнения и лечение невротических расстройств — по этим и многим другим проблемам подлинный ученый и блестящий эрудит Айзенк выносит обоснованные суждения, демонстрируя преимущества научного подхода над наивными псевдонаучными фантазиями. В частности, в книге изложены его трезвые суждения о психоанализе, с которыми совсем нелишне познакомиться нашим новообращенным фрейдистам. Нет, Айзенк не пытается дискредитировать Фрейда и его детище, напротив — подчеркивает свое глубокое уважение к великому венскому мыслителю. Но одно дело факт, другое — вымысел, и автор указывает на это недвусмысленно и прямо, с опорой на серьезные научные аргументы. Поэтому книга, хотя она и рассчитана на массового читателя, с полным основанием может считаться образцом подлинно научного подхода к широкому кругу психологических проблем, никого не оставляющих равнодушным.

Сергей Степанов

Нет ничего более ужасного, чем невежество в действии.

Любому человеку всегда и везде недопустимо верить во что-либо без достаточных доказательств.

Тот, кто верит в абсурд, рано или поздно совершит злодеяние.

От автора

Эта книга могла бы называться «Общественное значение современной психологии». Психология — общественная наука; если ее открытия не лишены смысла, их следует применить для решения социальных проблем нашего времени. Правда, общественные науки не стоит переоценивать; мы как ученые слишком мало можем сделать для предотвращения войн, общественных беспорядков, забастовок и прочих конфликтов. Притязания на излечение всех общественных недугов поставили психологию и психоанализ в неловкое положение и побудили многих людей с разочарованием признать, что от общественных наук фактически нет никакой пользы. Но это, по моему, неправильно. За последние полвека наука шагнула вперед, и на многие вопросы у ученых появились ответы. Эта книга и посвящена таким вопросам и ответам. Читатель сам решит, не является ли и такая оценка преувеличенной; ведь слишком много появилось советчиков, все дают разные, порой противоречивые советы, и прислушиваться к ним следует осмотрительно.

Книга начинается с рассмотрения парадокса современной психологии: есть психологи-экспериментаторы, которые с помощью строгих научных методов исследуют проблемы, кажущиеся многим банальными или надуманными, а есть социальные психологи, психиатры и психоаналитики, изучающие действительно важные насущные проблемы, однако их методы и теории с научной точки зрения, мягко скажем, сомнительны.

Я намерен показать, что это противоречие противостоит и устранимо, что существуют исследовательские методы, а также научные понятия и теории, которые позволяют решать реальные проблемы достойными средствами. Ключевым понятием в этих моих рассуждениях станет понятие личности. Я пока не стану вдаваться в детали — из дальнейшего изложения читатель сам сможет понять, какое решение предлагается мною вышеописанному парадоксу, а также сможет оценить, насколько это верное решение.

Далее в книге идет речь о конкретной проблеме, которая в свое время привлекла мой интерес и которую я вследствие этого довольно глубоко изучил: это проблема отношения личности и сексуальности. Для того чтобы проиллюстрировать идеи, выдвинутые в главе 1, можно было бы избрать множество иных примеров, но поскольку мне удалось получить немало интересных эмпирических результатов именно в данной области, мне подумалось, что ими и следует поделиться с читателем. Похожая тема затрагивается и в одной из последующих глав, посвященной порнографии: читатели снова убедятся, что я не намерен пересказывать многословные писания бесчисленных юристов, поэтов, политиков, драматургов, историков, психиатров, которые считают себя вправе обсуждать эту психологическую проблему, не обладая даже поверхностными знаниями в области психологии. Свои рассуждения я основываю на эмпирических исследованиях, которые авторы многочисленных публикаций просто игнорируют; это еще один парадокс нашего времени — когда дилетанты в данном вопросе потчуют читателей своими разглагольствованиями, примечательными лишь абсолютным невежеством авторов по части фактического материала.

Глава 3 посвящена поведенческим технологиям и их применению в различных областях; тут я пытаюсь доказать, что психология уже достигла достаточного прогресса, и ее достижения могут быть успешно использованы для решения разнообразных проблем в области образования, душевного здоро-

вья, борьбы с преступностью и др. Глава 4 содержит развернутое обсуждение проблемы, впервые затронутой в одной из моих ранних публикаций, — проблемы интеллектуальной элиты, ее отбора и воспитания. В этой сфере противостоят два непримиримых лагеря, начертавшие на своих знаменах лозунги «меритократии» и «медикратии», и тут я постараюсь предложить свое решение, равноудаленное от этих крайностей и основанное на фактах, которыми оппоненты почему-то пренебрегают. Глава 5 посвящена социальным установкам и их измерению, в частности одному интересному политическому парадоксу — выясняется, что позиции лидеров двух ведущих политических партий Великобритании разделяют не их последователи, а те, кто голосует за их соперников. Политики-консерваторы (тори) отстаивают взгляды, которых придерживается пролетарский электорат лейбористов, тогда как политики-лейбористы декларируют ценности, характерные для среднего класса, голосующего за тори. Последствия этой нелепой (если не сказать трагической) путаницы я намерен довольно подробно обсудить. Наконец, в главе 7 рассматриваются некоторые распространенные предубеждения против психологической науки в целом и ее поведенческого направления в частности; я стараюсь доказать, что такого рода предубеждения основываются в основном на неправильном понимании того, что же представляют собой психология и бихевиоризм как одно из ее направлений.

Затронутые мною темы весьма разнообразны, каждая глава относительно самостоятельна и может быть прочитана (возможно, даже с удовольствием) по отдельности. Однако есть некоторые идеи, которые я развиваю во всех главах, и, по моему, следует указать на них заранее. Во-первых, я абсолютно убежден в необходимости научного исследования общественных проблем; любые решения, основанные на праздных догадках, субъективных оценках и политических предпочтениях, а не на научных данных, не могут иметь долгосрочного положительного эффекта. Многие полагают, что наука в своем раз-

витии зашла слишком далеко, и вследствие этого мы уже знаем гораздо больше, чем нужно. Это вредное и опасное заблуждение. Наша беда не в том, что мы знаем слишком много, а в том, что мы знаем еще слишком мало. Более того, наше знание не гармонично — из того, что нам необходимо для решения практических задач, мы знаем почти все из области физики, многое — из биологии, но почти ничего из психологии; к тому же польза научного знания сходит почти на нет из-за нашего неумения им разумно пользоваться. Наверное, многие читатели, как и я, почувствовали, что наши базовые христианские и гуманистические ценности оказались поколеблены, когда в конце Второй мировой войны атомные бомбы обрушились на мирное население Японии; вину за это часто возлагают на ученых — изобретателей бомбы. Но это не ученые, а политики и военные приняли решение использовать Хиросиму и Нагасаки в качестве полигона для своей новой игрушки. Ученые, которых использовали для создания чудовища, безуспешно пытались предотвратить этот преступный шаг; каждый, кого интересуют подробности этой ужасной истории, может найти их в книге Ноэля Фарра Дэвиса «Лоуренс и Оппенгеймер». Из нее читатель узнает, что ученые, хоть и не святые, но обычные нормальные люди, со своими моральными и этическими убеждениями, весьма схожими с теми, которых придерживаются их критики. Именно политики и генералы выступили теми хладнокровными и безжалостными негодяями, которые воспользовались изобретением для своих извращенных антигуманных целей. Именно они, пускай и косвенно, своей беззастенчивой ложью извратили моральные установки некоторых ученых, тем самым превратив их в сообщников своего преступления. Эта история должна получить гораздо большую огласку, чем она имеет, и вина, безусловно, должна быть возложена на непосредственных виновников.

Я привожу множество примеров того, как психологические знания успешно применяются для решения социальных проблем. Я убежден, что если бы правительства инвестировали в

соответствующие исследовательские проекты средства, сопоставимые с затратами на ядерные исследования, то весьма впечатляющие результаты этого не замедлили бы появиться. Но я привожу и свои соображения насчет того, почему это вряд ли произойдет, — власти рассматривают психологию скорее как источник беспокойства, нежели как надежную помощницу. Возможно, со временем эти глубоко укоренившиеся предубеждения развеются. Поживем — увидим.

Во-вторых, я хочу выразить свою полную уверенность в том, что всеобщего, универсального решения наших проблем не существует. Наличие глубоких индивидуально-психологических различий между людьми диктует необходимость эти различия учитывать; например, проявления сексуальности, допустимые и желательные для экстраверта, могут не являться таковыми для интроверта, и т.п. Свою задачу как психолога я вижу в том, чтобы указать на важность этих личностных факторов, а также попытаться подвергнуть их научному исследованию и измерению; полученные к настоящему времени результаты, основанные на генетических различиях в структуре и функциях разных отделов головного мозга, недвусмысленно указывают на их значимость. Психологи-экспериментаторы зачастую склонны недооценивать роль индивидуальных различий и признавать их достойным предметом научного исследования; однако даже непосредственно в области экспериментальной психологии мне удалось показать ошибочность и недальновидность такой позиции, поскольку при выполнении многих лабораторных заданий экстраверты и интроверты, люди с разной степенью эмоциональной устойчивости очень по-разному реагируют на одни и те же стимулы. Этот вопрос требует дальнейшего прояснения, и я пытаюсь проделать это в контексте социальных проблем, в частности таких, которые возникают вследствие сексуальных побуждений.

В-третьих, хочу обратить внимание на то, что во всех главах я стремлюсь показать комплексный характер социальных проблем. Возможно, многие сочтут это излишним: большин-

ство людей готовы согласиться с его существованием как с абстрактным принципом. Но на практике эта истина зачастую игнорируется, в силу чего ставятся упрощенные и бессмысленные вопросы, на которые даются столь же бессмысленные ответы, причем, как правило, с сильным эмоциональным акцентом. Вопросы вроде: «Есть ли преимущества у нынешней системы массовых школ перед прежним делением школ на грамматические, современные и технические?» — очевидно бессмысленны, тем не менее они с горячностью обсуждаются множеством людей, совершенно несведущих во всех аспектах этой сложной проблемы. Что в этом контексте означают «преимущества»: дают ли эти школы лучшие знания, способствуют ли они лучшей социальной интеграции, обеспечивают ли они личностный рост, или что? И для кого тут имеются преимущества — для всех детей, исключительно для детей пролетариата или только для детей среднего класса? Для детей-экстравертов или детей-интровертов? Эмоционально устойчивых или неустойчивых? Даже если мы сведем обсуждение этой проблемы лишь к организационным вопросам, к подготовке учителей и техническому обеспечению учебного процесса, мы в результате неизбежно приходим к выводу, что любые перемены будут «к лучшему» для некоторых детей и в некоторых отношениях, тогда как для иных детей и в иных отношениях это будут перемены «к худшему». Политики, особенно в своих публичных выступлениях, склонны упрощать эту сложную проблему (как и множество других, обсуждаемых мною в главе о медиократии) и выставлять ее в черно-белом свете; ничто не уводит нас столь же далеко от разумного решения, как такая политиканская поляризация. Так можно привлечь голоса электората, но это не приближает к рациональному решению сложной общественной проблемы. То же самое касается и всех обсуждаемых ниже проблем; их кажущаяся простота, декларируемая поборниками противоборствующих сторон, лишь маскирует их комплексный характер и слишком часто основывается на абсолютном незнании важных фактов, которые могли бы спо-

собствовать правильному решению. Я вовсе не предлагаю безупречные решения для всех тех проблем, которые рассматриваются в этой книге; только идиоты и политиканы могут вообразить, будто на нынешнем уровне нашего знания такие «решения» возможны, и способны с убежденностью отстаивать тот или иной из предлагаемых ныне вариантов. Вместо этого я пытаюсь внести ясность в обсуждаемые вопросы и осветить соответствующие факты, которые не слишком хорошо известны, но исключительно важны для понимания проблемы. В этом, по моему убеждению, и состоит главная задача психолога — не притворяться, будто ему одному ведомы решения всех проблем, а объективно и непредвзято наполнить дискуссию соответствующими фактами. Факты не понуждают нас к тому или иному решению, но позволяют повести себя мудрее, чем в том случае, когда они, эти факты, нам недоступны. Конечно, при принятии решений должны учитываться не только психологические факты, однако их важность нельзя недооценивать.

Это приводит меня к четвертому соображению, которое состоит в том, что мы могли бы гораздо успешнее вести наши дела, если бы усмирили свои эмоции и стали руководствоваться разумом. Именно разум отличает нас от прочих бессловесных тварей; именно разум сделал человека властелином мира; и только на разум мы можем опереться в нашей надежде выжить в этом мире. В противоположность коре головного мозга, выступающего субстратом разума, подкорковые структуры являются средоточием эмоций, древнейших чувств и навыков поведения, развившихся в ходе эволюции, но не составляющих более нашего преимущества — напротив, делающих нас уязвимыми. Наука — это воплощение разума в его наивысшей форме, и только наука дает нам единственную надежду на выживание. Поэтому мое заключительное соображение во многом согласуется с первым, но несколько в ином ракурсе: нам необходимо развивать науку, и в частности такую науку, которая непосредственно ориентирована на решение наших на-

сущных проблем. И эта наука, по моему убеждению, — не физика и не биология. Это психология! Нам удалось решить большинство задач, поставленных перед нами природой, но остаются еще проблемы, которые мы создали сами. Только изучение человека может способствовать их решению. Несмотря на то что наука достигла невероятного прогресса с тех пор, как Поп написал свои замечательные строки, они и сегодня не менее актуальны, чем в те давние времена: «Подлинное познание человечества — это познание человека!»

Глава 1

Крыса или кушетка?

Меня всегда завораживал юмор — анекдоты, скетчи, карикатуры, которые я нахожу гораздо более ценными для понимания национального характера, чем иные толстые тома. Возможно, причина этого — в том, что мой отец был известным комиком, вроде Боба Хоупа¹, любившим развлекать публику латинскими каламбурами. Так или иначе, я полагаю, что мы многое можем узнать о «характере» того или иного человека, народа или группы (например, полицейских, или проституток, или, если угодно, психологов), присмотревшись к тому, какие о них рассказывают анекдоты и какие на них рисуют карикатуры. Присмотримся с этой точки зрения к психологии — и что же мы увидим? В наши дни пользуются популярностью два вида шуток о психологии и психологах — причем к последним я должен также отнести психиатров и психоаналитиков (не потому, что они имеют достаточное представление о психологии — напротив, вопреки распространенному мнению и вопреки здравому смыслу, психология почти не входит в их профессиональную подготовку, — а лишь потому, что простые люди не видят тут никакой разницы; а анекдоты, в конце концов, именно простым людям и адресованы!). Эти два типа шу-

¹Хоуп (Норе) Боб (1903—2003) — популярный американский артист эстрады и кино, снискавший наибольшую известность как автор-исполнитель юмористических скетчей и реприз. Отец Г.Ю. Айзенка в похожем амплуа блистал на берлинской эстраде в первой четверти XX века. — Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев — *Прим. пер.*

ток касаются, соответственно, подопытных крыс и пациентов психоаналитиков на кушетках¹. Читателям, вне сомнения, знакомы многие такие анекдоты и карикатуры, лучшие из которых появились на страницах журнала «New Yorker» (что неудивительно: американцам лучше знакомы и психология, и ее амбиции); тем не менее некоторые примеры можно привести для зачина дискуссии, которая приведет нас к более широкому пониманию сути и задач психологии, ее места в современном мире. Начнем с шутки о крысе, потом перейдем к кушетке.

Бичкомбер² в предвоенную пору нередко начинал свои сатирические колонки словами: «В опытах над крысами установлено...», — с тем чтобы потом перейти к такому предмету, экспериментальную проверку которого трудно даже вообразить, — например, к утверждению о невысоком мнении шахтеров Нортгумберленда о мистере Чемберлене или о том, что женщины с большим размером ноги редко становятся хорошими танцовщицами. Вывод напрашивался простой: как же глупы эти психологи, работающие в лабораториях со своими крысами и наивно полагающие, будто полученные ими результаты могут иметь какое-то значение для решения насущных общественных проблем! Та же идея содержится и в знаменитой карикатуре, на которой изображена крыса, входящая в университетское здание с вопросом: «Как пройти на факультет

¹По традиции, заложенной еще основателем психоанализа З. Фрейдом, пациент в ходе психоаналитического сеанса располагается лежа на кушетке (хотя в наши дни существуют и иные формы психоанализа, в которых пациент занимает иное положение). Сам Фрейд объяснял это тем, что в расслабленном положении лежа легче обеспечивается доступ к бессознательному пациента. Некоторые скептики, правда, склонны объяснять такую манеру тем, что основатель психоанализа относился к своим пациентам несколько безразлично и избегал общения с ними лицом к лицу. Кушетке как атрибуту и символу психоанализа даже посвящена целая книга — *Стерн Х. Кушетка. Ее значение и использование в психотерапии.* — СПб., 2003.

²**Бичкомбер** — коллективный псевдоним и сатирический образ (наподобие Козьмы Пруткина), созданный в 1917 г. колумнистом английской газеты «Daily Express» Джоном Арбуртноттом. Подписанная этим псевдонимом сатирическая колонка «Между прочим» с небольшими перерывами выходит до настоящего времени, но наибольшей популярностью пользовалась в 1930-е годы, когда ее вели Д. Уиндхэм-Льюис и Дж. Мортон.

психологии?» Тут имеется в виду, что психологи так глупы, что способны только нянчиться с крысами в то время, как социологи и другие солидные ученые работают с людьми. Наконец, не менее знаменитая карикатура изображает крысу в экспериментальном ящике, которая нажимает на педаль и обращается к другой крысе со словами: «Похоже, мне удалось неплохо выдрессировать моего человека — стоит мне нажать на педаль, он несет мне пищу». Таких анекдотов и карикатур существует бесчисленное множество, и все они подразумевают одно и то же — психологи считают себя учеными, но из науки они позаимствовали лишь ее формальную сторону; подлинная суть от них ускользает, и они бесплодно пытаются решать псевдопроблемы, используя для этого крыс, поскольку не способны изучать психологию человека, полезную для решения реальных проблем. Такого рода критика не ограничивается одними шутками; нередко подобные суждения высказывают и достаточно серьезные авторы, среди которых есть даже сами психологи. Но пока — довольно об этом.

Шутки об аналитиках и кушетках обычно основаны на вопиющем несоответствии между провозглашаемыми целями и реальными действиями, между фактами и вымыслом. Классическая карикатура изображает двух аналитиков, один из которых молод, но выглядит совершенно изможденным, а другой стар, но свеж и бодр. «Как вам удается часами выслушивать пациентов и оставаться в такой хорошей форме?» — спрашивает молодой человек. «Да кто их слушает?» — отвечает старший. Не менее известна история о богатой мамаше, которая всякий раз, когда не справляется с дурным поведением маленького сынишки, призывает на помощь аналитика. Однажды, когда малыш наотрез отказался слезать с лошадки-качалки, мать в отчаянии снова вызвала аналитика. Тот явился, подошел к ребенку и что-то прошептал ему на ухо. Его слова возымели магическое действие — мальчик послушно слез с лошадки и весь остаток дня вел себя как шелковый. Мать была в недоумении — что же такого сказал сыну аналитик? Когда домой явился отец, она рассказала ему эту историю, но и ему ничего не пришло в голову. Наконец решили прямо спросить маленького Джонни, который в ответ разревелся и сквозь слезы

произнес: «Дядя мне сказал, что если я буду плохо себя вести, он отрежет мне пиписку!» *Sic transit gloria mundi*¹. Тогда как шутки о крысах высмеивают психологов, которые заняты скрупулезными научными исследованиями, посвященными, однако, маловажным и несерьезным вопросам, анекдоты о кушетке изображают психологов занятыми весьма важными вопросами, к которым они подходят в совершенно ненаучной манере, а скорее с позиций житейского здравого смысла, прикрывая свою некомпетентность высоким пафосом и амбициями. Ситуация складывается тупиковая — как психолог вы предстаеете либо замкнутым педантом, который в своей башне из слоновой кости проводит никак не связанные с реальной жизнью исследования, не обещающие никаких важных и интересных открытий, либо вы с энтузиазмом набрасываетесь на реальные проблемы, смущаете всех непонятным научным жаргоном, но в конце концов оказываетесь бессильны предложить те блага, которые с таким пафосом обещали. К какому типу вы относитесь, зависит от того, экстраверт вы или интроверт — исследователи крыс в основном интроверты, служители кушетки — преимущественно экстраверты, за редким исключением. Но в обоих случаях психология предстает бестолковой и бессмысленной игрой, в которую по выдуманым ими правилам играют странные и не всегда адекватные люди. Истина эта картина или нет (а она отчасти не лишена смысла, как мы увидим ниже) — не так уж и важно в данный момент; именно такой ее видит насмешник-карикатурист, чувствительный к настроениям масс.

По мнению Фрейда, шутки и насмешки, анекдоты и карикатуры требуют интерпретации. Как же мы можем интерпретировать эти результаты? Разными мыслителями неоднократно высказывалась идея о том, что существует два элемента юмора — формальный и эмоциональный; формальная сторона определяется несоответствием разнородных фактов, которые в шутке объединяются в неожиданной манере, тогда как эмоциональная сторона шутки служит своего рода разрядкой каких-то враждебных, агрессивных или сексуальных пережива-

¹Так проходит земная слава! — крылатое латинское изречение.

ний либо, наоборот, демонстрирует доброе расположение духа, радость и удовлетворение. Шутки насчет крыс и кушетки, вне сомнения, выражают критику и агрессию; вопрос в том, сознательна или бессознательна эта враждебность. У Фрейда на сей счет не было никаких сомнений — агрессия подавляется из боязни возможных последствий, а юмор (а также сновидения и «случайные» оговорки) позволяет ей вырваться на свободу, порождая смех и удовольствие как следствия такого высвобождения. Однако справедливо ли, что подобные чувства в отношении психологии являются в каком-то смысле «бессознательными»? Я беседовал со многими людьми, не претендующими на звание психологов, и понял, что большинство из них, если не все, разделяют настроения, выраженные описанными шутками. Читатель сам может проделать такой мысленный эксперимент и задаться вопросом — соответствуют ли в целом приведенные шутки его отношению к психологии, или существует какая-то глубинная, подавленная подоплека; не соответствует ли его обыденному сознанию и высвобожденная данными шутками.

Моя собственная теория юмора противоположна теории Фрейда; она может быть названа теорией черт или даже теорией «черт и состояний». Согласно этой точке зрения людей можно ранжировать в рамках континуума «агрессивности» или «сексуальности» — от очень агрессивных и исключительно сексуальных до беззлобных и малосексуальных, со значительными промежуточными вариациями. Согласно Фрейду внешне неагрессивные, малосексуальные люди подавляют свои агрессивные и сексуальные тенденции, поэтому враждебные и скабрезные шутки доставляют им удовольствие, поскольку высвобождают их «бессознательные» переживания; агрессивные и сексуально активные люди не нуждаются в таком высвобождении и не находят большого удовольствия в подобных шутках. Многочисленные свидетельства не позволяют согласиться с интерпретацией Фрейда; в работах многих психоаналитически ориентированных исследователей, а также в моих собственных показано, что экстраверты в целом более агрессивны и сексуальны и в то же время любят враждебные и сек-

суальные шутки. Иными словами, люди выражают присущие им черты сексуальности и агрессивности разными способами, одним из которых выступает удовольствие от соответствующих шуток. Тех же результатов можно добиться, если посредством специальных манипуляций вызвать у группы испытуемых гнев или сексуальное возбуждение; в этом случае агрессивный или сексуальный юмор забавляет их намного больше, чем ранее. То есть идет ли речь о «личностной черте» или о «состоянии» (играет ли определяющую роль присущий человеку уровень агрессивности либо тот, который вызван экспериментальной манипуляцией), оба эти подхода опровергают взгляды Фрейда; в целом каков человек, так он и реагирует на шутки. Это означает, что отношение большинства людей к психологии вовсе не является выражением бессознательной враждебности; напротив — люди вполне осознанно считают, что с психологией что-то неладно и что психологам не стоит доверять; что психология, подобно двуликому Янусу, демонстрирует два совершенно разных лица, а это, в свою очередь, снижает доверие к ее притязаниям на статус «науки».

Такое отношение присуще не только обывателям; известный психолог Коффка¹ в одной из своих книг вспоминает о том разочаровании, которое он, будучи юным студентом, испытал, придя на психологический факультет с намерением изучать эмоции и личность, социальные установки и душевные болезни, а ему вместо этого было предложено заняться исследованием механизмов цветового восприятия. Многие студенты пережили подобное разочарование, которого не избежали даже некоторые более опытные и зрелые представители нашей профессии. В своей книге «Смысл и бессмыслица в психологии»² я указал на широкое распространение этой ши-

¹Коффка (Кoffка) Курт (1886—1941) — немецкий психолог, один из создателей оригинального научного направления — гештальтпсихологии, автор многих работ по различным вопросам психологии познавательных процессов, возрастного развития и др., ныне признанных классическими.

²В переводе на русский язык эта работа вошла в сборник трудов Айзенка «Психология: Польза и вред. Смысл и бессмыслица. Факты и вымысел» — Минск, 2003.

зофренической установки, которая делит психологию на экспериментальную и социальную — две сферы, представители которых не находят общего языка, публикуются в разных журналах и вряд ли вообще читают работы друг друга! Этот раскол детально задокументирован мною, для чего я специально изучал, что читают представители обоих лагерей, где они публикуют свои работы и кого цитируют. Но вскрытые мною факты даже не нуждаются в обсуждении; общественное мнение вынесло свой приговор задолго до того, как они были мною обнаружены. Однако проблема этим не исчерпывается — порча проникла гораздо глубже.

Неспособность двух сторон психологии к объединению препятствует достижению ею той необходимой целостности, которая характеризует подлинную науку. Большинство студентов-психологов, открывая первый в своей жизни учебник, бывают поражены тем фактом, что между главами не существует никакой взаимосвязи; каждая глава — посвященная восприятию, условным рефлексам, памяти, интеллекту, обучению, установкам или душевной патологии, — представляет собой совершенно самостоятельный раздел; главы можно читать в любом порядке, и разные преподаватели их зачастую в разном порядке и преподают. Факты и теории, представленные в одной главе, вовсе не выступают логическим предвосхищением тех, что будут изложены в следующей; вы заканчиваете одну главу и не находите в другой никакой преемственности — она повествует совсем о другом и совсем иначе. В разных учебниках материал представлен в разном порядке, и никакие разделы не выделяются как особо важные. Одни учебники начинаются с биологического введения (дающего студенту общее представление о физиологии, неврологии или анатомии), потом переходят к обстоятельному изложению экспериментальных исследований рефлексов и научения, восприятия и памяти и заканчиваются поверхностным освещением проблем личности, душевного нездоровья и социальной психологии. Авторы других учебников поступают совершенно наоборот, надеясь сначала привлечь студентов рассуждениями на «интересные» темы, и лишь затем переходят к более серьезным экспериментальным материалам. Оба подхода довольно спор-

ны и вряд ли имеют преимущества друг перед другом. Тем более, что были испробованы и иные подходы, и безуспешно.

В связи с этим возникает вопрос и о фундаментальных понятиях, лежащих в основе любой науки. Химия оформилась в самостоятельную науку на основе сформулированного Далтоном учения об атомах; чем была бы химия без атома? Вся биология основана на представлении о живой клетке. Генетика базируется на концепции гена. Таких примеров можно привести еще много, но в этом нет необходимости. Совершенно очевидно, что научной дисциплине необходимы такие фундаментальные, базовые понятия; где их найти для психологии? Некоторые в качестве такого понятия предлагают рефлекс, или условный рефлекс, но к этому предложению трудно отнестись серьезно — многие проблемы восприятия, или социальной психологии, или даже научения языку совершенно очевидно не могут быть сведены к образованию условных рефлексов, хотя некоторые явления и факты из этих областей и могут быть объяснены по законам образования рефлексов. Выдвигались и другие предложения, которые, однако, ни разу не вызвали большого энтузиазма и в итоге оказались забыты. В этой главе я попытаюсь предложить такую фундаментальную единицу, которая, на мой взгляд, вполне способна объединить разрозненные области психологии. Я также намерен продемонстрировать, как при помощи экспериментальной психологии можно решать социальные проблемы. Я, разумеется, не берусь утверждать, будто такое предложение словно по волшебству враз разрешит все проблемы, ранее мною обозначенные; однако оно, будучи правильно воспринято, способно направить любознательность и энтузиазм всех изучающих психологию в более достойное русло и послужить для психологии катализатором в обретении ею целостности.

Вкратце — далее эта идея будет изложена более подробно — я имею в виду, что такого рода фундаментальной единицей психологии является *личность*; это понятие, дабы выступить приемлемым с научной точки зрения, должно быть четко увязано с условиями, которые могут быть объективно наблюдаемы, точно измерены и подвергнуты качественному анали-

зу. Я также подразумеваю, что ни экспериментальная психология, ни научно достоверная социальная психология не могут обойтись без обязательного включения на самом фундаментальном уровне понятия личности. Я отдаю себе отчет, что это довольно сильное утверждение, и оно требует более подробного обсуждения, прежде чем его смысл станет окончательно очевиден. Основная идея, которую я последовательно отстаиваю с момента выхода в 1947 году моей первой книги («Измерения личности»), не принадлежит к числу тех, которые безоговорочно признаются большинством психологов; фактически я ухитрился сесть меж двух стульев — экспериментаторы отказываются признавать личность научным понятием, которое могло бы быть полезно в их работе, а социальные психологи отказываются использовать понятие личности, поскольку оно базируется на биологических основаниях и экспериментальных данных. Тем не менее я надеюсь, что мне удастся показать, каким образом можно проследить причинную последовательность, начиная с анатомических и физиологических структур мозга, через неврологические понятия вроде «возбуждения» и «висцерального мозга»¹ к индивидуальным различиям в способностях к обучению, в восприятии, в порогах сен-

¹«Возбуждение» — функция головного мозга, располагающаяся в континууме от сонливости и дремоты на одном полюсе до выраженной умственной активности на другом; обычно измеряется посредством электроэнцефалограммы (ЭЭГ), фиксирующей «мозговые волны», то есть электрическую активность мозга. Существуют убедительные свидетельства того, что возбуждение — неотъемлемый атрибут психической деятельности, и что оно, в свою очередь, порождается мозговой структурой, известной под названием ретикулярная формация. Показатели ЭЭГ, характерные для высокого уровня возбуждения, гораздо чаще отмечаются у интровертов. Эмоциональные реакции в значительной мере контролируются системой, в известном смысле независимой от центральной нервной системы и головного мозга, — ее часто называют «автономной нервной системой» в силу ее относительной независимости. Эта система управляется еще одной структурой ствола мозга, так называемым «висцеральным мозгом»; есть данные о ее повышенной активности у чувствительных и невротичных личностей. Система эмоциональной активации и корковая система возбуждения большую часть времени существуют независимо друг от друга, но когда человек испытывает сильные эмоции, это сказывается и на системе возбуждения. — Прим. автора.

сорной чувствительности и прочих явлениях, изучаемых экспериментальной психологией; это те «причинные» условия, с которыми может быть увязано понятие личности. Со стороны «следствий» мы имеем широкое разнообразие социальных феноменов — таких как неврозы, преступность, антисоциальное поведение в самом широком смысле, обучение, сексуальное поведение и установки, социальные установки в целом, а также более специфические типы поведения, как, например, заражение венерическими заболеваниями, рождение внебрачных детей, склонность к инцидентам или спортивные достижения. На схеме 1 в общем виде представлена эта логическая цепочка, которая начинается и заканчивается вполне очевидными, наблюдаемыми фактами, а в середине содержит исключительно важное, хотя и не наблюдаемое непосредственно понятие личности.

Очевидно, что понятие личности, необходимое для данной модели, нуждается в четкой дефиниции; данный термин используется во множестве разных смыслов даже самими психологами, так что любая конкретная дефиниция будет весьма произвольной. В современной психологии существует три основных концепции личности; не так уж трудно насчитать и гораздо больше, но помимо трех описанных ниже все остальные выступают либо производными, либо их придерживается такое небольшое число людей, что принимать во внимание и их было бы педантизмом. Две из названных концепций практически исключают сам термин из научного обихода, хотя и по разным основаниям. Давайте прежде всего рассмотрим подход немецких психологов философской ориентации; он часто определяется как «идиографический» и подразумевает, что каждый индивидуум уникален; этой уникальностью и определяется личность каждого человека; наука не в состоянии изучать уникальность с позиций своих общих законов, и в силу этого научное исследование личности невозможно! Это суждение основывается на верной посылке; как указывал еще Спиноза, все сущее неповторимо — даже моим старым домашним

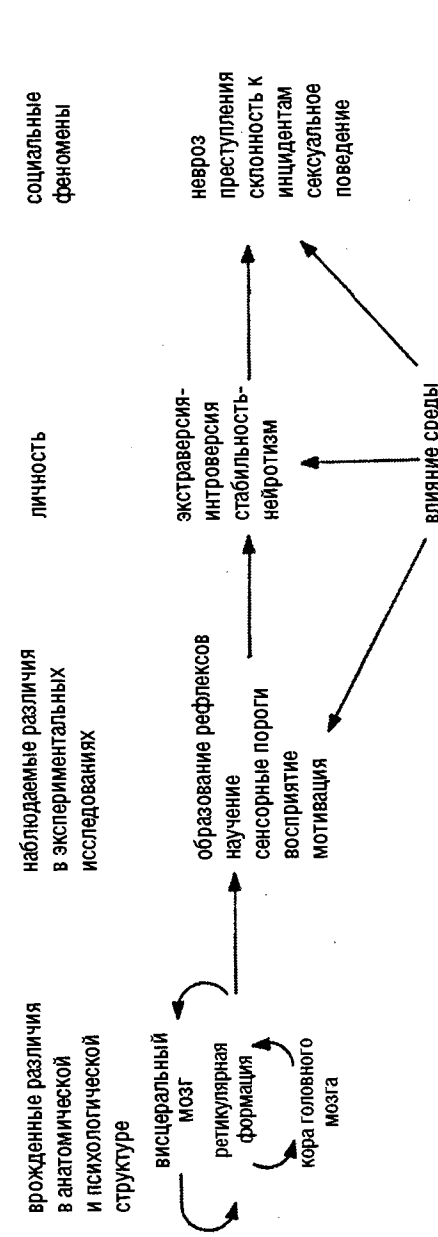

Схема 1. Пример, сильно упрощенный, может послужить для иллюстрации (но не доказательства) существования такой цепочки. Представьте человека, обладающего висцеральным мозгом, который заставляет его испытывать сильные, долго длящиеся эмоции, в особенности страх и тревогу, а также обладающего ретикулярной формацией, которая поддерживает постоянное высокое возбуждение в коре его головного мозга. Это возбуждение способствует образованию сильных условных реакций, и в силу этого в лабораторных условиях мы будем наблюдать, как этот человек демонстрирует выраженные физиологические реакции страха, например, на угрозу удара током; образующиеся при этом условные реакции будут прочными и сильными. У такого человека формируются личностные черты интроверта и потенциального невротика, и при неблагоприятных обстоятельствах он становится уязвим для невротического сыра с симптомами острой тревоги, фобических страхов, навязчивых действий, реактивной депрессии, и т.п. Напротив, отсутствие сильного коркового возбуждения не способствует образованию сильных условных реакций и порождает импульсивную личность, с большой вероятностью склонную к антисоциальному поведению. Доводы в пользу такого утверждения подробно рассматриваются в моей книге «Биологические основания личности»; здесь эти утверждения просто констатируются для иллюстрации смысла схемы.

тапочкам во всей вселенной не найти точного аналога. Это, однако, не помешало физике и химии достичь успехов в их попытках вывести некоторые верные универсальные закономерности, и само существование автомобилей, телевизоров, атомных бомб, пенициллина и прочих вещей, каждая из которых уникальна, указывает на несовершенство приведенного довода. Вы можете усомниться в том, что один автомобиль не является точной копией другого, однако примите во внимание такие переменные, как число молекул воздуха в каждой полости, точную (измеренную в ангстремах) толщину покраски в каждой точке, точное число капель топлива в баке или хотя бы пространственно-временные координаты каждой машины в конкретный момент, — совершенно очевидно, что идентичности тут нет, и она недостижима; мы можем лишь сказать, что две эти «вещи» достаточно схожи, чтобы рассматривать их как одинаковые для удобства использования общих законов. Иными словами, существующие различия не позволяют двум «вещам» быть абсолютно идентичными, однако для наших научных нужд эти различия совершенно не существенны. Истина доктрины уникальности сочетается с ее непригодностью для научных целей; ученый ищет общие закономерности, и коль скоро он их находит, становится возможно научное исследование отдельных феноменов. Нашел он или не нашел такие закономерности — вопрос эмпирический; мы не вправе на априорных основаниях считать его подход ошибочным — хотя он, конечно, и может быть таковым! В настоящее время существует достаточно фактов, однозначно демонстрирующих, что определенные общие закономерности человеческого поведения могут быть установлены; может ли такое обобщение быть распространено на все человеческое поведение — вопрос дискуссионный, который не может быть сегодня окончательно решен на эмпирических основаниях.

Результатом этих рассуждений является то, что хотя фундаментальный факт уникальности человеческой личности сомнению не подлежит, это вовсе не обязательно препятствует использованию данного понятия в научных целях, притом что

мы вкладываем в него некий ограниченный смысл и не понимаем, к какого рода общим закономерностям мы намерены его применить. Неоправданные обобщения исключаются; это предостережение должно быть нами учтено. Мы должны четко определиться в использовании термина и постоянно отдавать себе отчет, что мы рассматриваем некоторые группы людей как эквивалентные, то есть те характеристики, которыми они различаются, для нас не имеют значения.

Идиографическая точка зрения располагается на одном конце континуума, на противоположном конце которого находится то, что может быть названо необихевиористской точкой зрения, которой придерживается Скиннер¹ и его последователи, но которую также безотчетно принимает и большинство психологов-экспериментаторов. Согласно этой точке зрения поведение является функцией определенных условий, которыми мы можем манипулировать; если за нажатием на педаль следует подача пищи, то крыса научится нажимать на педаль. Изменяя время предоставления пищи (либо после каждого сотого нажатия, либо случайно, либо согласно какой-то иной системе), я могу добиться полного контроля над поведением крысы. Аналогично экспериментальная психология занята отысканием общих законов в соответствии с формулой: $a = (f)b$, где поведение a выступает функцией (природу которой еще предстоит исследовать) от стимула (или набора стимулов) b . Психология, удовлетворяющая требованиям науки, может быть построена на основании такого рода общих закономерностей; в нашем примере a (нажатие на педаль) является функцией b (подкрепления с помощью пищи), и все, что следует сделать исследователю, — установить точную функцию, экспериментируя с различными схемами подкрепления. Найдется ли в этой картине место для личности? Нет. Она оказы-

¹Скиннер (Skinner) Беррес Фредерик (1904—1990) — американский психолог, создатель концепции «оперантного бихевиоризма», значительно обогатившей психологию поведения; по результатам опроса членов Американской психологической ассоциации признан наряду с З. Фрейдом одним из самых влиятельных психологов XX века.

вается излишеством. Все организмы во всем мире, как будто они идентичные однояйцовые близнецы, ведут себя согласно законам, выведенным (или, если угодно, открытым) психологами. В «истории подкрепления» разных людей могут существовать некоторые небольшие различия (о крысах мы тут можем не беспокоиться, поскольку их история четко контролируется). Но эти мелкие различия при необходимости можно проигнорировать и в целом рассматривать организм, который исполняет свои функции согласно нашим законам. Это доктрина своего рода «пустого организма»; если для психолога, исповедовавшего идиографический подход, индивидуальность была самоценна и не поддавалась анализу, то для необиохевириста она как бы и вовсе не существует, по крайней мере не представляет для него интереса.

Эта идея не всегда очевидна; она проявляется в том, каким образом исследователь организует свои эксперименты. Предположим, он желает выяснить, в какой мере запоминание наизусть определяется степенью трудности заучиваемого материала. Он приглашает группу студентов (которым положено несколько часов на протяжении семестра участвовать в психологических экспериментах в качестве испытуемых), предъявляет им серии бессмысленных слогов или парных ассоциаций (например, *xig* — *riw*; в этом случае вам надо научиться говорить «*riw*» в ответ на предъявление «*xig*»), позаботившись о том, чтобы некоторые серии выучить было легко, а другие трудно. Серия может быть легкой — из-за высокой степени ассоциации слогов, либо трудной — из-за того, что один из бессмысленных слогов ранее образовывал пару с каким-то другим. В любом случае экспериментатор рассматривает среднее время, затраченное его испытуемыми на заучивание разных наборов, убеждается, что различия возникли не случайно, и делает вывод, что трудные наборы заучиваются медленнее, чем легкие. (Если вы, читатель, не верите, что столь удручающе банальные результаты составляют основное содержание многих психологических журналов, предлагаю вам наглядно в этом убедиться, несколько таких журналов пролистав.) Экспериментатор может также выяснить, что существуют большие ин-

дивидуальные различия во времени запоминания, даже среди такой элитной выборки, как университетские студенты; он может также обнаружить, что некоторые испытуемые запомнили трудные наборы довольно быстро; эти факты он быстро и беззастенчиво спишет по статье случайных отклонений, любезно представленной ему статистиками, — которая на самом деле задумывалась для отсеивания малозначимых отклонений, крайне редких при правильных условиях проведения эксперимента.

Беда большинства психологических экспериментов в том, что разброс ошибок не меньше, чем разброс результатов, запланированных экспериментатором (например, при изменении уровня трудности в описанном задании), — на самом деле он огромный и порой даже превосходит тот «основной эффект», который изучается. С помощью статистики с этим затруднением можно справиться, увеличив число испытуемых либо неоднократно повторив эксперимент; таким способом вы получаете результаты, которые принято описывать как «статистически значимые». Но эта уловка не устраняет основной недостаток всей работы — тот факт, что разные люди реагируют по-разному на один и тот же набор стимулов. Те, кого вы рассматривали словно однояйцовых близнецов, на самом деле оказались индивидуальностями, и шок от этого травматического эффекта настолько силен, что психологи-экспериментаторы полностью вытеснили его в бессознательное. Некоторые предложили расширить схему «стимул-реакция» ($S - R$) до «стимул-организм-реакция» ($S - O - R$), но немногие экспериментаторы это приняли и последовали данной рекомендации в лучшем случае на словах. Скиннер и его последователи не пошли даже на такой компромисс; как мы уже видели, для него организм выступает как «пустой». Такой радикальный подход принято оправдывать по двум основаниям. (1) Предполагается, что наука заинтересована в открытии универсальных законов; различия между индивидами противоречат этим законам и потому относятся к сфере допустимых погрешностей. (2) Индивидуальные различия проявляются исключительно в силу того, что экспериментальные переменные не были в достаточ-

ной степени проконтролированы; если же полностью управлять этими переменными, различия исчезнут. Ни то, ни другое не верно. Как мы увидим, индивидуальные различия существуют на вполне законных основаниях и в силу этого должны быть охвачены психологической наукой. И никогда еще не было показано — за исключением простейших случаев, — что лучшее управление устраняет индивидуальные различия; нередко усиление контроля их только усиливает!

Поясню это с помощью наглядного примера. Давайте зададимся вопросом, который экспериментатору показался бы довольно бессмысленным: «При запоминании бессмысленных слогов сказало бы на количестве ошибок, предшествующих безупречному заучиванию, то, что слоги предъявляются с интервалом в две или в четыре секунды?» В типичном эксперименте испытуемые были бы поделены на две группы; в одной группе задание сначала предъявлялось бы с одним интервалом, потом с другим. Во второй группе то же самое было бы проделано в обратном порядке. В результате выяснилось бы, что предъявление с двухсекундным интервалом порождает намного больше ошибок. Это звучит вполне здраво и совпадает с тем, чего мы могли бы ожидать; напряжение, вызываемое большой скоростью предъявления материала, затрудняет запоминание, или, может быть, необходимость быстро давать ответ действует обескураживающе. Однако продолжим наши рассуждения. Люди со всей очевидностью различаются между собой тем, насколько они уязвимы для возрастающей скорости предъявления материала; люди чувствительные, склонные к неврозам, вполне соответствуют нашему «объяснению». Давайте предъявим нашим испытуемым личностный опросник, отвечая на вопросы которого они расскажут о своих тревогах и беспокойствах; потом давайте сравним, какие результаты покажут нам те, у кого много «эмоциональных» и «невротичных» ответов, и те, у кого их мало. Результат показателен. Для уравновешенных индивидов не имеет значения, предъявляется материал с интервалом в две секунды или в четыре; в обоих случаях они делают в среднем 65 ошибок. А «невротичные» испытуемые (кавычки тут поставлены, чтобы подчеркнуть: речь

идет не о больных неврозом, а об абсолютно нормальных студентах, чьи ответы на опросник выявляют легкую склонность к эмоциональной нестабильности) при повышенной скорости делают вдвое больше ошибок, чем при замедленной, — 90 против 45. То есть мы обнаруживаем, что изменение условий на одних людей влияет, а на других нет — поэтому никакие обобщения тут невозможны. Мы выяснили, что эти различия — не случайные эффекты, напротив, они имеют свое значение и вполне предсказуемы — эксперимент фактически и был поставлен для проверки этой гипотезы. Эффект высокой степени «нейротизма» не может считаться благоприятным или неблагоприятным — тут все зависит от обстоятельств. «Невротики» лучше уравновешенных испытуемых выполняют задания в условиях, которые не вызывают беспокойства, — например, когда их не тревожит недостаток времени; но они снижают результаты, по сравнению с уравновешенными испытуемыми, когда условия усложняются. Все эти важные открытия наши экспериментаторы поспешно «замели бы под ковер», назвав статистическими погрешностями, и забыли бы про них; все, что нам сообщили бы, — что окончательный отчет содержит универсальную истину о преимуществе длинных интервалов над короткими при заучивании; такое утверждение верно лишь отчасти и вносит серьезную путаницу в интерпретацию данной сложной ситуации.

Внимание к личности как к важной переменной позволяет нам выявить в эксперименте дополнительные факты, серьезно снизить процент погрешностей и с гораздо большей долей вероятности предсказывать поведение индивидов. За счет этого мы можем предположить (с известной осторожностью, разумеется!), что школьники с высоким показателем *N* (эмоциональности) будут, вероятно, более успешно решать рутинные арифметические задачи и снизят результаты, столкнувшись с оригинальными задачами; или что эти дети более успешно будут проходить испытания на выбор ответов, чем на самостоятельную формулировку ответов. (Оба эти предположения уже нашли экспериментальное подтверждение.) Наконец, расширение эксперимента за счет включения в него личностных пе-

ременных позволяет нам подвергнуть проверке теории, касающиеся природы научения или тревожности, а также позволяет дать достойный ответ тем, кто считает личностные опросники бесполезными на том основании, что ответы на них якобы легко симулировать и что дети (или взрослые — какая разница!) сами себя не знают. Разумеется, они знают себя достаточно, чтобы сделать возможной проверку экспериментальных гипотез, и они не способны сфальсифицировать результаты настолько, чтобы это повлияло на ход эксперимента.

Даже у крыс есть индивидуальность; то, что можно сказать про одну крысу, необязательно будет верно для другой. В одном эксперименте изучался вопрос о влиянии алкогольных паров на степень активности крыс; это кажется довольно простой и легко решаемой задачей. Однако исследователь столкнулся с тем, что у двух крыс из шести пары повысили активность, у двух других понизили, и еще у двух активность не изменилась. Вот какова на самом деле цена теории «однойцовых близнецов» — ясно, что в ходе эксперимента можно получить любой желаемый результат, если подобрать соответствующих испытуемых — людей или животных. (Не будем забывать, что испытуемые для психологических экспериментов в большинстве случаев тщательно отбираются; случайные выборки практически никогда не исследуются. Вместо этого приходится полностью полагаться на умных, искушенных студентов, сильно замотивированных и полных идей насчет эксперимента, в котором их пригласили участвовать, — и как можно делать обобщения на основе опытов над такой крайне специфической выборкой?) Было даже высказано предположение, что некоторые острые теоретические расхождения между двумя научными лагерями в области теории научения были вызваны не подлинными различиями, а тем простым фактом, что одна из сторон дискуссии изучала крыс, вскормленных таким образом, чтобы вырастить их «эмоциональными», а другая работала с «безэмоциональными» крысами! Вот к чему приводит игнорирование индивидуальных различий, даже когда речь идет о крысах!

Если психологи-экспериментаторы уязвимы для критики, то то же самое можно сказать и про социальных психологов — они совершают ту же самую ошибку. Вопросы, которыми они задаются, практически всегда формулируются в универсальных терминах. Социологи интересуются: порождают ли разводы рост преступности? Педагоги спрашивают: что лучше — поощрение или наказание — для мотивации школьников? Психиатры задаются вопросом: лучше ли психотерапия, чем социодрама? Но это бессмысленные вопросы, и эти проблемы не имеют универсального решения. Для одного типа людей эффект может быть один, для другого — другой. Экспериментально установлено, что дети-экстраверты лучше стараются, когда получают только поощрение; детей-интровертов сильнее мотивирует порицание. Точно так же тревожные дети реагируют иначе, чем дети спокойные. Пациенты психиатров по-разному реагируют на разные типы лечения; существуют убедительные свидетельства того, что высоко тревожные пациенты, страдающие фобиями, лучше реагируют на так называемую импловзивную терапию, тогда как менее тревожным пациентам с фобиями лучше помогает десенсибилизация¹. Разводы по-разному влияют на разных детей; и тут никакое обобщение не возможно. Социальные психологи нередко на словах соглашались с такими соображениями, однако это практически никак не сказывается на их собственной работе.

¹Импловзивная терапия и десенсибилизация представляют собой две разновидности лечения реакций страха — таких, как фобии. В первом случае пациенту на протяжении долгого времени демонстрируют предмет его страхов, при этом возникает сильное беспокойство и боязнь; излечение достигается за счет того, что в итоге пациент (или его автономная система!) осознает, что ничего ужасного или хотя бы опасного с ним не происходит вопреки тому, что он видит. Или просто наступает привыкание — невозможно испытывать сильнейший страх очень долгое время. При десенсибилизации предмет или ситуация, которой боится пациент, предъявляется ему постепенно в обстановке полного расслабления; любых сильных эмоций при этом избегают, и пациент постепенно учится иметь дело с предметом своих страхов во все более и более угрожающей форме. Обе формы терапии продемонстрировали свою достаточную эффективность, однако до сих пор не стихает спор о том, какая предпочтительнее и почему одна оказывается успешнее в одних случаях, а другая — в других. — *Прим. автора.*

Несмотря на все сказанное, в бихевиористских аргументах есть немало здравого смысла. Некоторые экспериментальные результаты настолько общие и универсальные, что индивидуальные различия тут роли не играют; некоторые закономерно, выведенные из «средних» значений, могут быть очень полезны и правильны. Голодные люди (и крысы!) станут искать пищу, жажда вызовет поведение, направленное на поиск питья. Но таких универсальных обобщений совсем немного, и, кроме того, вряд ли они представляют собой великие открытия. Настоящие важные открытия были все-таки сделаны, и я вовсе не намерен бросать тень на все экспериментальные исследования. Тем не менее факт остается фактом — в большинстве случаев индивидуальные различия играют важную роль, но игнорируются ради подтверждения выдвинутых экспериментаторами гипотез.

Но если мы намерены ввести «личность» в качестве переменной как в экспериментальную, так и в социальную сферу, то как нам выявить те важные переменные, которые мы ищем? Термин «личность» сам по себе слишком общий, чтобы выступить чем-то еще, кроме ориентира для исследований; его необходимо детально проанализировать, прежде чем мы сможем его использовать. А использование возможно посередине между двумя крайностями, которые я критически описал; личность ни настолько уникальна, какой она видится сторонникам идиографического подхода, ни столь универсальна, как кажется бихевиористам. Вместо этого я предлагаю обратить внимание на определенные свойства личности, которые существенны для решения волнующих нас вопросов; это такие измерения, в соответствии с которыми людей можно различать по степени их выраженности — от низкой до высокой, и на основании которых можно выделить типологию — наподобие экстраверсии — интроверсии. Таким образом мы подразделяем все человеческое сообщество на группы, относительно однородные по определенным признакам, которые согласно нашей теории являются существенными и неизменными; а возникла ли теория, в соответствии с которой мы избираем данные измерения, в результате экспериментов — это вопрос

эмпирический. Бессмысленно настаивать, как это делают многие психологи, что такая программа исследований является насилем над человеческой индивидуальностью или что она вносит излишнюю сложность в данную область; лишь на основании фактов можем мы решить, правильна или нет данная программа и является ли она подлинным вкладом в психологию. Априорные рассуждения в науке должны быть преданы анафеме; слишком много времени прошло с тех пор, когда философ Гегель заявил как об очевидном факте, что не может существовать больше семи планет, и это утверждение считалось аксиомой до тех пор, пока не была открыта восьмая планета. Конечно, может оказаться не так-то легко выявить самые полезные параметры и точно их измерить, а также интегрировать их в общую теорию, которая включала бы и социальную, и экспериментальную психологию; тем не менее награда за успех в этом деле будет стоить пролитого пота.

Теория, которая кажется в данном случае подходящей, — та, что восходит к глубокой древности, хотя для современных нужд она и требует значительного обновления. Учение о четырех темпераментах — холерическом, сангвиническом, флегматическом, меланхолическом — восходит к древнегреческому врачу Галену, жившему во втором веке нашей эры; Иммануил Кант ввел его в обиход во всех просвещенных гостиных Европы, построив на его основании обсуждение проблемы личности в своей «Антропологии». Вильгельм Вундт¹, которого иногда называют отцом современной психологии, проделал основную необходимую реконструкцию; он исключил фундаментальное заблуждение античности, указав, что было бы абсурдом считать эти четыре типа взаимно исключаящими и относить людей либо к одному, либо к другому. Вместо этого он заявил, что меланхолики и холерики относятся к эмоциональному типу, а флегматики и сангвиники к неэмоциональному; таким образом люди подразделялись по признаку эмоциональ-

¹Вундт (Wundt) Вильгельм Максимилиан (1832—1920) — немецкий философ и психолог, в 1879 г. основал при Лейпцигском университете первую в мире лабораторию экспериментальной психологии, преобразованную впоследствии в Психологический институт.

ности. Холерики и сангвиники были названы изменчивыми (экстравертами, как сказали бы мы), тогда как флегматики и меланхолики — неизменными (интровертами); за счет этого людей оказалось также возможным подразделять по еще одному измерению экстраверсии — интроверсии. Таким образом, мы имеем два протяженных измерения, а не четыре независимые категории; изначальные четыре типа теперь располагаются в четырех квадрантах, образованных осями этих измерений в виде креста, с исключительно эмоциональными и неэмоциональными людьми на полюсах одной оси и преимущественно экстравертированными и интровертированными людьми на концах другой, как это показано на схеме 2. Таким образом, холерики — это эмоциональные экстраверты, меланхолики — эмоциональные интроверты. Эта схема, претерпев лишь небольшие исправления, выдержала проверку временем; почти не существует таких хорошо организованных исследований личности, которые при использовании надежных тестов и опросников не столкнулись бы с измерениями, описанными выше. Обзор многочисленных исследований такого рода дан мною в книге «Структура личности»; позвольте мне здесь ограничиться лишь констатацией факта, без подробного его освещения. (Многие исследователи, правда, использовали иные названия для этих двух факторов или измерений; Р.Б. Кеттелл¹ экстраверсию — интроверсию называет «эксивия» и «инвия», а эмоциональность, или нейротизм, именуется «тревожностью»; иные психологи использовали и другие названия. Но это не важно — ведь названия присваиваются произвольно, хотя, конечно, умножение терминов может приводить к путанице.)

Теории Галена, Канта и даже Вундта основывались на наблюдениях, и хотя бы в силу этого не так уж они и плохи. Однако нецеленаправленное наблюдение в науке доверия не вызывает, нам необходима объективность и возможность точного измерения. Что на самом деле гласит теория? Ею предполагается, что определенные черты — такие как общительность, им-

¹Кеттелл (Cattell) Раймонд Бернард (1905—1998) — английский психолог, создатель оригинальной теории личности и основанного на ней 16-факторного личностного опросника (16PF).

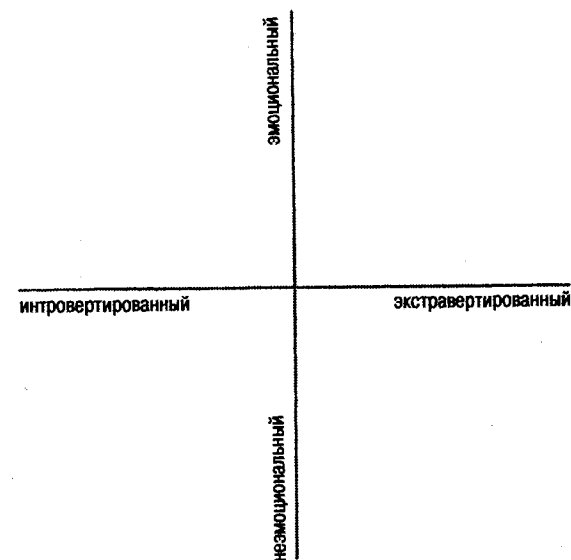

Схема 2.

пульсивность, разговорчивость, живость, активность и пр. — обычно сопутствуют друг другу; этот эмпирический факт предполагает существование некоего обобщающего понятия — такого как «экстраверсия». Таким образом, типы основываются на наблюдаемых взаимозависимостях, существующих между отдельными чертами; имеется в виду не то, что любой человек может быть либо крайним экстравертом, либо глубоким интровертом, а то, что каждому может быть найдено соответствующее место в континууме.

Действительно, продемонстрировано, что большинство людей располагаются между крайними точками, и кривая их распределения во многом напоминает те, которые выстроены по параметрам роста, веса или интеллекта. То же самое справедливо относительно эмоциональности, или нейротизма. Подтверждают ли теорию факты? Ответ состоит в том, что сотни исследований, проводившихся не только в Европе или

США, но также в Японии, Индии и иных неевропейских культурах, предоставили убедительные свидетельства того, что данные понятия имеют очень широкое распространение; назвать их универсальными было бы, наверное, преувеличением, поскольку многие группы исследованию не подвергались (такие, как, например, эскимосы или бушмены), но такого рода исключения имеют относительно небольшое значение, так что ими даже можно пренебречь. Описанные измерения, таким образом, вполне могут считаться характеристиками всего человечества, и их исторические проявления позволяют считать их присущими даже древним грекам и римлянам, жившим две тысячи лет назад.

В большинстве исследований используются количественные оценки, даваемые испытуемым наблюдателями на основе их поведения — либо поведения вообще, либо в специально организованных экспериментальных ситуациях. Так, если вас интересует, скажем, настойчивость, то вы можете попросить учителей, родителей и одноклассников оценить настойчивость определенной группы мальчиков и девочек в их повседневной жизни, в школьных и спортивных занятиях и т.п., либо вы можете попросить выполнить соответствующий тест, который неявно для детей позволит оценить их настойчивость. Например, вы можете задать им тест для проверки интеллектуальных способностей и замерить время, затрачиваемое на решение каждой задачи; если при этом вы задаете слишком трудную задачу, превосходящую возможности детей, то время, которое они затратят на ее решение, прежде чем откажутся от нее, и будет такой мерой. Или вы можете измерить их мышечную силу с помощью динамометра, а потом попросить сжимать динамометр вполсилы настолько долго, насколько они могут. Таким образом, уравнивая их по параметру силы, мы можем считать время удержания мерой настойчивости. Такие «миниатюрные жизненные ситуации» хорошо коррелируют друг с другом, а также с внешними оценками; в сумме такие измерения обеспечивают достаточно адекватное представление о тех или иных человеческих чертах. Они также хорошо согласуются с

данными опросников, то есть с самооценкой испытуемыми их собственной личности. Тут, конечно, не исключена фальсификация, и такого рода фальсификация нередко имеет место, когда обследуемый человек заинтересован выставить себя в лучшем свете — например, когда заполняет опросник при приеме на работу. (В книге «Человек организации»¹ описываются некоторые правила, используя которые претендент может перехитрить опросник; правда, большинству людей знание этих правил не очень-то и нужно, поскольку они прекрасно справляются и сами. В силу этого разного рода опросники представляются крайне ненадежным способом профессионального отбора.) Когда же такая мотивация отсутствует, люди предстают удивительно искренними и проницательными; в свое время я сам был скептически настроен в отношении опросников, но получаемые результаты заставили меня изменить это мнение. Подобные опросники обеспечивают вполне достоверные результаты при условии, что они правильно составлены, их валидность² проверена, и предъявляются они в соответствующих условиях. Соблюдение этих требований абсолютно необходимо; бессмысленные опросники под названиями вроде «Хороший ли вы муж?» или «Довольны ли вы своей интимной жизнью?», которые так любят публиковать бульварные газеты, никакой практической ценности не имеют.

Порой говорят, будто результаты подобных исследований не имеют научной ценности, потому что приводят рассуждения в замкнутый круг; провозглашается, что психология «черт» ничего не добавляет к древней доктрине инстинктов.

¹Книга «Человек организации» американского автора Уильяма Уайта увидела свет в 1956 г. и с той поры неоднократно переиздавалась на Западе (последнее издание — 2002 г.). В ней дан блестящий социологический портрет «корпоративного винтика», в которого вопреки своей воле превращается современный человек, а также даны некоторые рекомендации по сохранению своего достоинства и индивидуальности.

²Валидность (в психодиагностике) — соответствие измерительного инструмента измеряемой характеристике; важное качество психометрических методов, каковыми выступают разнообразные тесты, опросники и т.п.

Принято считать, что, когда человек в своем поведении придерживается социально приемлемых правил, это происходит благодаря «инстинкту» общительности; когда же он ведет себя враждебно, это приписывается «инстинкту» агрессивности. И что же является свидетельством этих общепризнанных инстинктов? Лишь тот очевидный факт, что люди порой ведут себя то доброжелательно, то агрессивно! Понятно, что это само по себе ничего нам не объясняет. Не является ли обращение к личностным чертам столь же бесполезным? Безусловно, мы выводим представление о такой черте, как общительность, из наблюдений над тем, предпочитает ли человек отправиться на вечеринку или скоротать вечер дома за чтением, нравится ли ему разговаривать с другими людьми, чувствует ли он себя несчастным, оставшись в одиночестве. Само по себе это не позволяет нам объяснить его социальное поведение в терминах данной черты; нам ничего не известно о причинных элементах той или иной ситуации, то есть мы не можем объяснить, почему одни люди ведут себя так, а другие иначе. Но это и не является целью психологии черт. Описание предшествует причинному анализу; прежде всего нам необходимо знать, что нам следует объяснить, и лишь потом появляется надежда на достоверное причинное объяснение. Возьмем, к примеру, общительность: детальные исследования продемонстрировали, что это не одна черта — их существует по крайней мере три, причем независимых друг от друга. Интроверты необщительны, поскольку мало интересуются другими людьми, однако в ситуациях общения они могут вести себя вполне адекватно, если чувствуют, что это необходимо. Невротики понимают, что это от них требуется, но они боятся других людей, боятся выставить себя на посмешище. Люди с психотическими склонностями не любят других и потому стараются держаться от них подальше. Имея описание этой ситуации, мы уже можем позволить себе выдвинуть причинную гипотезу; простое упоминание об «общительности» не позволило бы нам продвинуться в наших рассуждениях. Не преувеличивая успехи, достигнутые в статистическом анализе личностных черт, мы можем с доста-

точной уверенностью утверждать, что сумели подняться над уровнем обыденного здравого смысла и достигли успеха на первой, описательной фазе нашего исследования.

С помощью такого описательного подхода мы получаем двухмерную картину человека, который оказывается помещен в некоторой точке пересечения двух измерений — экстраверсии — интроверсии и эмоциональности — стабильности. Многим, в том числе и психологам, такая картина кажется чрезмерным упрощением и вызывает у них насмешки над теми, кто пытается с помощью такой простой монохроматической картины представить природу человека «во всем ее многообразии». Однако это, безусловно, не является нашей целью; психолог не состязается с художником в отражении жизни. Его целью является анализ, который по большей части художнику чужд, а анализ подразумевает выделение некой определенной черты из бесчисленного множества других и последовательное ее изучение. Анализ означает попытку объяснить таинственное очарование радуги в терминах теории преломления световых лучей, что и было проделано в экспериментах Ньютона. Вспомним при этом негодование Гете¹ и его безуспешные попытки опровергнуть Ньютона, продиктованные свойственным поэту недопониманием задач, стоящих перед ученым. Анализ потребовал от Менделя сведения бесконечного разнообразия и сложности наследственных механизмов к простому подсчету гладких и сморщенных горошин в потомстве двух сортов растений. Над ним, естественно, посмеялись, и никто — даже его коллеги ученые — не принял его всерьез, поскольку всех интересовала наследственность в целом, а не замер какой-то конкретной особенности. Тем не менее именно Ньютон и Мендель оказались правы, а Гете и прочие критики неправы; у науки свои законы и методы, которые недопустимо оценивать по меркам, науке не присущим. Если вы предпочитаете поэзию —

¹И.В. Гете помимо блестящих литературных сочинений принадлежат также труды по теории цвета — весьма, впрочем, уязвимые для критики с естественнонаучных позиций.

обратитесь к Шекспиру или Гете; психология и не пытается с ними соперничать. Но если вы стремитесь к *научному* пониманию того, почему люди ведут себя так или иначе, то в этом только психология, сколь бы ни были скромны ее достижения, может оказать вам помощь.

Однако большинство людей, что бы они ни говорили, на самом деле и не стремятся к научному пониманию человеческой природы. Им гораздо милее великий выдумщик З. Фрейд или сказочник К.Г. Юнг, чем те, кто, подобно Кеттеллу или Гилфорду¹ требует от них понимания алгебры матриц, знания физиологии нервной системы и проводит настоящие эксперименты, а не довольствуется пересказом забавных анекдотов, насыщенных сексом историй болезни и спекулятивных рассуждений. В конце концов, Эдипов комплекс или зависть к пенису² — гораздо более удобные темы для послеобеденной беседы, чем ретикулярная формация или матрица Грама. Поэты и драматурги также с энтузиазмом развивают идеи, которые они усматривают в природе и которые кажутся им соответствующими духу их творчества; а поскольку и публика с готовностью откликается на эти идеи, они с восторгом играют в интерпретации и символизации, нисколько не заботясь, существует ли тому какое-то фактическое обоснование. По сути дела критерием научности той или иной теории человеческой природы может считаться ее стремление охватить жизнь во всех ее проявлениях; если она развивается в этом направлении — она не научна. (Обратное утверждение необязательно справедливо; теория может пытаться решать сугубо частные задачи и при

¹Гилфорд (Guilford) Джой Пол (1897—1976) — американский психолог, один из лидеров психометрического направления в исследованиях мышления и личности, автор трехмерной теоретической модели структуры интеллекта («Куб Гилфорда»).

²Ключевые понятия психоанализа З. Фрейда. Эдипов комплекс, по Фрейду, формируется у мальчика в результате вытеснения в раннем детстве влечения к матери и, соответственно, враждебности к отцу как к сопернику; зависть к пенису — проявление якобы присущего всякой женщине безотчетного чувства неполноценности в связи со своим анатомическим «несовершенством».

этом быть полной чушью.) Представленная выше двухмерная теория, безусловно, не берется решать все задачи, какие нам хотелось бы; тем не менее, как мы увидим далее, она все-таки решает некоторые из них, причем очень важные. Не упрекаем же мы Ньютона в том, что его теория всемирного тяготения не объясняет явления электричества; данная теория покрывает лишь небольшую часть поистине необъятной территории. Если теория соответствует известным фактам, способна предсказать появление новых и может обеспечить такое воздействие на окружающий мир, которое позволяет им в какой-то мере управлять, то логично предположить, что она заслуживает доверия и можно позволить ей благополучно существовать до тех пор, пока на смену ей не придет лучшая теория. Но одного нашего желания для возникновения такой теории недостаточно — над нею надо как следует поработать. Все научные теории проходят этап, на котором их достижения весьма скромны. Химикам на заре становления их науки пришлось выдержать нелегкую конкуренцию с алхимиками, всячески превозносившими свое искусство; точно так же астрономам пришлось бороться с амбициями астрологов. Кем алхимики и астрологи выступали по отношению к химикам и астрономам, тем психоаналитики выступают по отношению к психологам; любой науке приходится пройти испытание шарлатанством.

Это довольно сильное утверждение — насколько оно обосновано? Свидетельства в пользу такого моего убеждения я уже не раз освещал очень подробно, поэтому здесь не стану уделять этому слишком много места, так как опасаясь утомить читателя, знакомого с моими научно-популярными работами или тем более с моими научными трудами¹. Тем не менее вкратце мои критические соображения о фрейдистской доктрине будут здесь изложены — для тех, кто с моими аргумента-

¹Критике психоанализа посвящено несколько работ Г.Ю. Айзенка, в частности широко известная на Западе книга «Упадок и крах фрейдистской империи» (1985), давшая толчок лавине критических публикаций.

ми не знаком; остальные могут пролистать несколько следующих страниц, не читая. Прежде всего следует отметить, что первоначально психоанализ был представлен общественности как метод лечения невротических расстройств, а также как теория, объясняющая происхождение таких расстройств. Эта теория, претерпевшая со временем лишь незначительные изменения, достаточно широко известна, и я позволю себе воздержаться от ее подробного пересказа и ограничиться лишь некоторыми ключевыми моментами. Для психоаналитика невротические симптомы — это наблюдаемые проявления внутренних комплексов, вытесненных в сферу бессознательного, но слишком сильных, чтобы быть окончательно подавленными. Эти комплексы уходят корнями в детские годы и связаны с Эдиповым комплексом — этим краеугольным камнем психоанализа. Лечение состоит в раскрытии ранних детских переживаний, послуживших основой невроза.

Лечение такого рода осуществляется уже много десятков лет, и тысячи психиатров и психоаналитиков практикуют его во всех странах цивилизованного мира. Можно предположить, что за столь долгое время накоплено достаточно вполне определенных данных, касающихся эффективности такого рода психотерапии. Однако — и это весьма интересно отметить, — дело обстоит совсем иначе. Психоаналитики всегда предпочитают уйти в тень, когда поднимается вопрос об успешности или безуспешности практикуемого ими лечения. И это резко контрастирует с тем впечатлением, которое они вольно или невольно пытаются произвести, настаивая на том, что их метод — единственный, обеспечивающий долгосрочные положительные результаты в данной области. Что обычно делают психоаналитики — публикуют индивидуальные истории болезни, преимущественно такие, в которых пациент пошел на поправку, и это должно служить подтверждением системы в целом. Такого рода аргументы представляют собой классические примеры заблуждения, основанного на формуле *после того — значит вследствие того*. Тот факт, что некоему пациен-

ту, Джону Доу¹, который страдал от фобии, через четыре года после начала психоаналитического лечения стало лучше, еще не является доказательством того, что Джон Доу пошел на поправку *вследствие* психоаналитического лечения, и рассуждать таким образом настолько абсурдно, что я даже не стану на эту тему распространяться. Нет такого метода лечения, начиная с молитвы и кончая ледяными ваннами для невротиков, от гипноза до кровопускания, который бы не обосновывался теми же аргументами, что и доводы психоаналитиков, и не превозносился бы на основании подобных случаев «излечения». Совершенно очевидно, что оценка притязаний того или иного метода психотерапии — дело сложное, требующее особой искушенности.

Самое явное затруднение возникает в связи с проблемой так называемой *спонтанной ремиссии*. Хорошо известно, что нередко невротические расстройства проходят вовсе без какого бы то ни было формального лечения; на самом деле это можно утверждать по поводу большинства случаев. Они также, бывает, проходят после совсем иного лечения, которое, с точки зрения психоанализа, должно бы быть совершенно бесполезным. Хорошим примером выступает известное исследование Денкера, охватившее пять сотен тяжелых невротиков, которые даже получали пенсии по нетрудоспособности вследствие своих неврозов. Никто из этих пяти сотен не получал никакого психоаналитического лечения, напротив — будучи заинтересованы в пенсиях, они были не настроены расставаться со своим недугом. Тем не менее двое из трех в этой выборке полностью излечились за два года, не получая иного лечения, кроме успокоительных таблеток и ободряющих бесед с терапевтами общего профиля. По прошествии пяти лет количество излечившихся достигло 90%. Существует много других иссле-

¹Джон Доу — принятое в английском языке условное наименование лица мужского пола, чье имя неизвестно или по тем или иным причинам не оглашается.

дований, подтверждающих: невротические расстройства, как правило, проходят сами собой, какими бы тяжелыми они ни были, и не длятся более двух-трех лет даже в отсутствие всякого лечения либо при лечении, осуществляемом людьми без психиатрической или психоаналитической подготовки.

Для доказательства своей эффективности психоанализу следовало бы прибегнуть к более убедительным аргументам. Если в результате психоаналитического лечения люди выздоравливают не быстрее и не чаще, чем безо всякого лечения, то всем амбициям психоанализа грош цена. Можно, правда, ожидать позитивных результатов от психоанализа даже вопреки тому, что как метод он в действительности не эффективен. Причина этого может быть следующая. Психоаналитики в основном занимаются лечением состоятельных и достаточно интеллигентных пациентов, более того — они намеренно выбирают таких, кому лечение с большей вероятностью пойдет на пользу. В силу этого процент исцеленных среди их пациентов должен быть выше, чем в никоим образом не отобранных группах, для которых установлен уровень спонтанной ремиссии. Но объективные данные со всей очевидностью свидетельствуют: пациенты психоаналитиков если и выздоравливают, то реже, и времени на это уходит больше. К такому выводу можно прийти, обобщив данные разных психоаналитиков и психоаналитических учреждений, касающиеся их пациентов. Причем данные эти принимаются за чистую монету, хотя и не оставляет опасение, что каждый психоаналитик склонен их преувеличивать в свою пользу, и при независимом обследовании пациентов они могли бы быть иными.

Конечно, такого рода сравнение по многим позициям уязвимо для критики. Нельзя быть уверенным, что представители разных групп действительно страдают одинаково серьезными расстройствами; также нельзя быть уверенным, что разными людьми используются одни и те же критерии для определения понятий «лечения» и «излечения». И по тому, и по другому поводу можно было бы еще сказать многое, но, как бы мы ни бы-

ли расположены склонить чашу весов на психоаналитическую сторону, никакие известные данные никаким образом не могут быть интерпретированы в пользу психоанализа. И этот вердикт подтверждается несколькими серьезными экспериментальными исследованиями, в которых пациенты, подразделенные на группы, получали разного рода лечение либо не получали его вовсе. Результаты этих исследований наглядно свидетельствуют: в сравнении с иными видами лечения или отсутствием лечения психоанализ не имеет никакого особого эффекта. Таким образом, результаты психоаналитического лечения никак не подтверждаются экспериментальными данными.

Можно предположить, что в отношении детей психоанализ обладает определенными преимуществами, поскольку дети более подвержены влиянию и в силу этого легче излечиваются. Однако и тут знакомство с обширной литературой демонстрирует нам картину, идентичную той, что мы наблюдаем и у взрослых. Не существует никаких убедительных свидетельств того, что детский психоанализ оказывал бы какой-то эффект на невротические симптомы, наблюдаемые у детей.

В 1952 году я опубликовал небольшую статью, в которой привел эти данные и сформулировал вывод, к которому они, по моему мнению, естественным образом подталкивали, — что психоанализ потерпел крах в попытках доказать свою способность оказывать благотворное влияние на людей, страдающих невротическими расстройствами. Эта довольно короткая статья, содержание которой в основном составляли конкретные факты, вызвала шквал возражений, критики, споров и дискуссий. Примечательно, однако, что во всем этом потоке не прозвучало ни единого примера экспериментальной или клинической проверки, которая продемонстрировала бы положительный эффект психоаналитического лечения. Напротив, в последующие годы многие психоаналитики умили свои притязания относительно терапевтической эффективности психоанализа. В качестве одного из многих примеров можно

привести Гловера¹, который в своей последней книге, похоже, вообще отказался от таких притязаний; председатель Комитета по сбору фактов (Fact Finding Committee) Американской психоаналитической ассоциации откровенно заявил, что Ассоциация не располагает никакими позитивными свидетельствами такого рода, и отказался от всяких утверждений о терапевтической пользе; Шмидеберг и многие другие практикующие психоаналитики в своих публикациях приходят к таким же выводам. Легиону восторженных почитателей, не знающих как следует психоаналитической практики и не ведающих о существовании множества экспериментальных работ, остается лишь верить в эффективность психоанализа, никем и никак не подтвержденную.

Читатель, однако, может задаться вопросом: отчего же, вопреки очевидной несостоятельности психотерапии, среди людей, прошедших такое лечение, находятся те, кто готовы заявить, будто они успешно излечились? По-моему, ответ может подсказать знаменитый эксперимент американского психолога Б.Ф. Скиннера. Он на 12 часов оставил в клетке группу голубей, позаботившись лишь о том, чтобы с определенными интервалами в клетку просыпалось по несколько зернышек корма. Явившись поутру в лабораторию, Скиннер обнаружил, что птицы ведут себя очень странным образом. Один голубь то и дело подпрыгивал на одной лапке, другой кружил по клетке, отставив в сторону одно крыло, остальные изо всех сил вытягивали шею. Что же произошло? Птицы, обследуя окружающую обстановку, совершали разнообразные движения, иногда совпадавшие с подачей корма. Голубь, — который, разумеется, не может оценить несостоятельность формулы *после того — значит вследствие того*, — воображал, что движение, предше-

¹Гловер (Glover) Эдвард (1888—1972) — английский психоаналитик, один из пионеров психоаналитического движения в Великобритании, оказавший существенное влияние на формирование Британского психоаналитического общества (1924).

ствовавшее поступлению корма, на самом деле *вызывало* появление зернышек, и, соответственно, начинал снова и снова повторять данное движение. Когда наконец высыпалась новая порция пищевого поощрения, голубь окончательно убеждался в причинной зависимости и в последующие часы то и дело повторял свое движение, периодически подкрепляемое пищей. Если отказаться от антропоморфистской терминологии¹ и воспользоваться более строгим языком, можно сказать, что у голубя в результате подкрепления сформировался рефлекс — осуществлять определенное движение ради определенного вознаграждения. Нет ничего таинственного в этом эксперименте, который Скиннер назвал «Исследование возникновения суеверий», и его результаты мы можем непосредственно уподобить тому, как и у пациентов, и у самих психоаналитиков возникает и крепнет убеждение в эффективности психоаналитического лечения.

Невротикам становится лучше независимо от лечения; это улучшение получает подкрепление — подобно корму для голубей. Действия психотерапевта столь же неадекватны, как и поведение голубя в экспериментальной ситуации. Подкрепление происходит совершенно независимо, тем не менее оба оказываются от него в зависимости; таким образом возникает «суеверие» — как у голубя, так и пациента, и в этом смысле они не сильно отличаются друг от друга. То же самое справедливо и для терапевта — для него подкреплением выступают заявления пациента об улучшении. Это происходит независимо от его действий, но поскольку это воспоследует им по времени, формируется условный рефлекс. Не существует никаких опубликованных свидетельств, которые опровергали бы данную гипотезу, зато немало таких, которые ее подтверждают.

Нередко утверждается, что психоанализ представляет со-

¹Антропоморфизм — наделение человеческими свойствами предметов и явлений живой и неживой природы, в частности — склонность объяснять инстинктивное и рефлекторное поведение животных в терминах намерений, мыслей и чувств.

бою нечто большее, чем метод лечения, и невозможность доказать эффективность психоаналитической терапии необязательно обесценивает психоаналитическую доктрину в иных ее аспектах. (Кстати, наверное можно было бы сказать и наоборот — если бы психоанализ смог продемонстрировать свою эффективность как терапевтический метод, это вовсе не свидетельствовало бы об истинности доктрины в целом.) Вероятно, в каком-то смысле с этим можно было бы согласиться, но меня не оставляют сильные сомнения. Прежде всего, вся доктрина психоанализа основывается на данных, полученных в ходе лечения пациентов-невротиков, попыток избавить их от их симптомов. Допустить, что исходное намерение психоанализа завершилось полным провалом, но тем не менее доктрина верна и представляет ценность для науки, было бы по меньшей мере странно («По плодам их узнаете их!»¹). Но и это — еще не все. Будь теория психоанализа верна, то не могло бы быть и речи ни о какой спонтанной ремиссии, а различные неаналитические методы лечения не улучшали бы, а только ухудшали состояние пациентов. Таким образом, мы имеем весьма специфический вывод из гипотезы, которая фактами никак не подтверждена. Хотя существует теоретическая вероятность того, что психоанализ, по крайней мере отчасти, может содержать в себе истину вопреки очевидной беспомощности его как терапевтического метода, нам необходимы очень убедительные свидетельства этого, прежде чем мы с этим согласимся. В попытках подтвердить или опровергнуть различные части психоаналитической конструкции было проведено много экспериментальных исследований. Здесь, пожалуй, был бы неуместен подробный обзор всего огромного массива проделанной работы; достаточно констатировать, что в целом результаты оказались для психоанализа неутешительны. При этом я должен сделать одно важное уточнение. Обыватели в большинстве своем неправильно понимают фрейдистскую доктрину и вследствие этого готовы принять в качестве ее подтвер-

¹Евангелие от Матфея. Глава 7, стих 16.

ждений те факты, которые на самом деле абсолютно нейтральны. Фрейд использовал некоторые широко известные факты в очень своеобразной манере; сами по себе они могут быть истинны, но их подтверждение еще не означает, что они были использованы им корректно. В качестве примера давайте обратимся к понятию «символизм».

Факты, относящиеся к этому понятию, со всей очевидностью соответствуют той известной истине, что все мы нередко используем символы в своей речи — устной и письменной, а также, возможно, в сновидениях. Эти факты известны уже тысячи лет; читатель в качестве примера может припомнить описанный в Библии сон о семи худосочных и семи жирных коровах!¹ Нынешние сторонники психоаналитического движения приписывают Фрейду открытие символизма — равно как и секса и множества других важных вещей! Его подлинное достижение состоит однако же в другом. Им были предложены способы интерпретации символического языка сновидений. Мне не известны никакие свидетельства того, что это достижение опирается на какую-то фактическую основу, зато я могу привести несколько причин, по которым его можно поставить под сомнение.

Давайте рассмотрим хотя бы пару соображений. Во-первых, одно и то же сновидение зачастую интерпретируется разными аналитиками совершенно по-разному; нередко эти интерпретации просто противоречат друг другу. Можно предположить, что если какая-то одна версия «верна», то все остальные ложны. Мы однако не имеем никаких оснований, по которым одну какую-то версию можно было бы считать верной, тем более что не исключена вероятность, что все версии ложны и не имеют никакого отношения к действительности. Ана-

¹Согласно библейскому преданию, фараону однажды во сне явился образ семи жирных и семи худосочных коров, который Иосиф пророчески истолковал как символ грядущих семи лет благоденствия и семи лет неурожая. На основании этого пророчества в благополучные годы были сделаны необходимые запасы, предотвратившие последующий голод, а Иосиф снискал репутацию ясновидца и благоволение фараона.

литики часто заявляют, что доказательством верной интерпретации выступает либо согласие с нею пациента, либо улучшение его состояния, последовавшее за данной интерпретацией. Аргументы такого рода столь вопиюще нелогичны, что не заслуживают подробных возражений; «согласие» пациента с толкованием аналитика вряд ли можно расценивать как научное свидетельство. А поскольку, как мы отметили ранее, улучшения в состоянии пациента наступают так или иначе — при толковании сновидений или без толкования, — то любое улучшение не может служить доказательством или опровержением данной теории.

В целом можно констатировать, что Фрейду не удалось усмотреть различие между фактами и их интерпретацией. Этот его провал был бы еще более очевиден, не будь Фрейд таким искусственным мастером пера, и не сумей он так выигрышно для себя представить любые факты. Горе читателю, который попытается в его трудах отделить факты от их толкований, дабы понять, могло ли первое однозначно породить второе! Читатель обнаружит, что эта задача почти невыполнима в силу исключительного умения Фрейда прилагать свои толкования к тому, что могло или должно было случиться, но что, как оказывается при внимательном изучении, вряд ли даже имело место в действительности. В качестве превосходного примера можно привести сочинение Фрейда «Анализ фобии пятилетнего мальчика» — знаменитый случай маленького Ганса. Этому случаю придается огромная историческая важность, и психоаналитиками он единодушно расценивается как первоисточник детского психоанализа. Давайте внимательнее рассмотрим к маленькому Гансу, у которого сформировалась острая боязнь лошадей после того, как однажды у него на глазах упал конь, тянувший по улице экипаж. Следует отметить, что Фрейд всего один раз виделся с маленьким Гансом; весь остальной материал был получен отцом мальчика, который, как рассказывают, был убежденным последователем Фрейда. Отец, как становится очевидно любому читателю данной работы, настойчиво объясняет маленькому Гансу, что именно тот

должен сказать, и делает это до тех пор, пока Ганс (которому, в конце концов, всего пять лет) так или иначе с ним соглашается. Когда даже это не имело результата, отец безо всяких колебаний заявлял, что Ганс имел в виду нечто прямо противоположное тому, что он на самом деле говорил; после чего отец расценивал это как вполне достоверный результат. Похоже, Фрейд в какой-то мере это понимал и заявлял: «Конечно, в ходе анализа приходилось говорить Гансу много такого, что он сам не умел сказать; внушать ему мысли, которые у него еще не успели появиться; приходилось направлять его внимание в сторону, желательную для отца. Все это ослабляет доказательную силу анализа; но так поступают при всех психоанализах. Психоанализ есть не научное, свободное от тенденциозности исследование, а терапевтический прием...»¹ Фрейд придерживался того же метода, что и отец Ганса, и в разговоре с мальчиком рассказал ему, что тот «боялся собственного отца, так как сам испытывал к нему чувства ревности и враждебности». Подлинным мыслям и чувствам мальчика практически не придается значения; мы узнаем лишь то, что отцом или Фрейдом ему было велено думать и чувствовать в соответствии с их гипотезой. И хотя в итоге ребенок мог соглашаться или не соглашаться, любые результаты интерпретируются как подтверждающие теорию. Ни один человек, которому присуще свойственное ученому почти инстинктивное благоговение перед фактами, не может расценить эту психоаналитическую классику иначе как прямолинейную попытку подогнать свидетельства, полученные из бесед с ребенком, под заранее сложившуюся теорию; трудно даже вообразить, что бы такое маленький Ганс мог сказать или сделать, чего нельзя было бы в такой манере выдать за подтверждение теории. Но даже при этом возникают поразительные примеры непоследовательности в оценках. Так, Ганса пугали «черные приспособления вокруг рта лошади и возле ее глаз»; Фрейд расценил эту боязнь как основанную на страхе перед усами и очками, который мальчик

¹Цитируется по изданию: Фрейд З. Психология бессознательного. Сборник произведений. — М.: Просвещение, 1989. — С. 97.

перенес со своего отца на лошадей». На самом деле мальчик в тот момент, когда он со страхом наблюдал упавшую лошадь, обратил внимание на ее уздечку и шоры, и эти элементы вплелись в переживание страха. Элементы агорафобии¹ в картине невроза Ганса Фрейд интерпретировал как «средство, позволявшее ему остаться дома с любимой матерью». Однако же и боязнь лошадей, и общая агорафобия проявлялись у Ганса всякий раз, когда он выходил из дома даже вместе с матерью!

У фобии маленького Ганса существует простое объяснение — его боязнь лошадей представляет собой условную реакцию страха, возникшую в тот момент, когда он увидел упавшую лошадь. Подобно тому как в опытах Павлова звон колокольчика неоднократно сочетался с кормлением, вызывавшим слюноотделение, и потом стал вызывать слюноотделение уже сам по себе, так и сочетание вида лошади с ситуацией, вызвавшей страх, вызвало образование условной связи, которая закрепилась — ввиду того, что у маленького Ганса уже было два пугающих случая, связанных с лошадьми. Таково простое и лаконичное объяснение, в его основе лежат механизмы научения, наглядно продемонстрированные в лабораторных экспериментах; оно не требует ничего замалчивать или искажать в утверждениях Ганса, как это проделано Фрейдом. Тем не менее большинство людей, похоже, предпочитают версию Фрейда — возможно потому, что она обладает пикантной занимательностью сказок Шахерезады. В сравнении с его изощренным, едва ли не поэтическим гением наука выглядит будничной, скучной и прозаичной. И тот факт, что на основе этих скучных и прозаичных теорий создаются методы терапии, которые реально работают (как мы это увидим в дальнейшем), тогда как фрейдовские сказки — не работают, — сей факт, кажется, никак не влияет на большинство людей; обаяние Фрейда-рассказчика заставило многих поверить в его теорию. Вряд

¹Агорафобия — боязнь открытых пространств, люди, страдающие агорафобией, предпочитают находиться в замкнутом помещении и испытывают бессознательный страх, вынужденные покинуть помещение и оказаться на улице или площади, особенно безлюдной.

ли стоит лишний раз указывать, что одно никак не следует из другого.

Давайте теперь вернемся к нашей попытке увязать личность, какой она была ранее определена и описана, с ее первоисточником, то есть с биологическими, врожденными аспектами темперамента. Здесь я не стану распространяться о наследственной природе индивидуально-психологических различий; подробный обзор соответствующих данных принят мною в книге «Биологические основания личности». Достаточно сказать, что результаты множества исследований в данной области, проведенных как на монозиготных, так и на дизиготных близнецах, воспитанных как совместно, так и раздельно, убедительно свидетельствуют, что наследственность играет очень важную — пожалуй, даже решающую — роль в том, какое каждый из нас займет положение по параметрам экстраверсии — интроверсии и эмоциональности — стабильности. В количественном отношении вклад наследственных факторов в становление двух этих характеристик приблизительно такой же, какой характерен и для интеллекта, то есть составляет примерно 3/4, что оставляет примерно 1/4 на долю факторов среды. Это обобщение, безусловно, должно быть отнесено лишь к условиям нашего времени и нашей культуры; к тому же необходимо отдавать себе отчет, что оно представляет собой средний показатель для популяции в целом, а для отдельного человека пропорция может быть и иной. Оценка роли *генотипа* и *фенотипа* всегда страдает в силу такого ограничения; не имеет смысла абстрактно рассуждать о наследственности, не учитывая при этом определенный тип среды. Однако с учетом данного ограничения вполне очевидно, что здесь и теперь наследственность играет исключительно важную роль в том, кем мы становимся. Это, однако, никоим образом не обесценивает влияние среды, которое, правда, на протяжении последних лет пятидесяти настолько преувеличивалось, что некоторый возврат маятника в противоположную сторону кажется вполне оправданным и справедливым. В мои намерения вовсе не входит оттянуть этот маятник в противоположную

крайность; отрицать влияние среды столь же ненаучно и глупо, как и отрицать влияние наследственности.

Каковы же те структуры нервной системы, которые лежат в основе индивидуальных различий в экстраверсии и стабильности? И снова я лишь кратко освещу те теории, которые были мною подробно развиты в «Биологических основаниях личности». Эмоциональность — стабильность оказывается непосредственно связана с автономной нервной системой, которая регулирует выражение эмоций и в свою очередь управляется «висцеральным мозгом»; исследования, проведенные на животных и на людях, дают достаточно оснований полагать, что различия в этих структурах и их функционировании в основном определяются наследственностью, а опыты на животных также наглядно продемонстрировали, что, например, крыс можно воспитать соответствующим образом, чтобы добиться высокого или низкого уровня эмоциональности. Можно не сомневаться, что если бы не этические ограничения, того же можно было бы добиться и с людьми. Наследственные различия в силе и продолжительности эмоционального возбуждения сочетаются с определенным типом стимуляции, что и формирует определенные автономные реакции. Человек с высоким показателем «эмоциональности» необязательно является невротиком, но имеет определенную предрасположенность к неврозу; точно так же человек с хрупкими костями с большей вероятностью рискует сломать руку или ногу, чем человек с крепкими костями, — если условия среды для обоих одинаковы. Таким образом термин «нейротизм» обозначает лишь предрасположенность и необязательно предусматривает невротический срыв.

Физиологическое различие между интровертами и экстравертами связано с явлением в коре головного мозга, часто именуемым *возбуждение*. Данный термин стал употребляться в связи с тем, что, когда были открыты мозговые волны, фиксируемые электроэнцефалографом, выяснилось, что они синхронизированы во сне, но в состоянии бодрствования происходит их десинхронизация. В ходе экспериментальных исследований вскоре было установлено, что в целом у людей в

бодрствующем состоянии наблюдаются альфа-волны, которые отличаются высокой частотой и низкой амплитудой; в состоянии сна или дремоты преобладают волны с низкой частотой и высокой амплитудой. Конечно, возбуждение может быть измерено и иными средствами, помимо ЭЭГ, но этот инструмент остается, вероятно, самым действенным средством измерения корковых процессов. Согласно выдвинутой мною теории, экстравертов характеризует низкое возбуждение, интровертов — высокое; те, в ком склонности к экстраверсии и интроверсии сочетаются, находятся посередине этой шкалы.

Данная гипотеза допускает ее непосредственную проверку; в сходной ситуации, не вызывающей возбуждения, ЭЭГ экстравертов будет такой же, как у дремлющего человека, с альфа-волнами высокой амплитуды, тогда как у интровертов это будет ЭЭГ бодрствующего, то есть будет демонстрировать альфа-волны низкой амплитуды. Так оно, похоже, на самом деле и есть — несколько исследователей выявили различия такого рода. Это открытие (а также несколько других, касающихся вызванных потенциалов в ЭЭГ¹, которые также отличают экстравертов от интровертов) выявляет искомую связь биологических механизмов и личности. Анатомио-физиолого-нейрологические структуры — такие, как висцеральный мозг и ретикулярная формация, — чей уровень реагирования на стимулы среды в значительной мере наследственно предопределен, порождают более или менее сильные автономные реакции, более или менее сильное возбуждение; этими реакциями и определяется свойственный индивиду стиль поведения, который мы

¹ЭЭГ фиксирует мозговые волны непосредственно с черепа; эти волны могут быть искусственно порождены посредством неожиданных стимулов, например громкого звука. Реакции на такие стимулы называются «вызванными потенциалами»; их не так-то легко зафиксировать и измерить, поскольку они ненамного сильнее окружающего «шума» от активности нервных клеток. Иртли удалось продемонстрировать различия вызванных потенциалов у людей с высоким и низким IQ; отмечены также некоторые данные, касающиеся возможной дифференциации экстравертов и интровертов (хотя и не с помощью тех же самых измерений, что и в случае с IQ). Интроверты реагируют быстрее и сильнее (с большей амплитудой), особенно на слабые стимулы. — *Прим. автора.*

и называем «личностью» и можем довольно точно измерить по параметрам экстраверсии — интроверсии и нейротизма — стабильности.

Эти личностные факторы по большей части существуют независимо друг от друга, однако это не всегда так. Мы несчастно испытываем сильные эмоции — к счастью, наверное; по крайней мере в мирные времена переживания ледящего ужаса или безудержной ярости весьма редки, и даже менее сильные эмоции занимают от силы пять процентов времени нашей жизни. Человек, испытывающий сильные чувства, не может одновременно пребывать в состоянии слабого возбуждения. Это кажется интуитивно понятным, и психологические исследования это подтверждают. Таким образом, хотя эти факторы большую часть времени независимы друг от друга, в состоянии сильного эмоционального возбуждения они уже не могут рассматриваться как таковые. Состояния сильного возбуждения, к сожалению, нередки для людей с высоким показателем нейротизма; такие люди живут в постоянной тревоге, в острых переживаниях. Эти люди не только страдают от постоянной стимуляции со стороны висцерального мозга, но и от возникающего вследствие этого сильного возбуждения.

Кажется крайне маловероятным — и действительно установлено, что это не так, — будто результаты психологических экспериментов не зависят от эмоционального состояния или мозгового возбуждения испытуемых, выполняющих экспериментальные задания. Традиционно считалось, что доброжелательное отношение к испытуемым, пробуждение их заинтересованности в проекте обеспечивают состояние низкой тревожности и высокого возбуждения у всех без исключения, и таким образом эти неизменные факторы никак не влияют на ход эксперимента и его результаты. Однако ясно, что это совсем не так; даже такое простейшее экспериментальное измерение как ЭЭГ в состоянии покоя демонстрирует значительные вариации в уровне возбуждения. Более того, на основе нашей теории эти вариации оказываются вполне предсказуемы. Очевидно, что экстраверты и интроверты, эмоциональные и уравно-

вешенные испытуемые будут вести себя по-разному в условиях психологического эксперимента, и если не принять во внимание эти различия, эксперимент становится практически бессмысленным. Такого рода эффекты действительно нередко обнаруживаются, но чтобы точно предсказать, что может произойти, необходимо глубокое понимание психологической теории, лежащей в основании рассматриваемого вопроса. Для пояснения приведу лишь один пример.

Допустим, я попрошу вас предсказать, экстраверты или интроверты будут лучше запоминать серии, составленные из пар бессмысленных слогов. Список из семи таких пар повторяется до тех пор, пока его не начнут безошибочно воспроизводить. Затем испытуемые делятся на две группы — экстравертов и интровертов; некоторых проверяют сразу же, других по прошествии минуты, некоторых через пять минут, а кого-то — через 30 минут; последняя группа тестируется по прошествии 24 часов. Чтобы избежать дополнительного повторения материала, испытуемым во время ожидания предлагается выполнить какое-то другое задание (разумеется, к 24-часовому ожиданию это не относится). Итак, какая же группа лучше запомнит слоги — интроверты или экстраверты?

Первым побуждением, скорее всего, будет ответить: конечно же, интроверты. У них выше уровень возбуждения, а корковое возбуждение должно способствовать запоминанию. Это верно, но лишь отчасти. Что в действительности происходит, когда мы что-то заучиваем — будь то бессмысленные слоги или сонеты Шекспира? Экспериментально доказано, что существуют два вида памяти; сначала новый материал попадает в кратковременную память, которая образуется за счет возбуждения отдельных нейронов мозга. Но это возбуждение быстро угасает, если только не трансформируется в химические следы, образуемые, вероятно, какими-то формами белкового синтеза с участием рибонуклеиновой кислоты. Такая трансформация в долговременную память называется закреплением следов памяти, и имеются данные о том, что прочность этого закрепления является функцией, помимо прочего, уровня

коркового возбуждения в данный момент. Таким образом, можно и далее полагать, что интроверты окажутся успешнее; но тут есть еще обстоятельство. Процесс закрепления в памяти интерферирует с воспроизведением — возможно, потому, что в нем задействованы те же нейроны, способные выполнять либо одну задачу, либо другую; соответственно, если процесс закрепления продолжается, воспроизведение становится затруднительно. Это означает, что экстраверты (со слабым возбуждением и коротким закреплением) вскоре после заучивания будут припоминать лучше интровертов (у которых сильное возбуждение и долгое закрепление), чьи нейроны все еще будут заняты закреплением и в силу этого будут не в состоянии преподнести заученный материал для воспроизведения. И наоборот, по прошествии большего времени экстраверты (слабое закрепление, ограниченное запоминание) окажутся слабее; интроверты, чье прочное закрепление обеспечило им надежные следы памяти, теперь будут припоминать лучше. Таким образом, тестируя разные группы, состоящие из экстравертов и интровертов, через разные промежутки времени, мы получим пересекающиеся тенденции их результатов; поначалу экстраверты будут превосходить, тогда как в итоге превосходство перейдет к интровертам, а посередине их результаты совпадут. На схеме 3 показаны результаты этого эксперимента. Практически сразу же экстраверты припоминают вдвое больше интровертов. По прошествии пяти минут обе группы демонстрируют почти одинаковые результаты. Через 24 часа интроверты припоминают вдвое больше экстравертов.

Данный эксперимент показателен не только в этом отношении. Представьте себе результат, который мы получили бы, используя обычную экспериментальную методику без учета личностных переменных. Усреднение результатов всех испытуемых даст нам прямую линию; это будет выглядеть так, словно продолжительность интервалов никак не влияет на припоминание! Такой вывод, очевидно, абсурден — подобно старинному морскому правилу, согласно которому, поскольку одни матросы любят чай с двумя кусочками сахара, а иные — вовсе

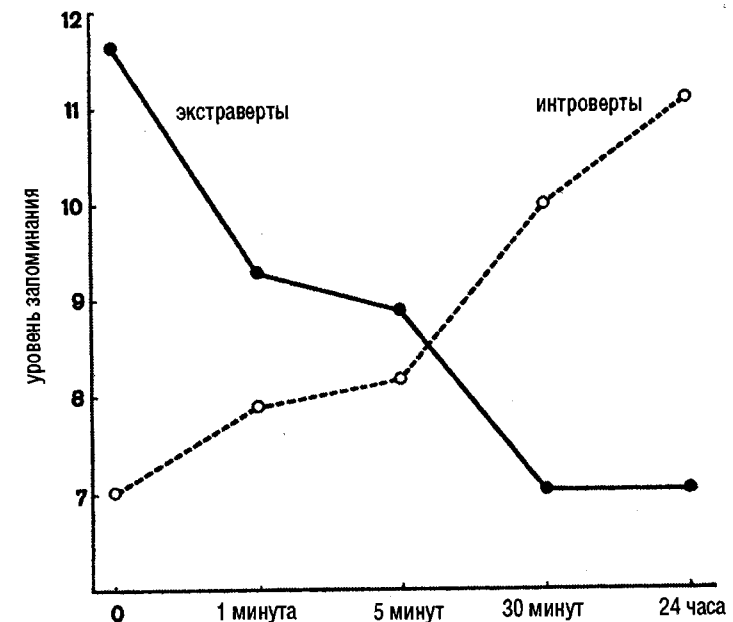

Схема 3

без сахара, то все получают по чашке чая с одним кусочком. Недопустимо усреднять разнородные данные — таково первое правило научной мудрости; к сожалению, оно каждый день нарушается психологами-экспериментаторами, стремящимися скрыть свои ошибки под предлогом допустимых погрешностей. Разные люди ведут себя по-разному — даже в безупречно управляемой экспериментальной ситуации; надо просто признать этот факт, а это означает признание роли личности — центральной роли во всех психологических исследованиях.

Рассмотрим еще одну интересную особенность данного эксперимента. Улучшение результатов за время интервала изучалось многими психологами, однако данные бесчисленных исследований оказались столь разными — кто-то находил улучшение, кто-то нет, — что стали возникать сомнения, существует ли вообще данный феномен, и интерес к нему был

постепенно утрачен — на протяжении ряда лет не было опубликовано никаких работ по данной проблеме. Наша схема полностью проясняет возникшее недоразумение. Интроверты демонстрируют впечатляющие результаты — по прошествии 24-часового интервала воспроизведение ими запоминаемого материала почти удваивается! У экстравертов, напротив, за тот же период результаты припоминания снижаются вдвое! Совместим две эти группы — и согласно усредненным данным никаких изменений не наблюдается вообще. Неудивительно, что воспроизведение оказалось так трудно исследовать — результаты слишком сильно зависят от персонального склада участников экспериментальной группы. Если большинство составляют интроверты — вы получите одно, если экстраверты — совсем другое.

Психологи-экспериментаторы, не желающие включать личность в круг своих исследований, ссылаются на опыт естественных наук — они утверждают, что естествоиспытатели пользуются простой формулой $a = (f)b$, и такого рода *функционализм* должен быть принят также и психологией. Но это чересчур упрощенное толкование того, что делается, скажем, физиками. Возьмем для примера исследование сверхнизких температур. Известно, что при температуре чуть выше абсолютного нуля (по Кельвину) наблюдается явление сверхпроводимости, то есть в материале, охлажденном до такой температуры, исчезает всякое сопротивление прохождению электрического тока. Но можно ли написать так: Сверхпроводимость = (f) T? Конечно, нет. Некоторые металлы демонстрируют сверхпроводимость, некоторые нет. Что характеризует каждую из этих групп? Данная формула справедлива для ртути, свинца, олова, индия, таллия и галлия — металлов, обладающих похожими физическими свойствами — такими как мягкость и относительно низкая температура плавления. Однако это не есть значимые свойства; Мейсснером была обнаружена сверхпроводимость твердых металлов с высокой температурой плавления — таких, как тантал, ниобий, титан и торий. Сюда же впоследствии были добавлены и другие металлы, например

алюминий, кадмий, цинк, осмий и рутений. Однако некоторые металлы не демонстрируют сверхпроводимость; к ним относятся такие одновалентные металлы, как золото или натрий, а также некоторые двухвалентные — например магний или кальций. К непроводящим относятся также железо, кобальт, никель и редкоземельные металлы; все они обладают внутренними магнитными полями, подавляющими сверхпроводимость. Игрет ли тут роль структура атомов? Очевидно нет; ни золото (Au), ни висмут (Bi) не обладают сверхпроводимостью, а их соединение Au_2Bi — обладает. Получается, что причины сверхпроводимости следует искать в свободных электронах, а не в природе атома. Кроме того, сплавы и любые формы нарушения кристаллической структуры неблагоприятно сказываются на сверхпроводимости. Как сказал Феликс Блох: «Любую теорию сверхпроводимости можно опровергнуть!» Таким образом, для физика рассматривать все элементы как одинаковые и подставлять их в функциональную формулу — просто лишено всякого смысла. Периодическая таблица элементов, в которой обозначены их основные свойства, выполняет ту же роль, что и качества личности в психологии. Ни одному физика не придет в голову усреднять данные, касающиеся различных элементов и сплавов; само такое допущение он расценит как безумие. Почему же психологам не последовать этому мудрому примеру и не рассматривать разное по отдельности?

Используя понятие личности, мы можем, таким образом, нащупать связующую нить между физиологией и экспериментом, и эта нить, вне сомнения, приведет нас и к социальным явлениям. Более высокие способности к обучению, выявленные у интровертов, вероятно, будут способствовать их успехам в школе и университете, и действительно, получены свидетельства того, что интроверсия положительно коррелирует со школьной успеваемостью. Разумеется, данный эффект определяется не одной этой причиной, но она кажется довольно важной среди многих причин, которые мы рассмотрим позднее. Обратим внимание на еще одно явление, которое можно

объяснить с помощью нашей гипотезы. Стимулирующие вещества, такие как кофеин и никотин, повышают возбуждение коры головного мозга и, как следствие этого, способствуют сосредоточенности внимания и лучшему запоминанию; неудивительно, что студенты много курят и пьют кофе, когда перед ними стоит необходимость заучивать большой материал. И нет ничего удивительного, что экстраверты больше курят и пьют больше кофе, поскольку у них потребность вызвать возбуждение выше.

Некоторые другие аргументы также исключительно важны, но, поскольку я ранее уже подробно высказывался по этому поводу, здесь их только упомяну. Павловым в ходе его исследования условных рефлексов было выдвинуто предположение, что образование рефлексов зависит от возбуждения коры головного мозга, и в ходе последующих более детальных опытов эта гипотеза была подтверждена. Соответственно можно предположить, что у интровертов формирование рефлексов будет происходить лучше; и действительно — получено много свидетельств того, что у интровертов условные реакции формируются быстрее и прочнее, чем у экстравертов. Это особенно справедливо в тех случаях, когда обстоятельства неблагоприятны для формирования условных реакций, то есть когда стимулы слабые, а интервалы между ними относительно короткие (например, 300 миллисекунд). Когда же стимулы сильные, а интервалы значительно длиннее, положение изменяется на противоположное; вызываемое стимулом возбуждение настолько сильно, что в сочетании с высоким возбуждением, обычно свойственным интроверту, оно превосходит для данного человека желательный оптимум. И это — еще одно важное открытие экспериментальной психологии; отношение возбуждения к поведению не линейное, а может быть описано универсальной U-образной кривой. Когда возбуждение низкое, его повышение улучшает показатели деятельности, но лишь до определенного уровня. Превысив этот оптимум, возбуждение дезорганизует поведение, и вследствие этого человек демонстрирует все худшие результаты по мере возрастания возбуждения. Эти идеи были в свое время высказаны еще Пав-

ловым, который говорил о «законе силы» — улучшении результатов с повышением возбуждения, и о «защитном торможении», когда кора головного мозга вынуждена защищать себя от избыточной стимуляции, отключая слишком сильные стимулы. Ныне этот общий закон известен как закон Йеркса — Додсона, названный по имени двух американских психологов, открывших его в начале XX века¹. Этот закон имеет важное дополнение: оптимальный уровень возбуждения ниже для сложных задач и выше для легких. Это кажется интуитивно понятным; ваша способность решать сложные математические уравнения легче нарушается избыточной стимуляцией, чем, скажем, ваша способность быстро бегать.

Однако способность к более легкому образованию условных реакций, характерная для интроверта, делает его более уязвимым для невротических расстройств, которые можно рассматривать как своеобразные условные эмоциональные реакции. С другой стороны, неспособность экстраверта к быстрому образованию прочных условных реакций затрудняет формирование его «сознания», поскольку в терминах данной психологической теории сознание выступает просто суммой условных реакций на то, что еще в детстве было обозначено как «хорошее» и «плохое». Я довольно подробно рассмотрел этот вопрос в моей книге, посвященной преступности², и не стану возвращаться к нему здесь; к общей теории мы вернемся позднее, в главе «Секс и личность». Так или иначе, существуют убедительные свидетельства того, что высокоэмоциональные интроверты предрасположены к неврозам, тогда как высокоэмоциональные экстраверты предрасположены встать на преступную стезю. Показательным примером может служить

¹В 1908 г. Р. Йерксом и его аспирантом Дж. Д. Додсоном был открыт закон «оптимума мотивации», согласно которому для достижения наивысших успехов в деятельности необходим вовсе не наивысший, а оптимальный, то есть умеренный, средний уровень возбуждения. Первоначально открытая в опытах на животных, данная закономерность впоследствии была многократно подтверждена также в экспериментах с участием людей

²Книга Айзенка «Преступление и личность» (*Crime and Personality*) опубликована в 1964 г.

многолетнее исследование сэра Сирила Берта¹, в котором участвовало 763 ребенка, оцененных своими учителями по параметрам экстраверсии и эмоциональности; по прошествии 35 лет 15% и 18% стали соответственно либо преступниками-рецидивистами, либо глубокими невротиками. Из первых 63% имели высокие показатели эмоциональности; 54% были выраженными экстравертами, и лишь 3% — интровертами. Среди вторых 59% имели высокие показатели эмоциональности, 44% были интровертами, и только 1% — экстравертами. Таким образом, и здесь мы прослеживаем связь физиологического и экспериментального аспектов нашей схемы 1 с социальными явлениями, выявляемую за счет обращения к личностным переменным.

Третий род взаимосвязи можно усмотреть, обратившись к понятию предпочитаемого уровня сенсорной стимуляции. Существует психологический закон, согласно которому предпочитаемый уровень стимуляции располагается посередине между сенсорной депривацией (то есть недостатком стимулов) и чрезмерной стимуляцией, вызывающей болевые ощущения. Последнее вполне понятно: слишком яркий свет, очень громкий шум, сильное давление вызывают боль, и их стремятся избегать. Сенсорная депривация — относительно недавний объект исследований, необходимость которых во многом была продиктована потребностью выяснить, как будут чувствовать себя астронавты, лишённые многих привычных стимулов. В таких опытах испытуемого помещали в звукоизолированную темную комнату, надев ему чехлы на руки и на ноги, так что он не испытывал никаких ощущений. Иногда его даже помещали в воду, позволяя дышать через трубочку; поскольку температу-

¹Берт (Burt) Сирил Лодовик (1883—1971) — английский психолог, имевший в свое время блестящую репутацию («сэр» перед его именем — свидетельство дворянского звания, которого он был удостоен за заслуги перед отечеством), изрядно подмоченную после его смерти обвинениями в нарушениях научной корректности. В начале своей карьеры Айзенк был аспирантом Берта и работал под его руководством; несмотря на непростые личные отношения с учителем, Айзенк сохранил к нему глубокое уважение и стремился всячески оправдать его перед лицом критических нападок.

ра воды была равна температуре тела, испытуемый в таких условиях не ощущал вообще ничего. Очень скоро такие условия становились невыносимыми; отсутствие стимуляции оказывалось ничуть не лучше, чем боль от чрезмерной стимуляции.

И как это связано с личностью? Пороги ощущений связаны с корковым возбуждением — в состоянии сильного возбуждения вы слышите очень тихие звуки, видите едва различимый свет, чувствуете легкие прикосновения гораздо лучше, чем при слабом возбуждении. В силу этого можно предположить, что у интровертов пороги окажутся ниже, чем у экстравертов; и это предположение подтверждается множеством экспериментальных исследований. Поэтому можно ожидать, что интроверты окажутся более устойчивы к сенсорной депривации, а экстраверты — к боли; для первых очень слабая стимуляция, исходящая из окружающей среды, превосходит их пороги ощущений, тогда как для вторых она ниже их порогов, и они вообще ничего не чувствуют. Сильная сенсорная стимуляция настолько превосходит пороги интровертов, что ощущается как боль, тогда как для экстравертов та же стимуляция лишь чуть выше порогов и боли не вызывает. Эта закономерность была подтверждена не раз и, таким образом, сама может служить подтверждением выявленной ранее связи.

Более того, можно утверждать, что поскольку оптимальный уровень стимуляции тяготеет к более сильным стимулам у экстравертов и к более слабым стимулам у интровертов и поскольку поведение в норме направлено на достижение равновесия в районе оптимума, постольку экстравертов можно охарактеризовать как постоянно испытывающих «стимульный голод», то есть стремящихся испытать сильные ощущения, тогда как интроверты, напротив, будут таких ощущений избегать и предпочитать слабые. В одном показательном эксперименте испытуемых интровертов и экстравертов, тестируемых поодиночке, изолировали в темной комнате и просили нажимать на педаль. Сначала были установлены средние показатели силы, с которой они давили на педаль, а потом было введено «вознаграждение» за более сильное нажатие — в течение трех секунд звучала громкая музыка и комната озарялась ярким светом.

Когда испытуемый жал на педаль достаточно сильно, свет сохранялся и музыка продолжала звучать; при ослаблении нажатия музыка стихала и свет гас. Как и можно было предположить, экстраверты начинали жать все сильнее и сильнее, а интроверты — слабее; первые получали удовольствие от сильной стимуляции, вторые старались ее избежать! Таким образом, даже понятие «подкрепления», которым оперирует Скиннер, оказывается связано с личностью, — то, что привлекательно для одного человека, неприятно для другого. И становится понятно, как человек с криминальными наклонностями стремится к поиску «ярких огней и громкой музыки» большого города; для него не только искушение сильнее, но и, как мы видели, способность противостоять искушению слабее. И он скорее оступится там, где интроверт останется в рамках законных норм.

Рассмотрим еще одну взаимозависимость между разными сторонами нашей диаграммы (схема 1). Вундт называл экстравертированного человека «изменчивым», и наглядные свидетельства подтверждают его правоту. Экстраверты чаще меняют место работы, переезжают с места на место, им менее свойственны устойчивые привычки и, более того, как мы увидим в следующей главе, они склонны чаще менять половых партнеров (и, соответственно, чаще разводятся). Почему экстраверты так неустойчивы? Ответ можно найти в экспериментах, в которых изучался выбор того или иного поведения. Представим себе подопытную крысу, которая помещена в основание Т-образного лабиринта, а по его разветвляющимся краям кладется пища — таким образом, что крыса, добравшись до развилки, ее не видит и должна двинуться направо или налево. Допустим, она двинулась направо, нашла и съела кусочек мяса, после чего ее снова помещают в исходную точку. Пойдет ли она в следующий раз направо или налево? Вы можете подумать, что, получив пищевое вознаграждение справа, она снова двинется направо, но это не так; с большей вероятностью крыса двинется в другую сторону. Если уподобить крысу человеку, то можно было бы сказать, что ею движет «любопытство» — ей хочется выяснить, что находится в другом конце лабиринта, кото-

рый она еще не исследовала. Но такой антропоморфистский подход вряд ли нам поможет. Существует достаточно свидетельств того, что любой перцептивный или двигательный опыт вызывает некое реактивное торможение, то есть тенденцию, противоположную тому, чтобы повторять уже исполненное действие. И такого рода торможение препятствует тому, чтобы снова повернуть направо. Оно оказывается сильнее, чем то пищевое подкрепление, которое подталкивает крысу направо. Соответственно крыса идет налево. В этом суть альтернативного поведения; причина его лежит в реактивном торможении (которое, разумеется, может быть изучено и во множестве иных ситуаций).

Торможение противоположно возбуждению, следовательно, мы можем ожидать, что интроверты в сравнении с экстравертами будут менее склонны к реактивному торможению. И в пользу этой гипотезы имеется достаточно свидетельств. Торможением можно экспериментально манипулировать; стимулирующие вещества — такие, как амфетамин, — повышают возбуждение и тем самым снижают торможение; депрессанты — например алкоголь, — оказывают противоположное действие. Можно предположить, что альтернативное поведение усиливается депрессантами и ослабляется стимулирующими веществами. В силу этого становится понятно очевидное стремление экстравертов к новизне, к переменам; их слабое возбуждение не может эффективно противостоять реактивному торможению, поэтому все привычное, обыденное предается анафеме, человек устремляется на поиск новых стимулов, еще более сильных. Художники, большинство из которых — экстраверты, часто демонстрируют эту тенденцию в крайней степени, и это ложится в основу многих богемных легенд. Вундт описывал экстравертов как «изменчивых», мы в свою очередь можем объяснить, почему экстраверты более изменчивы, чем интроверты. Похоже, и с помощью крыс можно кое-что объяснить в человеческой психологии!

Можно также показать определенную зависимость противоречивого поведения от особенностей личности. Психологи обычно рассматривают противоречие в терминах влечения —

избегания; то есть некоторый объект обладает определенными качествами, которые заставляют нас стремиться к нему, а также такими качествами, которые побуждают держаться от него подальше. Показательным примером служит сексуально привлекательная женщина для женатого мужчины; в данном случае вполне понятны причины, по которым его к ней влечет и по которым он ее сторонится. И что же произойдет? Это, конечно, зависит от сравнительной силы обоих побуждений, но также и от изменения их силы по мере приближения человека к цели. Эта проблема была детально исследована Нилом Миллером, который измерял силу влечения и избегания, надев на своих подопытных крыс миниатюрные жилеты, к которым была прикреплена проволока, в свою очередь прикрепленная к пружине; таким образом удавалось измерить силу натяжения, а также его направление. Направление (в сторону цели или от нее) рассматривалось как показатель стремления или избегания; сила натяжения — как мера интенсивности мотивации. Было обнаружено, что и мотивация достижения, и мотивация избегания усиливались вблизи цели; однако, как видно на схеме 4, сила избегания менялась более явно. То есть если мы поместим голодную крысу в конце длинного прямого коридора, на другом конце которого будет положена пища, то крыса будет все более и более мотивирована по мере приближения к пище. Если возле пищевой приманки разместить устройство, угрожающее крысе ударом электрического тока, то по мере приближения к нему крыса будет испытывать все больший страх (прошу прощения за антропоморфистский термин). Сочетание пищи и тока создает типичный конфликт достижения — избегания, и, как показано на схеме 4, стремление к достижению будет сильнее в удалении от цели, но это преобладание постепенно сойдет на нет по мере приближения к цели, пока наконец в определенной точке две линии не пересекутся. Усиление голода у крысы приведет к усилению стремления, что может перенести точку пересечения даже дальше цели; это означает, что крыса достигнет пищи и, получив удар током, съест ее. Можно увеличить и силу тока — это усилит тенденцию избегания таким образом, что крыса может застыть в на-

чале коридора, не решаясь двинуться дальше. Эта модель была подтверждена множеством экспериментальных исследований. Существуют, конечно, и противоречия иного рода — например, достижение — достижение (когда вы хотите купить шляпу и костюм, но денег у вас хватит только на что-то одно) или избегание-избегание (ученику не хочется делать домашнюю работу, но и не хочется быть наказанным за ее невыполнение, так что если не сделать одного, то не избежать и другого). Но здесь мы не будем вдаваться в обсуждение этих сложностей.

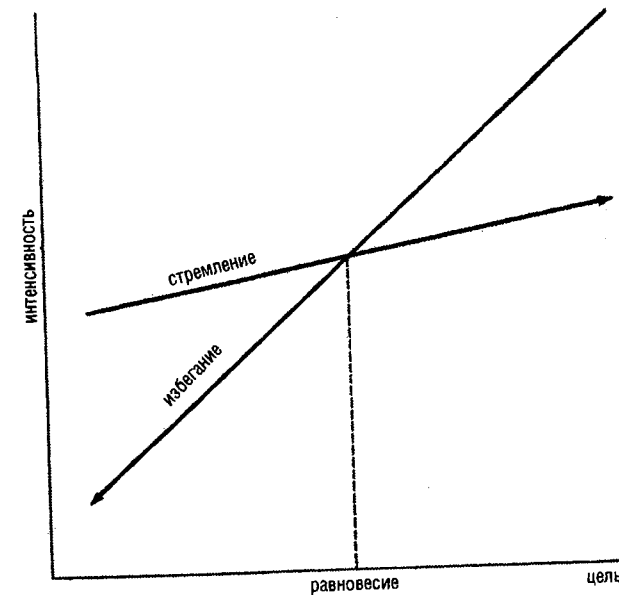

Схема 4

Важность этого графика для нас состоит в том, что он позволяет предсказать более сильное стремление для экстравертов по сравнению с интровертами; интроверты же будут демонстрировать более выраженную тенденцию к избеганию, чем экстраверты. Отсюда в целом проистекает поведение экстраверта, которое более активно, агрессивно, направлено на получение удовольствия, и поведение интроверта, направлен-

ное на избежание ущерба, подчиненное и пассивное. Эмоциональность, выступающая в роли своеобразного усилителя, усилит эти тенденции и сделает их более явными. В качестве примера рассмотрим эксперимент с крысами-«преступниками» и крысами-«невротиками». В этом эксперименте в колонии крыс устанавливается правило: не разрешается есть в течение трех секунд после того, как пища оказалась в лотке. Нарушители правила наказываются слабым ударом тока по лапкам; по прошествии трех секунд крысам позволено спокойно поесть. В этом эксперименте нами использовалась группа высокоэмоциональных крыс, а также другая группа, состоявшая из крыс неэмоциональных; эти группы были созданы путем тщательного отбора на протяжении нескольких поколений крыс. Была выдвинута гипотеза, что экстравертированные крысы продемонстрируют «преступные» наклонности, то есть станут есть в запретное время, несмотря на наказание; интровертированные крысы будут напуганы возможным наказанием так сильно, что не станут есть вообще, даже когда это можно делать безболезненно. Эти тенденции соотносятся с усилением стремления в первом случае и усилением избегания во втором. Крысы, занимающие промежуточное положение между крайностями экстраверсии и интроверсии, будут способны вести себя нормально, то есть дожидаться, пока пройдут три секунды, чтобы спокойно поесть. Эмоциональность затруднит такое уравновешенное поведение в зависимости от того, какой мотив окажется сильнее, сокращая количество крыс, способных балансировать между влечением и избеганием. Выясняется: эмоциональные животные ведут себя либо в «преступной», психопатической манере, либо в невротической, тогда как неэмоциональные обычно ведут себя адекватно и уравновешенно. Можно ли на основании этого эксперимента усмотреть аналогии в поведении животных и человека? Время покажет; безусловно, попытка предсказать поведение крыс с опорой на черты, присущие человеческой личности, представляет собой весьма оригинальный подход — обычно принято поступать наоборот. Приложение данных принципов к сексуальному поведению человека описывается в

следующей главе, и это позволяет предположить, что положительный ответ на данный вопрос может и не быть совершенно ошибочным.

Таким образом, становится очевидно, как теория личности оказывается способна наладить связи между двумя противостоящими друг другу областями психологии; похоже, существуют взаимосвязи между данными электрофизиологических измерений, таких как ЭЭГ, с одной стороны, и социальной активностью — например, с преступлениями и невротическими срывами, — с другой. Эти связи становятся понятны, если привлечь такие гипотетические конструкции (или промежуточные переменные), как экстраверсия — интроверсия и эмоциональность — стабильность. Разумеется, я не имею в виду, что этим промежуточные личностные переменные и исчерпываются; вне сомнения, существуют и другие черты, которые со временем будут выявлены в результате тщательных исследований. Но хотя бы с чего-то надо начать, и, вне сомнения, эти два измерения личности имеют непосредственное отношение к тому, что проделано в экспериментальной и социальной психологии.

Все сказанное выше можно свести к следующему. В некоторых исследованиях объекты делимы бесконечно или почти бесконечно; физики могут делить любой элемент до тех пор, пока не разложат его на атомы (а в наши дни и атомы могут быть разделены). Биологи лишены такой возможности, и психологи также не могут бесконечно подразделять людей и даже подопытных крыс в своих исследованиях; даже Соломон, принимая свое знаменитое решение о том, кто из двух женщин является матерью ребенка, не собирался всерьез разделить ребенка пополам! Психология изучает подсистемы — такие, как рефлекторная дуга, — но когда она имеет дело с поведением, законы физиологии, хотя они исключительно важны, модифицируются, поскольку изучаемые составляющие включены в контекст других переменных. В физиологическом исследовании рефлекторная дуга изолируется до максимально достижимой степени; в функционировании организма работа рефлек-

торной дуги отчасти определяется мозговым возбуждением, активацией автономной нервной системы, а также многими другими переменными, вследствие чего экстраполяция физиологических закономерностей на целостный организм представляется очень сомнительной. Это не означает, что работа физиологов бесполезна, — вовсе нет! Их работа очень важна для понимания функционирования организма, однако этого недостаточно. Необходима интеграция разнообразных наблюдений и фактов, и лишь когда такая интеграция будет достигнута, можно будет вести речь о поведении. Более того — закономерности интеграции не вытекают из закономерностей, управляющих подсистемами, которые изучают физиологи; их надо изучать отдельно, и делать это следует психологам. И как бы ни была важна работа физиолога, психологии необходимо понятие целостного организма; обращение к «поведению» не может ограничиться фрагментарным анализом и требует использования таких понятий, как «личность».

Психологи-экспериментаторы нередко стремятся обойти это ограничение, налагаемое на психологию самим этим фактом. Они пытаются изучать законы научения, запоминания, восприятия, не уделяя должного внимания организму, который учится, запоминает, воспринимает. Они стараются максимально контролировать окружающую среду, но такой контроль даже в лучшем случае может быть лишь частичным. Любой эксперимент, осуществляемый над людьми или, если угодно, над крысами, требует присутствия в лаборатории человека или крысы, и этот фактор невозможно исключить или проконтролировать. Вместе с человеком или крысой в лаборатории появляется их кора головного мозга, которая функционирует на определенном уровне возбуждения, появляется автономная нервная система, более или менее реактивная. Мы видели, как по-разному происходит запоминание у экстравертов и интровертов; это различие не устраняется простым усреднением. Мы видели, как по-разному происходит научение у эмоциональных и неэмоциональных людей; и это различие усреднением не устраняется. Мы видели, как отличаются ре-

акции на лабораторные условия у крыс-«невротиков» и крыс-«преступников»; даже у таких простых организмов личность проявляется довольно явно. Наверное, было бы разумно и не пытаться проигнорировать все множество возможных индивидуальных различий, которые могут повлиять на «безупречное» поведение в эксперименте; вместо того чтобы рассматривать эти факторы как «погрешности», с ними необходимо считаться и изучать их самих по себе. Таким образом появляется надежда кое-что выяснить относительно личности и достичь некоторой степени контроля над тем, что принято называть «человеческой натурой». Эта идея кажется весьма очевидной и разумной, однако до сих пор она признана скорее на словах, чем на деле.

Социальные психологи, которые также готовы признать важность исследования личности, тем не менее редко включают этот аспект в свои исследовательские программы. Я уже обратил внимание на склонность психологов задавать «общие» вопросы, основанные на представлении о некоей универсальной «человеческой натуре», хотя в реальности мы наблюдаем огромное разнообразие ее проявлений. Кинси¹, чей пример будет более подробно рассмотрен в следующей главе, изучал «популяционные данные» — например, количество в популяции мужчин и женщин, имевших добрачные связи, гомосексуальные контакты или признавшихся в склонности к «перверсиям». Конечно, это представляет определенный интерес, од-

¹ Кинси (Kinsey) Альфред (1894—1956) — американский биолог, осуществивший в 40-х гг. XX в. широкомасштабное исследование полового поведения американцев. Результаты этого исследования, опубликованные в виде двух книг («Сексуальное поведение мужчины», 1948; «Сексуальное поведение женщины», 1953), получили широкий общественный резонанс и заставили критически переосмыслить традиционные представления о норме и патологии в половой жизни. В то же время многие исследователи отмечают методические изъяны работы Кинси: им и его сотрудниками были опрошены представители лишь некоторых слоев американского общества; тот факт, что многие респонденты отказались отвечать на вопросы, был проигнорирован при анализе полученных данных; вследствие этого достоверность полученных результатов представляется спорной.

нако заставляет задаться вопросами: «По каким причинам некоторые люди предаются добрачным сексуальным отношениям, а иные от такого поведения воздерживаются? Кто склонен к перверсиям, а кто не склонен? Каковы те личностные переменные, которые обуславливают разные типы сексуального поведения, столь досконально изученные Кинси и его последователями?» Тот факт, что люди не одинаковы, снижает ценность чисто статистических «популяционных данных»; мы просто усредняем крайне разнородные данные, а такого рода результат с научной точки зрения представляет мало интереса. Чаще всего психологи и социологи подразделяют популяции по параметрам пола и возраста. Такое подразделение, безусловно, полезно, однако оно и вполнину не устраняет тех погрешностей, которых можно избежать при использовании личностных переменных.

Было бы неверно представлять связь исследований личности и экспериментальной психологии как одностороннюю; это далеко не так. Как экспериментальной психологии необходимо принимать во внимание личностные переменные, точно так же и теория личности невозможна без опоры на данные экспериментальной психологии, физиологии, неврологии, а также анатомии, генетики, биохимии. Такие понятия, как возбуждение, в конце концов были введены экспериментаторами, и никакие разумные гипотезы в области психологии памяти не могут быть выдвинуты без учета теории кратковременной и долговременной памяти, интерференции закрепления и воспроизведения. Иными словами, я вовсе не настаиваю на приоритете теории личности или ее независимости от экспериментальной психологии; я лишь имею в виду, что только в тесном взаимодействии обе могут надеяться на исполнение своих притязаний. И лишь опираясь на обобщенные данные экспериментальной психологии и исследований личности, социальная психология может рассчитывать на подлинно научный статус и может в свою очередь внести свой вклад в развитие общей психологии. И здесь связь тоже не односторонняя; люди существуют не изолированно, поэтому понятие личности

практически не имеет смысла вне социального контекста. Упущения в этой сфере со всей очевидностью означают недостаток наших знаний об этом био-социальном явлении — личности; прогресс в любой из обозначенных областей будет означать прогресс во всех остальных. Психологи слишком поспешно согласились с тем, что каждый ученый может работать над своей частной проблемой, добиваясь небольшого, но заметного прогресса. Если в процессе такой работы психолог упускает из виду главную цель, недооценивает важные переменные, влияющие на его исследование, то достигнутый им «прогресс» будет слишком скромным с точки зрения подлинной науки. Психология — это изучение поведения личностей, и ничто другое; личность лежит в самой ее основе. Необходимо сочетать вдумчивый, скрупулезный подход тех, кто экспериментирует с крысами, с широкими социальными интересами тех, кто работает возле кушетки; если нам удастся увязать друг с другом эти сферы с использованием понятий теории личности, то тогда мы сможем сказать, что психология стоит на правильном пути.

Глава 2

Секс и личность

Изучение сексуального поведения началось сравнительно недавно; до того, как Кинси и его сотрудники осуществили свое широко известное исследование, работы в этой области были крайне редки и немногочисленны. Тем не менее предшественники у Кинси были, хотя порой и случайные. Одним из самых ранних может быть назван загадочный «Уолтер» — под этим псевдонимом скрывался автор одной из самых длинных и непристойных книг в истории — «Моя тайная жизнь». В одиннадцати томах этого произведения Уолтер (которым предположительно был знаменитый викторианский библиограф и коллекционер эротики Г. Спенсер Эшби) описывает события своей половой жизни начиная с детских лет в период около 1840 г. и далее; при знакомстве с этими весьма детальными описаниями поражает количество женщин — участниц этих событий, — по приблизительным оценкам самого Уолтера, он имел половые сношения более чем с 2000 женщин. Большинство из них были проститутками либо принадлежали к прислуге, то есть практически не могли устоять перед безотказным сочетанием золота и угроз. Автор без стеснения описывает, как, столкнувшись с отпором, применял прямое насилие; среди его «побед» упоминаются как женщины совсем немолодые, так и еще не вышедшие из детского возраста. Эта книга с одной стороны отвратительная, с другой — разоблачительная:

редкое произведение в столь откровенной форме повествует о том, какова на самом деле была жизнь обездоленных в Викторианскую эпоху и каким унижениям подвергались представительницы женского пола. Автор проливает свет на так называемую «нравственность» и «пуританство» той эпохи; из его повествования становится очевидно, что эти понятия, если они вообще в ту пору существовали, были присущи лишь небольшой группе населения, а именно среднему классу. Для девушек пролетарского происхождения остаться невинными до шестнадцатилетнего возраста было крайне маловероятно, что так непохоже на наше «распущенное» время, когда, как мы увидим ниже, вступление в первый половой контакт обычно происходит значительно позже.

Кронгаузены, супружеская пара американских психоаналитиков, опубликовали книгу с выдержками из сочинений Уолтера, снабдив их своими «интерпретациями» и комментариями; как и можно было ожидать, они расценили автора, этот одушевленный пенис, как пророка фрейдистской эры вседозволенности, который, отринув всяческие запреты, устремился в рай чувственных наслаждений. Книге предпослан подзаголовок «Английский Казанова», что явно демонстрирует нравственную и эстетическую неразборчивость ее авторов: Казанова был блестящим писателем, в сравнении с которым Уолтер предстает полуграмотным дилетантом, и он был способен на подлинную нежность и страсть, которым нет места в низменной душонке Уолтера.

Мы еще вернемся к Уолтеру в одной из следующих глав; здесь отметим лишь, что его неумный интерес к женщинам и сексу побудил его к созданию своего рода первого опросника в этой области, предвосхитившего опросники Кинси примерно на семь десятилетий. Как и Кинси, Уолтер, похоже, выучил свои вопросы наизусть и всякий раз задавал их не только проституткам, но и девушкам-служанкам. Этот опросник начинался с вопросов такого рода: «В каком возрасте у мальчика впервые напрягается пенис? Когда, по-твоему, мальчик впервые испытывает удовольствие от этого напряжения? Сколько

лет было самому маленькому мальчику, который проявил интерес к твоему полу и к твоему телу? В каком возрасте ты впервые испытала домогательства? В каком возрасте ты впервые стала себя самоублажать?» И это только первые вопросы, задававшиеся всем; остальные были еще более откровенны и задавались лишь «общедоступным» женщинам. «Вызывает ли у тебя отвращение сперма? Удастся ли тебе кончить с мужчиной, с которым ты имеешь дело в первый раз? (На викторианском жаргоне «кончить» означало «испытать оргазм» — Уолтер, хоть он и имел 2000 женщин, придерживался, похоже, весьма вздорных представлений о женском оргазме.) Имела ли ты половое сношение с женщиной, понравилось ли тебе это? Что тебе больше нравится: половой акт или гамагучо? (Гамагучо на викторианском жаргоне означало оральную стимуляцию половых органов, включая как куннилингус, так и фелляцию; мне не удалось установить этимологию этого слова, и от самого его использования я испытываю некоторую неловкость.)» Уолтер дает пояснение к своему опроснику: «Это лишь основные вопросы. Ответы на них нередко вызывали другие вопросы. Ответы, данные *множеством* женщин, вкупе с собственным мужским опытом и наблюдениями за женской природой не оставляют практически ничего неизвестного в этой области и позволяют мужчине полностью познать вкусы и предпочтения женщин, а также и мужчин». Звучит довольно сомнительно, тем более если судить по рассуждениям самого Уолтера, хотя он и дополнил результаты своих опросов непосредственными наблюдениями (подглядывая в замочную скважину в гостиницах и борделях) и экспериментами. (Так, он предпринял попытку соития под водой; это оказалось крайне затруднительно. Также он пытался выяснить, сколько монет может вместить вагина; результат — 85 шиллингов. Можно ли назвать Уолтера одним из предшественников экспериментальной психологии?)

Уолтер, как и последовавший по его стопам Кинси, очень доверял словесным свидетельствам; и тот, и другой были готовы бесконечно беседовать с мужчинами и женщинами, кото-

рые согласились (или были так или иначе вынуждены) рассказать *все*. Тут, естественно, возникают два вопроса: «Были ли проинтервьюированные люди действительно случайной выборкой из всей массы населения? Говорили ли они правду?» По обоим поводам был высказан изрядный скептицизм — вне сомнения, оправданный. Уолтер, разумеется, понятия не имел о формировании выборки и нимало об этом не заботился; Кинси был подготовлен получше и всячески старался удовлетворить своих критиков. По самой природе вещей почти невозможно сформировать хорошую выборку, если речь идет о вопросах сексуальности. Соответственно, совершенно невозможно узнать, удалось это кому-то или нет! Можно лишь надеяться, что разные исполнители, обследовав разные выборки разными методами в разных странах, получают согласующиеся друг с другом данные, и это позволит считать особенности той или иной выборки не настолько влияющими на результаты, чтобы их совершенно обесценить. В целом повторные исследования методом Кинси дали похожие результаты; в силу этого я склонен полагать, что допущенные Кинси погрешности невелики. Это не означает, что полученные им данные абсолютно верны, — скорее они не настолько неверны, чтобы быть совершенно бесполезными. Наука движется вперед за счет уточнений; данные первых измерений редко бывают точными, но они исключительно важны для того, чтобы двигаться дальше. Если исследователь обнаруживает, что в опрашиваемой им выборке студенток 29% утверждают, что имели половые сношения, означает ли это, что «истинный» показатель для всего населения будет равен 25% или, скажем, 37%? Усредненный ответ «примерно одна треть» — это уже хороший результат, исключающий вероятность появления таких цифр, как, скажем, 68% или 84%. Неплохо было бы достичь большей точности, но возможна ли абсолютная точность? Лауреат Нобелевской премии по физике Дж. Дж. Томпсон однажды сказал, что бывает очень доволен, когда погрешность в его измерениях не превышает 10%; могут ли психологи рассчитывать на большее?

Большинство обывателей заблуждаются в этом вопросе,

поскольку чаще всего имеют в виду измерения таких фундаментальных аспектов природы, как время и пространство; их действительно можно измерить очень точно, но эти случаи нетипичны. Когда же мы заводим речь о тех областях, где в наши дни развернулись активные исследования, параметры допуска расширяются невероятно. Когда Милликен¹ в 1906 году приступил к работе по измерению заряда электрона, величина погрешности в его измерениях составляла не менее 50%; более того, все использованные методы были направлены на установление средней величины при измерении заряда многих электронов. К тому же нет никаких доказательств того, что все электроны обладают одинаковыми зарядами. Если бы психологи попытались работать с подобной степенью точности и экспериментировать со столь неопределенным материалом, то обыватели подняли бы их на смех, ставя им в пример физиков, — и были бы при этом совершенно неправы. В новой области исследований — будь то в физике или в психологии — бесполезно искать абсолютной точности и определенности; если вам удалось их достичь, то, наверное, настало время переходить к чему-то другому. Разница, вероятно, состоит в том, что физик может себе позволить укрыть всю эту предварительную работу за непроницаемыми стенами лаборатории в абсолютной уверенности, что никому нет дела до его исследований или что по крайней мере никто не в состоянии их понять. Психологам не так-то легко укрыться, ведь то, чем они занимаются, как правило, интересно — порой ужасно интересно — самой широкой публике. Поэтому даже самые первые наши шаги в любом направлении подвергаются придирчивому, не всегда доброжелательному рассмотрению — задолго до того, как сам исследователь пожелал бы вынести результаты своей работы на суд общественности. Разумеется, психологи часто ошибаются — так же, как и физики, но разница тут есть. Все

¹Милликен (Millikan) Роберт Эндрус (1868—1953) — американский физик, лауреат Нобелевской премии (1923), осуществил прецизионное измерение заряда электрона разработанным им методом.

научные измерения содержат ошибки; но покуда исследователю очевидны разумные пределы ошибки, он может формулировать рациональные заключения с учетом таких погрешностей. В психологических измерениях ошибки порой очень невелики — например, при измерении порогов чувствительности, — а иногда они большие. То же самое справедливо и для физики. Оценка размеров ошибки — это важное и серьезное дело; само по себе наличие ошибки не отменяет возможность формулирования разумных заключений.

Но вернемся к вопросу о том, говорят ли люди правду. Это очень непростой вопрос, поскольку он подразумевает, что нам известно, в чем она состоит; если мы хотим знать, как слова человека соотносятся с «правдой», нам необходим некий независимый критерий. Люди нередко считают, что таким независимым критерием является действие, которое говорит громче всяких слов. Но так ли это? Когда я жил в Германии при гитлеровском режиме¹, я знал некоторых людей, которые всем своим поведением демонстрировали поддержку нацистской власти; в общении со мной, своим близким другом, они признавались в глубочайшей ненависти ко всему, что олицетворял фашизм. Один из них впоследствии сумел бежать из Германии, преодолев, словно в хичкоковском фильме, заснеженный горный перевал на лыжах; другой сгинул в концлагере. Вне сомнения, те слова, что они говорили мне, значили гораздо больше, чем их поведение; а под принуждением и слова, и действия или и то, и другое могут совсем не соответствовать «истине». Все мы порой бываем неискренни, причем не только на словах, но и в своих поступках. Не начинает ли жена подозревать мужа, который ни с того ни с сего вдруг принес ей в подарок цветы? Даже если мы допустим такое различие (а не являются ли слова тоже действиями, причем порой очень важными и эффективными?), нам не следует доверять ни тому, ни другому, пока у нас нет надежных оснований для доверия. Что ка-

¹Айзенк эмигрировал из Германии в Англию в 1934 г., вскоре после прихода к власти нацистов.

сается сексуальной сферы, то тут нам приходится ограничиваться лишь словесной информацией, хотя всегда существуют способы увязать эту информацию с поведением; при обсуждении приводимых ниже данных мы еще вернемся к этому вопросу. Есть и другие способы добиться «достоверности» словесной информации, их мы также в свое время обсудим. А сейчас позвольте мне с помощью исторического примера проиллюстрировать те трудности, с которыми сталкиваются попытки непосредственного наблюдения и измерения сексуальной активности.

Речь в этой истории пойдет о герцоге Винченцо Гонзага, чей бездетный брак с Маргаритой Фарнезе, внучкой герцога Пармского, был аннулирован. Медичи, великий герцог Тосканский, предложил ему руку своей дочери, но тут возникло затруднение — поползли слухи о том, будто бездетность прежнего брака была вызвана импотенцией Гонзага. Окажись это правдой, проблема возникала очень серьезная, поскольку в те дни рождение сына и наследника являлось основной задачей благородной супружеской четы; если эту задачу решить не удавалось, это было чревато крупными неприятностями, раздорами и даже кровопролитием¹. Поэтому со стороны Медичи было выдвинуто условие — прежде чем вести переговоры о браке, дону Винченцо надлежало доказать свою дееспособность, лишив невинности девицу перед лицом свидетелей. История тут вышла очень запутанная, со множеством политических и религиозных казусов; ее блестяще описывает Роджер Пейрифитт в своей книге «Судьба герцога», из которой мною и почерпнута эта информация. К тому же история довольно забавная — хотя сам герцог, вероятно, с этим и не согласился бы. Здесь я хотел бы лишь обратить внимание на то, сколь сложным оказалось требуемое доказательство; хотя это и кажется совсем

¹Автор в данном случае не преувеличивает. Описываемая им история относится к концу XVI в. Позднее, в XVII в., после кончины бездетного герцога Гонзага споры о его наследстве переросли в кровопролитную войну, втянувшую в свою орбиту ведущие европейские державы.

просто — доказать, что человек обладает достаточной потенцией, однако этот незамысловатый факт для подтверждения своей достоверности потребовал крайне громоздкой, затруднительной и дорогостоящей процедуры. Эта история показывает, как далеко можно зайти, если решить, что слова не заслуживают доверия (а в описываемом случае так оно вполне и могло быть), а доверять можно лишь действиям, в достоверности которых можно убедиться.

По поводу предстоящего испытания сразу возникли споры, из этических соображений (весьма своеобразных в те давние времена) было предложено не привлекать девицу — сойдет и вдова! Однако великий герцог на это не согласился — его дочь была не вдовой, а девицей, поэтому и испытание должно осуществляться на соответствующем «материале». Моральные аспекты этого дела также активно дискутировались и потребовали вмешательства церковных авторитетов. Наконец 12 декабря 1583 года собрался высочайший совет под руководством Папы Григория XIII; в результате открытого голосования спорное начинание было одобрено. Герцогу было предписано доказать свою дееспособность посредством лишения девицы невинности перед лицом свидетелей. Надежность испытания была гарантирована соблюдением следующих условий. 1) Девушку должны были «со всем тщанием обследовать два врача, две няни и две матроны в присутствии Дона Альфонсо, Дона Чезаре и кавалера Урбани». 2) Дон Альфонсо с этого момента должен был неотлучно сопровождать девушку до самой ее встречи с герцогом, которой надлежало состояться в комнате с зарешеченными окнами и единственной дверью в замке Бельфьоре близ Феррары. 3) На проведение испытания была отпущена одна ночь. 4) Герцогу не позволялось для достижения требуемого результата пользоваться ни пальцем, ни каким-либо инструментом, помимо единственного, для данной цели предназначенного. 5) Те же лица, что ранее удостоверились в невинности девицы, должны были убедиться в факте ее лишения. 6) Дону Чезаре позволялось любым по его усмотрению способом убедиться, что герцог не пронесет с собою к ложу де-

вицы никакого предмета, с помощью которого поставленная задача могла бы быть решена в обход выдвинутых требований. Требования, конечно, небыстречные, но выдвигавшим их они казались достаточными. Оставалось найти подопытную девушку. Обратились к вдове архитектора Легорио, и та после недолгих колебаний согласилась предоставить свою старшую дочь для участия в эксперименте. Все было улажено. Но тут случилось непредвиденное — старшая дочь незадолго до назначенного испытания сбежала со своим возлюбленным герцогом Сципионе дель Сократо.

Страсти накалились. Снова начались споры об условиях — герцог не желал ограничиться одной ночью, к тому же выдвигалось предположение, что для проверки довольно будет одного врача, одной няни и одной матроны. Высказывались опасения, что девственница может оказаться холодной либо просто недостаточно соблазнительной. Выдвигались и всевозможные политические соображения, ставившие под сомнение саму возможность испытания. Слухи дошли и до невесты, но возымили на нее довольно слабое действие — о том, что такое импотенция, она имела крайне смутное представление, а ее духовный наставник затруднился рассеять ее невежество в этом вопросе. В итоге на роль жертвы была подыскана девочка из сиротского приюта — ее сексуальная соблазнительность долго дискутировалась, но наконец была признана достаточной. Герцог продолжал настаивать, что для овладения ею ему желательно располагать не одной ночью, а тремя. Наконец все было улажено. Решено было расширить временные рамки до 24 часов. Юная девственница подверглась тщательному осмотру эмиссаров обеих заинтересованных сторон. Все было готово к испытанию, но тут у девочки начались месячные, и процедуру пришлось отложить.

Наконец воскресным утром в четыре часа она предстала перед герцогом «столь нежная и соблазнительная, что одним своим видом возбудила бы и камень». Но герцог оказался совсем не каменным, даже наоборот. Едва приблизившись к девице, он вдруг почувствовал острое недомогание, которое

впоследствии объяснял тем, что съел накануне слишком много устриц. В результате первая попытка соития окончилась неудачей. Весь день промаявшись животом, герцог лишь к закату обрел достаточно сил, и второй подход завершился успешно. Со слов девочки, над нею было проделано все, что положено, и она почувствовала то, что должна была почувствовать. То есть даже в этом экзотическом эксперименте решающим оказался словесный самоотчет! Разумеется, придирчивый осмотр позволил удостовериться в утрате ею невинности, однако каким образом был достигнут этот результат, известно лишь из ее рассказа. В данном случае ее словам можно доверять — благословение на брак было получено, свадьба состоялась, и в положенный срок на свет появились долгожданные наследники.

Стоит обратить внимание на то, сколь отличалась нравственная атмосфера той далекой поры от нынешней; в наши дни невозможно себе представить подобное «испытание», да еще под патронажем церкви! Но если подойти к этому вопросу с чисто научной точки зрения, то поставленный эксперимент выглядит абсолютно дилетантским: он ровным счетом ничего не доказал. В создавшихся условиях герцог легко мог пронести к ложу запретный «инструмент» — тщательного досмотра не проводилось. В конце концов, он просто мог воспользоваться пальцем. Полагаться пришлось исключительно на слова девочки, которую вполне могли подкупить или запугать. Да и сам состоявшийся половой акт еще не гарантировал последующего зачатия потомства в браке. Ведь, как известно, для этого необходима не только эрекция, но и семяизвержение, а никаких свидетельств того, имело ли оно место, получено не было.

Эксперименты над сексуальностью крайне затруднительны. Таков единственный достоверный вывод из всей этой истории. Ранее упоминавшийся Уолтер в своих наблюдениях и экспериментах также наделал множество ошибок, поскольку опирался почти исключительно на самоотчеты проституток

Викторианской Англии. Американские врачи Мастерс и Джонсон¹ решились на смелую попытку и исследовали сексуальное поведение с использованием самого современного электронного оборудования; их добровольные испытуемые, конечно, чувствовали себя гораздо комфортнее, чем незадачливый герцог, однако вряд ли они представляли собой репрезентативную выборку из всей массы населения — даже в нашу раскрепощенную эпоху далеко не каждый согласится на то, чтобы, будучи обвешан датчиками, заниматься любовью под пристальным наблюдением ученых.

В целом наиболее приемлемым методом исследования является опрос, устный или письменный, охватывающий более или менее репрезентативную выборку. Полученные таким образом результаты можно считать в значительной мере достоверными. Однако в связи с исследованиями Кинси и его последователей возникает одно сомнение: правильные ли вопросы задавали исследователи? Я не имею в виду, что их метод исследования половой жизни может быть значительно усовершенствован за счет выбора иных вопросов и иных формулировок — таким образом можно достичь лишь небольшого уточнения результатов. Моя озабоченность касается тех фундаментальных вопросов, на которые попытались ответить ис-

¹Мастерс (Masters) Уильям Хьюлетт (1915—2001) — американский гинеколог и сексолог. Совместно со своей ассистенткой В. Джонсон (на которой он женился в 1969 г.) начиная с 1957 г. осуществил новаторские лабораторные исследования человеческой сексуальности. Подозревая, что обычные испытуемые могут вести себя неадекватно в лабораторных условиях, Мастерс и Джонсон первоначально привлекли к исследованию только лиц, профессионально занимавшихся проституцией. Когда стало очевидно, что поведение этих испытуемых в основном не характерно для всей популяции, была предпринята попытка привлечь и представителей иных социальных кругов, увенчавшаяся неожиданно большим успехом (в экспериментах приняли участие сотни добровольцев). Наблюдения и опыты Мастерса и Джонсон многое прояснили в вопросах человеческой сексуальности и позволили исследователям построить оригинальную систему терапии сексуальных расстройств. Результаты их работы обобщены в книгах «Сексуальные реакции человека» (1966) и «Сексуальное неравенство людей» (1970). На русском языке доступен сборник их работ «Мастерс и Джонсон о любви и сексе», М., 1991.

следователи. Их интересовали статистические данные — от количества юношей и девушек, начавших половую жизнь до 18-летнего возраста, и до процента сорокалетних замужних женщин, имевших внебрачные связи. На первый взгляд эти вопросы кажутся очень интересными и важными с научной точки зрения, однако по прочтении нескольких объемных томов, наполненных таблицами статистических данных, большинство читателей, как и я сам в свое время, испытали, вероятно, некоторое пресыщение и разочарование. Факты сами по себе еще не составляют науки — нам также необходимы теории, закономерности, обобщения.

Некоторые выводы все же делаются — как правило, с опорой на метод подразделения популяции по полу и возрасту. Нам объясняют (словно мы и сами об этом не догадывались), что женщины менее, чем мужчины, склонны к экспериментированию в сексуальной сфере; среди холостых студентов девственны лишь одна треть мужчин, но две трети женщин. Нам говорится, что люди с возрастом становятся более склонны к сексуальным приключениям. Также отмечают некоторые различия в поведении представителей пролетариата и среднего класса, хотя и об этом люди, чей круг знакомств не ограничивается одним социальным классом, наверняка догадывались. Я не придираюсь — выводы Кинси гораздо более точны, чем любые смутные догадки, хотя по сути одно мало отличается от другого (вероятно, именно по этой причине выкладки Кинси столь быстро заслужили широкое признание). Я лишь хочу подчеркнуть, что эти данные представляют собой социологический материал, совершенно бессмысленный с психологической точки зрения. Психоаналитики критиковали Кинси за то, что он сконцентрировался на «результатах» сексуального поведения; они полагают, что следовало бы также изучить бессознательное его респондентов. Такая критика не вполне оправданна — «результаты» очень важны, и вряд ли в исследовании могли бы быть получены предлагаемые данные за счет усложнения процедуры сбора фактов. Тут возникают гораздо более важные вопросы: «Почему один человек ведет себя так, а другой иначе? Некоторые студенты уже имеют сексуальный

опыт, другие еще не имеют — и что это за люди, чем они друг от друга отличаются? Некоторые женщины имеют внебрачные связи — что это за женщины? Одни люди отдают предпочтение «миссионерской» позиции, другие экспериментируют — почему?» Это психологические проблемы, которые, в отличие от психоаналитических, в принципе решаемы. Данная глава посвящена такого рода вопросам, и в ней делается попытка предложить что-то вроде ответов.

Как нам подступиться к таким вопросам? Сторонники идей Бэкона предпочли бы действовать чисто индуктивно, отделив, скажем, девственных студентов от недевственных и собрав о тех и о других максимум возможной информации в надежде, что какая-то окажется значимой. Это негодный способ, хотя множество так называемых исследований именно таким образом и проделываются. Кажется более разумным выдвинуть некие теории и собрать данные, которые их подтвердят или опровергнут; таким образом будут отобраны лишь действительно значимые факты. Какими же теориями мы можем воспользоваться? Вспомним содержание первой главы — предполагается, что врожденные анатомические и физиологические различия обуславливают склонность людей взаимодействовать с окружающей их средой определенным образом, из чего складываются экстравертированный или интровертированный, эмоциональный или стабильный типы личности. На основе соответствующих теорий и с опорой на данные лабораторных наблюдений мы можем предсказать поведение того или иного человека в отношении лиц противоположного пола, его сексуальные предпочтения, манеры и привычки.

Обратимся сначала к экстравертам. Они динамичны, подвижны, склонны к доминированию, жадны до новых ощущений, не слишком скованы моралью; какого же поведения мы можем ожидать от них в сексуальной сфере? Мы с большой долей вероятности можем выделить некоторые формы поведения, которые вытекают из этих характерных особенностей, а также из тех теоретических и экспериментальных данных, которые изложены в главе 1. 1) Экстраверты более, нежели интроверты, склонны к добрачным половым отношениям.

2) В сравнении с интровертами экстраверты более склонны к внебрачным связям. 3) Экстраверты раньше, чем интроверты, начинают половую жизнь. 4) На протяжении определенного промежутка времени — скажем, года — у экстравертов будет больше половых партнеров, чем у интровертов. 5) Экстраверты более, чем интроверты, склонны иметь более одного партнера одновременно. 6) Экстраверты в сравнении с интровертами более склонны отдавать предпочтение разным позициям при сексуальном контакте. 7) Экстраверты более охотно, чем интроверты, используют «извращенные» формы полового акта¹. 8) Экстраверты легче, чем интроверты, вступают в контакты с представителями противоположного пола. 9) Экстраверты реже, чем интроверты, практикуют гомосексуальные контакты. 10) Экстраверты менее, чем интроверты, склонны достигать сексуального удовлетворения посредством мастурбации. Читатель, вероятно, может выдвинуть еще несколько подобных гипотез, однако ограничимся пока этими — из них складывается достаточно широкая картина поведения, которое мы могли бы предсказать на основе нашей теории. Все они оперируют понятием экстраверсии как наиболее данному случаю подходящим, хотя нечто подобное можно проделать и в отношении нейротизма, или эмоциональности.

Я не стану в данном случае вдаваться в подробности; очевидно, что тревога и страх, опосредуемые автономной нервной системой, будут удерживать эмоциональную, или невротическую, личность на безопасном расстоянии от реальных или во-

¹Определение «извращенные» заключено в кавычки потому, что хотя оно до сих пор нередко употребляется в отношении сексуальных приемов такого рода, они однако же распространены настолько широко, что неприятные ассоциации, связанные с понятием «извращенный» (то есть противоестественный, ненормальный) тут явно излишни. К сожалению, не существует более удачного термина, которым можно было бы обозначить сексуальные практики, имеющие для многих людей привкус запретного плода или чего-то недостойного. Здесь я лишь отмечу, что в данной книге этот термин употребляется для обозначения орального и анального секса, а также любых позиций, отличающихся от традиционной «миссионерской»; при этом я вовсе не настаиваю на том, что эти формы ненормальны и противоестественны, а также воздерживаюсь от каких бы то ни было моральных оценок. — *Прим. автора.*

ображаемых опасностей, ассоциируемых с половыми контактами. Вместо рассмотрения параметра эмоциональности — стабильности, я уделю внимание третьему измерению личности, до сей поры исследованному мало, — *психотизму*. Как известно, существует два основных вида душевных расстройств — неврозы и психозы. К первым относятся расстройства, в которых эмоциональные нарушения играют ведущую роль, — это тревожность, депрессия, навязчивости, фобии, истерические реакции и многое другое. Люди с высокими показателями нейротизма во многих отношениях напоминают таких невротиков, хотя и необязательно страдают неврозами в клинической форме. Психозы (к которым относится шизофрения в ее разнообразных формах, а также маниакально-депрессивное расстройство) чреватые более серьезными последствиями; они характеризуются неадекватностью чувств, эмоциональной уплощенностью, расстройствами мышления и множеством иных симптомов. Есть определенные личностные черты, общие для всех (или по крайней мере для большинства) психотиков, которые также можно обнаружить и у людей «нормальных»; подобно тому как существует континуум, простирающийся от человека преимущественно нормального до тяжелого невротика, так же существует и континуум с нормальным человеком и психотиком на разных полюсах. В этом континууме и обнаруживается явление «психотизма», которое может быть оценено с помощью специального опросника, как и нейротизм-эмоциональность или экстраверсия. Что представляют собой люди с высоким показателем по данным соответствующего опросника? Это люди трудные, с ними невозможно ужиться. Они бывают жестоки и безжалостны, не умеют сочувствовать и вообще отличаются недостаточной эмоциональностью. Они постоянно находятся в поисках новых ощущений, которые позволили бы им взбодриться. Они агрессивны и недружелюбны к окружающим; им нравятся странные и необычные вещи, опасность их не пугает. Им нравится ставить людей в неловкое положение, они радуются чужим огорчениям. Их умственные и телесные реакции замедлены, что отме-

чается соответствующими тестами. Таково краткое описание их наиболее характерных черт.

Каково будет сексуальное поведение такого человека? Его интимные отношения сложатся безлично, он может даже проявлять враждебность к партнеру. Любые стимулы сексуального характера будут его легко возбуждать. Девственность и прочие социальные условности полового контакта будут его мало беспокоить. Предаваться мастурбации и всяческим «извращениям» он станет охотно. Ничто не удержит его от добрачного и внебрачного секса — об этом он не станет даже задумываться. Он будет с удовольствием смотреть порнографические фильмы и читать порнографические романы, охотно предастся вуайеризму, примет участие в оргиях, и в целом его сексуальные установки будут носить патологический характер. Уолтер, помимо присущей ему экстраверсии, со всей очевидностью принадлежал к психотическому типу, и нам остается лишь сожалеть, что невозможно попросить его заполнить соответствующий опросник!

Теперь обратимся к фактам. Прежде чем рассказать о моих собственных работах, считаю необходимым упомянуть и о широкомасштабном исследовании немецких студентов, проведенном Гансом Гизе и Гюнтером Шмидтом из Института исследований сексуальности в Гамбурге. Эти ученые опросили примерно шесть тысяч студентов, из которых большинство не состояли в браке — этот и прочие факторы снизили количество параметров для сравнения. Авторы также использовали короткий личностный опросник, валидность которого была подтверждена соответствием его одному из моих опросников; было установлено, что с его помощью выявляются те же переменные — экстраверсия и эмоциональность (E и N). Необходимо, однако, отметить, что с помощью более развернутого опросника результаты могли бы быть получены более надежные. Набор, который для шкалы экстраверсии содержит всего четыре вопроса, как у этих авторов, конечно, не очень надежен. Теория, на основании которой ими был включен в исследование данный опросник, изложена в главе 1 данной книги; рассуждения авторов во многом похожи на те, что приведены

выше. Излагая полученные результаты, авторы подразделяют обследованных ими мужчин и женщин на три группы: с низким показателем N, со средним N и с высоким N (соответственно N1, N2 и N3), или с низким, средним и высоким показателем экстраверсии (E1, E2 и E3): количество ответов «Да» (в %) приводится для каждой группы. Что же удалось выяснить Гизе и Шмидту?

Что касается эмоциональности (N), выяснить удалось немного. Лица с высоким N раньше начинают заниматься мастурбацией и делают это чаще, чем лица со средним и низким N; это, похоже, единственный значимый результат, касающийся их половой жизни. Они также желали бы более частых половых актов и находят свое либидо сильным — поклон Фрейд! Женщины, жившие половой жизнью, тем менее способны к оргазму, чем выше их N; чем невротичнее — тем меньше шансов на оргазм! У мужчин с высоким N чаще бывает спонтанная эрекция и поллюции, чем у мужчин с более низкими соответствующими показателями. У женщин с высоким N чаще наблюдаются проблемы с менструальным циклом; месячные происходят нерегулярно и болезненно. Все — во многом, как и ожидалось, и не очень-то информативно. Вероятно, эмоциональная стабильность связана с сексуальностью не так сильно, как полагают психоаналитики. Мы вернемся к этому вопросу после рассмотрения наших собственных данных.

Данные, касающиеся экстраверсии, столь многочисленны, что мне пришлось свести их в таблицу (таблица 1). Из нее становится ясно (как, впрочем, и можно было ожидать), что экстраверты меньше мастурбируют; к петтингу они приобщаются раньше и до своего нынешнего возраста предаются ему с большим энтузиазмом. Экстраверты имеют первый половой акт в более раннем возрасте, и с большей вероятностью, чем интроверты, продолжают жить половой жизнью до настоящего времени. Средняя частота коитусов у экстравертов вдвое выше, чем у интровертов, и партнеров у них значительно больше. Мужчины-экстраверты склонны к более продолжительной прелюдии полового акта, нежели мужчины-интроверты; у женщин подобной тенденции не наблюдается, но это и неуди-

вительно, поскольку в рамках нашей культуры (а вероятно, и не только!) инициатива в этой области принадлежит мужчинам. Куннилингус и феллацио более типичны для экстравертов, чем для интровертов; то же касается разнообразных позиций соития. (И снова женщинам это не свойственно, вероятно — по причине, приведенной выше¹.) Наконец, женщины-экстраверты чаще испытывают оргазм, чем женщины-интроверты. Все эти результаты вполне согласуются с нашими предсказаниями. Совершенно очевидно, что экстраверсия в значительной мере влияет на сексуальное поведение, на возраст начала половой жизни, формы и степень полового удовлетворения.

		Мужчины			Женщины		
		E1	E2	E3	E1	E2	E3
1.	Мастурбация в настоящее время	86%	80%	72%	47%	43%	39%
2.	Петтинг в возрасте 17 лет	16%	28%	40%	15%	19%	24%
	19 лет	31%	48%	56%	30%	44%	47%
	в настоящее время	57%	72%	78%	62%	71%	76%
3.	Коитус в возрасте 17 лет	5%	13%	21%	4%	4%	8%
	19 лет	15%	31%	45%	12%	20%	29%
	в настоящее время	47%	70%	77%	42%	57%	71%
4.	Средняя частота половых актов в месяц (только для сексуально активных студентов)	3.0	3.7	5.5	3.1	4.5	7.5
5.	Число половых партнеров за последние 12 месяцев (только для незамужних и неженатых)						
	1	75%	64%	46%	72%	77%	60%
	2—3	18%	25%	30%	25%	17%	23%
	4+	7%	12%	25%	4%	6%	17%

¹Отсюда можно заключить, что женщинам, практикующим куннилингус, феллацио и разнообразные позиции, это *нравится* меньше, чем мужчинам; и такой вывод будет совершенно верным. По данным опросов, с удовольствием это практикуют свыше 95% мужчин и менее 55% женщин! — Прим. автора.

	Мужчины			Женщины		
	E1	E2	E3	E1	E2	E3
6. Продолжительная прелюдия, предшествующая половому акту	21%	25%	28%	21%	16%	18%
7. Куннилингус	52%	62%	64%	58%	69%	69%
8. Феллачио	53%	60%	69%	53%	59%	61%
9. Свыше трех разных позиций соития	10%	16%	26%	12%	18%	13%
10. Оргазм почти каждый раз	—	—	—	17%	32%	29%

Таблица 1. Сексуальное поведение студентов с низкими (E1), средними (E2) и высокими (E3) показателями экстраверсии.

Исследования, проведенные мною, охватили меньшее количество людей, но были более подробными. Выборку составили 400 неженатых студентов и 400 незамужних студенток моложе 25 лет; большинству было по 19—20 лет, и лишь немногие были старше. Всем предлагалось заполнить личностные опросники, а также анкету, касающуюся их сексуального поведения, и еще одну — касающуюся их сексуальных установок¹. Каждому был вручен конверт с маркой, в котором они могли отправить заполненные формы по адресу больницы Модсли². В университетах и колледжах, где проводилось это исследование, оно вызвало определенный интерес; со студентами были проведены беседы, в которых разъяснялось научное значение опроса, а также гарантировалась полная анонимность обследования для каждого респондента. Конечно, могут возникнуть сомнения по поводу представительности выборки

¹ Многие вопросы были заимствованы из более подробной анкеты, ранее опубликованной Ф.К. Томом; некоторые вопросы были включены дополнительно. — *Прим. автора.*

² В 1946—1983 гг. Айзенк возглавлял психологическое отделение в больнице, названной в честь знаменитого английского психиатра Генри Модсли (1835—1918). На базе этого учреждения им было проведено большинство его исследований, создан ряд личностных опросников, известных, в частности, как опросники Модсли (названные, соответственно, не в честь психиатра XIX века, а в честь учреждения, где они были разработаны).

и искренности респондентов; давайте, однако, пока отбросим эти сомнения и обсудим эти вопросы позднее. Используемые опросники приводятся ниже; сначала — опросник сексуальных установок, который предъявлялся первым, потом опросник сексуального поведения. Личностный опросник здесь не приводится, однако дается описание типов личности с высокими и низкими показателями Р, Е и N — вполне достаточное, чтобы позволить читателю проследить за обсуждением. Прежде чем читать дальше, можно проделать следующее. Сначала можно просмотреть вопросы в опроснике сексуальных установок и спросить себя, как сгруппируются данные, если свести вместе ответы большого числа людей. И как на сгруппированные таким образом вопросы ответят люди с выделенными нами высокими и низкими личностными показателями. Нами была предпринята попытка дать научные ответы на эти вопросы; читателю может быть небезынтересно, насколько его гипотеза совпадает с полученными точными данными. Обратите внимание, что ниже приводится лишь мужская версия опросников; в женской версии многие вопросы были сформулированы иначе. Так, вопрос 76 — «Я сильно возбуждаюсь, прикасаясь к женской груди» — звучит: «Я сильно возбуждаюсь, когда мужчина прикасается к моей груди». Аналогичные изменения были внесены и в другой опросник.

Каждый вопрос в опроснике сексуальных установок требовал ответа «Да», «?» или «Нет»; согласно инструкции требовалось подчеркнуть правильный ответ, то есть тот, который опрашиваемый считал правильным для себя. Из инструкции следовало, что не существует ответов правильных или неправильных в абсолютном смысле. Ответ «?» допускался лишь в том случае, если человек, заполнявший опросник, затруднялся принять решение. К участию в опросе допускались только неженатые/незамужние. Поскольку были отмечены существенные различия между полами, при обработке результатов фиксировалось количество положительных ответов у мужчин и у женщин. Полученные результаты приводятся ниже. Так были обработаны ответы лишь на первые 94 вопроса, а для последних четырех вопросов проценты не приводятся — эти данные

мы обсудим отдельно. Стоит отметить, что, поскольку мужской вариант опросника включал вопросы, касавшиеся импотенции и преждевременного семяизвержения, женщинам под соответствующими номерами задавались вопросы, касавшиеся фригидности и частоты оргазма.

ОПРОСНИК СЕКСУАЛЬНЫХ УСТАНОВОК		
	Ответы «Да» (в %)	
	Мужчины	Женщины
1. Противоположный пол будет вас больше уважать, если вы ведете себя с ним не слишком фамильярно.	38	59
2. Секс без любви («безличный» секс) не приносит никакого удовлетворения.	49	80
3. Для сексуального возбуждения мне нужны подходящие условия.	21	43
4. Я удовлетворен своей сексуальной жизнью.	40	60
5. Девственность — это самое ценное, что есть у девушки.	16	24
6. Я редко думаю о сексе.	4	13
7. Иногда мне трудно контролировать свои сексуальные ощущения.	46	44
8. Мастурбация вредна для здоровья.	7	21
9. Если я люблю человека, то могу делать с ним что угодно.	55	46
10. Мне приятно прикасаться к своим половым органам.	61	37
11. Я был обделен в сексуальном отношении.	25	8
12. Половой акт животных — отвратительное зрелище.	5	6
13. Для того чтобы насладиться петтингом или половым актом, мне необязательно любить или уважать партнера.	43	12
14. Нормально, если дети видят родителей обнаженными.	64	74

15. Я весьма непривлекателен сексуально.	10	5
16. Если откровенно, то я предпочитаю людей моего пола.	3	2
17. Сексуальные контакты никогда не были для меня проблемой.	35	41
18. Обниматься на людях неприлично.	12	23
19. Сексуальные ощущения иногда мне неприятны.	11	16
20. В моей сексуальной жизни чего-то не хватает.	50	26
21. Мои любовные отношения не приносят мне разочарований.	43	36
22. Я разочарован своей сексуальной жизнью.	39	23
23. У меня никогда не было много поклонников.	36	26
24. Усилием воли я воздерживаюсь от мыслей о сексе.	2	7
25. Мой сексуальный опыт связан с ощущением вины.	29	41
26. Меня не волнует, что человек, с которым я вступил в брак, не сохранил целомудрия.	68	73
27. У меня был кое-какой сексуальный опыт в молодости.	15	13
28. Мысли об извращениях меня порой беспокоят.	28	18
29. Порой я прихожу в ужас от того, на что способен в сексе.	19	26
30. У меня были конфликты, связанные с сексуальными чувствами к человеку моего пола.	16	9
31. У меня много друзей противоположного пола.	71	80
32. Я обладаю высокой сексуальностью, но, когда представляется случай, затрудняюсь выразить свои чувства.	23	12
33. Нужно совсем немного, чтобы привести меня в состояние сексуального возбуждения.	66	31
34. Влияние родителей отрицательно сказалось на моей сексуальности.	30	25
35. Мысли о сексе беспокоят меня больше, чем следует.	12	7
36. Люди моего пола часто меня привлекают.	4	4
37. Есть вещи, которые я не захотел бы проделать ни с кем.	53	47

38. Детей следует просвещать в вопросах секса.	94	97
39. Я могу сексуально возбудиться в любое время дня и ночи.	88	69
40. Я понимаю гомосексуалистов.	44	35
41. Я думаю о сексе почти каждый день.	84	52
42. Не следует экспериментировать с сексом до брака.	7	21
43. Я легко возбуждаюсь.	60	27
44. Мысль о сексуальной оргии мне неприятна.	18	65
45. Лучше не иметь сексуальных отношений до брака.	6	31
46. Мысль о сексуальном партнере с другим цветом кожи кажется мне особенно волнующей.	24	3
47. Мне нравится рассматривать картинки сексуального содержания.	61	8
48. Меня сильно беспокоят угрызения совести.	18	26
49. Мои религиозные убеждения не одобряют секс.	7	13
50. Иногда сексуальные ощущения захватывают меня полностью.	32	27
51. Рядом с представителями противоположного пола я нервничаю.	25	15
52. Мысли о сексе сводят меня с ума.	6	2
53. В состоянии возбуждения я не могу думать ни о чем ином, кроме удовлетворения.	24	15
54. С представителями противоположного пола я чувствую себя легко.	66	80
55. Мне не нравится, когда меня целуют.	2	3
56. С представителями противоположного пола нелегко общаться.	12	6
57. Я многого не знал о жизни, пока не стал довольно взрослым.	26	23
58. Я лучше чувствую себя в обществе людей моего пола.	24	16
59. Мне нравится петтинг.	92	78
60. Я сильно озабочен сексом.	22	13
61. Контрацептивы должны быть абсолютно доступны.	84	65
62. Мне не интересно смотреть на обнаженного человека.	11	43

63. Порой мысли о сексе заставляют меня нервничать.	16	20
64. Женщины, подвергшиеся изнасилованию, нередко сами отчасти в этом виноваты.	57	53
65. Меня иногда беспокоят извращенные мысли.	26	18
66. Мне неловко говорить о сексе.	9	8
67. Молодым людям следует учиться сексу на собственном опыте.	34	23
68. Иногда женщина должна быть сексуально агрессивной.	88	64
69. Сексуальные шутки меня смущают.	4	22
70. Я считаю, что удовольствие нужно получать везде, где только можно.	44	7
71. Учиться сексу надо, экспериментируя с ним.	52	42
72. Молодым людям должно быть позволено ночевать вне дома.	68	54
73. Иногда я унижал своего партнера.	20	12
74. Я особенно тщательно буду оберегать своих детей от сексуальных контактов.	5	9
75. Самоудовлетворение не опасно.	74	56
76. Я сильно возбуждаюсь, прикасаясь к женской груди.	57	45
77. Случалось, что у меня было одновременно несколько любовных интрижек.	32	14
78. Для некоторых людей гомосексуальность вполне нормальна.	74	70
79. Вполне допустимо соблазнить человека, если он достаточно взрослый, чтобы понимать, что он делает.	73	35
80. Иногда я чувствую враждебность к своему партнеру.	37	40
81. Мне нравится смотреть на фотографии обнаженных людей.	63	10
82. Ягодицы меня возбуждают.	42	8
83. Я бы охотно понаблюдал тайком за людьми, занимающимися любовью.	41	12
84. Порнографическая литература должна быть разрешена и свободно публиковаться.	59	32

85. Проституция должна быть узаконена.	62	32
86. Решение об аборте должна принимать сама женщина, и никто другой.	52	47
87. По телевизору показывают слишком много аморальных передач.	6	13
88. Двойные стандарты морали естественны, и их следует придерживаться.	32	26
89. Брак себя изжил, и от него следует отказаться.	9	2
90. Мужчины женятся ради секса; женщины занимаются сексом, чтобы выйти замуж.	7	3
91. Не должно быть сексуальной цензуры фильмов и пьес.	63	39

Подчеркните ответ, который считаете правильным

92. Если бы вас пригласили посмотреть порнографический фильм, вы бы:		
(а) Согласились (б) Отказались	80	37
93. Если бы вам предложили прочитать порнографический роман, вы бы:		
(а) Согласились (б) Отказались	76	40
94. Если бы вас пригласили принять участие в оргии, вы бы:		
(а) Согласились (б) Отказались	61	4
95. Как часто вы предпочли бы заниматься сексом со своим партнером:		
(а) Никогда (б) Раз в месяц (в) Раз в неделю (г) Дважды в неделю (д) 3-5 раз в неделю (е) Каждый день (ж) Несколько раз в день		
96. Доводилось ли вам страдать от полового бессилия:		
(а) Никогда (б) Раз или два (в) Несколько раз (г) Часто (д) Такое бывало чаще, чем получалось (е) Всегда		
97. Случалось ли у вас преждевременное семяизвержение?		
(а) Очень часто (б) Часто (в) Бывало (г) Нечасто (д) Почти никогда (е) Никогда		
98. В каком возрасте вы впервые имели половой акт...		

Наиболее существенные различия между ответами разных полов имеют место относительно вопросов, касающихся порнографии (47, 81, 84, 91, 92, 93), оргий (44, 94), вуайеризма (83,

62) и проституции (85), следом идут вопросы о безличном сексе (2, 13), а также касающиеся полового возбуждения (33, 41, 43, 46, 82, 3, 39); во всех этих случаях положительные ответы у мужчин встречаются гораздо чаще. Мужчины также чаще одобряют добрачный секс (45, 70, 79, 42) и промискуитет (77). Однако удовлетворенность своей сексуальной жизнью чаще отмечается женщинами (4, 20, 11, 22), что довольно неожиданно. Мужчины чаще предаются мастурбации (10, 8), они также вообще менее стыдливы и щепетильны (18, 68, 69, 59) и менее склонны испытывать чувство вины (25). Большинство этих различий вполне предсказуемы, хотя полученные результаты и не следует переоценивать — некоторые ответы могут представлять собою не более чем общепринятые суждения, безотчетно усвоенные. Единственный поистине неожиданный результат исследования — очевидная удовлетворенность женщин их половой жизнью; ведь принято считать, будто «общество вседозволенности», как, впрочем, и Викторианская эпоха, благоволил к мужчинам. Объяснение, возможно, таится в том, что мужчинам присуще более сильное половое влечение, которое наталкивается на объективное препятствие, — по данным нашего исследования, свыше половины женщин в обследованной выборке девственны и намерены свою девственность сохранять. При такой расстановке сил женщины обладают большим преимуществом; хотя нелишне отметить, что характер нашей выборки отчасти определил полученные результаты, которые могли бы быть иными для более старших мужчин и женщин. В своей книге Шофильд описывает интересное открытие: девочки-подростки, имевшие сексуальный опыт, в массе своей не отличались большой внешней привлекательностью, тогда как мальчишки-подростки, начавшие половую жизнь, были весьма привлекательны. Объяснение, вероятно, и тут таится в расстановке сил — чтобы привлечь девушку, юноша должен быть красив, а красивой девушке вовсе не требуется расплачиваться своей девственностью за мужское внимание. Вероятно, если бы эту гипотезу можно было экспериментально исследовать, полученные результаты были бы весьма интересными.

ОПРОСНИК СЕКСУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Ниже приводятся краткие описания примеров полового поведения, присущего людям.

Отметьте крестиком (x) в колонке 1, доводилось ли вам когда-либо поступать таким образом.

(Примечание: мануально — с помощью рук; орально — ртом)

Колонка 1	Мужчины: Женщины:	
1. Поцелуи продолжительностью не менее минуты	95%	92%
2. Мануальные манипуляции женщиной мужскими гениталиями через одежду	71%	65%
3. Целование женских сосков	81%	68%
4. Оральные манипуляции женскими гениталиями	34%	40%
5. Половой акт лицом к лицу	69%	45%
6. Мануальные манипуляции женской грудью через одежду	92%	80%
7. Оральные манипуляции женщиной мужскими гениталиями	33%	35%
8. Мануальные манипуляции женщиной мужскими гениталиями вплоть до эякуляции	53%	55%
9. Мануальные манипуляции женской грудью с рукой под одеждой	89%	73%
10. Мануальные манипуляции женщиной мужскими гениталиями с рукой под одеждой	69%	69%
11. Половой акт, мужчина сзади	21%	22%
12. Мануальные манипуляции женскими гениталиями через одежду	75%	70%
13. Мануальные манипуляции женскими гениталиями, приводящие к обильной секреции	63%	46%
14. Взаимные оральные манипуляции гениталиями до обоюдного оргазма	8%	6%

15. Мануальные манипуляции женскими гениталиями с рукой под одеждой	79%	67%
16. Взаимные мануальные манипуляции гениталиями	69%	64%
17. Оральные манипуляции женщиной мужскими гениталиями вплоть до эякуляции	18%	15%
18. Взаимные мануальные манипуляции гениталиями до обоюдного оргазма	42%	32%
19. Взаимные орально-генитальные манипуляции	17%	21%

Выше приводится количество студентов (в %), мужчин и женщин в возрасте 19—20 лет, ответивших «Да».

Результаты, полученные с помощью опросника сексуального поведения, оказались гораздо проще, чем те, которые дал более длинный опросник, и с их обсуждения мы и начнем. Будучи проанализированы статистически, вопросы оказались сгруппированы по трем факторам: (1) фактор петтинга, включая ласки груди; (2) фактор полового акта, включая мануальные манипуляции половыми органами партнера; (3) фактор извращений (за неимением лучшего термина), включая разнообразные формы феллацио, куннилингуса и полового акта в необычных позициях. Последовательность этих факторов была неслучайной: респонденты продвигались от петтинга к половому акту, а от него — к «извращениям». Чем они были старше, тем дальше продвигались в этом направлении, но эта закономерность справедлива только в целом, для средних значений; фактически же возраст не играл принципиальной роли, определяя не более 10% отклонений в ответах по каждому вопросу. А поскольку возраст никак не коррелирует с Р, Е или N, то в дальнейшем этот очевидный, но мало значимый параметр будет исключен из нашего анализа.

Установлена позитивная корреляция экстраверсии с ответами на все вопросы, и особенно с теми, которые относятся к факторам 1 и 2; иными словами, экстраверты более активны в поцелуях и петтинге и в обычном половом акте, но в целом не демонстрируют большей активности в «извращенных» практи-

ках. К последним, вероятно, более склонны люди с высокими показателями Р, слабее проявляющие себя в активности по фактору I — возможно, в силу того, что для них поцелуи и петтинг представляются малоинтересными. Люди с высокими показателями N менее активны по всем факторам — они реже занимаются петтингом, реже вступают в половой акт и менее склонны к «извращениям». В целом эти корреляции выше для мужчин, чем для женщин, вероятно по тем же причинам, которые выявлены в исследовании Гизе и Шмидта, — мужчины традиционно более активны в любовной игре, и в силу этого их личностные качества в большей степени определяют их поступки. Эти результаты во многом согласуются с тем, что мы и ожидали, а также с результатами опроса немецких студентов.

Ниже приводятся данные (в %), касающиеся 18-летних студентов, имеющих сексуальный опыт; также приводятся аналогичные данные хорошо известного исследования М. Шофильда, опубликованные в его работе «Половое поведение молодежи». Его исследование школьников представляет большой интерес, поскольку Шофильд сумел проинтервьюировать юношей и девушек, которых подобные исследования обычно не охватывают; с методической точки зрения его блестящая работа практически неуязвима для критики. Что касается выборки, обследованной нами, то она, конечно, не безупречна; однако интересно сравнить, в какой степени соотносятся данные двух исследований. Если результаты для юношей и девушек одного возраста (таблица 2 содержит данные по его старшей группе — 18-летним школьникам, и по моей младшей — 18-летним студентам) окажутся сопоставимыми, то это означает, что избранный нами менее надежный метод формирования выборки не слишком исказил результаты исследования полового поведения. Полного совпадения, конечно, трудно ожидать в силу ряда причин. Исследование Шофильда проводилось методом интервью, наше — в форме опросника. Шофильд обследовал школьников, мы — студентов. Вопросы задавались не одинаковые. Тем не менее принципиальных различий тут не наблюдалось.

	Школьники	Студенты	Школьницы	Студентки
1. Поцелуи	93%	96%	96%	80%
2. Манипуляции с грудью				
Через одежду:	80%	96%	80%	69%
Под одеждой:	70%	91%	62%	57%
3. Мануальная стимуляция гениталий				
Активная	56%	72%	30%	30%
Пассивная	44%	64%	45%	39%
4. Половой акт	35%	55%	18%	19%

Таблица 2. Данные (в %) о 18-летних юношах и девушках из выборки Шофильда, а также о 18-летних студентах, имевших сексуальный опыт в четырех основных областях.

В самом деле, полученные данные очень похожи, и наблюдаемые между ними различия не выходят за рамки того, что можно было ожидать. Так, юноши-студенты несколько более активны, чем школьники, что может быть следствием их проживания отдельно от своих семей, более широких возможностей свободно распоряжаться своим временем и т.п. Уровень сексуальной активности девушек-студенток несколько ниже, чем у школьниц; различие тут не очень существенно (оно весьма невелико, а по некоторым пунктам данные почти совпадают) и может определяться характером выборки — известно, что в наши дни студентки все еще проходят более строгий отбор, чем студенты, и такого рода социальный отбор во многом основывается на результатах экзаменов, которые, как известно, коррелируют с интроверсией. Так или иначе результаты свидетельствуют, что наш метод формирования выборки вполне приемлем; если метод сбора информации Шофильда, по мнению взыскательных критиков, достаточно хорош, то и наши результаты могут быть признаны вполне надежными, поскольку они хорошо согласуются с полученными им данными.

Интересно рассмотреть данные этих двух исследований в связи с распространенным убеждением, будто наше современ-

ное общество является «обществом вседозволенности». К девятнадцатилетнему возрасту (то есть будучи еще восемнадцатилетними) теряют невинность менее 20% девушек; на вседозволенность это не очень-то похоже. Можно не сомневаться, что будь подобное исследование проведено в Викторианскую эпоху, процент был бы значительно ниже; Уолтер констатирует, что среди девушек из рабочего класса и прислуги практически никто не сохранял целомудрие к этому возрасту. Конечно, его суждения можно считать предвзятыми, однако он, несомненно, знал, что говорил; более серьезные академические свидетельства вполне подтверждают его мнение. Что касается юношей, то их результаты выше, но даже в исследовании Шофильда лишь каждый третий имел опыт половых сношений, а его данные более надежны, чем мои. Если сравнить их данные с теми, что были задолго до этого опубликованы Кинси, то заметных перемен в нравах не наблюдается; процент юношей и девушек, имеющих сексуальный опыт, совсем не повысился, как этого можно было бы ожидать, если бы разговоры об «обществе вседозволенности» имели под собой серьезные основания. Лозунгом так называемого общества вседозволенности могли бы служить слова: «Когда допустимо говорить и делать все что угодно, говорится гораздо больше, чем делается!»

Что же происходит после 18 лет? На схеме 5 показана вовлеченность в половые сношения девушек (незамужних) в возрасте от 14 лет до 21 года; для 18 лет данные взяты из работы Шофильда, остальные — из наших собственных исследований. Кривая на этом графике неуклонно идет вверх, а после 19 лет начинает снижаться. Пунктирная линия продолжает кривую до 21 года; причина того, что реальные данные оказываются значительно ниже предполагаемых, состоит в том, что нами обследовались лишь студенты, не состоявшие в браке; если бы учитывали сексуальный опыт всех женщин, то сюда следовало бы добавить и замужних, которые в подавляющем своем большинстве имеют опыт половых сношений. В возрасте 18 и 19 лет это соображение не существенно, поскольку лишь немногие девушки выходят замуж так рано; но после 19

это уже становится важно. Но совершенно очевидно, что среди незамужних студенток университета менее половины имеют в своем опыте половой акт до достижения 20-летнего возраста; до той поры свыше половины все еще девственны. Для мужчин можно прочертить такую же кривую, только более крутую; среди 19-летних сексуальный опыт имеют 64%, 20-летних — 73%, а к 22 годам этот показатель повышается до 83%. Я сильно сомневаюсь в том, что эти показатели должны вызывать беспокойство, и еще сильнее сомневаюсь, что они когда-либо были ниже — даже в золотой век королевы Виктории! Уверен, что Уолтер был бы поражен таким целомудрием нынешнего поколения; сам он к восемнадцатилетнему возрасту познал уже десятки женщин и далее продолжал в том же духе.

Вопросы в таблице сексуальных установок (таблица 3) вполне понятным образом группируются в 14 кластеров, или факторов. Я кратко опишу каждый из них, перечислив относящиеся к нему вопросы. Названия выбраны довольно произвольно; их главная функция — показать общую идею содержания фактора и позволить читателю припомнить, что с ним ассоциируется, когда мы в дальнейшем станем обсуждать корреляции факторов с личностными чертами. Читатель по собственному усмотрению может выбрать собственные названия.

По данным опросника сексуальных установок, хотя ответы мужчин и женщин заметно различались по многим пунктам, и мужчины и женщины проявили склонность к объединению одних и тех же пунктов в определенные факторы, которые представляются весьма значимыми. Таких факторов — примерно дюжина. Сначала мы рассмотрим конкретно их, а затем обсудим склонность разных личностных типов отвечать положительно или отрицательно на те вопросы, которые и составляют эти факторы.

Возьмем, к примеру, первый фактор, названный *сексуальное удовлетворение*. К нему относятся следующие утверждения: «Я удовлетворен своей сексуальной жизнью»; «Я не обделен в сексуальном отношении»; «Я не испытываю недостатка в по-

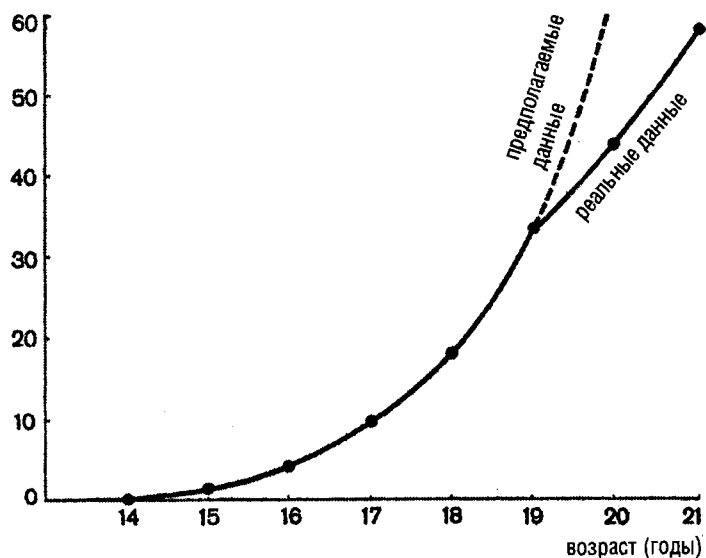

Схема 5

ловой жизни»; «Мои любовные отношения не приносят мне разочарований»; «Я не беспокоюсь о сексе». Есть только один пункт, по которому ответы мужчин и женщин разнятся: сексуально удовлетворенные мужчины готовы согласиться, что брак себя изжил, женщины против этого возражают!

Второй фактор назван *сексуальное возбуждение*; к нему относятся следующие пункты: «Нужно совсем немного, чтобы привести меня в состояние сексуального возбуждения»; «Иногда сексуальные ощущения захватывают меня полностью»; «Я легко возбуждаюсь»; «Я сильно возбуждаюсь, прикасаясь к женской груди»; «В состоянии возбуждения я не могу думать ни о чем ином, кроме удовлетворения». Людям такого склада «для сексуального возбуждения не нужны особые условия», про них нельзя сказать, что они «редко думают о сексе». Интересно, что утверждение «Мысль о сексуальном партнере с другим цветом кожи кажется мне особенно волнующей» оказывается тесно связано с данным фактором только для женщин, для мужчин это совсем не так.

Третий главный фактор — *сексуальное беспокойство*, к нему относятся такие пункты: «У меня мало друзей противоположного пола»; «Рядом с представителями противоположного пола я нервничаю»; «С представителями противоположного пола я чувствую себя неловко»; «Я лучше чувствую себя в обществе людей моего пола». Нет никаких оснований усматривать здесь даже малейший намек на гомосексуальность; этот фактор мы рассмотрим позднее. Сейчас же обратим внимание на фактор 4, называемый *сексуальное любопытство*. Сюда относятся следующие пункты: «Мне нравится рассматривать картинки сексуального содержания»; «Сексуальные шутки меня не смущают»; «Я бы охотно понаблюдал тайком за людьми, занимающимися любовью»; «Мне нравится смотреть на фотографии обнаженных людей»; «Я бы согласился посмотреть порнографический фильм»; «Я бы согласился прочитать порнографическую книгу». Все эти утверждения выявляют склонность к порнографии и вуайеризму, а также готовность к сексуальному опыту, замещающему естественный.

Фактор 5 касается *добрачного секса* (или целомудрия, если взглянуть с другой стороны). Утверждения здесь такие: «Девственность — далеко не самое ценное достоинство девушки»; «Меня не волнует, что человек, с которым я вступил в брак, не сохранил целомудрия»; «Добрачные сексуальные эксперименты допустимы»; «Хорошо, когда браку предшествует сексуальный опыт»; «Контрацептивы должны быть абсолютно доступны»; «Вполне допустимо соблазнить человека, если он достаточно взрослый, чтобы понимать, что он делает»; «Иногда женщина должна быть сексуально агрессивной».

Фактор 6 может быть назван *подавление*, но необязательно в том значении, какое ему приписывают фрейдисты¹. Характерные утверждения таковы: «Сексуальное просвещение детей нежелательно»; «Я особенно тщательно буду оберегать своих

¹В теории Фрейда под подавлением понимается защитный механизм психики, состоящий в сознательном (в отличие от бессознательного вытеснения) торможении недопустимых (социально неприемлемых) действий, мыслей и чувств.

детей от сексуальных контактов»; «Я нечасто думаю о сексе»; «Мастурбация вредна для здоровья»; «Нельзя сказать, что я думаю о сексе почти каждый день»; «Мои религиозные убеждения не одобряют секс»; «Самоудовлетворение опасно»; «Мужчины женятся ради секса; женщины занимаются сексом, чтобы выйти замуж»; «У меня бывают сильные сексуальные переживания, но я умею сдерживать себя». Этот фактор словно весь пронизан викторианским духом, его можно было бы даже назвать Викторианским фактором.

Фактор 7 может быть назван *стыдливость*. К нему относятся утверждения: «Мне не нравится, когда меня целуют»; «Мне не нравится петтинг»; «Мысль о сексуальной оргии мне неприятна»; «Сексуальные шутки меня смущают»; «Обниматься на людях неприлично»; «Сексуальные чувства порой мне неприятны»; «Я стараюсь гнать от себя мысли о сексе». Фактор 8 представлен всего тремя утверждениями; он может быть назван *сексуальное экспериментирование*. Вот эти фразы: «Молодым людям следует учиться сексу на собственном опыте»; «Учиться сексу надо, экспериментируя с ним»; «Молодым людям должно быть позволено ночевать вне дома».

Гомосексуальность составляет содержание фактора 9. Сюда относятся пункты: «Для некоторых людей гомосексуальность нормальна»; «Я понимаю гомосексуалистов»; «Представители моего пола нередко меня привлекают»; «У меня были конфликты, связанные с моими сексуальными чувствами к представителю моего пола»; «Я стесняюсь говорить о сексе». Прямых вопросов, касающихся гомосексуальности, в опросник не включено, поскольку у респондентов, по крайней мере у некоторых, они могли бы вызвать замешательство. Увы, соображения такого рода не позволили собрать данные о частоте гомосексуальных контактов. Фактор 10 может быть назван *цензура*; к нему относятся утверждения: «Пьесы и кинофильмы должны подвергаться сексуальной цензуре»; «По телевизору показывают слишком много аморальных передач»; «Легализация проституции недопустима»; «Порнографические сочинения не должны свободно публиковаться»; «Молодым людям не должно быть позволено ночевать вне дома»; «Контрацептивы не

должны быть общедоступны»; «Половой акт животных — отвратительное зрелище» (Вероятно, эти люди, дай им волю, и это запретили бы!)

Совсем иным представляется фактор 11 — *промискуитет*. К этому фактору относятся утверждения: «Секс без любви («безличный секс») может приносить удовлетворение»; «Для того чтобы насладиться петтингом или половым актом, мне необязательно любить или уважать партнера»; «Мысли о сексуальной оргии меня не смущают»; «Считаю, что удовольствие следует стараться получить всюду, где ты его находишь»; «Случалось, что у меня было одновременно несколько любовных интрижек»; «Я бы охотно посмотрел порнографический фильм, прочитал порнографическую книгу или принял участие в оргии». Это весьма недвусмысленные суждения, неприкрыто выявляющие сексуальные установки и оставляющие мало простора для воображения.

Фактор 12 в некоторой степени окрашен в патологические тона; он может быть назван *враждебностью*. С ним тесно связаны лишь два утверждения: «Иногда я унижал своего партнера» и «Иногда я чувствую враждебность к своему партнеру». Также отчасти патологическим представляется фактор 13, который может быть назван *вина*. Его характеризуют следующие высказывания: «Мой сексуальный опыт связан с ощущением вины»; «Порой я прихожу в ужас оттого, на что я способен в сексе»; «Меня сильно беспокоят угрызения совести»; «Порой сексуальные чувства захватывают меня всецело»; «Мысли о сексе сводят меня с ума»; «Я сильно переживаю насчет секса»; «Порой мысли о сексе заставляют меня нервничать»; «Меня иногда беспокоят извращенные мысли»; «Иногда мне трудно контролировать свои сексуальные ощущения». Следует отметить, что на вопрос: «Беспокоят ли вас порой извращенные мысли?» ни один из респондентов не отделался классической шуткой: «Нет, я ими наслаждаюсь»; это свидетельствует о том, что к заполнению опросника все подошли достаточно серьезно.

Наконец, фактор 14 может быть назван *торможение*; к нему относятся следующие пункты: «Влияние родителей сильно

сковывает мою сексуальность»; «Я многого не знал о жизни, пока не стал довольно взрослым»; «Мое сексуальное поведение порой приводило к неприятностям»; «Сексуальные контакты для меня проблематичны»; «Девственность — это самое ценное, что есть у девушки». Таковы 14 факторов, выявляемых посредством статистического анализа корреляций между пунктами опросника; обратите внимание, что эти сочетания вполне очевидны даже для невооруженного взгляда. Как я уже указывал, их интерпретации и наименования в достаточной степени субъективны, но об этом читатель вправе судить сам. Сейчас обратимся к главному вопросу: в какой степени эти факторы определяются личностью респондентов? Таблица 3 содержит выявленные данные; знаки «+» и «-» характеризуют отношения фактора и личностных черт Р, Е и N, а количество плюсов и минусов характеризует силу этого отношения. Так, люди с высоким показателем N (потенциальные невротики) в очень малой степени удовлетворены своей половой жизнью, тогда как люди с высоким показателем Е, напротив, весьма удовлетворены. Знак «0» означает отсутствие связи между фактором и личностной чертой.

Фактор	Р	Е	N
1. Удовлетворение	—	+	---
2. Возбуждение	+	---	++
3. Беспокойство	0	---	++
4. Любопытство	++	0	++
5. Добрачный секс	++	+	0
6. Подавление	—	0	0
7. Стыдливость	+	---	+
8. Экспериментирование	+	+	0
9. Гомосексуальность	+	0	+
10. Цензура	—	—	0
11. Промискуитет	+++	++	0

Фактор	Р	Е	N
12. Враждебность	+++	0	+++
13. Вина	0	0	+++
14. Торможение	+	0	+++

Таблица 3. Отношение между личностными типами Р, Е и N и факторами сексуальных установок.

Знаки «+» и «-» характеризуют положительное и отрицательное соотношение; 0 отражает отсутствие какого бы то ни было отношения.

Данные, приводимые в таблице, конечно, довольно приблизительные, но они помогают понять, какие выводы позволяют сделать результаты опроса.

Давайте в первую очередь рассмотрим типичного экстраверта. Он без затруднений завязывает контакты с представителями противоположного пола и не испытывает беспокойства в общении с ними. Он склонен к множественным связям и получает достаточное удовлетворение от своей половой жизни. Он не скован предрассудками, открыто проявляет интерес к вопросам секса, не одобряет цензуру «порнографических» материалов. Не демонстрирует ни малейшей склонности к гомосексуализму, считает, что детям следует учиться сексу на собственном опыте, не тяготится чувством вины; не слишком стыдлив, даже несколько «гиперсексуален», но не настолько, чтобы это считать ненормальным. В сравнении с ним интроверт также укладывается в рамки нормы, однако на более низком уровне сексуального возбуждения; его даже можно назвать недостаточно сексуальным, но тоже в нормальных пределах. Он также не склонен к предрассудкам и ограничениям, но контакты с противоположным полом для него более затруднительны; вероятно, этим объясняется его меньшая степень удовлетворения. Он немного стеснителен, не одобряет промискуитет, сексуальное экспериментирование и добрачный секс; к сексуальной цензуре относится скорее положительно. И экстравертированная, и интровертированная личность демонстрируют вполне адекватное сексуальное поведение, но

первая придерживается либеральной позиции, вторая — скорее пуританской. Такие определения кажутся несколько преувеличенными, но они хорошо объясняют суть каждой позиции. Разумеется, лишь немногие из обследованных нами студентов придерживались крайних позиций; в своем анализе я несколько заостряю акценты, тогда как в реальной жизни позиции, как правило, несколько размыты. Нелишне также отметить, что данные получены при работе с определенной возрастной группой; невысокая удовлетворенность юных студентов-интровертов вполне может смениться более высокой в зрелом возрасте, в браке; экстраверты в свою очередь могут продемонстрировать некоторое снижение удовлетворенности. Исследования более старших возрастных групп обещают пролить свет на эту проблему.

Если и экстраверты и интроверты вполне нормально относятся к проблемам сексуальности, то как насчет людей с высоким показателем N, то есть потенциальных невротиков? Учебники переполнены описаниями сексуальных нарушений у невротиков; а в нашей нормальной выборке демонстрируют ли люди с высоким показателем N поведение, характерное для клинических невротиков? Теоретически можно предположить, что должны бы, и цифры это, казалось бы, подтверждают. У таких людей сильное сексуальное возбуждение сочетается со столь же сильной нервозностью в общении с противоположным полом; их сексуальное любопытство очень сильно, однако удовлетворение минимально. Такой человек скован, преисполнен ощущений враждебности и вины, подвержен предрассудкам; гомосексуальные переживания его весьма беспокоят. Сексуальное экспериментирование он не одобряет, равно как добрачный секс и порнографию, хотя и не демонстрирует их активного неприятия. Можно сказать, что такие люди сочетают в себе сильные противоречивые тенденции влечения к противоположному полу и избегания его; это неизбежно приводит к конфликту, который со всей очевидностью проявляется при заполнении опросника и становится еще более явным в клинических случаях невроза. У людей уравновешенных, с невысоким показателем N, обе тенденции выраже-

ны заметно слабее, вследствие чего столь острого конфликта не возникает. Весьма интересно рассмотреть, что происходит, когда высокий показатель N сочетается с высокими показателями экстраверсии или интроверсии. В первом случае можно предположить, что возобладает тенденция влечения, во втором — избегания. Клинические наблюдения, кажется, подтверждают это предположение; пациенты, страдающие дистимией и повышенной тревожностью, часто нуждаются в лечении также и в связи с сексуальными нарушениями, тогда как психопаты (с высокими показателями N и E) нередко сталкиваются с менее серьезными проблемами — это венерические заболевания, неверность, внебрачная беременность, соvrращение. Людей, совершивших сексуальные преступления, в большинстве случаев характеризуют крайне высокие показатели P.

Люди с высоким P — самые сексуальные из всех, но не в том нормальном и приемлемом смысле, который относится к экстравертам. У них неразборчивость в связях сочетается с высокой степенью враждебности к партнерам; их сексуальное любопытство и страсть к добрачному сексу ничем не скованы. Они одобряют сексуальное просвещение посредством экспериментирования; хотя в то же время они несколько стеснительны, склонны к некоторым предрассудкам и отчасти к гомосексуализму. В целом своей сексуальной жизнью они не удовлетворены, и это принципиально отличает их от экстравертов. Последние — беззаботные повесы, которые хватают все, что подвернется под руку, тогда как люди с высоким P склонны к патологическому сексуальному поведению, которое в итоге их самих не удовлетворяет. От невротиков их отличает отсутствие чувства вины; они также не разделяют с невротиками беспокойство в отношениях с другим полом. Знакомая с их ответами на опросник, можно заключить, что люди с высоким P одержимы сексом как наркотиком, и эта их зависимость создает для них больше проблем, чем решает. Похоже, характер Уолтера полностью укладывается в этот тип. Его описание не оставляет никаких неясностей, остается лишь выяснить, почему эти люди реагируют таким образом. К сожалению, имеющихся данных совершенно недостаточно для фор-

мулировки четкой теории; на данном этапе исследований мы можем только обозначить данную проблему.

Рассматривая три личностных фактора, мы не должны забывать, что каждый конкретный человек занимает свою позицию по всем трем измерениям; он не просто относится к интровертам либо экстравертам, но и занимает определенную позицию в континууме нейротизма, а также психотизма. Тут возможно великое множество индивидуальных комбинаций, причем мало кто занимает крайние позиции, хотя и тяготеет в определенном направлении. Более того, помимо названных личностных факторов сексуальное поведение человека во многом определяется множеством дополнительных факторов — характером его воспитания, привлекательной или непривлекательной внешностью, уровнем благосостояния (ведь говорят же, что женщины считают главным достоинством мужчины марку его автомобиля), умом или его недостатком и даже просто уровнем секреции тестостерона, который передается по наследству! Личность — лишь один из факторов, влияющих на сексуальное поведение; наш анализ ограничен этим фактором, что вовсе не означает, будто иные факторы не имеют значения. Однако полученные данные вполне определенно указывают, что личностные факторы исключительно важны; более того, они играют важную роль в предсказании поведения. Впрочем, лишь углубленные исследования помогут разобраться, до какой степени могут быть подвергнуты обобщению полученные нами данные, могут ли они быть распространены на другие группы и другие условия.

В нашем обсуждении мы до сих пор не затрагивали патологические пункты, касающихся импотенции и преждевременного семяизвержения у мужчин и фригидности и аноргазмии у женщин (96 и 97). Данные личностного опросника по факторам Р, Е и N были усреднены по всем мужчинам (и женщинам), продемонстрировавшим эти патологические реакции, и сравнены с данными тех, у кого эти реакции отсутствуют; результат получился совершенно недвусмысленный. Экстравертам и интровертам такие реакции не свойственны, то же касается и людей с высоким показателем Р. Но по пунктам 96 и 97 люди с

высоким N демонстрировали значительно более патологические реакции, чем те, у кого N низкий. Эти результаты хорошо согласуются с данными клиницистов и снова указывают на то, что люди с высоким показателем N очень схожи с теми, кому поставлен психиатрический диагноз невротика.

Прежде чем обсуждать выводы из полученных нами результатов, следует еще раз вернуться к важному вопросу о том, можно ли принимать эти результаты за чистую монету. Достаточно ли репрезентативна наша выборка, и можем ли мы быть уверены, что респонденты говорили правду? Первый вопрос можно выяснить двояко. Как уже было отмечено, в нашей выборке пропорция тех, кто имеет опыт полового акта, сравнима с той, которая приводится Шофильдом, чьи исследования признаны практически безупречными, в частности в том, что касается формирования выборки. В значительной мере наши данные согласуются и с другими упомянутыми работами. То же касается и личностных параметров; средние показатели Р, Е и N по нашей выборке в целом, а также по подгруппам, выделенным по признакам пола и возраста, совпадают с теми, которые обычно получаются в стандартизированных выборках такого рода. Иными словами, наша выборка представляется репрезентативной как в отношении личностных показателей, так и в отношении сексуального поведения; а поскольку именно эти параметры нами и учитывались, полученные данные вряд ли можно считать статистическим артефактом.

Вопрос об искренности не так прост, но и тут существуют некоторые соображения, позволяющие расценить полученные результаты как вполне достоверные. Опросники были длинными, сложными и требовали длительного времени для сознательного заполнения; в условиях полной анонимности кажется крайне маловероятным, чтобы какой-то шутник стал бы (и с какой целью?) фальсифицировать ответы. Опросники предусматривали проверочную процедуру — одни и те же вопросы задавались неоднократно в слегка измененной форме; это, конечно, не исключало возможности подтасовки, однако требовало от лжеца изрядного времени и умственных усилий, чтобы распознать все ловушки и найти способы их обойти. 14 факто-

ров, выделенных в результате анализа опросника установок, а также три фактора, касающиеся сексуального поведения, представляются весьма обоснованными; их не удалось бы выделить, если бы множество людей отвечали на вопросы случайно, необдуманно либо с намерением солгать. Одна из особенностей факторного анализа состоит в том, что факторы выделяются на основе *сути* ответов; ни одному человеку не удалось бы так подтасовать ответы, чтобы это привело к возникновению некоего нового фактора. Для этого большому количеству респондентов пришлось бы предпринять целенаправленные согласованные усилия, но поскольку они по большей части даже не были знакомы между собой и учились в разных университетах и колледжах, такая идея представляется даже несколько параноидальной и не заслуживает серьезного рассмотрения. Многие респонденты по собственной инициативе приписали кое-какие комментарии, свидетельствующие о том, сколь серьезно они подошли к выполнению задания, — они старались уточнить некоторые свои ответы во избежание неправильных толкований. Так, многие девушки, дав утвердительный ответ на вопрос о половом акте, приписали: «Только с моим любимым!» Некоторые респонденты включили подробное описание своего опыта, что свидетельствует об их высокой заинтересованности. Сторонним наблюдателям из числа молодых людей было предложено оценить эти комментарии с точки зрения их искренности; по их мнению, замечания свидетельствовали вовсе не о желании ввести исследователей в заблуждение, а об искреннем стремлении к сотрудничеству.

Таковы наши соображения, но существуют еще и факты, указывающие в том же направлении. Если экстраверты чаще интровертов вступают в половые связи, можно предположить, что у них чаще рождаются внебрачные дети. И действительно, исследование матерей внебрачных детей подтвердило их значительно большую экстравертированность по сравнению с теми, у кого рождению ребенка предшествовал официально оформленный брак. Большинство проституток, вероятно, должны быть экстравертами, и эмпирические исследования

этот факт также подтверждают. Беспорядочные связи с большой вероятностью приводят к венерическим заболеваниям, и исследования пациентов, страдающих венерическими болезнями, выявили у них высокий уровень экстраверсии, а также психотизма. Эти факты хорошо укладываются в ту теоретическую схему, на основании которой было выполнено наше исследование.

Это подводит нас к весьма важному заключению. Результаты, представленные в этой главе, не были выведены чисто индуктивно; они были предсказаны на основе гипотетико-дедуктивного метода, когда для начала выдвигается довольно подробная теория, предвосхищающая многие вероятные последствия в области сексуальных установок и поведения. Поэтому наши результаты не являются чем-то отдельным и изолированным, они представляют собой часть более крупного целого, которое, по крайней мере в значительной своей части, составлено посредством тщательно выполненных лабораторных исследований — наподобие тех, что упомянуты в главе 1. Именно такое сочетание результатов представляется самым важным и впечатляющим; каждый результат сам по себе может быть достоверен как элемент не цепочки, но целой сети результатов, складывающихся в теорию.

Убедившись в надежности полученных данных, мы можем обратиться к более подробному рассмотрению их социальных последствий. Самым поразительным кажется великое разнообразие установок и поведения; некоторые девушки в двадцатилетнем возрасте еще даже не целовались, иные уже обладают богатым сексуальным опытом, причем в самых разных формах. Некоторые высоко ценят девственность и убеждены в необходимости ее хранить, другие с пренебрежением отвергают само понятие целомудрия. Некоторые одобряют оргии и порнографию, тогда как другие находят это отвратительным. Нет ни единого вопроса, по которому все разделяли бы общее мнение; по большинству вопросов разброс ответов чрезвычайно широк. Это со всей очевидностью ставит серьезную социальную проблему: возможно ли установить такой свод правил, норм или законов, который учитывал бы все это разнообразие

мнений и установок? Законы по самой своей природе не принимают во внимание людское разнообразие: то, что дозволено (или запрещено) одному человеку, дозволено (или запрещено) и другому. Единственным рациональным выходом тут может быть смягчение требований закона насчет того, что представляется личным делом каждого; требования должны быть сведены к абсолютному минимуму с единственной целью защитить права детей, меньшинств и всех тех, кто сам не может за себя постоять, но в то же время никак не должны ущемлять права дееспособных взрослых граждан. Такой ответ кажется довольно простым, но в связи с ним возникает несколько весьма серьезных проблем; некоторые из них будут рассмотрены в одной из последующих глав («Польза и вред порнографии»).

Я полагаю, что более важными, нежели юридические последствия реализации человеческой индивидуальности в сексуальном поведении, являются последствия психологические. Мы склонны думать, что люди очень похожи друг на друга. Конечно, кто-то немножко умнее, кто-то глупее, кто-то храбрее, а кто-то трусоват; одни относятся к жизни серьезно, иные ведут себя беззаботно. Но все эти различия мы склонны считать очень несущественными, сложившимися главным образом под влиянием воспитания и жизненного опыта, а по натуре своей все мы одинаковы — что супруга полковника, что Джуди О'Грейди¹. Но с этой удобной иллюзией порой приходится расстаться, когда мы читаем в газетах или испытываем на собственном опыте, насколько серьезно личностные, интеллектуальные и поведенческие различия могут сказаться на отношениях разных людей. Ньютон, серийный убийца-психопат, знакомый нам распутник Уолтер, Шелли, Леонардо да Винчи, Будда — эти и многие другие персоны настолько далеко отстоят от средней нормы (хотя и по разным параметрам), что просто невыносимо расценивать их как более или менее выраженные проявления общей человеческой природы. Пе-

¹Перефразировка хрестоматийной строчки из стихотворения Р. Киплинга «Женщины»: «Супруга полковника и Джуди О'Грейди — сестры под кожей своей».

чальная истина состоит в том, что человеческие существа по самой своей природе отличаются друг от друга во многих отношениях — настолько отличаются, что просто невозможно со своих собственных позиций судить поведение другого человека, если только ему не присущ тот же IQ, уровень экстраверсии, степень Р и N, если он не происходит из того же общественного круга и не получил такого же воспитания. Эта истина печальна потому, что развеивает приятные гуманистические иллюзии; если ваш IQ равен 80, вам не дано насладиться квинтетом Шуберта, понять канонические алгоритмы или испытать восторг перед шедевром Барлаха¹. Многие признают, какие огромные различия между людьми определяются фактором интеллекта, хотя кое-кто и отказывается верить очевидным фактам из опасения, что они его не порадуют. Что же касается личности, то в этой гораздо более широкой сфере просто еще не оформилось представление о том, что люди по своей натуре чрезвычайно разнообразны и не похожи друг на друга. Интроверт отличается от экстраверта, как мел от сыра, и попытки вывести средние показатели их поведения сродни попыткам смешать мел с сыром. Но хотя эти факты в чем-то огорчительны, это не означает, что мы можем себе позволить их игнорировать и притвориться, будто их не существует. Никакие правила, законы или идеалы, касающиеся сексуального поведения, никогда не будут в равной мере справедливы для экстраверта и интроверта; что одному радость — другому гибель. И осознать это — значит встать на путь здравого смысла.

Различия в темпераменте сказываются даже на таких соображениях, как выбор подруги исходя из ее внешности. Мы привыкли считать, что привлекательность женщин можно ранжировать по шкале от 1 до 10; Джон Брейн в романе «Жизнь наверху» упоминает о подобной шкале, подразумевая, что мужчины выбирают девушек исходя из своего финансового положения — бедняки довольствуются теми, кто укладыва-

¹Барлах (Barlach) Эрнст Генрих (1870—1938) — немецкий скульптор, график и писатель; всемирную известность ему принесли скульптурные произведения из дерева.

ется в 1—3 балла, а чем богаче мужчина, тем ближе его выбор к десятке. Это явная неправда — у некоторых богачей жены весьма невзрачны, а иные небогатые мужчины, бывает, женятся на красотках (я сам, например!). Но в данном случае я даже не стану оспаривать закономерность, согласно которой привлекательность женщины якобы связана с финансовым положением ее мужа; спорным мне кажется само утверждение о том, будто бы каждой женщине присущ некий «коэффициент привлекательности», одинаковый в глазах всех мужчин. Несомненно, у мужчин существуют общие представления о женской красоте, и некоторые девушки считаются гораздо милее других. Но помимо этого существует великое разнообразие индивидуальных мнений, которые зависят от личностных особенностей. Один из моих коллег, Э. Мэтьюз, подобрал 50 фотографий молодых женщин, среди которых были как обнаженные модели «Плэйбой», так и полностью одетые художавые манекенщицы. Другим моим коллегой эти фотографии были предъявлены выборке мужчин с просьбой оценить сексуальную привлекательность моделей. Как и можно было ожидать, экстраверты в основном предпочитали обнаженных красоток, чьи рельефные формы были откровенно выставлены напоказ, тогда как интроверты отдавали предпочтение одетым «скромным» девушкам, чьи сексуальные достоинства демонстрировались совсем не так вызывающе. Интересно, что зависимость привлекательности от размера бюста может быть выражена колоколообразной кривой — соблазнительность девушек возрастает по мере увеличения груди, однако существует некий оптимальный размер, превышение которого снижает привлекательность. Слишком крупная грудь начинает казаться вульгарной и даже смешной. А вот оптимальный размер для разных мужчин не одинаков, и на основании нашей теории можно предположить, что для интроверта он гораздо меньше, чем для экстраверта. Причина может быть в том, что один и тот же стимул, как было отмечено в главе 1, вызывает у интровертов большее возбуждение, чем у экстравертов; экстраверту, чтобы испытать такое же возбуждение, необходимо увидеть более рельефную грудь, причем оголенную. Так что скромным

девушкам с маленькой грудью не стоит отчаиваться — наверняка найдется интроверт, мечтающий предложить им руку и сердце!

Другая область, в которой наблюдаются выраженные личностные различия, — это сексуальные шутки. Здесь наблюдается интересное различие между теорией Фрейда и теми взглядами, которые были высказаны в главе 1. Для Фрейда, как мы помним, смех и удовольствие проистекают из того, что в сравнительно безобидной форме шутки прорывается материал, ранее вытесненный в сферу бессознательного; более скованная, интровертированная личность, вероятно, более склонна к накоплению такого материала, тогда как сексуально ориентированный экстраверт вряд ли накапливает его слишком много. Следовательно, по Фрейду, интроверты должны получать особое удовольствие от сексуальных шуток, тогда как у экстравертов просто отсутствует достаточная причина для такого удовольствия. Согласно нашей теории, верно будет прямо противоположное. Экстраверты демонстрируют сексуальное удовольствие открыто; фривольные шутки — одно из проявлений сексуальности, следовательно, экстраверты, по всей вероятности, относятся к ним положительно и получают от них удовольствие. Интроверты более консервативны и не одобряют открытых проявлений сексуальности; следовательно, фривольные шутки будут их скорее раздражать, чем веселить. Эта спорная гипотеза несколько раз подвергалась тестовой проверке, и всякий раз с одним и тем же результатом — экстраверты любят сексуальные шутки, интроверты не любят. Что касается любых других шуток, подобных различий не наблюдается, то есть отмеченное различие между экстравертами и интровертами не может быть объяснено разным уровнем чувства юмора как такового. Экстраверты демонстрируют гораздо более высокую заинтересованность в шутках именно сексуального содержания; любые другие шутки, карикатуры и смешные истории оцениваются экстравертами и интровертами почти одинаково. (И это не единственное свидетельство против фрейдистской теории; практически все эмпирические данные, собранные учеными, эту теорию опровергают. Просто парази-

тельно, что многие до сих пор продолжают считать психоанализ единственной достойной психологической теорией. Похоже, ход их рассуждений таков: «Не смущайте меня фактами, мне и без них все ясно!»)

Но это не слишком важные следствия из нашей общей теории; самые важные касаются брака, сексуальной гармонии и противоречий. Если верно то, что людям свойственны столь значительные различия в сексуальных установках и поведении, то, вероятно, гармоничный брак представляет собою нечто такое, чего достичь крайне трудно. Такой брак должен быть основан не только на взаимном физическом притяжении, сходном уровне интеллекта и общем социальном происхождении, но также на фундаментальной общности черт личности и темперамента. Ярко выраженный экстраверт в браке с глубоким интровертом вряд ли будет счастлив и не сможет очастливить своего партнера, даже если все прочие параметры хорошо сочетаются. Три параметра (P, E и N), каждый имеющий три уровня (высокий, средний и низкий), образуют такое множество возможных сочетаний, среди которых удачное видится гораздо менее вероятным, чем неудачное. Период помолвки, конечно, способствует предотвращению самых катастрофических сочетаний, однако это мало способствует решению проблемы — суды по бракоразводным процессам едва справляются с наплывом разводящихся пар. Бытует убеждение (особенно среди женщин), будто человека легко перевоспитать и что через каких-то пару месяцев под женским руководством потомок Адама может стать другим человеком. Увы! Это убеждение редко подтверждается; человеческую натуру не так-то легко переделать, и суды по бракоразводным процессам постоянно становятся могилой наивных иллюзий, никак не подкрепленных психологическим знанием о наследовании личностных черт.

К сожалению, очень мало известно о супружеской совместимости; было предпринято несколько эмпирических исследований, однако в них использовались личностные параметры, недостаточно теоретически подкрепленные. Один из парадоксов современного общества состоит в том, что прави-

тельство готово истратить миллиард фунтов на постройку сверхзвукового авиалайнера, который гулом своих двигателей превратит в кошмар жизнь миллионов людей и единственным достоинством которого станет возможность для нескольких человек совершить перелет до Нью-Йорка на пару часов быстрее¹; и то же самое правительство не желает потратить ни гроша на исследования института брака, на котором зиждется все общество! Исследования такого рода не были бы ни особо затруднительными, ни слишком дорогостоящими, а их результаты могли бы иметь исключительно важное значение. К сожалению, шансы на их осуществление крайне малы; правительства никогда не вкладывают средства в разумные проекты (это явление я назвал бы социологическим законом Айзенка; насколько я могу судить, это единственный бесспорный социологический закон).

Что бы мог представлять собой такой проект? Прежде всего нам следовало бы создать выборку из тысячи помолвленных пар, заручиться их согласием на участие в эксперименте, а затем обследовать их с помощью батареи тестов, опросников и интервью, дабы получить полную картину их интеллектуальных и личностных особенностей, установок, сексуального опыта, социальных и политических убеждений, происхождения и воспитания — всего того, что может быть достоверно установлено с помощью объективных методов. Добровольцев найти было бы нетрудно; в качестве вознаграждения им могли бы быть предложены бесплатные медицинские и психологические консультации или другие подобные услуги. Затем на протяжении многих лет этих молодых людей тестировали бы и обследовали с регулярными интервалами, отслеживая всю историю их семейных отношений. По прошествии десяти или пятнадцати лет можно было бы сравнить счастливые браки с расторгнутыми, а также с теми, которые хоть и не расторгну-

¹Автор имеет в виду проект создания авиалайнера «Конкорд», который был введен в строй в 1969 г., несмотря на протесты общественности в связи с его непомерной дороговизной и экологическими издержками. Полеты лайнеров этого типа прекращены в 2003 г. вследствие нерентабельности.

ты, но не счастливы. Накопленные за все эти годы данные послужат материалом для обобщений и выводов о супружеской совместимости, о том значении, какое имеют личностные, интеллектуальные, культурные и социальные факторы. В итоге мы получим возможность формулировать наши мнения, убеждения и рекомендации на основе фактов, а не на основе одних лишь надежд и пристрастий. Параллельное направление исследований позволило бы выявить причины распада иных браков — также с помощью личностных тестов и подобных методов. В наши дни немалые средства расходуются на компьютеризацию подбора совместимых пар, брачные агентства переходят на машинную обработку данных. На многих это производит сильное впечатление, однако от компьютера на выходе можно ожидать лишь результата, сопоставимого с данными на входе; если у нас недостаточно данных для подбора хорошо сочетаемой пары, то самый совершенный компьютер может сделать удачный выбор лишь случайно. Рекомендации, которые он способен дать, не могут быть лучше теории, на которой он основан, а когда для построения полноценной теории нет данных, любой компьютер оказывается бессилем!

Но, конечно же, основной целью таких исследований была бы не эффективная компьютеризация брачных агентств; главная цель — понять природу отношений двух людей разного пола. Знания, которыми мы тут располагаем, лишь немногим превосходят то, что было известно поэтам на протяжении тысячелетий, и большинство наших законов и поведенческих установок основываются скорее на поэтической интуиции, нежели на достоверной информации, и вследствие этого нередко приводят к огорчительным результатам. Разумеется, всегда — от Платона до наших дней — находятся те, кто считает сам институт брака бесполезным и призывает с ним покончить, однако и эти радикальные мыслители затрудняются предложить что-то взамен; им также было бы весьма небесполезно ознакомиться с научными данными по этой теме. И наконец, понимание природы взаимоотношений в паре помогло бы нам наладить эффективное семейное консультирование, то есть при-

менить принципы научной психологии к нормализации отношений в проблемных парах. Кое-какие шаги в этом направлении предпринимаются (их я намерен обсудить в главе 3 в связи с бихевиористской методологией), однако они слишком прямолинейны и примитивны; разработке более реалистичных и эффективных методов коррекции супружеской дисгармонии могло бы способствовать понимание того, чем эта дисгармония вызывается. Здесь необходимы серьезные научные исследования, без которых все, что мы делаем, и дальше будет напоминать блуждание в потемках. Но признание своего невежества — и есть первый шаг к мудрости!

Глава 3

Поведенческие технологии в психиатрии и образовании

Между физикой и психологией существует много различий, но одно из них, особенно поразившее меня в ту пору, когда я отказался от изучения физики в пользу психологии, состоит в том, что многие психологи не придают значения тому, работают их теории на практике или нет. Физики и инженеры, как я представляю, были бы сильно огорчены, если бы мосты, которые ими спроектированы, рушились, а построенные ими корабли тонули. Стали бы вы продолжать свою работу, если бы выяснилось, что построенные вами танки не способны сдвинуться с места или что созданный вами телевизор показывает лишь едва различимую картинку? Обычно существует недвусмысленная система обратной связи, наглядно демонстрирующая, работают ли созданные вами изделия или нет; успех и неудача в большинстве случаев достаточно очевидны. Если построенная вами дамба обрушивается и потоки воды сносят сотни понадеявшихся на ее прочность людей, вы едва ли только пожмете плечами; создатель упавшего самолета вряд ли станет с усмешкой потирать руки: «Продолжим в том же духе!» В реальной жизни ему еще очень повезет, если ему вообще позволят работать в этой области. Психологи часто делают амбициозные заявления о своих способностях лечить невротиков, совершенствовать процесс образования или способствовать прогрессу индустрии; некоторые верят этим заявлениям, другие в них сомневаются, но самое невероятное — то, что сами

психологи, похоже, не очень заинтересованы демонстрировать воплощение своих идей на практике. Эта любопытная черта особенно характерна для психиатров и психоаналитиков — их энтузиазм по поводу тех или иных методов лечения редко выливается в стремление доказать реальную эффективность этих методов.

Этот урок был преподан мне в военные годы, когда мне пришлось — под давлением обстоятельств и во многом вопреки моей воле — заняться психиатрией и клинической психологией. Я столкнулся с тем, что психиатры применяли самые разнообразные методы в отношении пациентов, чьи симптомы не сильно отличались друг от друга, и каждый психиатр клялся в верности тому методу, который он привык использовать. Я попытался выяснить, по каким критериям они выбрали тот или иной метод, надеясь услышать ссылки на соответствующие эксперименты и клинические испытания, однако не получил никакого вразумительного ответа. Это заставило меня обратиться к учебникам и научным журналам — здесь ответ на мой вопрос, несомненно, должен был найтись. И я с удивлением обнаружил, сколь мало внимания оказалось уделено проблеме «конечного результата»; авторы вели бесконечные рассуждения о том, что происходит в процессе терапевтических сессий, что должно происходить и что может происходить; они оживленно обсуждали, какие тонкие метаморфозы могут или не могут претерпеть души их пациентов; они горячо спорили о желательности укрепления id и ослабления super-ego или наоборот¹. Но почти ни слова о пропорции излечений; ни намек на клиническое исследование того, как соотносятся результаты одного метода с другими. Наконец мне удалось докопаться до некоторых данных об успешности лечения, опубликованных психотерапевтами разных ориентаций; эти дан-

¹Id и super-ego (Оно и Сверх-Я) — ключевые понятия теории З. Фрейда, обозначающие основные инстанции человеческой личности. Id — глубинная подструктура душевного аппарата, содержание которой бессознательно; включает в себе безудержные сексуальные и агрессивные влечения. Super-ego — высшая инстанция в структуре душевной жизни, выполняющая роль внутреннего цензора.

ные очень существенно различались между собой, но в целом можно было сделать вывод, что примерно у двоих из трех невротиков после двухлетнего лечения наступает улучшение. Это выглядело впечатляюще, но требовалось сопоставление с данными так называемой «спонтанной ремиссии», то есть с количеством больных, которым удалось выздороветь без всякого лечения. И тут выяснилось, что таких тоже набирается два из трех на протяжении двухлетнего промежутка времени. Иными словами, нигде в литературе не нашлось доказательств того, что психиатрическое лечение хоть сколько-то способствует спонтанному процессу излечения, который со временем приближает невротиков к «нормальному» сегменту континуума, причем независимо от того, что над пациентом проделывается.

Полагая, что эти факты могут заинтересовать моих коллег, я обнародовал их в моем выступлении на ежегодном собрании Британского психологического общества в Оксфорде примерно лет двадцать назад. Не успел я закончить, как с места вскочил почтенный профессор психиатрии и с криком: «Предатель! Предатель!» ринулся к трибуне, размахивая кулаками; лишь благодаря самоотверженному вмешательству друзей мне удалось избежать прямого физического насилия. Потом я попытался опубликовать короткую статью, посвященную этим результатам; редактор ее принял, но настоял, чтобы предварительно она была прочитана четырьмя известными психиатрами, которые выскажут свои комментарии. (Я, разумеется, согласился, но в итоге статью опубликовали без всяких комментариев, поскольку не удалось найти даже одного психиатра, способного мне аргументировано возразить.) На протяжении последующих нескольких лет появилось множество сердитых и порой некорректных статей, в которых мои данные ставились под сомнение, а выводы отвергались. Любопытно, однако, что ни одно это выступление не содержало опровержения приводимых мною данных; в основном они были посвящены опровержению аргумента, который я даже не приводил. «Исследования, рассмотренные Айзенком, проводились недостаточно тщательно и потому не могут служить основанием для упреков в адрес психотерапии». Этот довод повторялся снова и

снова, и небезосновательно — процитированное мною исследование действительно было выполнено весьма небрежно (хотя это и было единственное опубликованное исследование такого рода). Если бы кто-нибудь из работающих под моим руководством решился опубликовать столь слабо выполненную работу, то вряд ли бы он удержался на своем месте. Что это означает? Что по этим результатам нельзя судить, будто они *опровергают* эффективность психотерапии; данных для такого универсального отрицательного вывода не существует. Однако я утверждал нечто совсем иное, а именно: с помощью этих результатов *не удастся подтвердить* эффективность психотерапии. Если данные не годятся на то, чтобы что-то доказать, то и доказать эффективность психотерапии с их помощью невозможно; поскольку иных данных в то время не существовало, то мои выводы следовало признать верными. Если же эти данные не лишены смысла, то с их помощью все равно не удастся продемонстрировать эффективность какого-то конкретного метода психотерапии. Как ни крути — факт остается фактом, вопреки всем воплям негодования. Доказать мою неправоту можно только одним способом, и очень простым. Единственное, что психиатрам и психоаналитикам следовало бы сделать, это предоставить хотя одно корректно выполненное исследование с использованием соответствующей контрольной группы и надежного метода оценки результатов, которое продемонстрировало бы действенность психотерапии; это единственное условие, необходимое и достаточное. Однако никто из моих критиков не удосужился проделать ничего подобного, из чего я могу заключить, что такого исследования не существует. И пока оно не появится, я продолжаю настаивать на своем — нет никаких свидетельств эффективности психотерапии.

Недавно американскими специалистами были высказаны возражения, касающиеся того, что, по некоторым данным, есть психотерапевты, которые помогают своим пациентам и способствуют их излечению, но есть и такие, от чьего вмешательства пациентам становится только хуже. Влияние тех и других уравнивает друг друга, и суммарный эффект оказывается нулевой. Предлагается даже описание личности ус-

пешного терапевта — для него характерны эмпатия¹, доброжелательность и искренность; такого рода «терапевтические стили» могут быть определены и оценены с достаточной степенью вероятности. (Следует также отметить, что в портрете неуспешного терапевта сочетаются черты традиционного, ортодоксального психоаналитика — такой терапевт демонстрирует обезличенное отношение к пациенту, склонен к чистым интерпретациям и держится на большой дистанции.) В пользу этой теории можно привести некоторые доводы, в силу чего она даже может показаться весьма резонной; тем не менее она несколько не противоречит выводам, вытекающим из моих данных. Меня интересует эффективность того или иного метода; приведенные данные относятся к эффективности людей. Утверждается лишь, что вне зависимости от метода некоторые люди (доброжелательные, чуткие, заинтересованные) приносят пользу больным, обсуждая с теми их проблемы; что ж, в это я вполне готов поверить. В чем я продолжаю сомневаться, так это в провозглашаемых преимуществах тех или иных теорий и методов; иными словами, в том, что некто, освоив основные понятия и приемы психоанализа, уже в силу безусловной истинности и превосходства психоаналитического метода обретает способность излечивать пациентов быстрее и лучше, чем специалист, владеющий другими понятиями и приемами. Если дело не в методе, а в человеке, то возражения теряют всякий смысл.

Во многих отзывах на мою статью проявилось полное отсутствие интереса к результатам лечения; несколько известных психологов заявили, довольно многословно, что обнаруженные мною факты можно оставить без внимания и продолжать работать, как прежде. Похоже, именно такое решение приняли для себя и большинство психиатров; лишь постепенно правда выходит наружу, и в наши дни многие молодые студенты уже готовы признать более или менее очевидную несостоятель-

¹Эмпатия (от греч. *empathia* — сопереживание) — проникновение во внутренний мир другого человека за счет ощущения сопричастности к его переживаниям. Термином *эмпатия* определяется также личностная черта — способность к такого рода пониманию и сопереживанию.

ность психотерапии. Мою роль во всем этом я расцениваю, как роль ребенка из сказки про новое платье короля; именно я выкрикнул: «Глядите! А король-то голый!» В наши дни уже трудно представить, что было время, когда почти все готовы были восхищаться роскошным королевским нарядом; *sic transit gloria mundi*. Однако в науке старое и отжившее сдает свои позиции не сразу, хотя его притязания и развенчаны; сначала необходимо взамен найти нечто новое и лучшее. Я высказал предположение, что так называемые невротические симптомы представляют собой не что иное, как условные эмоциональные реакции на ситуации и объекты, вызывающие страх, который распространяется на схожие ситуации и объекты; в таком случае следует воспользоваться всем богатством накопленных знаний о возникновении и закреплении подобных условных реакций, то есть создать на базе современной теории научения более продуктивную систему терапии. Эту систему я называю «поведенческой терапией», в отличие от психотерапии, с целью подчеркнуть принципиальное различие между ними. Поведенческая терапия имеет дело с наблюдаемыми явлениями; ее цель — изменить поведение человека, включая и такой вполне измеряемый аспект поведения, как эмоции (страх, тревогу, гнев). Она не придает значения спекулятивным понятиям вроде Эдипова комплекса, зависти к пенису или Сверх-Я, не пытается толковать сны в духе Фрейда или Юнга (людей на самом деле очень разных)¹. Она заинтересована исключительно в результатах лечения; самым важным для нее является ответ на вопрос: «Стало ли пациенту лучше?» Такой подход вызывает негодование психоаналитиков, предпочитающих разгадывать гипотетические конфликты гипотетических явлений, которые, подобно средневековым демонам, одолевают души их пациентов, зато такой подход привлекает врачей, заинтересованных в выздоровлении своих пациентов.

¹Юнг (Jung) Карл Густав (1875—1961) — швейцарский психиатр. С 1905 г. входил в круг ближайших соратников З. Фрейда, но в 1914 г. порвал с ним на почве теоретических разногласий и создал собственную научную школу, известную как аналитическая психология, весьма отличную от фрейдизма. Как и Фрейд, придавая исключительное значение бессознательной психике, Юнг усматривал принципиально иной смысл в символике сновидений..

Для изменения поведения предложено много разных методов; модификация поведения не исчерпывается единственным принципом или методом. Два наиболее распространенных — десенсибилизация и аверсивная терапия; обе основываются на условно-рефлекторных принципах Павлова. Другие методы, к которым мы обратимся, основываются на принципах оперантного обусловливания Скиннера, о которых речь пойдет позже; так называемая «жетонная система» представляет собой наиболее ценный продукт этой теории. Термин «поведенческая терапия» покрывает все эти разработки, как и многие другие. И тут возникает вопрос: эффективны ли они? Обеспечивает ли поведенческая терапия более быстрое и надежное излечение, чем психотерапия?

Вопрос, сформулированный в таком виде, вероятно, не имеет ответа. Необходимо учитывать специфику пациента, его симптомы, продолжительность и тяжесть его заболевания; нам необходимо точно определить параметры того, что мы назовем «излечением»; мы также должны четко определить характер тех методов, которые используются под маркой поведенческой терапии и психотерапии, а также квалификационные требования к терапевту. И наконец, в идеале хорошо бы иметь несколько представителей того и другого направления, чтобы оценить их вклад в излечение, так же как и эффективность используемых ими методов. С целью решения перечисленных задач пока предпринято всего несколько шагов. Я постараюсь сформулировать некоторые предварительные ответы, опираясь на литературу последнего десятилетия.

Суммируя разнообразные исследования, мы должны учитывать два возможных подхода к данной проблеме. Исследователь академической ориентации заинтересован в распространении общих законов формирования навыков из лаборатории, где они были открыты, в клиническую практику. Терапевт заинтересован в улучшении состояния своих пациентов. Различие этих подходов сказывается на многих аспектах проблемы — на типе и точности требуемых доказательств, типе изучаемых испытуемых или пациентов, характере измерения перемен в поведении. Необходимо отдавать себе отчет в различии этих подходов, иначе возможно возникновение противо-

речий, связанных с тем, что психологи-исследователи и психиатры-клиницисты не всегда преследуют одни и те же цели и необязательно разделяют общие взгляды.

Некоторые невротические симптомы можно наблюдать у людей, которые во всех прочих отношениях вполне нормальны; норма и невроз образуют континуум. Для некоторых таких симптомов — например, простых фобий — существуют совершенно ясные критерии излечения. Боязнь змей, пауков, публичных выступлений, открытых или закрытых пространств или высоты может быть оценена довольно точно — помещением человека в такую ситуацию, когда ему надо приблизиться к змее или взобраться на лестницу; поведение такого рода может быть легко наблюдаемо и измеряемо, к тому же оно практически неизменно на протяжении времени. Можно осуществить физиологические замеры состояния страха в сочетании с наблюдаемым поведением и самооценкой собственного состояния. Это позволяет довольно точно оценить поведение до и после терапии, то есть дает возможность оценить эффективность терапии и сравнить ее различные формы. Начиная с 1961 г. этот метод был использован в дюжине лабораторных исследований, и примерно в половине из них результаты отслеживались на протяжении в среднем 8—9 месяцев.

Во всех этих случаях использовался предложенный Джозефом Вольпе¹ метод десенсибилизации — поэтапного предъявления пугающего объекта пациенту в состоянии релаксации; пугающий объект предъявляется постепенно, сначала в не очень страшном виде, потом во все более угрожающем. Контрольные группы тестировались в условиях отсутствия всякого лечения, простой релаксации, внушения и гипноза, принятия лекарства-плацебо и рациональной терапии; во всех случаях группа, проходившая поведенческую терапию, демонстрировала более существенные изменения в поведении в направлении смягчения страха, нежели любая контрольная группа.

Еще одним преимуществом этой процедуры является то,

¹Вольпе (Wolpe) Джозеф (1915—1998) — южноафриканский терапевт, один из основоположников поведенческой терапии. Метод десенсибилизации предложен им в 1952 г.

что она позволяет нам выяснить, какие аспекты используемого метода наиболее важны. Здесь в качестве примера можно привести исследование доктора С. Рахмана (1965), сравнивавшего действие релаксации без предъявления пугающего стимула, стимулирования без релаксации и сочетания стимулирования с релаксацией. Им установлено, что сочетание приносит наилучшие результаты. Также представляет интерес исследование, выполненное в 1969 г. П. Дж. Лэнгом, — он сравнивал непосредственно личное и компьютеризированное исполнение десенсибилизации и не нашел разницы. Из всех подобных исследований мы можем заключить, что десенсибилизация, вне сомнения, гораздо лучше устраняет фобические страхи определенных объектов и ситуаций, нежели любые другие процедуры; что обе части процедуры (релаксация и поэтапное предъявление пугающего объекта) важны и что обезличенные (компьютеризированные) приемы работы действуют не менее эффективно, чем непосредственно личные, вопреки гипотезе о роли эффектов «переноса».

Психиатры часто возражают против таких экспериментов, утверждая, что моносимптоматические фобии довольно редки, что испытуемые в таких экспериментах не являются невротиками в клиническом смысле и что ценность таких демонстраций для их повседневной деятельности представляется сомнительной. Такого рода ценность, конечно, еще следует доказать, однако нелишне напомнить, что для Фрейда и его последователей малейшие оговорки и ошибочные действия выступали свидетельствами глубоко укоренившихся комплексов, и в частности боязнь змей объяснялась ими в символических терминах в соответствии с фрейдистской теорией; именно по этой причине Лэнг с сотрудниками избрали страх перед змеями объектом своих экспериментов. Психиатрики не могут быть правы во всем; либо такие фобии характерны и для более тяжелых невротических расстройств, и на основании наших результатов мы можем делать довольно широкие обобщения, либо их исходные позиции ошибочны. Несомненно, Фрейд не мог предвидеть, что с помощью методов поведенческой терапии такие расстройства будут успешно излечиваться, какими бы слабыми они ни были; согласно его гипотезам, уст-

ранение таких симптомов невозможно без «инсайта», просветления. Тот факт, что полученные результаты опровергают эту гипотезу, нельзя оставить без внимания — он служит убедительным опровержением всей психоаналитической теории. Тот факт, что данные экспериментальные исследования проводились с привлечением пациентов, страдавших моносимптоматическими фобиями, породил возражение (иногда выдаваемое за опровержение поведенческой терапии), будто эти методы применимы только к моносимптоматическим фобиям. Как мы увидим, это неправда; сосредоточиться на таких пациентах побудили соображения элементарного удобства, а также возможности достаточно точной оценки исходной и конечной фазы. Мендель в своих исследованиях сосредоточился на гладких и сморщенных горошинах, что вовсе не означает, будто открытые им законы генетики касаются только гороха! Психиатры часто недооценивают возможности прямой количественной оценки эффективности своих теорий; поведенческая терапия впервые сделала такой подход возможным.

Доказательство эффективности поведенческой терапии посредством использования пациентов в качестве испытуемых, разумеется, связано с известными трудностями, особенно в связи с упорным нежеланием психоаналитиков участвовать в совместных экспериментах по сравнению результатов разных видов терапии. Тем не менее несколько таких исследований удалось провести в Институте психиатрии больницы Модсли, и мы можем хотя бы в общем виде рассмотреть результаты такого рода сравнения.

В исследовании, выполненном Джоном Купером, Исааком Марксом и Майклом Гелдером, участвовало свыше 110 пациентов, проходивших поведенческую терапию по методу десенсибилизации; их состояние отслеживалось в каждом случае на протяжении примерно 12 месяцев; использовались также контрольные группы из пациентов в похожем состоянии, проходивших другие виды терапии. В некоторых случаях исследование было ретроспективным, то есть основывалось на изучении истории болезни; оно показало, что изолированные фобии лучше излечиваются с помощью десенсибилизации, чем любыми иными методами; в случае сложных фобических рас-

стройств, таких как агорафобия (страх открытых пространств), имели место некоторые преимущества, но не столь значительные. При навязчивых состояниях лечение десенсибилизацией дало не лучшие (однако и не худшие) результаты по сравнению с контрольными группами. При рассмотрении этих результатов не следует также забывать, что во всех случаях психологи экспериментировали с новым методом; это были новаторские попытки, предпринятые специалистами без достаточного опыта и подготовки.

Более того, пациенты, отобранные для поведенческой терапии, были из тех, кто ранее лечился иными методами, но безуспешно, — на эту деталь недопустимо не обратить внимание! Тот факт, что вопреки всем этим затруднениям поведенческая терапия доказала свое преимущество в большинстве случаев и ни в одном не оказалась менее эффективна, сам по себе должен быть расценен как блестящий успех.

Исследования с использованием контрольных групп также продемонстрировали значительное превосходство поведенческой терапии в отношении амбулаторных пациентов с фобиями. Удалось не только смягчить фобии. Маркс и Гелдер отмечают: «По мере того, как устранялись страхи, значительные улучшения также имели место в профессиональной и личной жизни пациентов, которая ранее была этими страхами осложнена». В группе пациентов стационара, страдавших тяжелой формой агорафобии, улучшений не произошло, однако и ухудшений не наблюдалось. Было обнаружено, что эффективность десенсибилизации обратно пропорциональна силе расстройств — чем более сильной тревожностью страдал пациент, тем менее успешным оказывалось лечение в сравнении с контрольной группой.

Не так давно два исследования выполнены, хотя еще не опубликованы, аспирантами моего отделения под руководством С. Рахмана. В первом Джим Хамфри рассмотрел отобранную в случайном порядке выборку детей с невротическими расстройствами, проходивших лечение посредством либо поведенческой терапии, либо психотерапии; учитывалась также контрольная группа, не получавшая никакого лечения. Результаты оценивались двумя независимыми психиатрами, ко-

торым было неизвестно, какого рода лечение имело место; процесс отслеживался на протяжении десяти месяцев. В среднем поведенческая терапия потребовала значительно меньше времени — 18 недель в сравнении с 31 неделей, потребовавшейся на психотерапию. Несмотря на более короткий срок лечения, улучшение состояния детей при поведенческой терапии было заметно более выражено. К сожалению, дети, проходившие поведенческую терапию, хотя и были отобраны случайно, страдали более серьезными расстройствами, чем те, кто проходил психотерапию; в силу этого статистическое сравнение двух групп не вполне корректно.

Похожее, но еще более сложное исследование было проведено Патрицией Гиллан на группе взрослых пациентов. Ею изучались амбулаторные пациенты, страдавшие комплексными фобическими расстройствами; моносимптоматических случаев среди них не было. Из них было сформировано четыре группы по восемь пациентов. Группа 1 получала лечение посредством десенсибилизации в сочетании с релаксацией; группе 2 поэтапно предъявлялись пугающие стимулы без релаксации; группе 3 стимулы не предъявлялись, но проводилась псевдопсихотерапия в сочетании с релаксацией; группа 4 проходила динамическую психотерапию у психиатра. Состояние пациентов оценивал как терапевт, проводивший лечение, так и приглашенный психиатр, которому было неизвестно, какой подход использовался. Применялись также методы оценки физиологических реакций с целью выявить уровень страха, вызываемого определенным пугающим объектом или ситуацией — в первый раз до начала терапии, потом по прошествии трех месяцев.

Результаты этой работы однозначно свидетельствуют в пользу поведенческой терапии. Сочетание релаксации с поэтапным предъявлением стимула — наиболее успешная форма лечения, стимул без релаксации — несколько слабее, но существенно; и психотерапия, и релаксация в отсутствие стимулов дают гораздо худшие результаты. Оба эти исследования детей-невротиков и взрослых с серьезными расстройствами позволяют заключить, что лабораторные эксперименты могут быть распространены и на психически больных, то есть рас-

пространение наших выводов и на эту сферу является правомочным. Это следует признать важным достижением.

Сравнительно высокий успех метода поэтапного предъявления стимулов, даже в отсутствие релаксации, подтверждает еще одну выдвинутую мною гипотезу, касающуюся того, что, когда психотерапия оказывается эффективна (хотя и в меньшей мере, чем поведенческая терапия), это может объясняться тем, что ею используются некоторые принципы десенсибилизации. Поощрительная атмосфера снижает ощущения тревоги (релаксация); беседа вращается вокруг актуальных проблем, причем опытный психиатр сначала сосредоточивается на менее значимых проблемах, которые вызывают вполне переносимую тревогу, впоследствии переходя ко все более острым вопросам.

Таким образом, в рамках психотерапии могут предприниматься — хотя и не очень эффективно, поскольку ненамеренно, — попытки сродни десенсибилизации, наподобие второй серии в опытах Гиллан (приближение к стимулу в отсутствие релаксации). В пользу такого заключения свидетельствуют наблюдения К.Б. Труа и Р.Р. Кархуффа, отметивших, что в то время когда одним психотерапевтам удается помочь своим пациентам, другие не только не способствуют, но даже препятствуют излечению; тут особый интерес представляют описания личностных качеств и так называемых терапевтических стилей, характерных для представителей обеих групп. Напомним, что у успешных терапевтов отмечались открытость, искренность, способность к сопереживанию; у тех же, кто наносит пациентам вред, эти качества отсутствуют или даже имеют место их противоположности. Эти наблюдения согласуются с моими представлениями о том, что успешная психотерапия явно или неявно включает в себя поведенческие принципы; эмпатия, теплота и отзывчивость создают легкую, расслабленную атмосферу, в которой осуществляется постепенное приближение к беспокоящим проблемам, а сухое «интерпретирующее» общение достигает противоположного эффекта, то есть препятствует релаксации и усиливает тревогу. Таким образом, релаксация, как правило, наступает в общении пациентов с «хорошими» терапевтами, и она вряд ли может быть дос-

тигнута искусственно посредством тренинга, хотя тренинг такого рода и может быть полезен некоторым пациентам.

Вероятно, эту теорию можно развить и дальше. Процесс устранения нежелательных привычек и представлений требует формирования новых условных реакций — будь то в поведенческой терапии или в психотерапии; можно предположить, что терапия будет более успешна для тех, у кого условные реакции формируются легко и быстро, нежели у тех, у кого они формируются медленно и с трудом. Не так давно И. Мартином в нашей лаборатории было показано: у тех, у кого легче формируются реакции в лабораторных условиях, более успешной оказывается как поведенческая терапия, так и психотерапия; это служит убедительным подтверждением моей точки зрения, а также позволяет использовать данный показатель в прогностических целях. До сих пор, насколько мне известно, успех терапии невозможно было предсказать с помощью проективных тестов или каких-либо иных тестов.

Я сосредоточился на методе десенсибилизации по той простой причине, что не существует никаких иных исследований с использованием контрольных групп в данной области. Есть отдельные исключения — например работа, которую выполнили И.Г. Томпсон и Н.Г. Ратход, изучавшие авersiveвную терапию¹ героиновой зависимости; ими использовались инъекции, вызывавшие мышечный паралич и страх удушья — при последующих попытках пациента самостоятельно сделать себе инъекцию героина возникала соответствующая условная реак-

¹Аверсивная терапия (от лат. *aversio* — отвращение) — метод лечения разнообразных расстройств поведения, в котором привлекательные стимулы (например, алкоголь или обильная еда) сочетаются с болезненным, неприятным, вызывающим отвращение стимулом (инъекцией апоморфина, приводящей к рвоте, электрическим разрядом, вызывающим сильную боль, и др.); метод подвергается критике по этическим соображениям, однако большинством специалистов признается его допустимость и даже необходимость при особо тяжелых расстройствах, опасных для жизни. Первое известное нам описание аверсивной терапии приводится Плутархом, который описывает, как Демосфен, страдавший тиком — произвольным подергиванием плеча, подвешивал над плечом острый меч, так что при каждом тике происходил болезненный укол. В этом случае полное излечение наступило после всего нескольких попыток! — *Прим. автора.*

ция. Этот прием сработал очень хорошо — в сравнении с менее успешной контрольной группой. Использование столь жесткого метода в данном случае было оправдано удручающим прогнозом течения болезни — в отсутствие лечения героино-вые наркоманы живут не более пяти лет. Конечно, такое исследование желательно было бы повторить, однако при том, что достоверно известна крайне низкая эффективность каких-либо иных способов лечения, результаты надо признать очень многообещающими — восемь из десяти пациентов после лечения отказались от употребления героина, что было подтверждено анализами, проводившимися без предупреждения.

В своей книге «Аверсивная терапия и расстройства поведения» С. Рахман и Дж. Тисдейл подчеркивают, что для большинства расстройств, подвергавшихся аверсивной терапии (алкоголизм, гомосексуализм¹, фетишизм, трансвестизм, наркомания), хорошо известно количество случаев спонтанной ремиссии, а также успешного исхода иных видов терапии, причем и то, и другое количество ничтожно, так что его можно даже не принимать во внимание, хотя, конечно, в идеале желательно сравнение с контрольными группами. Эти авторы указывают, что аверсивная терапия дает исключительно высокие результаты — при том важном условии, что все правила образования условных связей, выведенные в ходе лабораторных исследований, в процессе терапии не нарушаются — что нередко происходит, когда недостаточно подготовленные психи-

¹До недавнего времени гомосексуализм в соответствии с общепринятыми моральными нормами расценивался как извращение и отклонение от нормы, а с психиатрической точки зрения — как расстройство. В связи с распространением в мире либеральных идей это традиционное представление было пересмотрено. Первое голосование по данному вопросу президиум Американской психиатрической ассоциации (АПА) провел 15 декабря 1973 г. Из 15 его членов 13 высказались за исключение гомосексуализма из реестра психических расстройств. Это решение инициировало протест со стороны ряда специалистов, которые собрали необходимые 200 подписей для проведения референдума по данному вопросу. Голосование состоялось в апреле 1974 г. Из немногим более 10 тыс. бюллетеней 5854 подтвердили решение президиума, а 3810 не признали его. Вся эта история получила название «эпистемологического скандала», поскольку для истории науки разрешение научного вопроса путем голосования является случаем уникальным.

атры берутся использовать метод, с которым они лишь поверхностно знакомы.

Любые обобщения в этой области должны опираться на опытные данные. Важно отметить, что приблизительно в двадцати исследованиях с использованием контрольных групп — с участием либо подопытных «пациентов», либо реальных психически больных — поведенческая терапия обеспечила гораздо лучшие результаты, чем психотерапия или какой-либо иной метод лечения, причем почти во всех случаях, и ни разу не привела к ухудшению. Если также иметь в виду, что во всех упомянутых исследованиях терапевтами выступали психологи, обладавшие крайне малым опытом использования данного метода (нередко это были аспиранты, предварительно прошедшие лишь несколько часов необходимой подготовки), да и сам метод следует признать недостаточно отработанным, то становится ясно, что полученные результаты являются просто исключительно позитивными и обнадеживающими; ничего подобного никогда не было в истории психиатрии. Можно, конечно, усмотреть мелкие погрешности в отдельных случаях или поставить под сомнение какие-то частные результаты; однако при рассмотрении всех данных в целом (а именно так и должен, вне сомнения, поступать настоящий ученый!) невозможно прийти ни к какому иному выводу, как тот, что поведенческая терапия не только зарекомендовала себя действенным методом, но и вообще *единственным* методом, который работает. И такой вывод кажется мне очень справедливым и обоснованным. Нам пока неизвестно, какому типу пациентов он оказывает наибольшую пользу (хотя кое-какие соображения по этому поводу мною уже приводились); неизвестно также, какая из теорий, касающихся метода десенсибилизации, является верной (хотя и тут кое-какие данные уже накапливаются); мы пока не знаем, как предсказать успех или неудачу (хотя основания для экспериментальных исследований в этой области уже заложены). Нам еще неизвестно довольно многое, но, учитывая молодость метода поведенческой терапии, мы уже можем поздравить себя с тем, что его клиническая и науч-

ная ценность и польза уже так прочно обоснованы и подтверждены.

Но довольно о десенсибилизации и аверсивной терапии; а как насчет методов Скиннера? В то время как Вольпе сосредоточивается на устранении условно-рефлекторной тревоги и прочих неприятных эмоций (в случае десенсибилизации), а аверсивная терапия пытается увязать эти эмоции с определенными формами поведения, Скиннер вообще не ставит своей целью манипулирование эмоциями. Опираясь на закон подкрепления (гласящий, что действие, за которым немедленно последовало положительное подкрепление, или вознаграждение, имеет тенденцию к повторению), он разработал систему формирования поведения, продемонстрировавшую свою высокую эффективность в работе с определенными типами психотиков, а также с аутичными детьми. Тут для иллюстрации можно привести самый обыденный пример. Представим, что вы пытаетесь научить свою собаку подбегать к вам по вашему зову, но она этого не делает. Когда же она, наконец, к вам подходит, вы уже сильно раздражены и наказываете ее. Это бессмысленная и непродуктивная реакция; у собаки просто формируется ассоциация: «Подойти к хозяину — значит быть побитой», и вряд ли она в следующий раз к вам подойдет. Со стороны хозяина такая реакция отчасти разрядит его раздражение, но тренировке собаки она не поможет. А теперь представьте себе мать, занятую приготовлением обеда; ее маленький сын хочет, чтобы она с ним поиграла. Она не обращает на него внимания, пока он наконец не начинает вести себя совершенно несносно — орать, ломать вещи, любыми иными путями привлекать к себе ее внимание. И она наконец обращается к нему — кричит на него в ответ или даже шлепает. По ее мнению, так она удержит его от повторения нежелательных действий, но это неверно; для ребенка такая последовательность событий означает: «Будешь играть спокойно и тихо — мама не станет обращать на тебя внимания». И как следствие: «Начни безобразничать — и мама уделит тебе внимание». В следующий раз, когда малышу захочется привлечь внимание матери,

он с гораздо большей вероятностью начнет плохо себя вести; мать попросту формирует его непослушание и дурное поведение. Следуя заповедям Скиннера, матери следует проявлять внимание к ребенку, поощрять его и играть с ним, когда он ведет себя хорошо, и игнорировать его баловство. С точки зрения житейского здравого смысла это кажется несколько странным и трудно достижимым, однако если мы хотим приучить наших детей хорошо себя вести, именно так нам и следует поступать.

Теперь применим тот же подход к группе пациентов психиатрической больницы. Они также желают привлечь к себе внимание; добиться этого они пытаются вызывающим поведением — в той манере, которая, как им известно, заставит персонал бежать к ним со всех ног, либо начинают рассказывать о своих симптомах, что также заставляет персонал внимательно прислушиваться. Традиционные методы, которые преподаются персоналу психиатрических больниц, подкрепляют скверное и нежелательное поведение пациентов; Скиннер предлагает прямо противоположное. Согласно его системе персонал следует учить общаться с пациентами, пока те ведут себя пристойно или спокойно говорят на обычные повседневные темы. Как только пациент начинает рассказывать о своих симптомах или вести себя неадекватно, персоналу предписывается покинуть его и уделить внимание другому пациенту. Таким способом подкрепляется адекватное, разумное поведение, а «безумное» не подкрепляется и в силу этого постепенно сходит на нет. Действительно ли оно исчезает? Ответ, вытекающий из многих приводимых в литературе данных, — однозначное да. Метод работает. Небезынтересно, что персонал находит весьма затруднительным приспособиться к такому новому режиму; на протяжении всей их жизни психотерапевтически ориентированные психиатры учили их внимательно выслушивать безумный бред пациентов и реагировать на вздорные выходки, и им очень непросто переключиться на совершенно противоположную линию поведения. Они так сосредоточены на «психических» явлениях, которые предположительно протекают в

головах пациентов, что даже не отдают себе отчета, как их внимание скажется на поведении пациентов. Подкрепляя дурные реакции, они на самом деле делают пациентам только хуже — подобно тому, как мать поощряет нежелательное поведение своего маленького безобразника. Персонал больниц — это обычно люди добрые, и я говорю это вовсе им не в упрек; наш мир стал бы гораздо лучше, если бы каждый старался делать добро обездоленным и убогим. Но чтобы делать добро, хорошо бы отдавать себе отчет, каковы будут последствия ваших действий и, зная это, вести себя уверенно даже вопреки сиюминутному результату — как в данном случае, когда «добрым» отношением можно скорее навредить, чем помочь. Дурные последствия, разумеется, не входят в намерения матерей или медицинского персонала, но они прямо вытекают из их поведения. Невежество — вещь крайне опасная; человеческая натура не так проста, чтобы без достаточных доказательств быть уверенным, что действия, которые мы считаем необходимыми, действительно окажутся правильными.

Скиннер детально разработал приемы формирования поведения в своих экспериментах над крысами и голубями; прежде всего он четко определял поведение, которого желал добиться, затем обеспечивал подкрепление (пищевое) всякий раз, когда животное предпринимало шаг в требуемом направлении. Постепенно он таким образом выстраивал репертуар поведения животного, пока крыса или голубь не начинали танцевать, играть в пинг-понг или демонстрировать какой-либо иной достаточно сложный и продолжительный набор действий. На это вы можете с негодованием заявить: «Но люди — это же не крысы и не голуби!» Конечно, нет. Но разве в их натуре и поведении отсутствуют такие аспекты, которые роднят их с крысами и голубями и которые позволяют подобные методы хотя бы испробовать? Это вопрос, достойный эмпирического исследования, его не решить в кабинетных рассуждениях (хотя многие именно это и пытаются делать). Возьмем для примера совершенно отрешенного от мира шизофреника, который годами не произносит ни слова; как вы сможете побу-

дить его заговорить, после того как многолетние усилия психиатров и психоаналитиков остались бесплодны? В одном из наших экспериментов, в котором использовался подход Скиннера, экспериментатор сначала выяснил, что может послужить положительным подкреплением для такого шизофреника; выяснилось, что тот любит конфеты. Затем экспериментатор стал пристально присматриваться к поведению пациента; всякий раз, когда тот делал движение ртом, хотя бы отдаленно напоминающее то, которое осуществляется при произнесении слов, он получал конфету. Постепенно награда стала выдаваться тогда, когда движения все более и более напоминали речь, и наконец пациент стал получать конфеты лишь в том случае, когда действительно издавал какой-то звук. Теперь требования снова повысились — до произнесения настоящих речевых звуков. В конце концов пациент стал произносить слова, потом фразы и с течением времени перешел к достаточно развернутым высказываниям. В литературе приводится множество подобных примеров; вне всякого сомнения, этот метод оказывается действенным как по отношению к взрослым психотикам, даже в самых запущенных и безнадежных случаях, так и к аутичным детям, даже когда от всех прочих методов лечения пришлось отказаться ввиду их полной бесполезности. Это отнюдь не означает окончательного излечения — у таких пациентов еще много различных нарушений, помимо неспособности говорить или какого угодно другого аспекта поведения, привлекающего наше внимание. Но иногда речь идет о так называемом стратегическом поведении, то есть таком, которое и вызвало помещение пациента в лечебницу, поскольку он попросту оказывался неспособен адекватно себя вести в обыденной обстановке; в таких случаях устранение недопустимых действий фактически и означает излечение — пациент может вернуться к нормальной жизни. Так или иначе, реакции этих пациентов (а также нормальных людей, с которыми подобные упражнения проделывались в лабораторных условиях) поразительным образом напоминают реакции крыс и голубей. И это сходство выступает непреложным фактом, а

вот какие заключения мы из этого сделаем — это совсем другой вопрос. Ничто не позволяет нам утверждать, будто человеческая натура — это «всего лишь» усложненное подобие крысиной натуры; всякие заявления такого рода я отметаю как несусветную чушь. Я лишь имею в виду, что методы, отработанные в лаборатории на подопытных животных, могут быть испытаны, со всеми необходимыми ограничениями, и на психически больных пациентах в надежде улучшить их состояние, когда все прочие средства оказались бессильны; отказ от этого в силу каких-то предубеждений видится мне негуманным. Почему мы должны приговорить нашего несчастного шизофреника или ребенка-аутиста к бесконечным страданиям просто потому, что нам неприятно замечать наше общее животное происхождение? В конце концов, чем мы можем так уж особенно гордиться? Крысы и голуби не развязывают войн, не совершают изнасилований, не угрожают погубить планету промышленным загрязнением или атомными взрывами; возможно, нам следовало бы у них поучиться не только тем способом, который здесь описан.

Формирование поведения указанным способом — длительный и нелегкий процесс, и надо иметь в виду, что не всегда есть возможность применить этот крайне высоко эффективный метод ко всем случаям. Есть, однако, метод, который находит почти всеобъемлющее применение — это так называемая жетонная система, наиболее интригующий и многообещающий инструмент из арсенала поведенческих технологий. Этот метод, который будет далее описан, в последние годы был применен к хроническим шизофреникам и преступникам — двум группам, которые упорно сопротивляются любым попыткам повлиять на их поведение. Достигнутые успехи вселяют большие надежды на его более широкое распространение, а также позволяют надеяться, что хронические психотики и уголовники-рецидивисты перестанут наконец быть теми, кем всегда считались, — изгоями, которых следует держать взаперти без всякой надежды на их исправление. Приходится с сожалением отметить, что этот метод гораздо более ши-

роко используется в США, а не в нашей стране. И это сожаление вызвано не только тем, что потребность в этом методе у нас никак не меньше, чем в Америке, но и тем, что (вопреки представлению, создаваемому писаниями не слишком искушенных в истории американских бихевиористов) начало использованию этого метода было положено англичанином Александром Маконочи. Его жизнь стала темой блестящего биографического сочинения Джона Винсента Барри, члена Верховного Суда австралийской провинции Виктория; им, в частности, подробно описано создание Маконочи «оценочной системы тюремной дисциплины». Здесь я могу себе позволить лишь краткое упоминание об этом выдающемся человеке; подобно многим первопроходцам, он не был признан при жизни, и лишь со временем ему была отдана дань заслуженного уважения.

Маконочи прибыл на Землю Ван-Димена¹ в 1837 году в качестве личного секретаря своего друга, сэра Джона Франклина, когда тот был назначен на пост губернатора. Английским гуманитарным обществом ему было дано поручение инспектировать местную тюремную систему, бесчеловечность и жестокость которой вызвали его гневное обличение; им также были высказаны пространные пожелания по ее реформированию. Наградой ему стала отставка — власти и прежде, и теперь нетерпимы к критике, даже справедливой. Однако в 1840 году ему было предложено занять должность суперинтенданта на острове Норфолк — самом бесчеловечном каторжном поселении в тех краях. Дабы понять философию управления каторжными поселениями и тюрьмами, следует обратиться к знаменитому высказыванию преподобного Сиднея Смита², который в 1822 году заявил, что тюрьма должна быть «местом наказа-

¹Земля Ван-Димена — так до 1853 г. именовался остров Тасмания у побережья Австралии, служивший в первой половине XIX века местом каторжной ссылки для осужденных в Великобритании преступников; в те годы каторжники составляли две трети населения острова.

²Смит (Smith) Сидней (1771—1845) — английский литератор, религиозный и общественный деятель.

ния, которого всякий человек избегал бы с ужасом, — местом настоящих страданий, о которых нестерпимо вспомнить и которые страшно вообразить... местом стенания и горя, попав в которое любой навеки зарекался бы попасть туда снова; иными словами, это место должно быть ужасным предостережением для всех и каждого». Позиция Маконочи была совершенно противоположной: «Я полагаю, что продолжительное тюремное заключение способствует лишь моральному разложению. Человек, приговоренный к длительной неволе, думает лишь о том, как скрасить и убить время; он всячески избегает труда, поскольку никак в нем не заинтересован, не стремится угодить начальству, поскольку не в его власти сократить заточение... Победить это зло могла бы предлагаемая мною система». Иными словами, Маконочи противопоставил идее заточения как возмездия принцип наказания с целью исправления и реабилитации. И в этом он был не одинок — многие его современники с негодованием обличали варварские бесчеловечные методы, которыми общество расправлялось с теми несчастными, кто, порой даже не совершив большого злодеяния, нарушал тогдашние законы, имевшие очень мало общего с правосудием в его современном понимании. Но Маконочи пошел дальше любого из своих современников; некоторые из его многочисленных новшеств перечислены Шелдоном Глюком в предисловии к книге Барри: «Он предвосхитил современную идею условно-досрочного освобождения; он готовил заключенных к возвращению в общество за счет поэтапного смягчения режима и усиления самодисциплины; он использовал влияние группы на процесс исправления; он внес свой вклад в развитие идей классификации преступников; он способствовал признанию важности личного участия узников в поддержании порядка в местах заключения; он способствовал формированию личной заинтересованности каждого преступника в исправлении; он разрешил непосредственное обращение заключенных к начальству исправительного учреждения, минуя посредников... он внедрил программу образования для заключенных с привлечением самых образованных из них на роль учителей;

он разрешил заключенным возделывать собственные огороды и продавать выращенный урожай; он старался создать дисциплинарный режим, напоминающий жизнь на воле, вместо того чтобы безуспешно пытаться «перевоспитать» людей в противостественных условиях тюремной неволи. В целом он стремился превратить тюрьму в «моральную лечебницу». Как писал сам Маконочи: «Порок — это болезнь, и наука об искоренении порока — это своего рода нравственная хирургия. Средства, которые она использует, нередко причиняют боль, но цель ее всегда благородна — возвращение пациента к нормальной жизни». Эта идея, только в более парадоксальной и вызывающей формулировке, впоследствии была высказана Сэмюэлем Батлером в романе «Едгин»¹ — там преступники направляются на лечение, а больных сажают в тюрьму, — однако порождена она изобретательным умом Александра Маконочи.

Дабы достичь этой цели Маконочи предложил вместо наказания в виде длительного срока заключения приговаривать преступников к выполнению определенного объема работ; вместо того чтобы сидеть взаперти на протяжении назначенного судом времени, преступник пребывает в заточении, пока не выполнит заданную ему работу. Точно рассчитать соответствующий объем работ, конечно, непросто; Маконочи предложил, чтобы заключенный своим прилежным трудом и иными формами хорошего поведения зарабатывал определенное количество «поощрительных баллов» и выходил на волю, только когда наберет требуемое количество. Оказавшись в тюрьме, заключенный — на протяжении короткого периода времени — лишен всех прав и привилегий; затем ему предоставляется возможность заслужить поощрение, в том числе более удобные условия проживания и дополнительное питание. Соответствующие блага оцениваются в баллах. Как пишет Барри, «выполнение стандартной нормы позволяет ежедневно заработать

¹Батлер (Butler) Сэмюэль (1835—1902) — английский писатель и популяризатор науки. Его роман «Едгин» (анаграмма слова «нигде») написан в жанре едкой антибуржуазной сатиры.

определенное количество баллов — скажем, десять, но трудовое усердие и примерное поведение обеспечивают дополнительные баллы. Дисциплинарные наказания осуществляются не в традиционной для тюрьмы манере, то есть не в виде насилия, заточения в карцер или принудительного труда, а в форме изъятия баллов и, соответственно, лишения привилегий».

Со временем заключенным позволялось объединяться в рабочие бригады, но при этом проступок одного наказывался лишением баллов всей бригады. «По мере того как заключенный продвигался по ступеням системы, наложенные на него ограничения смягчались, и на последнем этапе заключения условия его жизни становились по возможности максимально похожими на те, в которых ему предстояло оказаться после освобождения; таким образом вся система была направлена на то, чтобы он своими усилиями подготовил свой выход на свободу. Фундаментальный принцип гласил: ничего не дается просто так, все надо заслужить. На протяжении срока заключения все, что унижает узника, что лишает его человеческого достоинства, должно быть исключено. Телесные наказания, использование кандалов и колодок не допускаются». Все эти идеи не были исключительно оригинальны; Ричард Уэйтли, архиепископ Дублинский, а также квакеры Джеймс Бэкхаус и Джордж Уокер и ранее предлагали заменить традиционные наказания системой обретения и лишения привилегий на количественной основе; однако именно Маконочи первым внедрил эти новшества в практику.

Был ли этот эксперимент успешен? Прежде чем ответить на этот вопрос, давайте сначала перечислим все те причины, по которым он не мог увенчаться успехом. 1) Заключенные, о которых идет речь, были отъявленными преступниками, закоренелыми и безнадежными, то есть являли собой самую скверную прослойку тюремных обитателей. Невозможно представить худшую группу для внедрения какой-либо новой системы; если бы многочисленные недоброжелатели Маконочи захотели бы специально сформировать выборку, чтобы с наибольшей вероятностью сорвать его эксперимент, то именно

эту они и набрали бы. 2) Эти заключенные были затерроризированы до такой степени, что в наши дни в это верится с трудом; необходимо прочесть, как Барри описывает чудовищные условия, в которых они жили, и зверские наказания, которым они подвергались, чтобы хоть чуть-чуть понять этих отверженных. 3) Полномочия Маконочи были гораздо скромнее, чем ему поначалу казалось; он даже не мог обещать заключенным, что они, набрав необходимые баллы, будут освобождены. Более чем половине заключенных было официально отказано в досрочном освобождении вопреки предложенной им схеме. 4) Маконочи не получал от министерства внутренних дел никакой поддержки, напротив — постоянно сталкивался с нареканиями и придирками; в конце концов он был отправлен в отставку задолго до того, как его планы могли принести свои плоды. Со своим начальством ему приходилось не сотрудничать, а противоборствовать, и никакого поощрения, которого он, вне сомнения, заслуживал, он так и не дождался. 5) Подчиненными Маконочи, которым надлежало исполнять его схему, были тюремные надзиратели старой школы, привыкшие «выжигать порок каленым железом»; в отличие от него, они не видели в заключенных людей, и к замыслам своего начальника относились в лучшем случае равнодушно. 6) Австралийские колонисты были категорическими противниками его «попустительских» методов и постоянно требовали его отставки; а ведь именно среди этих людей предстояло жить и зарабатывать свой хлеб заключенным, когда они, набрав нужные баллы, выходили на волю. Злобная враждебность колонистов к Маконочи распространялась и на его подопечных, и вместо того, чтобы помочь тем реабилитироваться, они делали все возможное, чтобы сорвать эксперимент. 7) Условия на острове Норфолк были столь убогими и примитивными, что Маконочи было крайне затруднительно осуществить многие свои идеи; сообщение с Англией было редким и нерегулярным, и его запросы встречались там без всякого энтузиазма. Таковы лишь некоторые затруднения, с

которыми столкнулся Маконочи, и понятно, что задачу он перед собой поставил не из легких.

Оценивая, удался или нет данный эксперимент, необходимо учитывать предвзятость тех, кто его описывал, и неприязнь к Маконочи и его делу со стороны чиновничества, на чьи суждения мы только и можем тут полагаться. Постаравшись всячески воспрепятствовать его начинанию, они потом обвинили его в том, что ему не удалось за пару лет перековать дьяволов в ангелов; годами третируя заключенных самыми зверскими методами, они принялись недоумевать, отчего не удалось в одночасье вывести пятна с леопардовой шкуры. Конечно, для полноты впечатления нам необходимо прислушаться и к мнению Барри, а также реальных свидетелей, которые порой хоть и недолюбливали Маконочи, но не были категорически непримиримы. Обратимся сначала к оценкам самого Маконочи: «Я прибыл на этот остров, когда он представлял собой чудовищное место, настоящий ад на Земле, и оставил его превратившимся в мирное, хорошо управляемое поселение, где была обеспечена полная безопасность личности и собственности. Любой человек, включая женщин и детей, мог пересечь остров без всяких опасений». Барри отмечает: «Все заслуживающие доверия свидетельства подтверждают это суждение». Преподобный Т.Б. Нейлор служил капелланом на острове Норфолк во времена управления Маконочи; он пишет: «Я глубоко и искренне убежден, что, с благословения Господа, система «баллов», является наилучшим, если вообще не единственным средством примирения противоречивых интересов преступников и правосудия». В одном из своих писем, которое цитирует Барри, он развивает эту мысль: «Размышляя о нововведениях на острове Норфолк, я вовсе не имею в виду, что они были безупречны, но в то же время я убежден в их несомненной пользе — ничего подобного здесь ранее не проделывалось с таким впечатляющим успехом... Я готов поклясться, что не только злодеяния сошли на нет, но и сама атмосфера изменилась к лучшему, и если бы условия складывались благоприятно, начинание увенчалось бы полным триумфом. Это прихо-

дится признать даже его противникам. Чинимые препятствия и затруднения не позволили достичь многого, и просто поразительно, что вообще хоть чего-то удалось достичь. Однако должен добавить, я не встречал здесь ни одного заключенного, кто не разделял бы моего одобрения сложившихся тенденций».

Как же вели себя заключенные после выхода на волю? «Поведение этих людей с острова Норфолк было в высшей степени примерным; они демонстрировали такой уровень исправления, какого ни одна исправительная система не достигала ни до, ни после. За редким исключением все они вели достойный образ жизни, а иные даже весьма преуспели в делах. С гордостью носят они прозвание «питомцев Капитана Маконочи». Это слова бывшего заключенного, хорошо знакомого с порядками острова Норфолк. Выводом, который вытекает из этого и подобных свидетельств, невозможно пренебречь: эксперимент, вопреки всем затруднениям и противодействиям, увенчался успехом. И в местах заключения, и за их пределами поведение осужденных улучшилось так, как нигде и никогда ранее. Невозможность количественного сравнения не позволяет делать более точных заключений, но и очевидно вполне достаточно. Но вот интересная особенность человеческой природы: даже сегодня, более столетия спустя, не предпринимается никаких официальных экспериментов с той же целью; ведутся бесконечные дискуссии о тюремных реформах, но никому не приходит в голову воспользоваться гуманным методом, давным-давно доказавшим свою эффективность в деле исправления преступников. Порой даже не верится, что такое исправление является нашей целью!

В 1844 году Маконочи уволили в связи с тем, что его эксперимент был официально признан провалившимся. Ему предоставили еще один шанс (может быть, правильнее сказать — полшанса?), когда назначили начальником тюрьмы в Бирмингеме, однако и тут его полномочия были слишком ограничены, чтобы в полной мере применить его метод. Вскоре он снова был отстранен ввиду острых противоречий с косными и ог-

раниченными противниками инноваций. Он много писал и приобрел широкую известность в кругах сторонников тюремных реформ; скончался в возрасте 73 лет в 1860 году — через 25 лет после начала своего эксперимента на острове Норфолк. Он был великим человеком, намного опередившим свое время, и подобно многим первопроходцам не получил при жизни заслуженного признания в своей стране. Лишь в наши дни о нем снова вспомнили — в связи с тем, что его метод согласуется с современными психологическими теориями, особенно с теорией Скиннера. К этим современным идеям мы и обратимся.

Маконочи в свое время успешно вывел те основные принципы, на которых основывается современная «жетонная система», однако их полезно сформулировать снова в не столь архаичной форме. Первый принцип состоит в том, что исключаются непосредственные наказания, особенно те, которые связаны с причинением боли. В современных исследованиях продемонстрировано, что подобные наказания необязательно являются неэффективными, однако они приводят к подавлению, а не устранению нежелательных реакций. Когда наказание перестает быть неотвратимым, подавленная активность снова пробуждается, то есть якобы имевшее место исправление идет насмарку. Более того, наказание имеет непредсказуемые последствия; порою трудно предвидеть, каковы будут эти последствия, даже самые ближайшие. Помимо этого имеется достаточно свидетельств, что наказания ожесточают и вызывают агрессивное поведение. Возьмите двух крыс и поместите их в клетку; они станут мирно сосуществовать, едва обращая внимание друг на друга. Пропустите по полу клетки электрический ток — и они атакуют друг друга. Причиняя крысе боль, вы превратите мирное животное в жестокого агрессивного зверя; отнюдь не кажется невероятным (и есть статистические данные, подтверждающие эту точку зрения), что то же самое можно проделать и с человеком. Снова повторю, что люди — это не крысы, однако некоторые животные черты у них общие.

Было бы глупо, пренебрегая этим, идти на риск. К тому же это было бы просто негуманно.

Второй принцип состоит в том, что положительное подкрепление должно применяться каждый раз, когда это возможно. Этот термин не равнозначен «вознаграждению», и я буду использовать именно его, даже вопреки его неблагозвучности. Вознаграждение — это нечто желательное, предоставляемое за хорошее поведение в некоторый момент, необязательно близкий к исполненному действию. Положительное подкрепление — это предоставление того, подкрепляющая сила чего известна (то есть ранее было установлено, что этим можно замотивировать), сразу же после подкрепляемого действия, так что человек (или скорее его нервная система) немедленно опознает образовавшуюся связь, то есть «действие → подкрепление». Именно совмещенность во времени является основной характеристикой подкрепления. На этом и основывается жетонная система.

Третий принцип заключается в том, что желательное поведение должно быть четко определено, а не просто приблизительно описано, как это нередко бывает, в терминах «послушания», «прилежания» или «вежливости». Бихевиористы часто углубляются в разъяснения, которые могут показаться слишком долгими и детальными, насчет того поведения, которое они желают сформировать; однако такая скрупулезность совершенно необходима, если мы хотим избежать непоследовательности и путаницы с подкреплением. Это необходимо не только для того, чтобы каждый участник программы придерживался четкой линии подкрепления определенных действий; только таким способом мы можем измерить и оценить переменные, произошедшие в наблюдаемом поведении. Два человека могут сильно расходиться во мнениях насчет того, освоил ли некий мальчик навык чистоплотности и до какой степени; для такого несогласия не остается никаких оснований, если четко определить, положил он или нет мыло на свое место возле раковины, помылся он или нет, вымыл ли руки перед едой. Такое точное определение имеет еще и то преимущество, что мы

четко знаем, о чем идет речь; мы так привыкли абстрактно рассуждать о таких расплывчатых понятиях, как «честность», «порнография» или «чистоплотность», что уже даже не отдаем себе отчета, насколько по-разному могут интерпретировать эти понятия разные люди. Когда нам приходится давать четкие определения, мы начинаем ясно осознавать сферы нашего согласия и несогласия; и даже если читатель отчета о проделанном опыте не согласен с аналитическим описанием некоего понятия, он по крайней мере знает, что имел в виду писавший, и может при желании воспроизвести его эксперимент.

Отсюда вытекает и четвертый принцип: наличие желательного поведения должно быть четко зафиксировано до начала эксперимента (то есть прежде чем вы пожелаете изменить поведение, вы должны ясно представлять, каково оно без вашего вмешательства). Только на этом фоне может быть оценен эффект ваших усилий, и по своему желанию вы можете также подобрать другую группу, чье поведение поначалу аналогично экспериментальной, но никакого влияния на нее не оказывается. И конечно, по завершении эксперимента ваше влияние устраняется, дабы убедиться, что перемены, к которым вы стремились, действительно произошли. Измерение необходимо для научного прогресса; количественные изменения часто можно наблюдать невооруженным взглядом, как это имело место в эксперименте Маконочи; но по их поводу возможны разногласия — так, предвзятые чиновники даже утверждали, будто его усилия были абсолютно напрасны. Только измерение, тщательно выполненное и осознанно интерпретированное, может помочь нам правильно оценить исполнение притязаний тех или иных теорий или практических методов. Поэтому получение таких данных является важнейшим требованием для бихевиористов; именно этим они и отличаются от всех остальных, кто также заинтересован в этой сфере, — криминалистов и психоаналитиков, педагогов и юристов.

Пятый принцип касается вознаграждения и той частоты, с которой оно выдается. Фундаментальный закон научения состоит в том, что частота подкрепления гораздо важнее величи-

ны подкрепления; вы гораздо лучше научитесь, миллион раз получив вознаграждение в один фунт, нежели в случае единовременного вознаграждения в миллион фунтов! Поэтому награды должны быть невелики, но многочисленны; своего подопечного не следует вознаграждать разрешением смотреть телевизор в течение недели — лучше в течение получаса; случаев, достойных подкрепления, бывает так много, что иначе вы рискуете исчерпать запас подкреплений! «Понемногу, но часто» — таков должен быть девиз; таким образом вы, помимо всего прочего, еще и избегнете влияния сильных эмоций, которые могут осложнить вашу процедуру. Если кому-то не удастся заслужить разрешение на получасовой просмотр телепередач, он не придаст этому большого значения; если же он лишится такой возможности на целую неделю, то может быть сильно огорчен, и эта сильная эмоция повлияет (или может повлиять) на процесс образования условной реакции. Людей, с которыми приходится иметь дело, — психотиков или преступников — отличает то, что они недостаточно осознают последствия своих действий, то есть у них не выработана ассоциация «хорошее поведение → награда»; чем чаще у них будет возможность это почувствовать, тем с большей вероятностью они это усвоят, то есть соответственно изменят свое поведение.

Существует, конечно, и множество других принципов, и даже те, что приведены выше, несколько упрощены для большей доходчивости. Хорошее описание практического применения этих методов к психически больным можно найти в книге Т. Эйлона и Н. Эзрина «Жетонная система»; с этой книгой полезно ознакомиться и непрофессионалам — авторам удалось описать соответствующие процедуры достаточно доступно даже для тех, кто может интересоваться такого рода модификацией поведения, но не имеет психологической подготовки. Но хороший пример зачастую стоит больше, чем многословные теоретические рассуждения, и я намерен привести такой пример, почерпнутый из еще не опубликованной книги о работе с малолетними правонарушителями, подготовленной Монтрозом Вольфом и его коллегами из Канзаса. Мальчики, с

которыми проводилась эта работа, могли заслужить баллы (жетоны) своим хорошим поведением и потерять баллы из-за плохого поведения. Баллы можно было обменять на определенные привилегии — такие, как разрешение пользоваться велосипедом, играть, смотреть телевизор, выходить на прогулку в город или даже отправиться ненадолго домой. Система баллов была организована таким образом, что мальчик, выполнявший все положенные действия и терявший минимум баллов за нарушения, получал возможность пользоваться всеми привилегиями без выполнения каких-то дополнительных заданий. Каждому требовалось заслужить примерно 1000 баллов в день, чтобы жить вполне комфортно. Баллы начислялись за участие в учебной и общественной деятельности и работу по самообслуживанию. В конце каждого дня подсчитывались заработанные и утраченные баллы. Все мальчики 13—15 лет имели за плечами опыт агрессивного поведения, воровства, школьных прогулов и неуспеваемости; все они происходили из малообеспеченных семей с криминальным прошлым. По приговору суда по делам несовершеннолетних они были направлены в исправительное учреждение, где проживали группами примерно по пять человек в обстановке, максимально приближенной к домашней. Программа исправления осуществлялась лицами, заменявшими им родителей, которые использовали соответствующие методы подкрепления и оценивали их результаты.

Повседневный быт во многом напоминал обычный семейный. Мальчики вставали около семи утра, умывались, одевались, приводили в порядок спальни и ванные комнаты; после завтрака требовалось прибраться на кухне. Далее следовали учебные занятия, потом — выполнение домашних заданий. После обеда им предоставлялось свободное время; в зависимости от набранных баллов они были вольны использовать его по своему усмотрению. Родители, которым не удастся мотивировать своих хорошо воспитанных детей, отнюдь не правонарушителей, убираться в своих комнатах, следить за собой и поддерживать чистоту, помогать на кухне, могут спросить, как

удалось совершить такое чудо. Возьмем для примера «чистоплотность». Были четко сформулированы критерии «порядка в комнате», и мальчикам дали конкретные инструкции, как следует такой порядок поддерживать. В инструкциях было недвусмысленно сформулировано, в каком состоянии должны находиться мебель, ванная, постели. Понятно, что кое в чем эти инструкции напоминали армейский устав. Например, морщина на постели определялась как выступ на застеленном одеяле в дюйм высотой, дюйм шириной и 12 дюймов длиной. Таким образом достигалось согласие любых наблюдателей насчет соблюдения порядка в 99% случаев. Подкрепление состояло в присуждении баллов при соблюдении каждого критерия не менее чем на 80%. Баллы вычитались, если соответствующее действие было исполнено менее чем на 80%. Иногда от системы баллов временно отказывались, применяя другие методы — назидания, угрозы или требования; все это приводило к ухудшению поведения по поддержанию порядка. При возвращении к системе баллов желательное поведение восстанавливалось практически немедленно. В конце концов количество дней, когда применялось подкрепление, было сокращено до одного в две с половиной недели, при этом достигнутый эффект сохранился.

Был проведен еще один эксперимент с целью проверить влияние разных условий. Рассмотрим, как вводилась должность «управляющего».

«Оказалось вполне возможно организовать для каждого конкретного мальчика формирование условных реакций для устранения словесной грубости и поддержания порядка. Но некоторые действия по самообслуживанию оказалось затруднительно регулировать индивидуально. Были предприняты попытки формирования реакций у группы в целом. Однако это оказалось не очень эффективно. Гораздо эффективнее было назначить кого-то одного ответственным за поведение других с правом присуждать и отбирать баллы. Таким образом была построена весьма эффективная *система управляющих*.

Управляющим выступал один из мальчиков. В его обязан-

ности входило наблюдать за исполнением определенных действий — таких как ежедневное мытье, приведение в порядок ванных комнат и двора. Управляющий имел право присуждать и отбирать баллы в зависимости от качества исполненного действия. В свою очередь сам он получал или терял баллы в зависимости от исполнения действий, а также, когда это было возможно, от их качества.

На схеме 6 показана сравнительная эффективность «Системы управляющих» и «группового» подкрепления при поддержании порядка в ванных. Как и при заправке постели и во всех прочих случаях, были выделены четкие критерии порядка. Так, в ванной не должно было оставаться никаких предметов, мыло должно было находиться в мыльнице, зубная щетка — на соответствующей подставке, и т.п. В такой ситуации соответствие оценок, даваемых двумя разными наблюдателями, составляло 97%.

Как видно на схеме, при «исходных» условиях, когда мальчикам просто велели соблюдать порядок в ванной, лишь несколько пунктов выполнялись. Когда были введены новые условия и назначены «управляющие», понадобилось примерно две недели, чтобы достичь приемлемого уровня порядка. Потом система управляющих была заменена простым индивидуальным подкреплением. Как нетрудно заметить, степень чистоты и порядка при этом снизилась. При повторном введении системы управляющих ситуация снова улучшилась; ее замена на групповое подкрепление привела к очередному снижению результатов. Возвращение системы управляющих снова привело к значительному улучшению.

На схеме 7 показан анализ функции ответственности управляющих в плане присуждения и отъема баллов за поведение в ванной. Жирные линии отражают средние показатели при разных условиях.

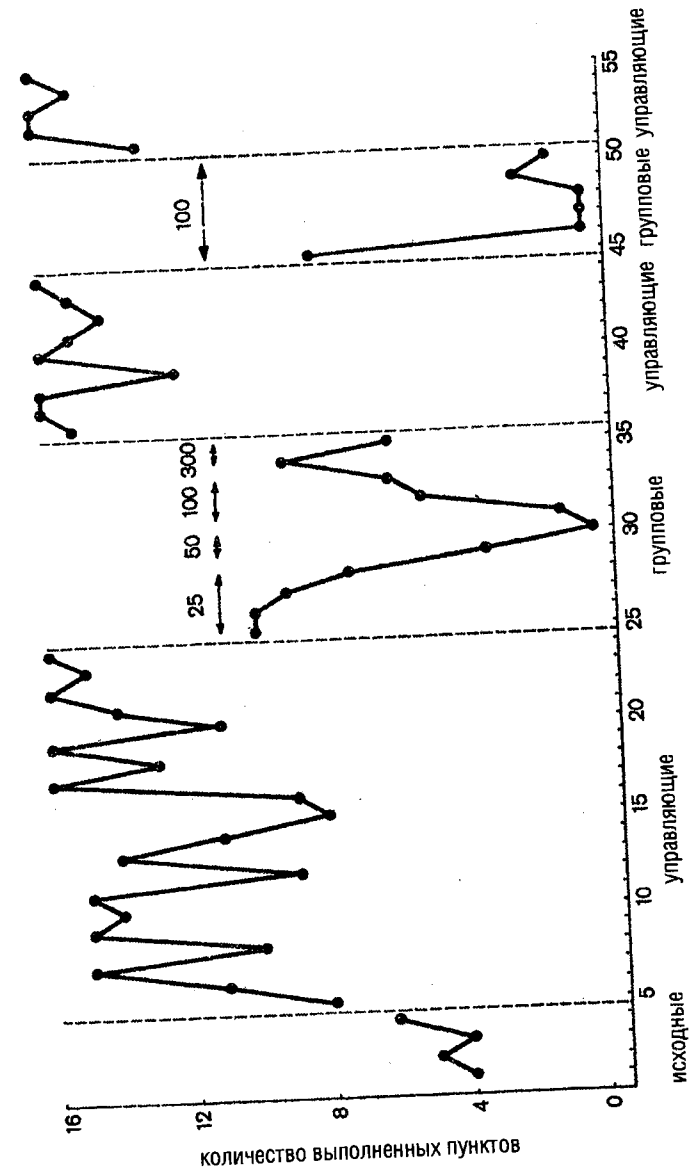

Схема 6. Количество пунктов, ежедневно выполняемых всеми ребятами при разных условиях.

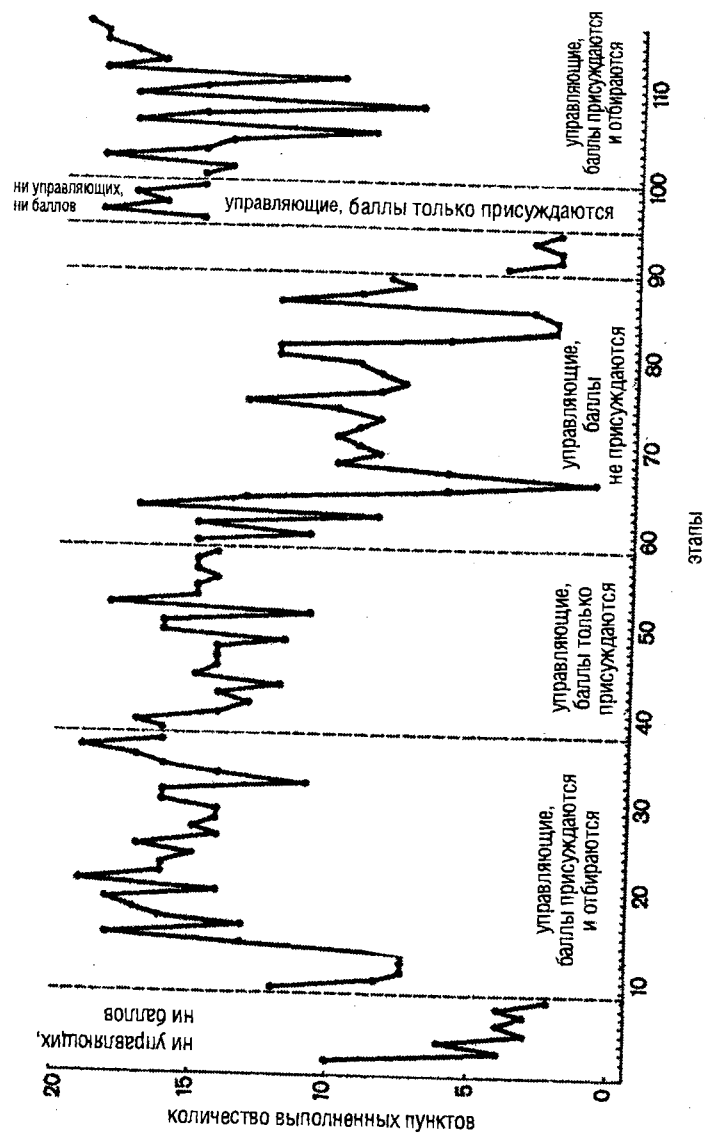

Схема 7. Количество пунктов, ежедневно выполняемых всеми ребятами в двух ваннах при разных условиях.

При первоначальных, «исходных» условиях, когда управляющих не было и баллы не начислялись, очевиден невысокий уровень поведения. При назначении управляющих, которые получали право распоряжаться баллами, наблюдается поразительное улучшение поведения. Что касается баллов, то управляющие присуждали их в 45% случаев и отбирали в 55%. Нами была выдвинута гипотеза, что право отбирать баллы является принципиальным для всей системы, поэтому при изменении условий управляющие были этого права лишены. Как можно увидеть, снижения эффективности системы управляющих при этом почти не произошло.

В четвертой серии управляющий не имел права ни давать баллы, ни отбирать. Как можно увидеть, это сильно повлияло на поведение — оно заметно ухудшилось, хотя и не до того уровня, до которого опустилось на следующем этапе, когда уже не осталось ни баллов, ни управляющих. Когда система управляющих была восстановлена с правом присуждать баллы, но не отбирать, был достигнут высокий уровень чистоплотности. На завершающем этапе, когда управляющие снова получили право и присуждать, и отбирать баллы, этот уровень еще более возрос и сравнялся с тем, который был достигнут ранее, когда баллы присуждались и отбирались».

Возможности исследования различных схем подкрепления безграничны, и результаты трудно предсказать. Например, можно оценивать поведение и присуждать баллы всей группе, при этом варьируя условия, когда право оценки получает либо вся группа, либо отдельные мальчики. Можете ли вы предсказать, что окажется более эффективно? Ответ содержится в схеме 8; групповой принцип оказывается менее эффективным, чем индивидуальный. Изучая эффективность разных систем, исследователи придерживались четырех критериев: система должна приводить к желаемому поведению; ее должны предпочитать сами мальчики; она должна быть настолько практична, чтобы люди, исполняющие роль родителей, могли легко отслеживать ее исполнение; она должна иметь воспитательный эффект, помогая мальчикам освоить тот опыт, который

пригодится им в будущем. Ни одна из рассмотренных систем не удовлетворяла всем выделенным критериям; например, наделение управляющих правом распоряжаться баллами мальчикам не нравилось, хотя и было эффективно во всех других отношениях. В конце концов проблема была решена за счет того, что мальчикам было доверено самим избирать управляющих. Таким образом, система стала приемлемой для них самих, а эффективность достижения желаемого поведения не снизилась. Разумеется, необходима еще большая работа такого рода с использованием разнообразных обстоятельств и с различными типами групп, прежде чем станет возможным делать какие-то далеко идущие обобщения; однако уже сейчас очевидно, что такие методы оказываются поразительно эффективны и не встречают сопротивления со стороны тех, чье поведение подвергается подкреплению.

Не следует также полагать, будто такому манипулированию подвержены только сложные формы поведения вроде соблюдения чистоты. Впервые собравшись в группы, мальчики позволяли себе очень много агрессивных высказываний; как показано на схеме 9, когда этот аспект их поведения стал оцениваться в баллах, количество таких высказываний резко пошло на убыль. На схеме 10 представлена совсем иная проблема — речевые затруднения одного из мальчиков. Четыре типа таких затруднений, а именно неправильное произношение определенных звуков, также стали предметом оценки с помощью баллов, и это привело к заметному увеличению случаев правильного произношения. Ясно, что такие методы покрывают очень широкий спектр проблем!

Самый впечатляющий пример использования подобных методов мы находим в использовании «жетонной системы» в психиатрических больницах; ранее уже упоминалась книга Эйлона и Эзрина, в которой приведены соответствующие описания. Эти авторы работали с больными, страдавшими хроническими психозами в столь тяжелой степени, что они были признаны безнадежными и содержались под надзором, ведя растительный образ жизни и зачастую будучи не в состоянии

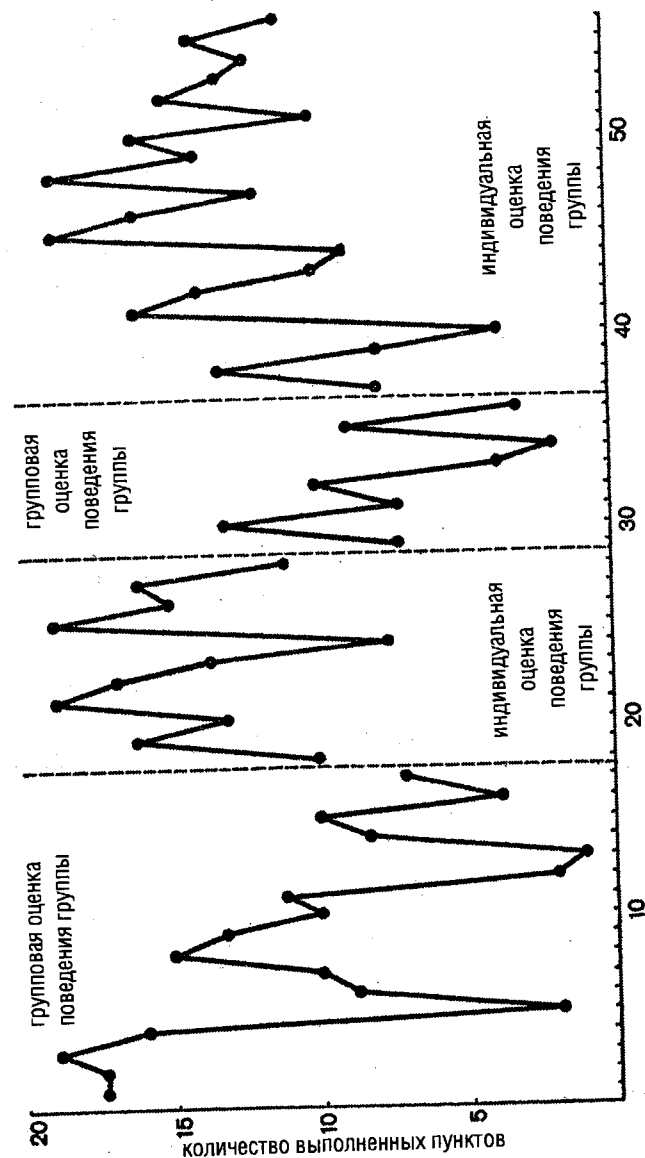

Схема 8.

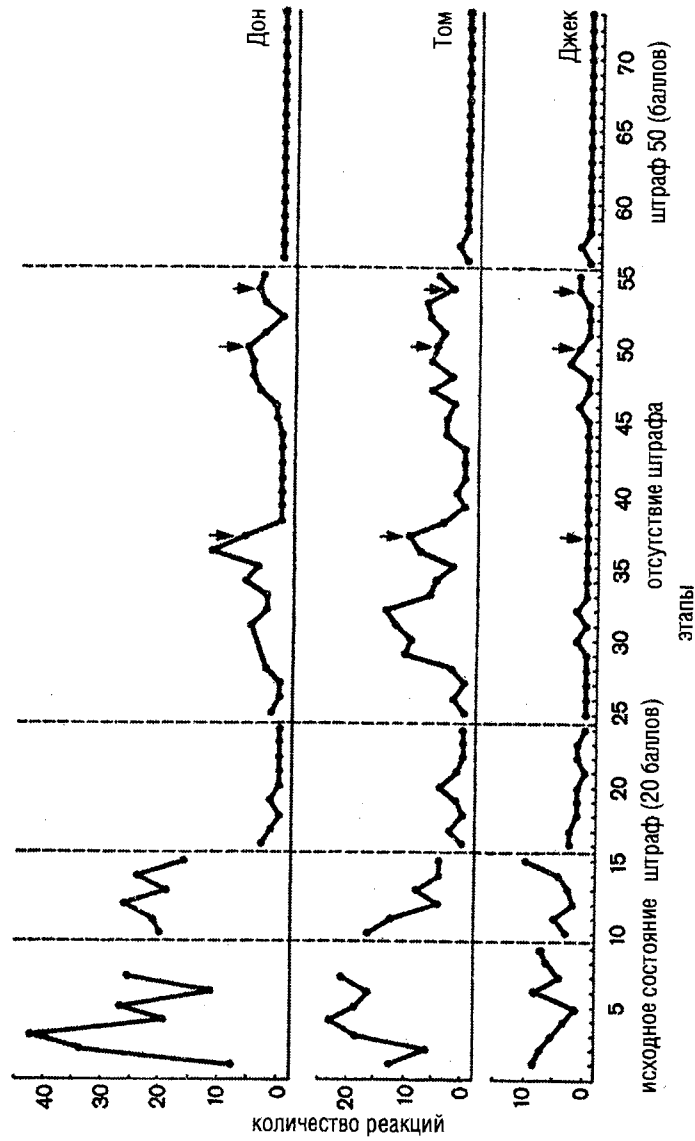

Схема 9. Количество агрессивных высказываний каждого мальчика на протяжении трехчасовых этапов при разных условиях. Стрелками отмечены моменты, когда выдвигалась угроза восстановить систему штрафов.

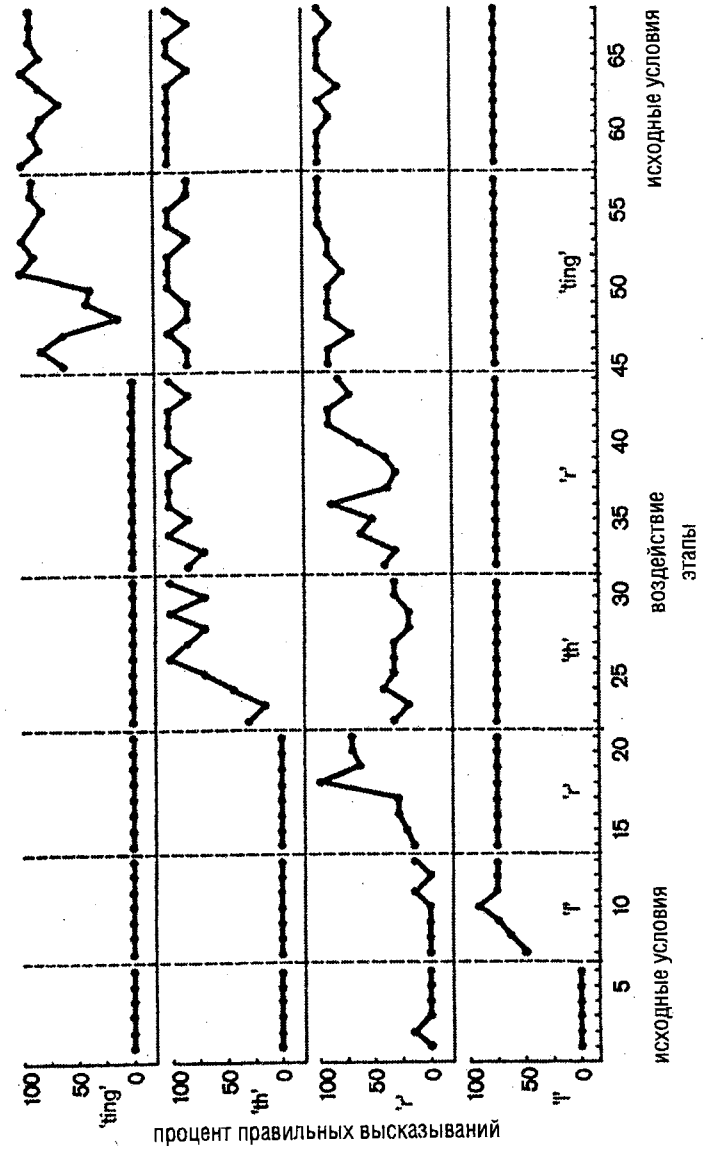

Схема 10. Процент правильных высказываний разных типов при последовательном поощрении каждого из них.

себя обслуживать. Вопреки ортодоксальным психиатрическим представлениям Эйлон и Эзрин утверждают, что многие черты поведения этих пациентов не являются симптомами некоего «болезненного» процесса, а скорее выступают следствием самого психиатрического лечения; любые случаи глубокой пассивности, жалоб, ненормального поведения и других нежелательных отклонений достаивались повышенного внимания персонала и тем самым подкреплялись. С другой стороны, нормальное поведение никак не поощрялось, не влекло за собой никаких подкрепляющих реакций. Авторы утверждали, что перестроив этот процесс в обратном направлении, то есть поощряя позитивное, адекватное поведение, можно высвободить скрытую «нормальность» пациентов. Для этого ими была предпринята попытка внедрить «жетонную систему» наподобие ранее описанной для поощрения работы на кухне, в прачечной и т.п., а также прочих простейших форм поведения (самостоятельная еда, умывание и др.). Свой подход и ожидаемые результаты авторы сформулировали следующим образом. Отмечая крайние симптомы, наблюдавшиеся у некоторых пациентов, они пишут: «Наш подход к пациентам состоял в том, чтобы применить к этим симптомам специфическое лечение. Общая идея заключалась в поощрении позитивных аспектов поведения. Поначалу были предприняты все возможные усилия по созданию такой атмосферы, которая способствовала бы конструктивным и функциональным формам поведения, тогда как проблема устранения симптомов была временно отложена. К нашему удивлению, обнаружилось, что по мере формирования функционального поведения симптоматическое поведение сходило на нет, и изучать тут уже было просто нечего. Конечно, по этому поводу можно высказать лишь произвольные предположения, но кажется, что симптоматическое поведение деструктивной природы исчезает в силу того, что просто не может существовать бок о бок с функциональным поведением. В некоторых случаях такие симптомы, как агрессивное поведение и склонность к воровству, сохранялись, и их устранение становилось возможно лишь после того, как было

сформировано конструктивное поведение. В целом процедура состояла в том, чтобы обеспечить пациенту как можно больше возможностей для конструктивного поведения и вознаграждать его дополнительными привилегиями всякий раз, когда он не демонстрировал симптомов болезни. Такая процедура, разумеется, была невозможна, пока пациент не был активно включен в функциональную деятельность и пока не имел возможности воспользоваться разнообразными привилегиями. Таким образом, общая идея этого подхода состояла в устранении негативных аспектов поведения посредством поощрения позитивных».

Как затруднения, возникшие в связи с осуществлением этого подхода, так и достигнутые успехи наглядно отражены в упомянутой книге; нам вряд ли стоит вдаваться в эти описания более подробно. А вот что поистине достойно внимания — это один из самых воодушевляющих и обнадеживающих примеров успеха в такой области, которая обычно не вызывает ничего, кроме уныния и глубокого сочувствия к человеческому несчастью. Когда люди, на протяжении многих лет влачившие жалкое существование и нуждавшиеся в постоянной заботе и уходе, вдруг становятся активны, начинают сами себя обслуживать и даже обретают способность покинуть лечебное учреждение и жить самостоятельно, — становится ясно, что произошло нечто выдающееся. Применение такого лечения к все более широкому кругу пациентов (которые фактически занимают половину коек в лечебных учреждениях Великобритании!) представляется весьма многообещающим. Я даже не имею в виду чисто гуманистические соображения — только представьте себе, какие улучшения могут наступить в состоянии этих пациентов! Хочу лишь обратить внимание на экономические последствия того, что множество пациентов обретут способность сами себя обслуживать — как в стенах лечебных учреждений, так и за их пределами. Читатель (если только он слишком юн и наивен) может предположить, что министерство здравоохранения и другие заинтересованные структуры немедленно примутся за внедрение многообещающих методов

по всей стране с целью облегчения как состояния множества пациентов, так и того финансового бремени, каковым они выступают для национального бюджета.

Однако человек более зрелый и умудренный опытом скорее представит реальное положение дел: камень, брошенный в болото, производит не больше потрясений, чем публикация этой книги, а также множества других научных материалов по данной проблеме. Никому ни до чего нет дела; никто ничего не желает знать; никто ни о чем не беспокоится. Открываются потрясающие возможности облегчить состояние тяжело страдающих людей — и никакой реакции. Появляется возможность сберечь миллионы фунтов и направить их в иные отрасли здравоохранения, нуждающиеся в инвестициях, — никакой реакции. Администраторы продолжают любой ценой держаться за свои кресла; аналитики цепляются за свои отжившие и бесполезные теории; пациенты продолжают страдать; налогоплательщики продолжают платить. Эмерсон, похоже, заблуждался, утверждая, будто стоит вам изобрести лучшую мышеловку, и мир проложит тропу к вашей двери¹, — поскольку таким образом вы покуситесь на интересы производителей мышеловок, то можете быть уверены: а) все сделают вид, что ничего не знают о вашем изобретении; б) любые возражения в ваш адрес будут либо предвзяты, либо некомпетентны; в) никакие действия по внедрению новой мышеловки, сколь бы она ни была хороша, предприняты не будут и г) общественность будут настойчиво убеждать, что и прежние мышеловки безупречны и совершенны. Я, конечно, не хочу сказать, что поведенческие технологии не нуждаются в совершенствовании — дальнейшие исследования весьма необходимы и желательны. Но и уже имеющихся свидетельств довольно для того, чтобы заявить: такой подход заслуживает иного отношения, нежели

¹Ссылка на известное изречение американского мыслителя **Ральфа Улдо Эмерсона**: «Если ты напишешь книгу лучше, чем твой сосед, или прочтешь лучшую проповедь, или сделаешь лучшую мышеловку, мир проложит тропинку к твоему дому, даже если ты поселишься в глухом лесу».

категорическое отрицание, которого он до сих пор удостаивается.

Использование методов, подобных «жетонной системе», конечно же, не ограничивается психотиками и правонарушителями; если подкрепление действительно выступает таким общим принципом, как о том заявляют теоретики научения, то оно может стать полезным и поистине незаменимым в любых областях человеческой деятельности. Уже опубликованы данные о многих впечатляющих результатах; я здесь упомяну только один пример, который может быть отнесен к «нормальным» человеческим проблемам. Он касается брака, точнее — тех браков, которые находятся на грани разрыва. Применение названных методов в данном случае основывается на двух далеко идущих допущениях. Во-первых, «взаимодействие между партнерами в любой момент предпочтительнее любой иной альтернативы». Так полагает Р.Б. Стюарт, на чью работу в данной области мы будем опираться. Как он отмечает, «если муж постоянно предпочитает проводить время в обществе друзей, вместо того чтобы уделить его жене, можно заключить, что друзья поощряют его в большей степени, чем жена». Второе допущение гласит: «Большинство взрослых людей получают удовольствие от взаимоотношений с партнерами». Под взаимоотношениями понимаются такие отношения, в которых каждая сторона имеет свои права и обязанности и получает соответствующее подкрепление за их исполнение. «Всякий раз, когда один из партнеров по взаимоотношениям вознаграждает другого, он рассчитывает, что в будущем такое же отношение будет проявлено и к нему. К примеру, соглашаясь в выходной день развлечь родителей жены, муж надеется, что в один из следующих выходных она отправится вместе с ним на рыбалку». Такая взаимность, по мнению Стюарта, возникает из опыта взаимных подкреплений; по данным многих экспериментов, человек становится более привязан к другому и склонен чаще подкреплять его поведение, если раньше получал подкрепление с его стороны. «Если рассмотреть проблемный брак в свете этой гипотезы, становится ясно, что каждый партнер

недостаточно подкрепляет другого и в силу этого утрачивает для него привлекательность». Эти соображения приводят к третьему допущению: «поправить испортившиеся семейные отношения можно, побуждая каждого партнера к поощрению другого». Таким образом мы получаем рецепт счастливого брака и метод улучшения брака несчастливому.

Когда взаимное подкрепление осуществляется на недостаточном уровне, с большой вероятностью возникают реакции принуждения или ухода. «В случае принуждения один из партнеров рассчитывает получить положительное подкрепление со стороны другого в обмен на отрицательное» — либо в обмен на прекращение отрицательного подкрепления! Например, муж желает, чтобы жена демонстрировала больше привязанности к нему и охотно шла навстречу его сексуальным притязаниям, однако со своей стороны не обеспечивает никакого подкрепления, которое приводило бы к желаемому поведению. Тогда в ответ на ее попытки уклониться от тех или иных форм сексуального контакта он начинает ее принуждать либо упрекать в холодности или неверности; в ответ на прекращение такого поведения он ожидает, что она удовлетворит его желаемым способом. Это неуклюжий и никуда не годный прием, его можно наблюдать во многих несчастливых браках по мере их приближения к краху. То же касается и ухода; во многих случаях он приводит к открытию альтернативных способов удовлетворения — от пьянства до адюльтера. В несчастливой семье каждый супруг ожидает подкрепления от другого, но не желает обеспечивать его сам; тут необходимо осознать: прежде чем партнер поведет себя в желательной манере, надо самому внести вклад в дело подкрепления, тем самым побудив другого к ответному подкреплению. В силу очевидных эмоциональных затруднений оба партнера не в состоянии сделать первый шаг; задача психолога — разорвать порочный круг и отучить супругов от ребячески бестолкового поведения. Для этого Стюарт рекомендует разъяснить им сложившуюся ситуацию и ввести систему вознаграждений, когда баллы присуждаются за подкрепляющее поведение и могут в свою очередь быть обменены

на иные формы подкрепляющего поведения со стороны партнера. Ниже приводится описание того, как действует эта система.

Каждый партнер называет три типа действий, которые он желал бы почаще видеть со стороны другого; здесь, конечно, необходимо максимально точно определить, что в каждом случае имеется в виду. Так, мужчине совершенно бесполезно заявлять, что он хотел бы видеть свою жену более «женственной», поскольку само это понятие слишком расплывчато. К тому же причиной трений может быть и то, что она понимает женственность совсем иначе, чем он! Люди часто требуют, чтобы партнеры понимали, чего они хотят, и не ждали дополнительных просьб. Однако наши партнеры — не ясновидящие, а самые обычные люди со своими проблемами, и кое-что им в самом деле следует лишний раз сказать! Список из трех желательных видов поведения составляется для обеих сторон, и обоим спрашивают, как часто такое поведение имеет место. После того как установлен этот «исходный» уровень, партнеры начинают обмениваться баллами за каждый случай желательного поведения, причем согласно определенной системе каждый вправе ожидать овеществления накопленных им баллов в виде желательного поведения со стороны партнера. Конечно, звучит это довольно грубо — ты, придя домой, уделяешь беседе со мной не менее часа, а я за это соглашаюсь на половой акт. Стороннему наблюдателю это может показаться даже нелепым, но лишь тогда, когда наблюдатель не отдает себе отчета, насколько недосказанность мешает людям наладить отношения. Однако, когда ожидания сформулированы и оба партнера изъявляют готовность к взаимному обмену, возникает непрерывная цепочка взаимных подкреплений.

Этот пример цитируется нечасто, поскольку до сих пор имеются свидетельства успешности данного подхода лишь в отдельных случаях, возможно не самых типичных. К тому же и идея, лежащая в его основе, далеко не оригинальна; поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой, — звучит не ново. Это всего лишь перевод древнего нравственного

афоризма на язык технологической программы, но именно это и делает данный подход таким интересным. Не менее интересен разительный контраст с теми чисто умозрительными советами, которыми до сих пор потчуют супругов семейные консультанты; было бы очень любопытно провести исследования по сравнению этих двух приемов. Вероятно, ни тот, ни другой способ не является безупречным для всех без исключения пар; лишь некоторые распадающиеся браки удается сохранить. Однако если дать партнерам возможность испробовать указанный способ, прежде чем их союз кончится крахом, то вероятность благополучного исхода должна повыситься.

Есть еще одна сфера, в которой поведенческие технологии получили гораздо более широкое распространение и известность. Это так называемое «программированное обучение» с помощью обучающих машин. Кратким обзором достижений в этой области я и хотел бы завершить данную главу.

В одной из своих статей знаменитый американский психолог Б.Ф. Скиннер заявил: «Едва ли существует какая-либо иная сфера человеческой деятельности, столь упорно сопротивляющаяся научному анализу и технологическим новациям, как образование... Методика, согласно которой учитель несет знания в класс, полный учеников, практически не претерпевает никаких изменений. Хотя в последние десятилетия раздается все больше критических реплик о том, что эффективность преподавания снижается». В этих словах Скиннера по большому счету не приходится сомневаться. Кое-какие перемены, конечно, происходят; в некоторых школах взамен традиционных черных досок стали использовать зеленые, а в самых инновационных школах для просвещения учащихся порой используются получасовые телепрограммы. В университетах мы не наблюдаем даже этого, там по-прежнему сохраняется традиционная система лекций, семинаров и «самостоятельного изучения» учебников. Если студента из семнадцатого века удалось бы перенести в наши дни, он оказался бы в знакомой для себя обстановке, а слушатель сократических диалогов из древ-

них Афин мог бы даже счесть, что уровень преподавания заметно снизился!

Конечно, в современной системе есть много недостатков, которые могут быть исправлены и без радикальных перемен. Преподавателями университетов становятся без всякого учета педагогических способностей и без специальной подготовки. Недавние жалобы студентов двух старейших университетов нашей страны на невысокий уровень чтения лекций вызвали волну похожих жалоб в других университетах, что не оставляет сомнения в весьма низком качестве преподавания. Но даже если бы все лекторы обладали большими способностями и получили бы необходимую подготовку, это вряд ли заставило бы списать в архив старую университетскую шутку о том, как «факты перетекают из конспекта преподавателя в конспект студента, минуя голову и того, и другого».

Другая проблема, которая хотя бы теоретически может быть решена, но которая практически сводит на нет все наши усилия, — это нехватка преподавателей. Может ли эффективно функционировать система образования, в которой школьный учитель вынужден работать с тридцатью-пятьюдесятью учениками сразу, а университетский профессор — читать лекции аудитории из тысячи студентов? Очевидное решение этой проблемы посредством подготовки большего количества учителей и профессоров упирается в дефицит финансирования (ведь чтобы привлечь больше людей к какому-то ремеслу, необходимо повысить им оплату труда), а также в неравномерность распределения соответствующих способностей (если большинство людей с высоким интеллектом и выдающимися способностями решат посвятить себя педагогической профессии, то тут же возникнет их недостаток в других, не менее важных областях).

Таковы встающие перед нами проблемы. То, что мы делаем, мы делаем не очень хорошо и делаем в таких условиях, которые практически исключают возможность делать это лучше. Более того, у нас даже нет четких критериев того, что же такое «хорошо», и мы не располагаем научными данными относи-

тельно того, как изменить ситуацию. Я уже упомянул о желательности специальной педагогической подготовки для преподавателей, но было бы слишком оптимистично полагать, будто хоть кто-то знает, чему их следует учить и как готовить. Безусловно, есть вещи очевидные. Некоторые люди страдают дефектами речи, и их просто невозможно слушать. Иныеотячены физическими недостатками, которые несовместимы с работой преподавателя. Сам я целый год был вынужден слушать лекции профессора латыни, который так ужасно шепелявил, что никто его не понимал. Некоторые преподаватели просто недостаточно ответственно готовятся к занятиям и на лекциях порой несут всякую ерунду. Все эти затруднения так или иначе можно преодолеть. Но когда дело доходит до конструктивных рекомендаций, то можем ли мы дать ответы хотя бы на самые элементарные вопросы? Увы, нет!

Отдельные мелкие улучшения вполне возможны, однако они ничего не меняют по существу. По мнению многих психологов, необходим полный отказ от традиционной рутины, революция в методах преподавания. Более того, раздаются голоса о том, что прорыв уже осуществлен, и теперь только консервативные представления, сентиментальные иллюзии и наивные заблуждения препятствуют его торжеству. А каковы же факты?

Как это нередко бывает, революция началась с малозаметного события, которое почти не привлекло внимания, — когда Сидней Л. Пресси в середине 20-х годов создал несколько образцов современной обучающей машины. Эти устройства были созданы Пресси в ходе разработки объективных методов подсчета и оценки, что составляет значительную часть широко развернувшегося в Америке движения за измерение интеллекта. Когда необходимо протестировать тысячи, даже миллионы людей, сочинения и прочие традиционные виды экзаменов оказываются малоэффективны и требуют слишком много времени — не говоря уже про сомнительную достоверность их результатов. Неоднократно было продемонстрировано, что повторная проверка письменных работ другими экзаменаторами

часто приводит к значительному расхождению оценок, то есть успех учащегося или студента на экзамене во многом определяется тем, кто его экзаменует, а вовсе не его знаниями и способностями. Испытания объективного типа, хотя и они имеют свои издержки, по крайней мере обеспечивают более надежные и достоверные результаты в тех областях, где проверяются именно *знания*, а не умение писать сочинения.

В типичном испытании объективного типа задается вопрос и предлагается несколько ответов, из которых только один правильный — его-то учащийся и должен распознать. Например, вопрос в такого рода тесте может быть сформулирован так:

Обучающие машины были изобретены:

Б.Ф. Скиннером З. Фрейдом

С.Л. Пресси Г.Ю. Айзенком

(Подчеркните правильный ответ)

В ходе своей работы Пресси добавил один элемент, который превратил его устройства в обучающие машины. Он использовал важный психологический принцип, согласно которому знание результата выступает необходимым условием обучения. Это было продемонстрировано во множестве экспериментов — например, Торндайк¹ предъявлял своим испытуемым отрезок определенной длины, а потом сотни раз просил по памяти начертить точно такой же. Ему удалось показать, что таким образом их способность правильно выполнить зада-

¹ Торндайк (Thorndike) Эдвард Ли (1874—1949) — американский психолог. В результате экспериментов над поведением животных, выполненных в начале XX в. с применением так называемых проблемных ящиков, сформулировал психологические законы научения и заложил тем самым теоретические основы бихевиоризма. Работа Торндайка «Педагогическая психология» (1903) оказала большое влияние на развитие теории обучения в США, в том числе на концепции программированного обучения. Обучение трактовалось им как процесс приспособления индивида к внешним условиям; центральным был для него «закон эффекта» — зависимость упрочения реакции от последующего удовлетворения или неудовлетворения.

ние никак не улучшается, однако когда им всякий раз указывали, начертили ли они отрезок правильной длины, или короче, или длиннее, — научение происходило очень быстро. В настоящее время все экзаменационные испытания отличаются отсутствием какой-либо обратной связи. Конечно, учащемуся через несколько дней, недель или даже месяцев говорят, прошел ли он испытание или провалился, но эта информация никак не связана с тем, на какие вопросы он ответил правильно или неправильно. Таким образом, тесты никак не способствуют процессу обучения. Пресси это изменил с помощью устройства размером с портативную пишущую машинку, которое предъявляло учащемуся вопрос вроде приведенного выше через маленькое окошко. Ученик должен был нажать одну из четырех клавиш, соответствовавших вариантам ответа; если он правильно нажимал на клавишу, в окошке появлялся следующий вопрос. При неправильном нажатии вопрос не менялся до тех пор, пока наконец не нажималась нужная клавиша. Таким образом ученик не только проверял свои знания, но и усваивал новые. Кое-кто заинтересовался этим устройством и попробовал сравнить его эффективность с обычным преподаванием; выяснилось, что результаты, достигнутые с помощью машины, превосходят те, что обычно достигаются в классе.

Однако в силу необъяснимых причин работа Пресси не привлекла к себе большого внимания, лишь кое-где было проведено несколько разрозненных опытов. Только в конце 1950-х годов ситуация стала меняться.

Эти перемены произошли, вероятно, по двум причинам. Во-первых, Пресси не разработал никакой теории, которая могла бы быть использована для создания обучающих машинных программ и которая придала бы респектабельности его трудам в кругах психологов-экспериментаторов и теоретиков. Во-вторых, он не обладал характером бойца, необходимым для продвижения нововведений в мире, который не очень-то дружелюбно к ним настроен. И то, и другое сумел сочетать в себе Б.Ф. Скиннер. Ему удалось осуществить успешную кампанию по внедрению обучающих машин в систему образования в Америке.

Дабы понять, что удалось совершить Скиннеру, надо представлять, что это за человек и как он относится к жизни. Скиннер глубоко убежден, что психология способна дать ключ к любым улучшениям качества жизни людей. Он также считает, что любые перемены осуществляются посредством обусловливания (о чем пойдет речь далее) и что необходима разработка фундаментальных законов обусловливания и их приложения к человеческим проблемам. Он даже предпринял попытку построить модель утопического общества в своем романе «Уолден-2», который своим названием вызывает прямые ассоциации с «Уолденом» Торо¹. Эта книга заслуживает прочтения как популярное изложение теорий и фактов современной психологии в их приложении к разнообразным практическим проблемам.

Используя знания, приобретенные в ходе тридцатилетнего экспериментирования над животными, Скиннер обратился к использованию обучающих машин для формирования человеческого поведения. Прежде всего он сформулировал задачу обучающей машины — «обеспечить быстрое и глубокое усвоение того, что обычно усваивают медленно и плохо, впустую расходуя силу учителя и ученика». Чтобы достичь этой цели, он в некоторых отношениях пересмотрел исходную схему Пресси.

¹ Роман «Уолден, или Жизнь в лесу» американского писателя Генри Дэвида Торо — романтическая антикапиталистическая утопия, в которой автор отстаивал идеи опрощения, сближения с природой, противопоставляя их жестокости буржуазного промышленного прогресса и сопровождающих его социальных бедствий. Книга Скиннера по существу имеет мало общего с романом Торо. В ней, совместив свои литературные задатки и психологические находки, Скиннер изобразил в беллетристической форме перспективы создания с помощью техники опрессанного обусловливания нового справедливого социального устройства. Несмотря на гуманистический замысел, аналогия с «Прекрасным новым миром» Олдоса Хаксли просматривалась в «Уолдене-2» так явно, что наиболее экзальтированные публицисты записали Скиннера чуть ли не в фашисты. Впрочем, жизнь сама все расставила на свои места. Созданные по предложенной Скиннером модели коммуны просуществовали недолго: не очень-то уютно оказалось в них жить. Впрочем, как и в коммунах детей-цветов, исповедовавших диаметрально противоположные принципы. Наверное, такова судьба всех социальных утопий.

Во-первых, он не стал придавать большого значения знанию результатов, полагая, что для ученика главную роль играет то подкрепление, которое создается правильным решением. Иными словами, он полагает, что сигнал, извещающий ученика о правильном ответе, в известном смысле равноценен щепотке зернышек, которыми вознаграждается желательное движение голубя. Такое допущение непросто доказать, однако на нем зиждется вся система Скиннера.

Во-вторых, если знания приобретаются посредством подкрепления, то весьма желательно, чтобы подкрепление поступало как можно чаще, соответственно Скиннер настаивает на конструировании учебных программ таким образом, чтобы продвижение вперед осуществлялось маленькими шагами и сопровождалось такими вопросами, на которые средний ученик почти всегда сумеет дать правильный ответ. Приведенный выше пример вопроса об изобретателе обучающих машин в этом отношении очень показателен — к тому моменту, когда читатель доходит до этого вопроса, он уже располагает достаточной информацией для правильного ответа.

В-третьих, Скиннер настаивает, что неправильных ответов надо избегать любой ценой. Он пишет: «Наша способность запоминать ложные факты — в силу того, что мы где-то о них прочитали, — просто поразительна. Неправильно выбранный ответ на вопрос теста повышает вероятность того, что ученик, когда-либо столкнувшись с этим вопросом, именно этот ответ и извлечет из ненадежного хранилища своей памяти». Это, однако же, противоречит его идее подкрепления — с какой стати ученик запомнит то, что не было подкреплено? Увы, логическая безупречность никогда не занимала Скиннера, и свои программы он выстраивает из мелких шагов, где каждый вопрос почти наверняка получит правильный ответ.

Скиннер не одобряет вопросы, которые предусматривают выбор ответа, и предлагает следующее: «Ученик должен сам дать ответ, а не выбрать его из нескольких возможных. Мы стремимся стимулировать у него припоминание, а не узнавание». И это четвертое отличие от Пресси.

Скиннер и его последователи сконструировали и опробовали машины, отличающиеся от тех, что использовались пре-

жде. На предъявляемый вопрос учащийся должен написать ответ. Затем он нажимает на клавишу, и появляется правильный ответ, при этом написанный им ответ прикрывается целлулоидной пластинкой, так что его уже нельзя исправить. Сравнив оба варианта и убедившись в своей правоте, ученик переходит к следующему вопросу, пишет свой ответ и т.д. Скиннер также сконструировал более сложные двухступенчатые машины, на которых ученик после написания своего ответа приоткрывает не правильный ответ, а дополнительную информацию, которая позволяет ему в случае необходимости исправить свой ответ, прежде чем открыть правильный.

Скиннер на практике использовал эти машины в ходе преподавания своего курса психологии в Гарварде, и он утверждает, что студентам «машины понравились», и они «научились больше и за меньшее время, чем при обычном способе». Из опубликованных исследований можно заключить, что такие результаты наблюдаются повсеместно; студенты и школьники с удовольствием пользуются машинами, находят работу с ними более легкой, чем обычные уроки и лекции, и усваивают больше, чем за сопоставимое время при обычных методах обучения.

В последние годы было предпринято много подобных попыток, причем не все они опирались на теоретические основания Скиннера и использовали его методы составления программ. Есть, например, так называемый метод ветвления, при котором дистанция от одного вопроса до другого длиннее и, соответственно, ошибки случаются чаще. Когда ответ дается неправильный, программа разветвляется, и приходится возвращаться на несколько шагов назад, что в итоге позволяет дать верный ответ. Только после этого можно вернуться в основную программу и перейти к следующему вопросу. Программа такого типа имеет то преимущество, что самые сообразительные могут продвигаться вперед большими шагами и не скучать на слишком легких для себя вопросах. Менее способные после каждой ошибки могут перейти к программе, соответствующей их уровню понимания. Какая из программ наиболее предпочтительна, зависит от того, какой объем знаний ранее усвоен учащимися, насколько велик разброс способностей в их группе и т.д. Если группа однородная, ветвящиеся

программы не требуются; когда же группа разнородная, такие программы практически необходимы. Следует отметить, что, согласно Скиннеру ветвящиеся программы не очень хороши, поскольку тут нередки неправильные ответы; опыт, однако, свидетельствует, что это не препятствует успешному обучению.

Скиннер заключает: «Машины наподобие тех, что использовались в Гарварде, могут быть запрограммированы таким образом, чтобы обучить, полностью или частично, любому из предметов, преподаваемых в начальной и средней школе, и многим из тех, которые преподаются в колледже». По моему мнению, опыт свидетельствует в пользу этого суждения Скиннера и его машины действительно справляются с задачами обучения более эффективно и быстро, чем люди в роли учителей.

Хочу сразу же добавить, что любое реальное сравнение такого рода имеет ограниченную ценность. Тому есть несколько причин. Прежде всего, очевидно, что бывают хорошие и плохие учителя и бывают хорошие и плохие программы. Очень трудно в каждом конкретном случае сказать, является ли программа настолько же хорошей в сравнении с другими программами, насколько и учитель — в сравнении с другими учителями. В самом деле, на вопрос такого рода мы сегодня ответа не имеем. Могу лишь сказать, что в современных условиях программа среднего качества демонстрирует преимущество перед средним учителем. Причем это необязательно преимущество программы как таковой, оно может быть обусловлено живым интересом учеников к новой игрушке и возможностью с ней поиграть. Иными словами, здесь может иметь место новая версия знаменитого Хоторнского эффекта¹. Хорошо известно,

¹Хоторнский эффект — обобщенное название нескольких неожиданных социально-психологических явлений, обнаруженных группой американских психологов во главе с Элтоном Мэйо в ходе экспериментальных исследований на заводе компании «Вестерн Электрик» в г. Хоторн (США). В ходе так называемых Хоторнских экспериментов было выявлено, что производительность труда каждого рабочего зависит от его самочувствия в группах и соответствует чаще всего не столько возможностям рабочего, сколько системе ценностных ориентаций, норм, установок, в них сложившихся, зависит не только от оплаты и условий труда, но и от характера возникших и упрочившихся неформальных отношений.

как психологи на этом промышленном предприятии за счет улучшения условий труда сумели добиться повышения производительности, что поначалу и было истолковано как следствие изменения условий. Однако позднее было обнаружено, что производительность продолжает расти даже вопреки тому, что условия меняются в худшую сторону. Стало понятно, что рост производительности был вызван переменами в настроениях части рабочих, во многом вызванными тем персональным вниманием, которое оказывали им исследователи. Нечто подобное вполне могло иметь место и в ряде описанных нами экспериментов, хотя в иных случаях машины использовались на протяжении довольно длительного времени, так что подобное объяснение тут уже не годится.

Почему же машина работает лучше, чем учитель? Довольно парадоксальный ответ может состоять в том, что она действует в менее механистической манере. Учитель перед классом, в котором находится до полусотни учеников, или профессор перед аудиторией из нескольких сотен студентов не имеет почти никакой обратной связи с каждым учащимся. Они могут понимать то, что он рассказывает, а могут и не понимать; об этом он узнает только на итоговом экзамене. Иногда конкретному ученику или студенту может быть задан вопрос, ответ на него выступит некоторой формой обратной связи и, будучи правильным, обеспечит подкрепление; однако такое с каждым учеником или студентом происходит настолько редко, что этим явлением можно практически пренебречь.

В случае с обучающей машиной имеет место непосредственный «личный» контакт. Ученик постоянно активен, он получает информацию в данный момент, в следующий момент отвечает на вопрос, проверяет свой ответ, возвращается назад, если ответ выявил какое-то недопонимание, и не может двигаться дальше, пока не освоена вся необходимая для этого информация. Ныне существуют такие программы, которые позволяют преподавать один и тот же курс 10 000 учеников так, что ни один из них не отвечает на тот же самый набор вопросов! Иными словами, тут достигнут такой уровень приспособления материала к возможностям ученика, который реален лишь в том случае, если на каждого ученика приходится один живой

учитель. Впрочем, даже и тут не верится, что человек способен так долго придерживаться скрупулезной тактики поэтапного преподавания, достигаемой тщательно разработанной программой.

В этом состоит поистине исключительная особенность взаимодействия «человек — машина». По завершении курса может быть проведен статистический анализ правильных и неправильных ответов, который покажет, какие вопросы слишком сложны, где дистанция между ними выбрана неправильно и т.п. На этом основании программа может быть переписана и усовершенствована для конкретной группы учащихся таким образом, который недостижим для живого учителя.

Скиннер заявляет, что обучающие машины обеспечивают нам возможности решения многих педагогических проблем самым революционным образом, и у меня нет сомнений в том, что по существу он прав. Можно подвергать сомнению некоторые детали его программ или даже основы его теории. Все это не так уж важно, поскольку в ходе продолжающихся исследований необходимые коррективы наверняка будут внесены. Но какие же аргументы выдвигают противники этих новаций?

Многие оппоненты заявляют, что не каждому предмету можно обучать с помощью машины. В настоящий момент это возражение надо признать справедливым, хотя по существу оно и неверно. Чему можно или нельзя обучать машинным способом — это еще предстоит подробно исследовать, и эксперименты, которые ныне проводятся, уже открывают новые горизонты в самых неожиданных областях — например, в формировании «чувства ритма», логического мышления и др. Пока же тот факт, что каким-то предметам так обучить не удастся, не отменяет значения того, что некоторым предметам так обучать можно, а также не обесценивает гипотезу, что это возможно и в отношении других предметов.

Другое возражение состоит в том, что внедрение новых методов вытеснит из процесса обучения живых преподавателей, а это само по себе ужасно. И это также неверно. Вовсе не предполагается, что учителя и преподаватели будут заменены машинами; имеется в виду лишь то, что они станут использовать

машины, освобождая себя от целого ряда рутинных процедур, которые не только сами по себе обременительны и скучны, но и могут быть исполнены машиной гораздо лучше. Во многих предметах — хотя, вероятно, и не во всех, — содержится огромный массив фактической информации, которая может быть наилучшим образом преподнесена в живом и непосредственном общении. Сам я полагаю, что мои студенты гораздо больше вынесут с семинаров, на которых мы обсуждаем различные подходы к научению или методы исследования личности, чем они могли бы получить с помощью любой машинной программы. Но я также уверен, что такого рода общение возможно лишь *после* того, как они усвоят большой объем фактической информации по этим проблемам, а ее они гораздо более успешно получают с помощью хорошей программы, а не от меня лично. И это суждение продиктовано вовсе не моей скромностью, а объективными фактами, установленными во множестве экспериментальных исследований.

Тут мы подходим к еще одному возражению, касающемуся того, что хороший преподаватель способен вызвать у учащихся энтузиазм и способствовать расширению их кругозора за пределами тех фактов, которые могут быть преподаны. Ни в коем случае не стану этого отрицать. Однако снова повторю, что такой преподаватель только выиграет, доверив констатацию элементарных фактов машине и освободив себя для исполнения более важной роли.

Более существенными представляются возражения, касающиеся необходимых затрат; однако я не считаю такое затруднение непреодолимым. Многие сложные машины в настоящее время довольно дороги, но лишь потому, что не налажено их массовое производство. Их широкое внедрение будет способствовать снижению их цены, а экономический эффект от повышения уровня подготовки учащихся не замедлит сказаться. В современных условиях трудно произвести необходимые экономические подсчеты, однако я уверен, что в итоге затраты в этой сфере окупятся сторицей.

Все упомянутые возражения я не считаю существенными, однако есть еще несколько замечаний, на которых следует ос-

тановиться. Прежде всего сторонники программированного обучения упускают из виду очень важный фактор. Во всех исследованиях они оперируют средними величинами, не придавая никакого значения индивидуально-психологическим различиям. Хорошо известно, что интроверты предпочитают учиться самостоятельно и уединенно, тогда как экстраверты любят лекции и семинары, соответственно каждый тип извлекает больше пользы из предпочитаемой им деятельности. Едва ли все типы личности в равной мере выиграют от машинного обучения или от использования одних и тех же программ, и исследование этой проблемы представляется исключительно важным. К сожалению, никакими данными мы тут пока не располагаем, поскольку никаких исследований никем еще не проводилось. Даже с опорой на классическую модель Скиннера тут можно было бы ожидать интересных результатов. Например, установлено, что экстравертов лучше стимулирует поощрение, а интровертов — порицание. Безусловно, этот факт должен быть учтен при составлении «разветвленных» программ. По некоторым наблюдениям, программированное обучение оказывается более полезно для интровертов, а этот факт совсем не согласуется с гипотезой Скиннера.

По поводу существующих программ могут быть высказаны и другие критические замечания, но если иметь в виду, что исследования в данной области ведутся лишь на протяжении последних лет десяти, то ожидать безупречных результатов было бы явно преждевременно. Вместо этого я хотел бы сосредоточить внимание на наиболее важных итогах работы в этом направлении. Я считаю, что сам факт существования обучающих машин выступает *наименее* важным результатом деятельности Пресси и Скиннера. Важно то, что им удалось продемонстрировать объективный экспериментальный подход к проблемам обучения. И педагоги, и широкая общественность не всегда осознавали, какой вклад могут внести ученые в такую область — в которой они традиционно не занимались обучением. Описанные здесь работы, пожалуй, впервые побудили их присмотреться к примерам научного подхода в данной области. Как бы ни были несовершенны предпринятые попытки, они

по крайней мере вызвали широкий интерес и воззвали к необходимости дальнейших исследований.

А эти исследования могут привести к самым неожиданным результатам. То, что мы узнаем о способах программирования машин, может помочь нам «программировать» и учителей, если допустить использование такого термина. Иными словами, выявленные нами наиболее эффективные приемы обучения могут быть широко распространены и позволят повысить профессиональную подготовку преподавателей.

Во многих отношениях описанные мною новшества в сфере образования созвучны тем, которые осуществляются в психиатрии с внедрением поведенческой терапии. В обоих случаях применение современных приемов и методов привело к впечатляющему прорыву, открывающему широкие перспективы в будущем. Осознание важности этих перспектив должно помочь любому «человеку с улицы» понять, что происходит в важнейших сферах общественной жизни. Представленный мною очерк — очень поверхностный. Но я уверен, что в ближайшие годы в названных областях будет достигнут значительный прогресс и появятся более подробные и содержательные работы на эти темы.

Разумеется, обучающие машины и программирование учебного материала — не единственный вклад поведенческой психологии в дело образования и воспитания. Известны примеры эффективного использования жетонной системы для поддержания школьной дисциплины. Обычно учителя, равно как и воспитатели и родители, и все, кто озабочен проблемами дисциплины, допускают принципиальную ошибку, используя подкрепление не вовремя и в отношении нежелательного поведения; не приходится удивляться, что результат ими достигается совершенно противоположный желаемому. Рассмотрим типичный пример. Маленький Джонни тихо сидит в классе и спокойно работает; учитель не обращает на него никакого внимания. Джонни начинает шуметь и безобразничать — и учитель обращает на него внимание, подходит к нему, заговаривает с ним, тем самым подкрепляя плохое поведение, поскольку общение для маленьких детей выступает важнейшей

формой подкрепления! То, что учитель делает ему замечание, не имеет значения, — подобно тому, как бульварные газеты порой публикуют безобразные материалы якобы ради «обличения порока», а на самом деле фактически его пропагандируя. Аналогично, когда в кино перед зрителем предстает картина роскошной жизни некоего бандита, именно это оказывает влияние на моральный облик зрителя, а вовсе не возмездие, которое настигает преступника в последние две минуты фильма. Точно так же общение с учителем позволяет ребенку отвлечься от скуки и выступает подкреплением, а то, что учитель говорит, в одно ухо влетает и в другое вылетает. Правильнее было бы поощрять вниманием усердие, а нарушения дисциплины наказывать лишением внимания. Лучше подкреплять хорошее поведение, не жалея внимания и похвал для хороших учеников. А еще лучше внедрить нечто наподобие жетонной системы, при которой баллы, обмениваемые на какие-то блага, присуждаются за хорошее поведение и отнимаются за плохое.

Как и в любых подобных случаях, рассматриваемое поведение подлежит подробной детализации и описанию, и перечень наград доведен до общего сведения, — и результаты не замедлят появиться! Отмечено, что даже в классах с отвратительным поведением улучшения превосходят все ожидания. Конечно, все подробности метода должны быть предварительно хорошо исследованы; английские дети порой реагируют иначе, чем американские, младшие и старшие дети ведут себя по-разному, не говоря уже про различия в поведении мальчиков и девочек. Но сам принцип действует очень хорошо, и с ним следует знакомить будущих учителей, поскольку то, чему их сегодня учат относительно методов воспитания, лишено всякой практической пользы. Конечно, у этого метода есть свои издержки — вроде приведенного в первой главе анекдота: «Похоже, мне удалось неплохо выдрессировать моего человека — стоит мне нажать на педаль, он несет мне пищу!» В одном из экспериментов по внедрению жетонной системы были предусмотрены контрольные периоды, то есть отрезки времени, когда не происходит вознаграждения за хорошее поведение. То есть в утренние часы детям баллы присуждались, а в дневные — нет.

До начала эксперимента в определенный отрезок времени имело место примерно 50 случаев нарушения поведения. С введением жетонной системы это количество снизилось до 10—12. Однако в дневные часы, когда присуждение баллов было приостановлено, количество нежелательных проявлений неожиданно возросло до 120! То есть дети, лишенные возможности заработать баллы (и все те блага, на которые их можно было обменять), выдали сильнейшее отрицательное подкрепление экспериментаторам. Эта реальная история заставляет задуматься, кто же в ней оказался лучшим психологом — испытуемые или экспериментаторы. Я даже не стану пытаться ответить на этот вопрос. Не стану касаться и другого вопроса, который, возможно, возникает у многих читателей, — об этичности манипуляций над поведением. Этот вопрос, а также другой, касающийся «промывания мозгов», будет рассмотрен в следующих главах.

Глава 4

Расцвет медиократии

В 1958 г. Майкл Янг опубликовал свои трагикомические псевдоисторические записки «Расцвет меритократии — 1870—2033: эссе об образовании и равенстве»; он предусмотрительно оформил свое сочинение в виде романа — не только ради того, чтобы сделать книгу более удобной для чтения, но также для того, чтобы избежать неприятных вопросов со стороны психологов и педагогов. Таким образом он также сумел уклониться от необходимости выдвинуть какие-то реалистичные альтернативы тем методам отбора, на которые он так яростно нападал, — в особенности отбора с помощью тестов интеллекта. В этой небольшой главе я хочу рассмотреть две серьезные и, похоже, неразрешимые проблемы образования — отбор и предсказание успехов в обучении, — а также продемонстрировать, что мы сегодня следуем тупиковым путем в направлении таких целей, которые вряд ли кому-то хотелось бы достичь. Такое утверждение обязывает меня пояснить, какие же цели, по моему мнению, являются желательными; только когда достигнуто согласие насчет целей, или по крайней мере они достаточно четко определены, имеет смысл дискутировать о средствах.

Социолог Джин Флод выдвинула такую цель образовательной политики, которую, по моему, большинство людей должны одобрить: «обеспечить право каждого гражданина на образование, соответствующее его природным способностям».

Это, конечно, утопический идеал, однако хотя бы приблизиться к нему образовательная политика и должна стремиться. Таким образом утверждается право человека, которое общество должно обеспечить; хотя его неоспоримые притязания, возможно, и не удастся полностью удовлетворить в данный момент, ими недопустимо пренебрегать по экономическим или политическим соображениям. С другой стороны, общество выдвигает и свои притязания: мы не можем существовать без достаточного количества учителей, врачей, инженеров, экономистов, бизнесменов, математиков, юристов, техников, историков, писателей, музыкантов — список можно продолжать бесконечно, и каждая позиция в этом списке предусматривает долгое и тщательное обучение и подготовку. В настоящее время нам не удастся подготовить достаточно людей, чтобы удовлетворить потребности общества по всем категориям; очевидный недостаток врачей — это лишь один из примеров, учителей математики — другой. Тут существуют и экономический трудности, но еще и противоречие между потребностями общества и провозглашенным ранее принципом — не так уж много есть детей, чьи «природные способности» включают способности математические.

Принимая во внимание эти индивидуальные и общественные нужды, нам приходится противопоставить им способность общества инвестировать достаточно средств и времени в образование — начальное, среднее и высшее, как бы старомодно и неуклюже эти названия ни звучали. При жизни нашего поколения и, боюсь, даже поколения наших детей вряд ли будет достигнут такой уровень образования, когда его возможности полностью удовлетворят общественные нужды; даже в Соединенных Штатах, которые гораздо богаче Великобритании, достижение такого уровня представляется утопией. Перед лицом этих фактов, которые бесполезно оспаривать, возникает насущная необходимость в соответствующем отборе. Когда места в университетах могут быть предоставлены лишь немногим, а желающих их занять гораздо больше, причем и обществу их нужно гораздо больше, — тут без каких-то форм отбора никак не обойтись. То же касается и среднего образования —

не все в состоянии выйти на уровень A^1 , поэтому и тут отбор необходим. Сколько денег инвестировать в образование — это вопрос политический, и в данной главе я не хотел бы его обсуждать; необходимо лишь признать тот факт, что средств выделяется явно недостаточно, причем независимо от того, о запросах какой из сторон идет речь.

Отбор может быть двоякого рода. Первый можно назвать естественным отбором, он происходит за счет последовательного преодоления барьеров. Ученик один за другим проходит этапы образования, и о его успехах судят по результатам экзаменов. Восхождение на следующий уровень зависит от успеха на предыдущем; например, никто не может поступить в университет, не преуспев по ряду предметов на уровне A в средней школе. Такая «естественная» система не универсальна — в частную школу можно поступить за плату и тем самым просто обойти некоторые барьеры, хотя и не все. Большинству людей такого рода отбор кажется естественным и предпочтительным другому, который предусматривает измерение «природных способностей», упомянутых Джин Флод. Такого рода измерение обычно отождествляется с тестами IQ, хотя в Англии никогда не практиковался отбор с помощью одних лишь тестов IQ; например, испытание «11+»² включало в себя, наряду с тестами IQ, также экзамены по английскому языку и арифметике, то есть решение о перспективе дальнейшего образования для ученика определялось данными тестов лишь на одну треть.

¹В Великобритании выпускники средних школ получают свидетельство о среднем образовании (аттестат), которое имеет два уровня — обычный (O) и повышенный (A). Для поступления в университет уровень аттестата имеет важное значение — в солидный вуз вроде Оксфорда или Кембриджа поступить с обычным аттестатом шансов крайне мало.

²В 1926—1928 гг. в школах Великобритании было официально введено экзаменационное испытание, которое проходили учащиеся в возрасте 11 лет по окончании начального звена обучения. По результатам тестирования школьники подразделялись на три потока разного уровня, то есть фактически уже в 11 лет решался вопрос о возможности поступления в университет — учащиеся средних школ низшего уровня такой возможности были лишены. В начале 1970-х гг. под давлением либеральной общественности этот экзамен повсеместно был официально отменен, что теоретически должно было обеспечить равные права для всех в сфере образования.

Спрашивается, почему этот «неестественный» барьер был расценен как ложный шаг, уводящий с пути к идеалу Джин Флод?

Соображения, которые возникают в этой связи, весьма просты. Вряд ли кто-нибудь станет серьезно оспаривать тот факт, что способность ребенка преодолеть определенный образовательный барьер зависит от качества образования, которое он ранее получил; чем лучше было преподавание, чем лучше были условия в школе, тем с большей вероятностью ученик преуспеет на экзамене. Однако также хорошо известно, что некоторые школы лучше других; это обеспечивает их ученикам незаслуженное преимущество перед учениками из худших школ. Такое преимущество получают городские школьники перед сельскими, а также дети, принадлежащие к среднему классу, перед выходцами из рабочего класса. Это справедливо даже для государственных массовых школ, и различие будет еще более впечатляющим, если мы включим сюда для сравнения частные школы. Вполне возможно (и доказательства этого мы вскоре рассмотрим), что измерение интеллекта поможет нивелировать неоправданное преимущество детей среднего класса; если это так, то соответствующее измерение может быть использовано для восстановления справедливости и уделения большего внимания «естественным способностям», а не приобретенным знаниям.

Рассмотрением тестов интеллекта как «инструмента социальной справедливости» мы во многом обязаны сэру Годфри Томсону, и мы можем извлечь немало пользы из его ранних опытов по внедрению этого инструмента в середине 1920-х годов, когда Советом по образованию графства Нортумберленд соответствующие тесты были использованы для отбора в грамматические школы¹. В ту пору в качестве главной задачи ставилось устранение дисбаланса между городскими и сельскими

¹Грамматические школы (grammar schools) — в Великобритании грамматическими школами по традиции называют средние общеобразовательные учебные заведения высшего уровня, обучение в которых ориентировано на последующее поступление в университет. В эпоху, о которой повествует автор, в грамматические школы на основании тестирования попадало около 20% выпускников начальных школ.

школьниками, который возник в силу того, что в отдаленной сельской местности большинство школ были малокомплектными, испытывали острый недостаток учебного оборудования и пособий. В том случае, если сельские дети оказывались ущемлены именно в этом отношении, а тесты IQ от школьной обстановки не зависели, то тогда внедрение этих тестов способствовало бы поступлению на высший уровень большего количества сельских детей, которые ранее не выдерживали отбора, несмотря на свои высокие способности. Результатом этого эксперимента стало немедленное и впечатляющее возрастание количества сельских детей, поступивших в грамматические школы. Следует обратить внимание, что тут даже не утверждалось, будто тесты IQ выступают исключительным мерилем познавательных и учебных способностей; просто предполагалось, что условия обучения оказывают мало влияния на их результаты. Обратим внимание и на то, что не утверждалось и то, будто эти тесты — безупречный инструмент измерения; просто предполагалось, что с их помощью удастся устранить дисбаланс, вызванный влиянием внешних сил, которые определяли результаты всех иных способов оценки, использовавшихся ранее. Подчеркнем также, что никто не настаивал на том, будто эти тесты измеряют *врожденные* и *неизменные* способности; таких заявлений никогда не делал ни один серьезный психолог, в том числе и сэр Сирил Берт, который внес, пожалуй, самый значительный вклад в научные исследования интеллекта и которому в дискуссии по этому вопросу ныне нередко отводится роль чудовища и злодея.

В наших рассуждениях положение о том, что тесты IQ менее зависимы от условий обучения, чем школьные проверки знаний, представляется исключительно важным, поэтому необходимо привести какие-то свидетельства в его пользу. Рассмотрим исследование, которое осуществили в Хартфордшире Джин Флод и Э.Г. Хэлси. Решением местной администрации, последовавшим в ответ на разнообразные нападки, использование тестов IQ было запрещено; этими исследователями был изучен социальный состав местных грамматических школ в 1952 г. и в 1954 г. — то есть до и после отмены тестирования.

В 1954 г. возникли некоторые затруднения в отнесении детей к той или иной социальной категории на основании занятий их родителей, поэтому любые двусмысленные и сомнительные случаи были приплюсованы к данным по рабочему классу; несмотря на это, оказалось, что количество выходцев из рабочего класса снизилось с 14,9 % до 11,5%! В то же время количество детей высококвалифицированных работников и управляющих возросло с 40% до 64%. Не будем забывать, что эти перемены произошли тогда, когда тесты IQ составляли лишь треть отборочных испытаний; если бы отбор осуществлялся исключительно по результатам тестов IQ (что никогда не предлагалось в качестве желательного варианта), то количество детей из рабочего класса было бы выше 14,9%, а количество детей высококвалифицированных работников и управляющих не превысило бы 40%. Этот пример убедительно демонстрирует значение тестов IQ как инструмента социальной справедливости.

Другие исследователи — например профессор Э.Д. Фрезер из Абердина, а также доктор Дж. Дуглас — изучали взаимосвязь условий среды с данными тестов интеллекта и школьной успеваемости; оба установили, что успеваемость, измеряемая традиционными методами, значительно более подвержена влиянию факторов среды, нежели результаты тестов IQ — хотя тесты, использовавшиеся в выборке школьников (часто называемые тестами словесных рассуждений), содержали больше материала, связанного с учебной программой, чем это было бы желательно в идеале, а также более, чем невербальные тесты, коррелировали с социальным происхождением — так, Дж.Л. Дэниэлс установил, что разрыв между детьми рабочих и среднего класса по данным вербальных тестов составляет 18 баллов, а невербальных — всего 11. Многие подобные исследования в США привели к тем же результатам, не оставляя сомнений в том, сколь полезны были бы тесты IQ для устранения образовательного дисбаланса в пользу способных, но в известном смысле ущемленных выходцев из рабочего класса.

Таковы факты, и на основании их можно было бы предположить, что деятели образования, придерживающиеся левых взглядов, станут всячески приветствовать внедрение тестов IQ

как инструмента отбора, тогда как представители правого крыла будут их отвергать; в конце концов, главным результатом их внедрения стал бы доступ к лучшему образованию большего числа одаренных выходцев из рабочего класса, которые иначе рискуют остаться обделенными; произойти это должно за счет детей среднего класса, которые ныне оказываются незаслуженно привилегированными лишь благодаря высокому материальному достатку их семей. Однако дело обстоит совсем иначе — левые педагоги, политики и публицисты яростно нападают на тесты IQ и на само понятие IQ, хотя знания предмета им явно недостает, и логика у них сильно хромает. Так, Майкл Янг, хотя он и не столь агрессивен и гораздо более эрудирован, чем большинство его коллег, присоединился к этому хору (а возможно, даже его и инициировал), отвергая идею интеллектуальной элиты, которой предначертано лучшее образование и последующее духовное лидерство. Такое отношение вполне оправданно, если под элитой понимать наследственную «голубую кровь» или исповедовать капиталистическую идею «покупки» богатыми наилучшего образования; оно становится бессмысленным, если вести речь о самом образовании и способностях детей к обучению. Вне сомнения, эти способности в значительной мере врожденные — на это однозначно указывает тот факт, что использование тестов IQ для отбора *повышает* количество детей рабочего класса и *снижает* количество детей среднего класса, отбираемых на высшие ступени образования. Отказ от тестов IQ приводит к совершенно очевидному эффекту: для одаренных, но социально обездоленных детей снижается вероятность получения образования, соответствующего их способностям, тогда как социально привилегированные дети с невысокими способностями получают доступ к образованию, которое они не могут осилить. Неужели это является целью социалистов-идеалистов, мечтающих построить Новый Иерусалим на английской земле?

Те, кому адресована эта критика, могут ответить, что их намерения совсем иные. Если кто-то оказывается обездолен по сравнению с другими, то необходимо направить средства на помощь обездоленным — независимо от того, высокий у них

IQ или низкий. Давайте не будем принимать во внимание — говорят они — не очень достоверные и не вполне беспристрастные данные о врожденных индивидуальных различиях; давайте лучше устраним социальный дисбаланс посредством образования, то есть предоставим поддержку тем, кто происходит из малообеспеченных семей, кто учится в плохих школах или обделен каким-то иным образом. Такая форма рассуждений делает честь сердцу тех, кто вносит эти предложения, но не их разуму; причин тому две. Первая — все это уже пробова-ли, и безуспешно; вторая — в условиях ограниченных ресурсов, выделяемых на образование, особая поддержка одних оборачивается худшим образованием для других. Далее я намерен эти два тезиса развить.

Идея «компенсаторного обучения» не нова; она активно разрабатывалась в США, где несколько лет назад была запущена широкомасштабная государственная программа по претворению ее в жизнь. Профессор А. Дженсен¹ в своей статье в «Гарвардском педагогическом обзоре», привлекая большое внимание, заявил: «Компенсаторное обучение было испробовано, и эта попытка со всей очевидностью провалилась». С моими рассуждениями согласуется вся эта статья, но я ограничусь тем, что процитирую лишь один параграф. «Компенсаторное обучение практиковалось в широком масштабе на протяжении нескольких лет во многих городах по всей стране. Ее зачинатели были преисполнены огромного энтузиазма и больших надежд. Из федеральных фондов были выделены беспрецедентные средства. Теоретическим основанием послужила

¹Дженсен (Jensen) Артур (р. 1923) — американский психолог, почетный профессор Гарвардского университета, одна из самых ярких и противоречивых фигур современной психологии. Научные исследования Дженсена преимущественно посвящены проблеме индивидуальных различий в области интеллекта; по его мнению, существуют значительные различия между людьми в умственных способностях, которые предопределены генетически и мало подвержены внешним влияниям; проще говоря — одни люди умнее других, и ничего с этим не поделаешь. Ввиду того что этот очевидный факт слишком многих уязвляет, его честная констатация Дженсеном навлекла на него ожесточенные нападки либералов всех мастей.

выдвинутая некоторыми учеными гипотеза депривации¹, согласно которой школьная неуспеваемость является следствием социальной и экономической обездоленности, — гипотеза, некритично подхваченная широкой общественностью на волне растущей озабоченности социальным неравенством и дискриминацией меньшинств. Основная цель компенсаторного обучения — устранить неуспеваемость обездоленных детей и тем самым сократить разрыв между «меньшинством» и «большинством» учеников. Следует отметить, что эта цель не была достигнута ни в одной из предпринятых попыток компенсаторного обучения. Такая оценка содержится в отчете Государственной комиссии по правам человека за 1967 год: «В результате проведенного Комиссией анализа нельзя заключить, что компенсаторное обучение не может снизить отрицательное влияние бедности на школьную успеваемость отдельных детей. Не вызывает сомнений, что учебные программы, направленные на расширение культурного кругозора, вкупе с улучшенными формами преподавания могут быть полезны обездоленным детям. Однако фактически ни одна из этих программ не привела к заметному улучшению достижений участвовавшей в них массы учеников за период, рассмотренный Комиссией».

Другое соображение, наверно, слишком очевидно, чтобы стать поводом для дискуссии. Сумма денег, выделяемая на образование в Великобритании, ограничена, и она гораздо меньше той, которая действительно требуется; если значительную часть этой суммы истратить на программы компенсаторного обучения, то все остальные типы обучения столкнутся с жестоким дефицитом финансирования. Если бы вероятность успеха таких программ была достаточно высокой, можно было бы дискутировать о приоритетных направлениях финансирования; когда же все данные, поступающие из Америки, свиде-

¹Депривация (англ. *deprivation* — лишение) — термин, используемый в самом широком спектре значений в биологических и социальных науках (и, разумеется, в психологии, изучающей, в частности, сочетание биологического и социального в человеке); в данном случае имеется в виду недостаток сенсорных и социальных стимулов, приводящий к замедлению и искажению эмоционального и интеллектуального развития ребенка.

тельствуют об обратном, то только политическая предвзятость может способствовать инвестициям в проект, обреченный на неудачу.

Дженсен отмечает: если бы факты, касающиеся врожденного интеллекта, были приняты во внимание, то вряд ли на программы компенсаторного обучения возлагались бы радужные надежды; он приводит убедительные свидетельства в пользу наследования интеллекта. В своем анализе он упоминает данные, недавно полученные в нашей стране профессором генетики Дж.Л. Линксом и доктором психологии Д.В. Фалкером, относительно влияния наследственных факторов на успешность выполнения тестов IQ и школьных тестов достижений¹; в первом случае влияние наследственных факторов оценено ими в 75%, во втором — менее 30%. Причем в первом случае они считают влияние семейной обстановки несущественным, тогда как во втором случае она играет весьма существенную роль. Эти заключения вполне согласуются со взглядами Годфри Томсона, а также Сирила Берта, и указывают на то, что врожденные способности детей недопустимо игнорировать при организации системы образования.

Многие даже не отдают себе отчета, до какой степени этими способностями пренебрегает современная система. При измерении IQ у медиков и юристов, а также у горняков и уборщиц, выяснилось, что из вторых 10% самых одаренных показывают более высокие результаты, чем 10% самых недалеких среди первых; иными словами, интеллект некоторых горняков и уборщиц не ниже, чем у врачей и адвокатов. Среди детей, принадлежащих к обоим этим социальным классам, перекрест наблюдается еще больший. Однако факт остается фактом: при равном IQ дети из среднего класса имеют гораздо больше шан-

¹Тесты достижений — задания, направленные на выявление уровня усвоенных знаний и умений. Критики IQ считают, что между тестами достижений и тестами IQ нет принципиальной разницы, так как для успешного выполнения последних также требуются определенные знания и умения, и тесты IQ фактически выявляют именно их, а не врожденные способности. Острая научная дискуссия по этому вопросу длится более полувека и еще далека от завершения.

сов получить хорошее образование, чем дети рабочих. Одаренные уборщицы и шахтеры, а также их дети, — жертвы социальной несправедливости; глуповатые врачи и юристы, а также их дети — привилегированы не по заслугам. Подсчитано, что в среднем в группе рабочих IQ несколько ниже, чем в группе среднего класса, однако количество высокоодаренных людей примерно одинаково среди первых и вторых — в силу большего числа рабочих среди всего населения. Обществу наносится ущерб, если одаренный ребенок из рабочей семьи не получает образования, соответствующего его способностям, не говоря уже про ущерб для самого ребенка; применение тестов IQ, а вовсе не отказ от них, могло бы послужить решением этой проблемы.

Против тестов IQ высказано много возражений, и некоторые из них не лишены оснований. Утверждается, что тесты IQ не являются безупречно надежными, и это действительно так. Любое научное измерение не исключает погрешностей, и масштаб таких погрешностей следует сравнивать с иными возможными ошибками. Мы склонны очень доверять результатам экзаменационных испытаний, хотя не раз было продемонстрировано, что эти результаты исключительно ненадежны — в гораздо большей степени, чем результаты тестов IQ. Хартог и Родс в своей книге «Экзаменуем экзамены» указывают, что даже в том случае, когда одни и те же письменные работы дважды предъявляются для проверки одному и тому же экзаменатору, оценки им выставляются далеко не одинаковые. Когда же работы повторно предъявляются другим экзаменаторам, расхождение становится и вовсе огромным. Когда же одни и те же люди пишут две работы и разные экзаменаторы их оценивают, то ни о какой надежности вообще речь не идет. В этом отношении тесты IQ гораздо надежнее. Поэтому когда нам предлагают полагаться на оценки заведомо неточные, вместо того чтобы использовать пускай и не безупречный, но достаточно точный инструмент измерения, логики в этом суждении не видится никакой. Человеку приходится каждый день многократно принимать важные решения на основе информации, которая не является абсолютно точной и безупречно достоверной;

при этом желательно полагаться на информацию наиболее надежную, а не отвергать факты на том основании, что они не абсолютно точны. Важно, чтобы эти факты помогли принять правильное решение; нет никаких сомнений, что тесты IQ успешно справляются с этой задачей даже в своем нынешнем состоянии, далеко от совершенства.

А нельзя ли научиться выполнять тесты IQ? Да, можно; однако практика в решении задач на протяжении двух-трех часов, предшествующих тестированию, полностью уравнивает в этом отношении участников теста, сводя на нет весь эффект предварительного натаскивания. А как насчет детей, чье развитие несколько замедленное? Да, такие дети бывают, но их не так уж трудно распознать; недавние исследования показали, что это явление связано с личностными особенностями (развитие интровертов происходит медленнее), и эти особенности также могут быть измерены. Таким образом повышается вероятность прогноза на основании тестов IQ. Меняется ли IQ со временем? Да, меняется, особенно в возрасте между 10 и 11 годами. Исследователями эта проблема еще недостаточно разработана, однако уже имеются такие тесты, на основании которых возможно предсказание динамики IQ, и дальнейшие исследования, вероятно, приведут к созданию таких тестов, которые смогут не только констатировать наличный уровень интеллекта, но и перспективы его развития. Не лучше ли вместо IQ измерять специальные способности — вербальные, математические, перцептивные и т.д.? Действительно, имеются данные о том, что составление профиля разнообразных способностей может быть даже более полезно, чем констатация IQ, и если деятели образования намерены использовать соответствующие тесты, то таковых существует достаточно. Не являются ли тесты творческих способностей более полезными для оценки оригинальности мышления, нежели традиционные тесты IQ? Возможно, но и тут нет никакой проблемы — и эти тесты деятели образования вольны использовать по своему усмотрению. Огорчает то, что деятели образования: а) до сих пор понимают под тестами интеллекта те, которые существуют с 1920-х годов и претерпели лишь незначительные изменения,

и отказываются рассматривать многочисленные усовершенствования, произошедшие в последние годы и б) не проявляют достаточно ответственности в том, чтобы способствовать подлинно научному исследованию как существующих систем, так и предлагаемых инноваций. Министерству образования следовало бы более активно заниматься продвижением в практику тех усовершенствований, которые вытекают из современных научных исследований. Возражения против тестирования — вроде тех, что уже были упомянуты, — часто не обосновательны и не могут быть сброшены со счетов, однако отмеченные недостатки не являются непреодолимыми и вполне могут быть устранены в ходе дальнейших исследований и разработок.

Можно, однако, предположить, что вопрос отбора окончательно закрыт, после того как отменен экзамен «11+» и почти повсеместное распространение получили массовые общеобразовательные школы. Такое мнение очень популярно, но действительности оно не соответствует. На самом деле экзамен «11+» сохраняется, просто в видоизмененной форме, и распределение школьников по классам в решающей степени определяется суждениями классных руководителей; детей продолжают сортировать, просто держат их в неведении на сей счет. Что касается приема в школу, то тут изменения действительно произошли, однако внутри школ положение во многом сохраняется прежнее. Даже среди общедоступных школ есть лучшие и худшие, если оценивать их по квалификации учителей, среднему уровню способностей учеников, качеству зданий, наличию оборудования и т.п. Если школы разного уровня «обслуживают» один и тот же район, то родители способных детей постараются пристроить их в школу получше. Особенно это касается семей среднего класса, которые образование ценят. Предпринимаются попытки ограничить количество способных детей, принимаемых в школу, особыми квотами, основанными на их школьных оценках. Такие попытки совершенно бесплодны и бесперспективны. В качестве наглядного примера представим, что было бы, если установить такие квоты приема на основании IQ — обязать школы принимать 50% детей с IQ выше 100 и 50% — ниже. Хорошая школа стала бы

отбирать детей с IQ выше 115, оставляя тех, у кого IQ между 100 и 115, для школ похуже, и из тех, чей IQ ниже 100, стала бы брать лишь тех, у кого он находится в промежутке от 90 до 100, опять-таки оставляя менее способных худшим школам. В результате формальные квоты были бы соблюдены, но реально уровень способностей учеников в разных школах очень существенно различался бы.

Необходимость отбора сохраняется и на уровне высшего образования; тут перед университетскими преподавателями возникает очень трудная и серьезная проблема, которая до сих пор далека от разрешения. Тесты интеллекта тут почти не используются, хотя опыт убедительно свидетельствует, что *правильное* использование *подходящих* тестов могло бы принести *определенную* пользу. (Обратите внимание на определения, выделенные в предыдущей фразе; энтузиасты-любители нередко экспериментируют с неподходящими тестами, которые к тому же используются неправильно, и не приходится удивляться, что результаты в таких случаях получаются огорчительные. Это и понятно: подобно тому, как умение распознать температуру на градуснике не позволяет дилетанту поставить больному диагноз, так и умение провести рутинный групповой тест еще не гарантирует правильную интерпретацию его результатов, не говоря уже про правильный выбор подходящего теста!) Тесты интеллекта здесь могут быть полезны, причем не только для отбора студентов, но и для их специализации; тесты специальных способностей — вербальных, математических и перцептивных — могли бы помочь студентам подобрать учебные курсы, наиболее соответствующие их натуре, причем сделали бы это гораздо лучше, чем сами студенты, которые зачастую не представляют, каких способностей требует освоение того или иного курса, и даже плохо себе понимают свои собственные способности. Снова повторю, что на основании тестов IQ вряд ли возможен безупречный прогноз — в конце концов, те или иные способности это лишь одна из составляющих академических успехов, и одного лишь высокого IQ недостаточно, чтобы преуспеть. Однако способности принимать во внимание необходимо, и даже приблизительная оценка тут была бы полез-

ной. Но британским университетам также недостает предприимчивости и инициативы для того, чтобы осуществить исследования, которые подсказали бы им, какие методы могут оказаться для них наиболее полезны; их подход до сих пор отличается необъяснимым самодовольством, никак не подтверждаемым достигаемыми ими результатами.

В этой связи часто приводится соображение «больше значит хуже». Слоганы такого рода совершенно не годятся для решения подобных сложных проблем; они характерны, говоря словами лорда Сноу, для подхода неграмотных. Математические модели отбора предполагают поистине пугающее количество параметров, которые следует иметь в виду при планировании изменений в процедурах отбора; В.Д. Фурно рассматривает некоторые из этих параметров в своей книге «Избранные». Вот некоторые из них: пропорциональное число учеников, отобранных для дальнейшего обучения; количество параметров, на которые могут быть подразделены критерии отбора; корреляции этих параметров с конечным результатом; количество дополнительных параметров, которые следовало бы принять во внимание, но которые, однако, во внимание не принимаются (например, IQ); корреляции этих дополнительных параметров и конечного результата; степень успешности распределения студентов по тем или иным курсам; корреляции различных типов тестов с такого рода успехами; валидность и надежность измерений таких успехов. В зависимости от количественного выражения этих параметров и можно судить: «больше значит хуже» или «больше значит лучше», а может быть, «больше значит больше того же самого». Существует реальная вероятность того, что если удастся с помощью лучших методов отобрать больше способных учеников, чем ныне, то «больше» скорее значит «лучше», чем «хуже». И это особенно справедливо, если под «отбором» подразумевать еще и «специализацию». Тут я не хотел бы выступать догматиком; очевидно, что еще многое предстоит сделать для установления достоверных фактов в этой области.

Обсуждая эту проблему, нельзя обойти вниманием и требования «свободного поступления» (то есть массового приема в

вузы выпускников средних школ), которое выдвигается многими молодежными лидерами в США, особенно чернокожими. Предлагается также ввести этнические квоты, согласно которым университеты должны принимать такое количество негров, которое пропорционально их доле во всем населении. Такие предложения по своей сути являются расистскими и противоречат демократическим принципам; хуже того — они прямо входят в противоречие с идеалами образовательной политики, провозглашенными в первых строках этой главы, поскольку каждый малоспособный и малограмотный негр, принятый в вуз на таких основаниях, лишит этого места одаренного и хорошо подготовленного белого студента. В этом смысле «больше» однозначно означает «хуже». Но нельзя отрицать того факта, что негры с интеллектом, равным интеллекту белых, оказываются в силу распространенных в Америке причин в невыигрышном положении из-за худших школьных условий; и тут тесты IQ могли бы послужить восстановлению справедливости и решению этой исключительно острой проблемы.

Почему необходим отбор? На уровне университетов ответ очевиден: общество может себе позволить расходы на такое образование лишь для немногих, и мало кто из учащихся обладает достаточными способностями, чтобы извлечь пользу из такого образования. Но необходимость в отборе на уровне средней школы, и даже начальной, не так очевидна. Тут обычно дается такой ответ: в классах, однородных по уровню способностей, легче преподавать, и если правильно подразделить учащихся на группы, то каждая группа сможет продвигаться в учении в присущем ей темпе. В такую версию легко верится, поскольку она соответствует здравому смыслу, однако проведенные исследования не полностью подтверждают преимущества однородных классов. Так, А. Моргенстерн в книге «Группировка в начальной школе» приводит обзор нескольких источников, опровергающих эффективность подразделения детей на группы. Не следует, однако, придавать слишком большое значение подобным исследованиям ввиду их невысокого качества; слишком много затруднений возникает при их проведении, поэтому результаты не внушают большого дове-

рия. Учителя, привыкшие преподавать в обычных классах, могут даже не воспользоваться теми преимуществами, которые дают однородные классы; чтобы извлечь максимум пользы из этой ситуации, им необходима специальная подготовка. К тому же подобные эксперименты проводятся на протяжении слишком короткого времени, чтобы их результаты наглядно проявились. Отбор детей по их способностям проводится не слишком дифференцированно, в силу этого и результаты не очевидны. Когда же в Америке и в Англии эксперименты проводились с исключительно одаренными детьми, выяснилось, что в таких группах с ярко выраженными способностями прогресс в обучении налицо. Однако все недостатки проведенных экспериментов не позволяют заключить, что гипотеза не подтвердилась и что верна ей противоположная. Можно лишь констатировать, что группировка учащихся на основании их IQ не обязательно приводит к улучшениям — по крайней мере в отсутствие соответствующих приемов обучения одаренных детей.

И это очень важное замечание. Одаренные дети, будучи выделены в особую группу, необязательно окажутся в выигрышном положении, если вся философия образования и система обучения остаются прежними и если учителя не отобраны и подготовлены соответствующим образом для работы с такими детьми. Одаренным детям могут потребоваться особые методы обучения, при которых особое внимание уделяется их собственной инициативе, индивидуальным проектам, исследовательской деятельности, их внутренней мотивации и пр. Когда же им предлагается «то же самое, но побольше», они не обязательно отреагируют позитивно, а могут и, наоборот, этому воспротивиться. Как указано в докладе Комиссии по образовательной политике: «Поскольку у одаренных детей их познавательные интересы и перспективы развития отличаются от всех остальных, поскольку они могут научиться большему и делают это быстрее, постольку их обучение в школе и колледже не должно быть таким же, как для остальных. Кое-что должно сохраняться одинаковым, но кое-что обязательно должно быть иным — по содержанию, качеству и уровню ос-

воения материала. Каждый учитель, каждая школа, каждое образовательное учреждение должны придерживаться особой политики и особых методов в отношении таких детей». Холлингворт¹, известный специалист по этой проблеме, пишет: «На основании трехлетних наблюдений мы можем сделать вывод, что ребенок с IQ выше 140 способен освоить программу начальной школы вдвое быстрее своих сверстников. В силу этого половину времени, которое он проводит в школе, следует посвятить тому, что выходит за рамки общей программы». Холлингворт также указывает, какие способы «убить время» находят одаренные ученики, из-за того что учителя не находят для них дела; бывает и так, что учителя загружают их бессмысленными заданиями просто ради того, чтобы те были чем-то заняты. «Крайне редко такие задания построены с учетом психологических особенностей и потребностей одаренных детей». Не приходится удивляться, что Чарльз Дарвин, Джонатан Свифт, Джордж Элиот, сэр Вальтер Скотт, Дэниэл Уэбстер, Шиллер, Гете, Шелли и Эйнштейн в их школьные годы считались слабыми учениками; процесс обучения, ориентированный на ученика средних способностей, не годится для одаренных.

Сторонники и противники обучения без отбора в своих спорах опираются на психологические и педагогические гипотезы, имеющие мало подтверждений в реальности; исследования, необходимые для взвешенных суждений, по большей части просто не проводились, и имеющихся фактов просто недостаточно для принятия простых и недвусмысленных политических решений. Отсюда вытекают два разных следствия. Политики обычно полагают, что их личные взгляды и предпочтения настолько бесспорно истинны, что не нуждаются ни в каких научных подтверждениях, и если не будут вскрыты ни-

¹Холлингворт (Hollingworth) Лета Стеттер (1886—1939) — одна из первых женщин-психологов в США; исследовала широкий круг психологических проблем, в том числе проблему интеллектуальной одаренности, которой посвящена одна из самых известных ее книг — «Одаренные дети» (1926). Многие идеи, высказанные ею много лет назад, сохраняют свою актуальность и поныне.

какие факты, которые категорически противоречили бы их убеждениям, то можно спокойно двигаться дальше в привычном направлении. Психологи, со своей стороны, считают, что, прежде чем предпринимать серьезные новации в сфере образования (или в любой другой социальной сфере), необходимо заручиться надежными экспериментальными данными о возможных последствиях таких решений. Дискуссия об отборе в образовании, которую консерваторы и социалисты ведут на основании своих бездоказательных житейских представлений, кажется психологам абсурдной, поскольку вполне возможно провести соответствующие исследования, которые позволили бы однозначно решить данный вопрос раз и навсегда. (И это в равной мере справедливо для любой педагогической проблемы. Политические суждения о психологических фактах лишены всякого смысла; только научное исследование придает фактам определенную ценность). В итоге обе стороны фактически уклонились от организации необходимых исследований, которые только и могли бы способствовать решению этого важного вопроса.

Необходимость исследований в области образования трудно переоценить. В наши дни расходы на образование превысили расходы на оборону, превратившись в самую крупную статью государственного бюджета. Однако исследовательская работа ведется лишь эпизодически и на крайне низком уровне. Являются ли новые методы обучения маленьких детей грамоте и счету более эффективными по сравнению с прежними? Доктору Дж. Даунингу, который поставил задачу это выяснить и сумел провести несколько серий соответствующих экспериментов, было отказано в субсидии размером в 40 000 фунтов, необходимой для проведения наблюдений за 2500 детьми в ходе их школьного обучения; в силу этого ранее затраченные время и деньги пошли прахом. Это типичный пример антинаучного и доктринерского подхода политиков к образованию; проблемы рассматриваются ими лишь в свете их политических предпочтений либо общественной моды, а дети (и в итоге все общество) от этого страдают. Все рассуждения политиков о «новом образовании», лишённые научной основы, обращают-

ся в пустые слова. Двадцатый век — это эпоха эмпирических исследований и научных доказательств; философские рассуждения о реальных проблемах принадлежат скорее к восемнадцатому веку — как и большинство политиков¹.

Эксперименты по направлению детей с одинаковым уровнем способностей в отдельные классы или школы обычно опираются лишь на показатели IQ; это, безусловно, не есть оптимальный способ группировки. Освоение разных школьных предметов требует разных способностей, а ребенок с высокими вербальными способностями и низкими математическими и ребенок с низкими вербальными и высокими математическими могут иметь один и тот же показатель IQ. Естественно, они по-разному будут учиться языку и математике — каждый в соответствии со своим складом. Прежде чем принимать ответственные решения, касающиеся процедуры отбора, необходимо внедрение в практику многофакторных тестов разнообразных способностей; сам по себе показатель IQ нельзя назвать бесполезным, но его одного в данном случае недостаточно. Исследования в этой области, даже если они окажутся успешными, необязательно потребуют пересмотра представления о том, будто внутришкольная группировка учащихся не подкреплена научными фактами; они по крайней мере смогут способствовать конкретным усовершенствованиям в рамках одной средней школы.

¹В 1965 г. расходы на образование составили 1 276 000 000 фунтов; при этом примерно 250 000 фунтов было истрачено на исследования, проводившиеся в Англии и Уэльсе, то есть одна пятитысячная часть! Сравним это с бюджетом Британской ассоциации исследований керамики, который составляет 294 000 фунтов с учетом правительственного гранта размером в 64 158 фунтов. Там, где на образование государством выделяется 20 000 фунтов, исследователи качества хлебопекарной продукции получают 28 000 фунтов, исследователи качества муки — 25 000 фунтов, разработчики новых видов трикотажа — 28 000 фунтов! Похоже, общество больше озабочено качеством керамики и трикотажа, нежели качеством образования, если судить по тем средствам, которые выделяются на исследования в этих областях. К настоящему времени расходы на образование возросли, однако это не коснулось финансирования исследований. Поистине ситуация напоминает поводыря слепых, который не только сам слеп, но и отказывается принять любую помощь! — *Прим. автора.*

Сложность всех факторов, касающихся подразделения учеников на «потоки», часто упускается из виду, особенно теми, чья позиция за или против продиктована лишь политическими соображениями; не будет преувеличением сказать, что нам просто неизвестно действительное положение дел. Рассмотрим хотя бы некоторые возникающие проблемы, которые могут оказать влияние на итоговый результат. 1) Очень важным является отношение учителя; учителя, одобряющие отбор учащихся, вряд ли будут эффективно работать в отсутствие отбора, и наоборот. 2) Средний уровень способностей, а также разброс способностей в группе равно важны: то, что справедливо для группы со средним невысоким уровнем способностей, может оказаться неверно для группы, которая включает как исключительно одаренных, так и отстающих детей. 3) Имеет значение социальный состав групп — то, что справедливо для выходцев из рабочего класса, может оказаться неверно для детей среднего класса, а также для любых групп, включающих и тех, и других в разных пропорциях. 4) Роль личности — интроверты, похоже, от подразделения на потоки выигрывают больше, чем экстраверты. 5) Учебные предметы — оказывается, что некоторые предметы более успешно преподаются в однородных группах, другие — в разнородных. 6) Возраст — нельзя утверждать, что если подразделение на потоки в одном возрасте оказывается эффективным, то и в другом будет то же самое. И это лишь некоторые из возможных проблем, другие касаются разнообразия критериев. Как нам судить о преимуществе той или иной системы — по результатам экзаменов? По уровню социальной адаптации детей? По складывающемуся у них на протяжении школьных лет отношению к представителям разных социальных классов? Или на основании еще какого-то из множества критериев, который вполне резонно может быть предложен как одна из целей педагогического процесса? Сам вопрос «Лучше делить детей по способностям или не делить?» теряет всякий смысл; прежде нам надо ответить на вопросы: «Лучше для чего?» «Лучше при каких условиях?» Проблемы образования — в том виде, в каком они обычно обсуждаются политиками, а также самими педагогами, — часто представля-

ют собой псевдопроблемы; им нельзя предложить разумного решения, и их обсуждение только накаляет атмосферу, но не приносит света. Лишь очень немногие социальные проблемы и вопросы просты настолько, что на них можно дать однозначный ответ «лучше или хуже»; большинство же очень непросты, так что предлагаемое решение может быть лучшим по одному критерию, но худшим по другому. Например, подразделение учащихся по способностям может привести к лучшим достижениям в изучении английского языка и математики для одаренных интровертов старше двенадцати лет, принадлежащих к среднему классу, при условии обучения в однополой аудитории учителем того же пола; оно же может иметь противоположный эффект при изучении истории для менее способных экстравертов младше двенадцати лет, происходящих из рабочего класса, при обучении учителем противоположного пола. Именно такие факты мы должны принять во внимание, прежде чем выносить суждение о желательности или нежелательности отбора, но как раз эти факты почему-то чаще всего во внимание не принимаются. В педагогических кругах мнения мечутся из одной крайности в другую, причем не на основании фактов, а на основании впечатлений, предпочтений, политических установок и чего угодно еще. Как мы можем доверять «специалистам», если отсутствуют те самые факты, знание которых делает человека «специалистом»? В настоящее время мы наугад принимаем решения, касающиеся образования наших детей, а не экспериментируем в подлинном смысле этого слова, поскольку не имеем надежных механизмов контроля за результатами. *Quem Deus vult perdere...*¹

Читатель может задаться вопросом: если объединение в группы детей с близкими IQ не улучшает результаты их обучения, то ради чего вообще следует практиковать отбор? Обратимся к фактам. В школы обычно поступают дети из окрестных районов; в школу, которая находится в рабочем районе, поступают преимущественно дети рабочих, а в школу, которая

¹Начало крылатого латинского выражения «*Quem Deus vult perdere, prius dementat*» — «Кого Бог хочет покарать, того он сперва лишает разума».

находится в районе, населенном средним классом, поступают в основном дети среднего класса. Стефен Вайзман в своей книге «Образование и среда» описывает некоторые различия, которые можно найти между этими школами. Представим двух одинаково способных учеников, один из которых (А) сильно выделяется в школе в бедном районе, где у 60—70% учащихся IQ ниже 85 (при нормальном значении 100). Другой (Б) — средний ученик в школе богатого пригорода, где слабые учащиеся составляют не более 5%. «Рассмотрим, насколько по-разному они проводят время. Первому приходится много времени проводить на уроках чтения, занятиях по освоению навыков грамотности и элементарных арифметических действий, да и на всех прочих уроках происходит формальное преподавание простейшего материала. Другой ученик, Б, довольно быстро осваивает чтение и арифметику и в дальнейшем активно использует полученные навыки для изучения литературы и математики. Его преимущество — в том, что у него появляется гораздо больше времени для занятий по-настоящему интересных и развивающих». К тому же скорее всего А ранее учился в начальной школе, где подавляющее большинство составляли слабые ученики и где учиться по-настоящему было в силу этого затруднительно. Б, вероятно, закончил начальную школу, в которой был избавлен от этих затруднений. Поэтому, что касается учебных достижений, А на всех этапах проигрывает Б просто в силу своего социального происхождения; вырвать его из его среды с помощью тестов IQ, а еще лучше — с помощью объективной оценки его специальных способностей, было бы наилучшим решением. Тут снова можно вспомнить о делении учеников на потоки сообразно их способностям, однако в школе неимущих может просто не найтись достаточно учеников, которые сформировали бы поток, соответствующий способностям А.

Эта проблема становится все более серьезной по мере того, как усиливается тенденция представителей одного социального статуса селиться по соседству с представителями другого и отправлять своих детей в местные школы; в США это привело

к тому, что были даже предприняты крайние меры — детей из одного района автобусом доставляют в другой, чтобы переломить наметившуюся тенденцию. Даже в современном Лондоне можно наблюдать нечто подобное. Двое моих детей ходили в разные средние школы, находившиеся неподалеку; один оказался в положении ученика, описанного ранее как А, другой — в положении Б. А ведь чтобы дать одаренным детям из рабочего класса образование, соответствующее их высоким способностям, их необходимо вырвать из порочного круга, и тесты IQ могли бы стать для этого хорошим средством.

Разумеется, кое-где используются и другие методы сохранения равновесия — такие, которые вряд ли придется по душе большинству британских родителей. Так, в ГДР (Восточной Германии) законом предписано, чтобы в средних школах высшего уровня (соответствующих английским грамматическим школам) не менее половины учащихся составляли дети рабочих и крестьян; такая же пропорция сохраняется и в университетах. Нимало не желая пропагандировать такой подход, я хотел бы привлечь внимание к тому факту (который вполне предсказуем с позиций генетических, но не средовых теорий IQ), что эта система при всей ее ущербности дает отличный результат в сравнении с системой Западной Германии (где дети рабочего класса во всей массе населения составляют 67%, но среди университетских студентов их всего 7%). На последней математической олимпиаде все три призовых места оказались заняты школьниками из стран по ту сторону Железного Занавеса, причем третье место заняла Восточная Германия, намного опередив Западную Германию, хотя население последней намного больше. Тут, разумеется, остается проблема — как дети рабочих в ГДР отбираются при поступлении в школы высшего уровня для поддержания баланса, однако на что я хотел бы обратить внимание — на то, как, используя способности детей рабочего класса, ГДР (чьей диктаторской практике правления я не имею ни малейшего желания оправдывать) сумела добиться формирования элиты, подготовка которой основана на принципе «равных возможностей для всех». Тестирование

IQ предоставляет нам более демократичную возможность проделать то же самое¹.

Может показаться, что до сих пор я настаивал на том, что тесты IQ являются хорошим средством выявления талантов там, где условия среды способны загубить потенциал одаренного ребенка; этому взгляду можно противопоставить то глубокое разочарование, которое нередко испытывали родители детей, не справившихся с экзаменом «11+», поскольку якобы эта искусственная преграда воспрепятствовала получению их ребенком желанного образования. Разумеется, не так понимал роль тестов IQ Годфри Томсон, и я считаю верным суждение профессора Вайзмана о том, что высокий показатель IQ является бесспорным свидетельством высоких способностей, тогда как низкий может объясняться множеством причин помимо глупости, то есть высоким показателям следует уделять больше внимания, чем низким. Пускай школьная успеваемость выражается оценками (желательно более объективными), но пусть тесты IQ используются для выявления одаренных детей, которые могут расти в среде, не соответствующей их способностям. Так называемые двоечники, безусловно, могут страдать различными личностными расстройствами и нарушениями, которые, даже несмотря на их высокие способности, вряд ли позволят им достичь успехов в учении, но гораздо чаще решающей оказывается роль среды и родителей, и объективное измерение IQ могло бы тут оказаться исключительно важным. И если общество отказывается таким образом использовать тесты IQ — тем хуже для общества. IQ всячески принижают и критикуют, часто безосновательно. Сам по себе этот коэффициент представляет собой просто научно обоснованную меру

¹Интересно отметить, что в Великобритании в послевоенные годы имела место наиболее высокая среди всех демократических стран Европы пропорция выходцев из рабочего класса, поступивших в университеты. Можно предположить, что хотя бы отчасти этот впечатляющий результат был обусловлен использованием тестов IQ для отбора на уровне средней школы. Любопытно посмотреть, будет ли достигнут подобный результат после отмены тестирования IQ. — *Прим. автора.*

кое-чего очень важного (хотя и не единственно важного!) как в сфере обучения, так и в жизни вообще; совсем другой вопрос — как используется эта мера, но на этот вопрос нельзя ответить (хотя так почему-то часто и делается), не зная, чем IQ является и чем не является, что он может и чего не может. Политические аргументы совершенно не годятся для серьезной дискуссии, и парадокс тут состоит в том, что социалисты, одержимые страстью к социальной справедливости, гневно отвергают единственный существующий инструмент, способный обеспечить достижение провозглашаемых ими идеалов.

Мое предложение переосмыслить отказ от тестов IQ не следует понимать так, будто я возражаю против замены различных типов школ единой массовой школой. Элис Гриффин показала, что катастрофические прогнозы в связи с переходом к единой школе не сбылись. В своих сравнительных исследованиях она выяснила: 1) в массовых школах Центральной Англии удалось создать стимулирующую среду для детей всех уровней способностей; 2) успеваемость по английскому языку не сильно различалась в разных типах школ; 3) одаренные ученики испытывали больше энтузиазма по поводу обучения в единой школе, чем в грамматической, причем особенно это касалось девочек; 4) удалось подтвердить гипотезу, касающуюся положительного влияния массовых школ на нравственную атмосферу. Конечно, в данной области нужны дополнительные исследования, поскольку результаты, полученные в одних школах, необязательно справедливы для других; хотя разные школы и носят одно и то же название, они могут сильно друг от друга отличаться.

Подводя итог сказанному, я должен заключить, что как наше капиталистическое общество, так и общество коммунистического типа порождают социальные классы; представители разных классов отличаются уровнем интеллекта, хотя определенное пересечение тут имеет место. Дети, принадлежащие к разным классам, также отличаются по своим способностям, хотя и в меньшей степени, чем их родители (согласно закону

регрессии к среднему, хорошо известному в генетике¹). Дети рабочих сталкиваются с затруднениями в учебе в связи с бедностью окружающей среды, а также в связи с установками их родителей, которые ценят образование гораздо ниже, чем это принято у среднего класса. Эти негативные внешние факторы не позволяют многим детям из рабочего класса получить образование, соответствующее их способностям; при этом нарушается социальная справедливость (равноправие в получении образования), и общество оказывается лишено многих талантов, которые ему жизненно необходимы. Тесты IQ помогают выявить нераспознанные таланты у слабо успевающих учеников и тем самым способствуют решению проблемы, которая иначе замалчивается. Какие особые меры должны быть приняты обществом, чтобы помочь этим детям преодолеть отставание, — этот вопрос остается открытым; возможно, необходима финансовая поддержка, которая вместе с их высоким IQ поможет преодолеть препятствия, которые иначе не осилить. Цель этой главы — привлечь внимание к проблеме обеспечения равных образовательных возможностей, а не предложить какие-то административные решения. Когда политики и деятели образования осознают роль тестов IQ в этом контексте, только тогда станут возможны серьезные общественные дебаты о необходимости тех или иных действий. И тогда, возможно, будет дан толчок исследованиям, которые позволят усовершенствовать существующие механизмы измерения и снизить степень погрешности, присущую измерениям такого рода. Без использования тестов IQ доступ в группы высокообразованных и высокооплачиваемых работников будет закрыт для многих способных детей из рабочего класса, тогда как эти места будут занимать люди средних способностей. Такой рас-

¹В ходе генетических исследований установлено, что для многих признаков, таких как рост и интеллект, взрослое потомство данного родителя отклоняется в меньшей степени от среднего значения для данной популяции, чем родитель, т. е. потомки «регрессируют» к среднему для популяции. Английский естествоиспытатель Фрэнсис Гальтон, заложивший основы психогенетики, этому наблюдению дал название «закон дочерней регрессии к посредственности», считая его фундаментальным законом наследственности.

цвет медиократии является социально несправедливым, губительным для общества и этически неприемлемым.

На эти суждения у многих людей находятся возражения, к которым следует прислушаться, хотя они логически непоследовательны и фактически не обоснованы. Некоторые в принципе против формирования какой бы то ни было элиты; из всех идеалов Великой Французской революции они больше всего превозносят равенство. Но равенство не следует понимать так, будто все люди от рождения наделены равными способностями, одинаково сильны и красивы, обладают здоровьем, сообразительностью и любыми иными качествами в равной степени. В таком случае все ученые были бы равны Ньютону и Эйнштейну, любой композитор мог бы написать симфонию не хуже Бетховена или оперу не хуже Верди, каждый боксер дрался бы как Демпси и Джо Луис; все мы могли бы петь как Карузо, были бы сексуально неотразимы как Рекс Харрисон или Мэрилин Монро, обладали бы силой Кассиуса Клея, ораторским даром Цицерона или Уинстона Черчилля, мудростью Сократа, кротостью Святого Франциска, интеллектом Бертрана Рассела, самоотверженностью борцов с авторитаризмом — вот тогда и можно было бы вести речь о всеобщем равенстве. Знаменитые слова о том, что все люди сотворены равными, на самом деле означают равенство всех перед лицом Господа, перед законом, равные гражданские права и обязанности, но вовсе не подразумевают отсутствие врожденных различий. Эти врожденные различия и составляют наше самое ценное достояние, именно они позволяют нам приспособляться к меняющимся обстоятельствам, выдвигая на первый план одни наборы генов и приглушая другие. Абсолютная идентичность гарантировала бы быстрый упадок и исчезновение человеческого рода, и мы должны быть благодарны природе за то, что представляем собой не толпу идентичных близнецов.

Иные склонны возражать против самой идеи наследственности, опираясь при этом не на научно установленные факты, а на отдельные жизненные примеры. Взгляните на этого ребенка! — восклицают они. Сама судьба не оставила ему ника-

ких шансов. Спившийся отец-уголовник, мать-проститутка, которая днем одурманена наркотиками, а ночами просто отсутствует; нищий дом без единой книги в нем, родительские побои по самому ничтожному поводу — так стоит ли удивляться, что IQ этого ребенка низок, и учится он плохо? Давайте рассмотрим этот пример бесстрастно — оставив наши эмоции на то, чтобы что-то предпринять ради улучшения жизненных условий таких детей, которые встречаются даже в самом высокообразованном обществе. Я совсем не имею в виду, что такие усилия предпринимать не следует; напротив, им необходима гораздо большая финансовая и юридическая поддержка, чем имеется в наши дни. Я лишь хочу привлечь внимание к фактору наследственности, который в подобных случаях нельзя игнорировать. Если протестировать родителей таких детей, то обычно выясняется, что их IQ — порядка 70—80, и с учетом такой наследственности можно почти не сомневаться, что дети в таких браках будут иметь способности ниже средних, будут плохо учиться в школе и никогда не достигнут интеллектуальных высот ни в юности, ни в зрелые годы. Неблагоприятные обстоятельства, в которых вынужден расти такой ребенок, это всего лишь условия; они могут еще более ухудшить его состояние, но было бы неверно только обстоятельствами все и объяснять. Есть множество детей, которые родились в подобных семьях, но которые тем не менее выполняют тесты IQ лучше, чем дети из благополучных семей, взращенные в любви и заботе; и как, спрашивается, эти противоположные примеры объяснить с точки зрения влияния среды? Примеры того, когда и наследственность, и среда влияют на развитие ребенка в одном и том же направлении, не могут помочь нам сделать выбор из двух обсуждаемых теорий; вот когда наследственность и среда действуют в разных направлениях, ситуация становится действительно интересной. Недалекие родители способны обеспечить своим детям лишь скудные условия развития, однако они могут нести в своих генах такой богатый потенциал, который никогда не продемонстрируют сами; одаренные дети, воспитанные малоспособными родителями в скудных условиях, своим примером подтверждают значение наследственности.

Отчасти обоснованы возражения психиатров, социальных работников и педагогов, которые работают с обездоленными детьми и которые утверждают, что просто не могут поверить, будто интеллект лишь на 20 или 25% определяется условиями среды. Но не будем забывать, что эти цифры отражают усредненные данные для популяции в целом; то, что верно как средний показатель, необязательно справедливо в отношении отдельного индивида. Тот факт, что рост среднестатистического англичанина составляет 5 футов 10 дюймов, не означает, будто не бывает гигантов 7 футов ростом или коротышек в 4 фута; аналогично в отдельных случаях влияние наследственности может быть гораздо меньшим, чем на то указывают средние цифры, а в других случаях меньшее значение может играть среда; по совокупности всех этих отдельных случаев и выводится среднее значение. Именно дети первой категории привлекают основное внимание психиатров, социальных работников и клинических психологов, и для этой весьма не представительной категории в популяции средние данные оказываются не показательными. Это не означает, что эти данные не верны; просто мы должны обращаться с ними аккуратно и не пытаться делать выводов, которые не опирались бы на факты. В отдельных случаях — довольно редких в абсолютном исчислении, но достаточно частых, чтобы их спокойно игнорировать, — факторы среды столь сильны, что в значительной степени определяют отсталость ребенка, и ни один генетик не станет этого отрицать. Но это еще не повод выплескать младенца вместе с грязной водой и позволить себе допущение, будто наследственность не играет роли в умственных способностях всей популяции; в науке отдельными примерами нельзя опровергнуть общие закономерности.

В то же время нельзя не признать, что существуют такие примеры, которые оказываются даже более убедительными, чем целый массив научных данных. По этой причине я завершу данную главу описанием отдельного случая, который исключительно показателен. Этот случай представляет собой подлинную и детально зафиксированную историю, которая наглядно иллюстрирует, как ребенок может вырасти в крайне

неблагоприятных условиях и не только не пострадать от них, но и стать одним из выдающихся умов своего времени, а также как эти чудовищные условия не помешали ему стать поистине великим человеком — не только в научном, но и в гуманистическом смысле. Я считаю, что эта история очень важна и заслуживает того, чтобы стать широко известной, — по крайней мере ради того, чтобы сторонники решающего влияния среды учитывали ее в своих рассуждениях.

Герой нашего повествования родился в годы Гражданской войны. Он был сыном Мэри, чернокожей рабыни, которая была собственностью Мозеса и Сьюзан Карвер, фермеров из штата Миссури. Мэри была вдовой и имела еще двоих детей — Мелиссу и Джима; новорожденный Джордж был самым младшим. В 1862 году шайка бандитов в масках, которая грабила окрестные фермы и угоняла рабов, напала на ферму Карвера. Рабы успели спрятаться, а Мозес даже под пытками отказался указать их укрытие. Однако через несколько недель бандиты явились снова. На этот раз Мэри с детьми не успела спрятаться, и налетчики увели ее вместе с Мелиссой и Джорджем в холодную зимнюю ночь. Мозес помчался им вслед, но вернуть ему удалось только Джорджа, — бандиты оставили малыша случайно встретившейся им женщине, заявив, что он не стоит ломаного гроша. Жена Карвера Сьюзан постаралась вылечить ребенка от простуды, которую он подхватил морозной ночью, однако оказалась не в силах избавить его от тяжелого заикания, ставшего следствием острых травматических переживаний. Мальчика стали звать Карверов Джордж (то есть принадлежащий Карверам); какова была его настоящая фамилия (если это вообще имело значение для раба) — неизвестно.

После окончания войны рабы получили свободу, но Джордж и Джим остались жить у Карверов. Джим был достаточно крепким, чтобы пасти овец и исполнять другую работу на ферме; Джордж был худеньким и слабым, его обязанности ограничивались помощью по дому. На досуге он любил гулять по лесу, рассматривать растения и насекомых. Так он постепенно стал знатоком живой природы. Его никто ничему не учил, но он сам научился ухаживать за цветами и стал непло-

хим садовником. Он был уже достаточно большим, когда в одном из домов по соседству впервые в своей жизни увидел картину; он вернулся домой воодушевленный, выжал сок из разноцветных ягод и этими самодельными красками разрисовал скалу. В округе его звали «цветочный доктор» — несмотря на свой юный возраст он готов был оказать помощь любому в уходе за садом.

Неподалеку от фермы находилась однокомнатная избушка, которая в будни использовалась как школа, а по выходным — как церковь. Когда Джордж узнал о ее существовании, он попросил у Мозеса Карвера разрешения отправиться туда учиться. На это он получил ответ, что негры в эту школу не допускаются. Джордж не сразу оправился от потрясения, которое испытал от этой новости. Сьюзан Карвер поддержала его — где-то раздобыла старый букварь, по которому он с ее помощью выучился грамоте. Потом он разузнал, что в городке Ниошо, в восьми милях от фермы, есть школа, в которую принимают негритянских детей. Низкорослый, шуплый, страдающий тяжелым заиканием, он отправился в Ниошо в надежде найти работу, которая позволила бы ему там жить и учиться. Четырнадцатилетний паренек нашел приют в доме чернокожей прачки. «Этот мальчик рассказал мне, что он пришел в Ниошо, чтобы узнать, откуда берется снег и град и может ли человек изменить цвет цветка, как-то обработав его семя. Я ответила ему, что ему не узнать этого в Ниошо. Вряд ли даже в Канзас-Сити. Но я сразу поняла, что рано или поздно он это узнает». Это слова Марии, прачки. Она же велела ему зваться Джорджем Карвером — негоже человеку зваться Карверов Джордж! Под этим именем он и был принят в Школу имени Линкольна для цветных детей, где преподавал единственный учитель, молодой негр.

В зимнюю пору Джордж много болел, но старался взять от школы все, что она может ему дать. Полностью впитав этот небольшой ресурс знаний, он перебрался в Форт Скотт; последние десять лет он кочевал из школы в школу, зарабатывая на жизнь поденным трудом. Все свободное от работы время он отдавал учебе. Жизнь его не была ни легкой, ни беззаботной, а

травмы, которые ему пришлось пережить, заставили бы метаться в кошмарах любого психоаналитика. Однажды он стал свидетелем линчевания — толпа поймала негра, заподозренного в каком-то проступке, вымазала его мазутом и бросила в костер. В ту пору в стране, считавшей себя оплотом христианской морали, это было обыденным делом; тем не менее Джордж глубоко уверовал и примкнул к пресвитерианам.

В возрасте 18 лет он перебрался в Миннеаполис вместе с пожилой негритянской четой, с которой подружился в своих странствиях; здесь он поступил в среднюю школу, а также взял себе второе имя — Вашингтон, чтобы его не путали с другим Джорджем Карвером. К тому времени его брат Джим умер от оспы — Джим, который так и не научился читать и писать и никогда не имел никаких познавательных интересов. Но вскоре пришла и хорошая новость — Хайленд Колледж, основанный пресвитерианской общиной в Канзасе, объявлял набор юных единоверцев. Истратив последние гроши, чтобы туда добраться, Джордж, преисполненный надежд, предстал перед директором колледжа — чтобы услышать: «Негров не берем!» Отчаявшись, он отказался от безнадежной борьбы, арендовал в глуши участок в 160 акров, выстроил на нем убогую хижину и стал фермерствовать. Два года он один на один боролся с природой, без чьей-либо поддержки и без всяких средств. Но постепенно к нему вернулось присутствие духа, он снова начал читать и рисовать, и в конце концов покинул ферму и вернулся к цивилизации — вернее к тому, что считалось таковой в ту пору в тех краях. В конце концов он поступил в Симпсон Колледж в Индианоле, несмотря на то что принимали туда почти исключительно белых. На жизнь он зарабатывал тем, что организовал что-то вроде маленькой прачечной и стирал другим студентам их одежду. Он проявлял незаурядные художественные способности, и однажды учительница рисования показала одну из его работ (рисунок кактуса, который он сам вывел) своему отцу, профессору садоводства в Сельскохозяйственном колледже Айовы в Эймсе. Профессор заинтересовался не столько рисунком, сколько тем, что было на нем изображено; он был наслышан об экспериментах молодого негра с расте-

ниями и предложил ему поступить в своей колледж. Джорджу к тому времени уже было 30 и он жаждал поделиться с людьми тем, чему научился. Сельское хозяйство было для этого хорошим выбором, и он решил поступать в колледж. В конце концов нелегкими трудами он добыл степень бакалавра в 1894 г. — в возрасте 32 лет.

С этого момента его карьера стремительно пошла вверх, но с нашей точки зрения его история, пожалуй, утрачивает интерес. (Она достаточно хорошо описана в книге Лоуренса Эллиота «Не ради славы и богатства».) Его заметил и пригласил к себе ассистентом знаменитый ботаник, специализировавшийся в микологии (науке о грибковых организмах), и в этой области он стал авторитетом. Научный мир был им покорен, но тут он получил письмо от Буккера Т. Вашингтона, выдающегося негритянского лидера тех дней. Вашингтон пытался организовать образовательное учреждение для негров, но столкнулся с неожиданной проблемой. «Эти люди не искусены в сельском хозяйстве, и сам я в этом не разбираюсь. Я обучаю их чтению, письму и ремеслам. Но мне нечем их накормить». И он писал Джорджу Карверу, жившему в 800 милях от него: «Я не могу обеспечить вам хороший заработок, высокую должность и славу. Первое и второе у вас уже есть. Учитывая ваше нынешнее положение, и третье вы, вне сомнения, приобретете. Но я прошу вас от всего этого отказаться. Вместо этого я предлагаю вам труд, тяжелый труд, цель которого — вывести людей из нищеты и убожества, помочь им обрести себя».

Он принял это предложение, и его героическая борьба за то, чтобы построить институт практически на пустом месте, стала блестящей страницей в истории негритянского народа Америки. Ему удалось изменить обычаи ведения сельского хозяйства и привычки питания на Юге; он разработал самодостаточную систему выращивания и приготовления продуктов питания, позволившую неграм (а также и многим белым!) вырваться из безнадежного состояния нищеты и голода, порожденного их собственным невежеством. Помимо этого, он преподавал, занимался административной деятельностью, высту-

пал с публичными лекциями, а также находил время на яркие и по-настоящему глубокие научные исследования — он выступил одним из пионеров научного направления, ныне известного как агрохимия. Вся индустрия производства земляных орехов в Америке построена на основе его работ; в современной Америке земляной орех — шестой по значимости продукт сельского хозяйства, не говоря уже про сотни видов продуктов, изготавливаемых на его основе. Карвер был одержим идеей переработки сельскохозяйственных и промышленных отходов в полезные изделия и продукты, и эта его новаторская идея ныне широко признана и считается его важнейшим вкладом в мировую экономику.

Количество его открытий и изобретений неисчислимо; в своей области он был не менее продуктивен, чем Эдисон. Он много раз мог бы стать миллионером, но никогда не брал денег за свои открытия. Он также отказался от повышения жалования в 125 долларов в месяц (500 фунтов в год)¹, изначально предложенного ему Вашингтоном. (Отказом ответил он и на предложение Эдисона о сотрудничестве с минимальным окладом в 100 000 долларов в год.) Он умер в 1943 году, ему было уже за 80. Его кончину оплакивала вся страна. Газета «Нью-Йорк Геральд Трибьюн» писала: «Как всем известно, доктор Карвер был негром. Но он сумел триумфально преодолеть все препятствия на своем пути. Наверное, в нашем столетии никому не удалось в такой же мере, как ему, способствовать межрасовому взаимопониманию». Ему всегда были чужды уныние и злость, несмотря на притеснения, с которыми он сталкивался, как и все негры. «Никто не в силах унижить меня настолько, чтобы я его возненавидел», — говорил он. Эпитафия на его могиле гласит: «Он заслужил богатство и славу, но, не заботясь ни о том, ни о другом, нашел свое счастье и достоинство в служении людям».

Эта история выдающегося ученого и великого человека поднимает одну очень важную проблему. Каждый год амери-

¹Переводя доллары в фунты стерлингов, автор оперирует курсами валют 1972 г. И в начале XX в., и в наши дни соотношение получилось бы существенно иное.

канские колледжи и университеты выпускают десятки тысяч агрономов, биологов, биохимиков и других специалистов во всех тех областях, в которых работал Джордж Карвер. Каждый из них имеет за своими плечами происхождение, образование и поддержку, в сравнении с которыми то, чем располагал Карвер, может считаться просто мелочью. Его отец умер еще до его рождения; мать похитили, когда он был совсем маленьким; он родился чернокожим рабом в южной глухомани, болезненным и слабым; воспитывался белыми людьми, которые сами были едва грамотны, в убогом домишке, где не было почти ни одной книги; лишенный возможности учиться в хороших учебных заведениях, он вынужден был сам осмысливать случайно схваченные крупинки знаний, при этом постоянно голодая и зарабатывая гроши самым тяжелым и грязным трудом, который только можно вообразить; постоянно сталкивался с унижениями и оскорблениями из-за своего цвета кожи; страдал сильным заиканием, вызванным тяжелой душевной травмой в раннем возрасте; постоянно сталкивался с отказами и препятствиями в своих попытках получить образование — в наши дни такой букет незадач трудно и представить, даже при том, что и сегодня образование негритянских детей в США оставляет желать лучшего. А если взять для сравнения благополучных белых мальчиков и девочек, чьи улыбающиеся лица украшают фотографии выпускных церемоний американских университетов и колледжей, да еще учесть все преимущества современного образования! А ведь все эти преимущества в большинстве случаев суммируются с благополучным счастливым детством под опекой заботливых и любящих родителей.

С позиций гипотезы о решающем влиянии среды каких поразительных достижений следовало бы ожидать от этих юных дарований! Безусловно, мир должен был бы преобразиться вследствие их открытий — многократно более продуктивных, нежели попытки нищего, полуобразованного негритянского мальчика, лишенного семьи! Однако опыт свидетельствует, что из этих десятков тысяч благополучных ребят едва ли хоть один добьется даже малой доли того, что удалось самоучке Джорджу Вашингтону Карверу. А ведь ему удалось!

И тут неизбежно возникают серьезные сомнения: если влияние среды столь всесильно, так как в таких удручающих условиях мог сформироваться такой великий человек и выдающийся ученый, тогда как наилучшие из условий, которые можно представить, и наилучшее образование, которое можно получить за деньги, год от года производят толпы посредственностей, среди которых оказывается лишь несколько маломальски стоящих специалистов?

Или сравним физические ресурсы, которыми располагал Карвер, и те, которые доступны любому современному студенту. Когда Карвер по приглашению Букера Т. Вашингтона прибыл в Институт наук и ремесел в Тускиги, перед ним предстало жалкое зрелище. Институт размещался в убогом бревенчатом доме без всяких удобств. «Ваш факультет существует только на бумаге, — сказал ему Вашингтон, — и вашей лаборатории придется размещаться в вашей голове». Он отправил своих учеников собирать порожнюю посуду и металлолом, которые можно было найти на свалке ближайшего городка. Из этого мусора он мастерил оборудование для своих исследований и лабораторных работ. А для сельскохозяйственных экспериментов (которые, как предполагалось, в итоге должны были их кормить!) оказался отведен «самый никчемный участок земли в Алабаме», не было ни крошки удобрений! Как контрастируют со всем этим возможности, доступные современному студенту, — богатые библиотеки (в Тускиги вообще не было ни книг, ни журналов по тем областям знания, которые интересовали Карвера, не говоря уже про помещение для них!), любая аппаратура и оборудование, опытные участки для экспериментального земледелия, современные удобрения, квалифицированная помощь и все финансовые ресурсы крупного университета. При этом некоторые студенты жалуется, что не имеют личного доступа к терминалам ЭВМ!

Тут может возникнуть возражение, что именно трудности и невзгоды, с которыми столкнулся Джордж Карвер, и стали причиной его выдающихся успехов; именно они его закалили. «Нынешней молодежи все достается слишком легко, нужно приучать их самих заботиться о себе». Означает ли это, что на-

шим школам надо вернуться в бревенчатые хижины, что детям в школьные годы надо самим зарабатывать себе на пропитание и лучше их с малолетства полностью изолировать от родителей и заставить самих себя обеспечивать? Добавим к этому обязательные притеснения в связи с цветом кожи ребенка, и абсурдность всей гипотезы станет окончательно очевидна. Но так или иначе все это не относится к брату Джорджа, Джиму — тот рос в столь же ужасных условиях, однако так и не выучился ни читать, ни писать, стал пастухом и никогда не проявлял хотя бы средних умственных способностей. Огонь топит воск, но закаляет сталь. Но не означает ли это бесспорное изречение, что воск и сталь различаются по своему существу?

Ранее я говорил, что отдельные случаи не могут служить доказательным основанием для научных выводов. Однако они могут стать хорошей иллюстрацией, примером, на котором сторонники той или иной теории могут опробовать силу своих аргументов. Полагаю, убежденным сторонникам решающего влияния среды данный орешек может оказаться не по зубам — тем более, что это далеко не единственный среди подобных примеров; среди выдающихся ученых, художников, музыкантов, литераторов, полководцев можно насчитать немало выходцев из самых обездоленных семей, которые не получили ни хорошего образования, ни даже должного родительского ухода, но вопреки этому достигли таких высот, что достойны искреннего восхищения и уважения. В среде, в которой росли эти дети, невозможно найти ничего, что могло бы служить причиной их успехов.

Но вернемся к более серьезному вопросу. Существует достаточно простой способ проверить гипотезу о влиянии среды. Попросите сторонников этого подхода четко определить те условия, которые необходимы, чтобы сформировать личность масштаба Джорджа Вашингтона Карвера; пусть эти условия будут обеспечены случайно подобранной выборке из, скажем, сотни детей. Пускай другой сотне будут созданы условия, которые считаются неблагоприятными. (Дабы избежать обвинений в жестокости, давайте условимся, что все 200 детей будут избраны из такой среды, условия в которой даже хуже тех, что

признаны нами неблагоприятными; таким образом, все дети окажутся в выигрыше, просто непропорционально). Проследим за этими детьми на протяжении 70 лет и выясним, сколько из первой группы достигли уровня Карвера или хотя бы приблизились к нему; сравним эти данные со второй группой. Найдется ли такой читатель, который усомнится в полном провале такого эксперимента, — ни в той, ни в другой группе скорее всего не появится ни одного гения, а возможно, даже и третьесортного ученого местного масштаба! Истина — и это подтвердит любой честный педагог — состоит в том, что нам неведомы аспекты внешних влияний, способные принципиально изменить состояние ребенка, которого мы хотели бы вывести из состояния отсталости; нам лишь до некоторой степени известны отдельные условия, способные вызвать небольшое отставание, но даже тут мы можем ошибаться — как в случае Джорджа Вашингтона Карвера. Вера в решающую роль среды — это религия, а не научная теория, опирающаяся на неопровержимые факты; ее приверженцы не в состоянии представить никаких приемлемых свидетельств, когда реальное управление условиями приводит к лучшим результатам. И пока они не смогут этого сделать, все их аргументы будут отвергаться серьезными учеными.

Мы довольно далеко отклонились от начала нашего рассуждения, однако значение сказанного вполне очевидно. Люди сотворены неравными по своим способностям, темпераменту, личностным качествам; благополучие и само выживание общества зиждется на тех, чьи способности наиболее велики. Одаренных людей очень немного, и мы не можем себе позволить пренебрегать этим ценнейшим ресурсом. Общество сильно выиграет, если направит соответствующие усилия и средства на распознавание в самом раннем возрасте тех, чьи способности позволят им стать интеллектуальными лидерами, если оно окажет им поддержку на пути к вершинам и постарается всячески смягчить и обезопасить этот путь. Это ни в коем случае не должно вылиться в пренебрежение нуждами всех остальных детей; их обучение недопустимо урезать и обеднять. Примером того, что я имею в виду, могут служить состязания юных даро-

ваний, популярные ныне в Америке; десятки тысяч подающих надежды ребят вступают в состязание, и добившиеся наивысших успехов удостоиваются последующей поддержки; избранные таким образом наверняка исключительно одарены, хотя судить об их гениальности, пожалуй, несколько рановато. Казалось бы, почему не доверить этот выбор судьбе — ведь не помешала же она Карверу преуспеть? Но это было бы недопустимо расширительным обобщением одного уникального примера; вовсе не имеется в виду, что влияние среды не играет никакой роли в развитии способностей. Такое допущение было бы полной ерундой; даже те 20 или 25 %, которые мы отвели факторам среды в формировании индивидуальных различий, — это очень существенная часть. Ни один генетик никогда не сбрасывал со счетов влияние среды; сами понятия генотипа и фенотипа указывают на роль сочетания внутренних и внешних факторов в развитии.

Утверждение о том, что нам неизвестно, каким образом организовать среду для формирования гения, не следует трактовать как педагогический нигилизм. Мы сумели организовать свое общество таким образом, что существует вполне определенный путь от низов к верхам; на этом пути воздвигнуты некоторые барьеры. Эти барьеры соответствуют целям состязания; дети должны научиться читать и писать, прежде чем поступят в среднюю школу, должны освоить навыки вычислений, прежде чем поступят на математическое отделение университета. Но есть и немало искусственных ограничений; детям, происходящим из семей среднего класса, во многих отношениях оказывают предпочтение учителя, сами происходящие из того же класса; так что некоторые участники состязания имеют явные преимущества. Те, кто желал бы отказаться от самой идеи интеллектуального превосходства, хотели бы упразднить и всякие состязания; но это выглядит утопией, недостижимой в наши дни. Те же, кто желает установления подлинно справедливого порядка, предлагают ввести объективные измерения способностей, дабы устранить несправедливый дисбаланс и нивелировать преимущества, которые отдель-

ные дети имеют в силу социального статуса и достатка своих родителей и прочих факторов, не имеющих отношения к делу. Медиократия, то есть господство посредственности, ведет к стагнации и упадку; меритократия, то есть господство самых способных, гарантирует, что лозунг «от каждого — по способностям» не останется пустой декларацией. Опыт свидетельствует, что тесты интеллекта помогают приблизиться к идеалам естественной справедливости; они не могут всецело решить эту проблему, но на это никто никогда и не претендовал.

Какие же выводы следуют из этого довольно острого обсуждения? Те, кто критикует идеи меритократии, так внятно и не изложили, что же представляется им желательной альтернативой; и это совершенно естественно, потому что их идеалы страдают недостатками любой утопии — для них требуется совсем не такая человеческая раса, которая в действительности существует. Если бы люди в самом деле были созданы равными по своим способностям, темпераменту и прочим личностным качествам, то было бы резонно относиться к ним одинаково, а лидерские позиции распределять в лотерею или иным случайным способом. Но действительность не такова, и вряд ли возможно отказаться от необходимости элиты, а когда элита избирается не на должных основаниях вроде способностей, образования и личностных достоинств, то тогда такой выбор осуществляется на негодных основаниях вроде аристократического происхождения, родственных связей и знакомств. Не формируем же мы нашу футбольную или теннисную сборную наугад из случайных игроков в парке! Мы тщательно отбираем подающих надежды молодых людей, отсеивая тех, чьи способности явно недостаточны, и организуем для избранных специальную подготовку. Потом снова и снова происходит отбор тех, кто в наибольшей мере оправдывает надежды в национальных состязаниях, пока наконец не сложится настоящая элита, положение в которой четко ранжировано по способностям и достижениям. Из этих немногих избранных в конце концов и формируется сборная команда. Стали бы мы смотреть финальный матч национального чемпионата, если бы обе

команды были не выше средних способностей? Стали бы смотреть Олимпийские игры, если бы на них состязались не лучшие из лучших, отобранные каждый в своей стране? Неужели политика, наука и искусство менее важны, чем спорт? Допустимо ли пренебрегать талантами, которые могли бы сказать свое веское слово в этих областях? Неужели это отвечает национальным интересам? Да и справедливо ли это в отношении тех, кто наделен особым талантом?

Можно лишь посочувствовать тем, кто унаследовал низкий интеллект, не обладает особыми способностями ни в какой области, чья личность слабая и неинтересная. Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы помочь таким людям достичь максимума того, на что они способны, — не принуждая их против желания к тому, что, по нашему мнению, было бы им полезно. Но мы не должны ограничивать возможности образования для самых способных на том основании, что другие менее способны. Намеренное культивирование посредственности, когда люди яркие и одаренные задвигаются в тень ради продвижения середняков, кажется мне отвратительным. Более того, это противоречит принципу, упомянутому в начале главы. Этим неотъемлемым правом обладают не только глупые, но и умные! Сочувствие к слабым и убогим — достойно и благородно, это отличительный признак развитой цивилизации. Но это не должно оборачиваться отрицанием способностей и талантов. В меритократии нет ничего плохого, если элита действительно формируется по заслугам; противоположность ей — не прекрасная Утопия, а страна посредственностей, посредственно управляемая посредственностями; страна, где искусством называют телесериалы и где наука служит для мелких технических усовершенствований. Боюсь, что до такой медиократической утопии не так уж далеко. Наверное, настало время меритократии заявить о себе. Пока не поздно!

Глава 5

Парадокс социализма: социальные установки и общественные классы

Установки — весьма интересный аспект личности; мы склонны считать, что наши установки формируются на рациональной основе, однако порой крайне эмоционально реагируем, если кто-то их задевает. Мы склонны так переживать по поводу наших установок (религиозных, социальных, политических), что бываем просто неспособны понять смысл возражений против них, настолько мы ослеплены нашими предубеждениями и предрассудками. В моем опыте было весьма болезненное столкновение с такими эмоциональными реакциями на чисто рациональное, бесстрастное сообщение о некоторых выявленных мною эмпирических данных, которое я сделал на собрании Британской ассоциации в поддержку науки в Брайтоне вскоре после войны. Мною было проведено исследование антисемитских установок, и в ходе моего доклада я представил конкретные данные о том, что люди, придерживающиеся консервативных взглядов (точнее, голосующие за консерваторов), чаще отвечали на мои вопросы в антисемитской манере, чем настроенные менее консервативно (точнее, голосующие за лейбористов). В ходе дискуссии, которая затем последовала, с места поднялся известный ученый-еврей и поинтересовался, не свидетельствует ли тот факт, что среди Нобелевских лауреатов очень много евреев, об интеллектуальном

превосходстве евреев над другими группами. (Нечто подобное недавно заявил лорд Сноу в своей публичной лекции в Америке — будто евреи обладают неким особо ценным генофондом.) На это я ответил, что тут должны быть учтены два соображения. Во-первых, достижения такого рода имеют ряд источников; прирожденное превосходство может быть одним из них, однако существуют и иные варианты — например, традиционная для евреев любовь к учению; антисемитизм, заставляющий евреев упорнее трудиться, чтобы занять достойное положение в науке, а также иные чисто внешние факторы. Иными словами, факты довольно интересные, однако в отсутствие бесспорных доказательств (к примеру, еврейские дети вовсе не превосходят других в выполнении тестов интеллекта) высказанная гипотеза не кажется мне правдоподобной. Во-вторых, евреи — это прежде всего религиозная, и лишь потом национальная группа; именно Гитлером и его приспешниками-антисемитами была выдвинута теория, будто евреи являются особой расой в биологическом смысле. Лишь относительно расы можно утверждать, что она имеет генофонд, отличный от других рас, но вовсе не о религиозной группе, проживающей среди других групп. Таким образом упомянутое выступление невольно подразумевало, что Гитлер был прав в своих абсурдных биологических спекуляциях, и евреи действительно являются особой расой (с чем ни один современный биолог не согласится).

Последствия моего доклада и дискуссии, мельком упомянутых в газетах, оказались поистине поразительными. На меня обрушился шквал гневных посланий. Половина из них были от брайтонских консерваторов, которые сожалели, что гитлеровцы не успели расправиться со мной прежде, чем я бросил свои гнусные обвинения в адрес их партии. Другая половина — от брайтонских евреев, заявлявших, что мне не следовало покидать гитлеровскую Германию, мою духовную родину. Обратите внимание, что я лишь излагал факты; мои личные мнения в докладе не были высказаны вообще. Тем не менее простое упоминание некоторых фактов вызвало бурю, которая не

стихала довольно долго. Для психолога установки представляют собой ментальные привычки, наподобие привычки играть в гольф или болеть за «Челси». Привычки очень нелегко меняются, и попытки добиться таких перемен нередко наталкиваются на ожесточенное эмоциональное сопротивление; в силу этого психологу, пожалуй, не следовало бы удивляться такой резкой реакции.

Тем не менее я продолжил исследование социальных установок и наконец опубликовал их результаты в книге «Психология политики». Я наивно полагал, что эта книга станет хорошо продаваться и приобретет популярность в силу того, что в ней представлены довольно интересные и неожиданные открытия. Вначале мною была выдвинута гипотеза о том, что широко распространенные представления, будто политические установки располагаются на одной оси от левых до правых, являются ошибочными, и требуется еще одно измерение для сбалансированного понимания того, что люди на самом деле думают. Протестировав несколько разных выборок с помощью опросников установок — от религиозных до политических, от этических до сексуальных, — я выяснил, что действительно все эти выборки подразделяются, помимо параметров «левый-правый», «радикальный-консервативный», — еще по одной оси, которую я назвал «жесткий-мягкий», следуя тому подразделению, которое Уильям Джемс предпринял в отношении философских позиций. Я расценивал это второе измерение как своего рода проекцию личности на социальную сферу, когда интроверты в основном придерживаются достаточно мягких позиций, а экстраверты — жестких. Социальные и политические установки таким образом подразделяются на четыре квадранта: радикальные взгляды могут быть жесткими (антирелигиозными, анархистскими) или мягкими (пацифистскими, толерантными), аналогично консервативные взгляды могут быть жесткими (ксенофобскими, репрессивными) или мягкими (религиозными, традиционными). Некоторые установки могут быть «чисто» радикальными или консервативными, например, «частная собственность должна быть отменена»

или «национализация неэффективна»; не существует чисто мягких или жестких социальных установок, поскольку эти проекции личностных качеств должны быть поляризованы на оси «правый-левый». Мне действительно удалось получить некоторые данные, подтверждающие гипотезу о корреляции жесткости и мягкости с особенностями личности, — экстраверты оказались склонны к жестким позициям, интроверты — к мягким. Кроме того, во второй главе книги приводились и некоторые дополнительные данные; вспомним, что либеральные (мягкие) сексуальные установки присущи экстравертам, тогда как интроверты в основном придерживаются традиционных сексуальных и религиозных установок. Тем не менее в целом картина, хотя и несколько упрощенная, представала такой, как и предполагалось.

Я пошел даже дальше и попытался вписать в общую картину ныне существующие политические партии. Вместо того чтобы рассматривать их в одномерном линейном континууме с коммунистами слева, лейбористами и либералами в центре, консерваторами правее и фашистами как крайне правыми, я представил эту картину в виде своеобразной подковы, где коммунисты находятся в радикальном жестком квадранте, а фашисты в консервативном жестком квадранте, образуя концы этой подковы. На вершине подковы, то есть в мягкой позиции, средней между правыми и левыми, оказались либералы; лейбористы и консерваторы соответственно разместились слева и справа, не тяготея ни к мягкости, ни к жесткости. Чтобы проверить эту схему, я на больших выборках выявил социальные установки последователей этих различных партий, то есть людей, которые либо непосредственно являлись их членами, либо по крайней мере голосовали за них на последних выборах. В некоторых случаях возникли затруднения с выявлением самих сторонников коммунистической и фашистской партий; моей сотруднице Тельме Култер, которая впоследствии была при невыясненных обстоятельствах убита на улице неизвест-

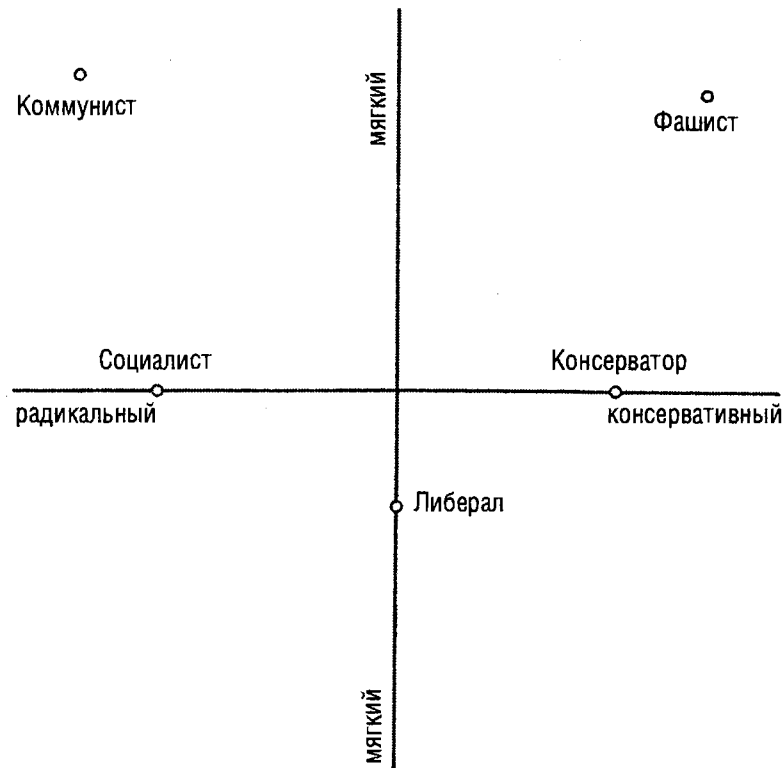

Схема 11. Диаграмма трех гипотез, касающихся структуры установок, которые отражают позиции разных политических партий.

ными, пришлось всеми правдами и неправдами вступить в обе эти партии, чтобы найти контакт с их членами. Так или иначе, полученные в итоге данные вполне подтвердили выдвинутую гипотезу, а данные, собранные в среде коммунистов и фашистов, также позволили заключить, что обеим этим группам присуща повышенная агрессивность — явная в случае фашистов и скрытая в случае коммунистов.

Факты были настолько самоочевидны, что их интерпретации даже и не требовалось; это очень ценно для научного исследования, так как позволяет минимизировать опасность из-

быточных или, что еще хуже, ложных интерпретаций. В силу этого я был почти уверен, что, когда книга выйдет, критикам практически не к чему будет придраться. И я сильно ошибся! Итоги моих предшествовавших выступлений против фрейдизма должны были бы послужить мне предостережением: любые критические высказывания против устоявшейся доктрины, пускай даже безупречно подтвержденные экспериментальными данными, немедленно встречают ожесточенные нападки, направленные главным образом на автора, а не на его рассуждения. В «Психологии политики» я невольно задел еще одного великого пророка девятнадцатого века — самого Карла Маркса, и его последователи немедленно на меня набросились. Главная их претензия состояла в том, что я классифицировал коммунизм по тем же основаниям, что и фашизм, и бесполезно было оправдываться, что мои заключения опираются на факты. К критике присоединились и советские психологи, которые (вполне естественно) сочли мою книгу подрывной и «реакционной», хотя прежние мои работы, посвященные личности и поведенческой терапии, расценивались ими как «механицизм крайне левого толка».

В моей книге «Психология политики» я подверг анализу популярную теорию «благородного дикаря», которая восходит к идеям Руссо. Многим людям свойственно убеждение, будто первобытный человек был более естественным (что, вне сомнения, справедливо в самом тривиальном смысле этого слова); ставя знак равенства между естественностью и благородством нашей природы, эти люди приходят к заключению, что цивилизация приводит к утрате первобытного благородства, упадку человеческих нравов и прочим противоестественным симптомам. Знакомство с примитивными племенами в целом не подтверждает эту точку зрения: есть племена благородные и миролюбивые, есть кровожадные — так или иначе не существует универсального природного благородства, которое можно было бы отыскать в этих группах. Однако этот миф послужил основанием для еще одного тезиса, популяризированного Марксом и превратившегося в стойкое убеждение для его по-

следователей, а также для многих представителей левых взглядов, даже не являющихся марксистами в буквальном смысле и не состоящих в компартии. Это миф о мудрости трудящихся. Вкратце он состоит в том, что угнетенные (рабы, негры, рабочий класс в целом) обладают особым складом ума, позволяющим им придерживаться общественно ценных убеждений; им противостоят угнетатели, которые просто по определению придерживаются противоположных, реакционных взглядов, возможно, даже «фашистских». Эта точка зрения приобрела широкую популярность в левых кругах и считается одним из важнейших убеждений «прогрессивного» человечества. Верна ли она?

На первый взгляд факты в этом совсем не убеждают. Именно представители рабочего класса во Втором Интернационале проголосовали за предоставление военных кредитов, тем самым в итоге подорвав «международную солидарность трудящихся». Какую страну ни возьми — шовинизм среди рабочих распространен ничуть не меньше, чем среди других классов. Будь то протесты против эмиграции цветных в Англию или против предоставления равных прав американским неграм — от рабочих их исходит не меньше, чем от иных групп; достаточно вспомнить, как докеры (которых вряд ли можно заподозрить в непринадлежности к рабочему классу) не так давно осаждали парламент, поддерживая антииммигрантские выступления Эноха Пауэлла¹. Те же, кто с позиций антиапартеида вышел на демонстрации протеста против приезда в Англию спортивных команд из Южной Африки, в массе своей были вовсе не рабочими — это были в основном студенты и интеллектуалы из среднего класса. Конечно, это не безупречные

¹Пауэлл (Powell) Энох (1912—1998) — британский политик, видный деятель Консервативной партии. Активно критиковал политику властей по привлечению дешевой рабочей силы из бывших колоний. Айзенк, вероятно, имеет в виду знаменитое выступление Пауэлла в парламенте в 1968 г., в котором тот предрек, что допуская чрезмерную иммиграцию, Объединенное Королевство «складывает свой собственный погребальный костер». Эти слова фактически прервали ранее успешную карьеру Пауэлла.

свидетельства, однако они заставляют усомниться в том, что коммунистические, марксистские позиции не нуждаются в фактической опоре для своего подтверждения.

Обычная для коммунистов практика — обходить стороной этот вопрос; по их утверждениям, рабочий класс безмолвен и нуждается в ком-то, кто выступал бы от его имени. Этими избранными людьми являются, разумеется, коммунисты, они выражают скрытые чаяния рабочего класса (наподобие того, как президент Никсон считает своим долгом выражать волю «молчаливого большинства»). Всегда легко выражать «истинные» взгляды группы, которая безмолвствует; когда не существует надежного способа узнать, каковы же на самом деле «истинные» взгляды, коммунисты практически занимают то же положение, что и фрейдисты, — интерпретации необходимы, но кто иной может их дать, кроме марксиста или фрейдиста? Объективные критерии отвергаются обеими группами; подобно тому как Фрейд заявлял, что не нуждается в экспериментальном подтверждении своих открытий, сделанных возле психоаналитической кушетки, так и марксисты не ищут подтверждений в независимых исследованиях социальных установок. Для них истиной выступает руководящая роль рабочего класса, которой необходимо добиться. А добившись, они обычно затыкают рот рабочему классу раз и навсегда, поскольку тот может и не одобрить интерпретации, вкладываемые в его уста. Это оставляет без ответа вопрос скептиков: что же на самом деле думают рабочие по поводу тех или иных социальных проблем? Это довольно важный вопрос, однако до сих пор его изучению уделялось слишком мало внимания. Данная глава и посвящена исследованиям такого рода, выполненным в последнее время в наших лабораториях.

Эти исследования не являются чисто индуктивными; можно сказать, что они выполнялись с целью подтвердить или опровергнуть определенную гипотезу. Эту гипотезу можно сформулировать просто — она является оборотной стороной традиционной гипотезы, широко распространенной в кругу левых

авторов. Звучит она так: прогрессивные мнения, не связанные непосредственно с обладанием частной собственностью и ее распределением, более свойственны для среднего, чем для рабочего класса. Вторичная гипотеза, соответственно, звучит так: прогрессивные взгляды, которые непосредственно связаны с обладанием частной собственностью и ее распределением, в большей мере присущи представителям рабочего класса, нежели среднего. Таким образом, наша гипотеза предполагает разрыв между двумя видами прогрессивных взглядов — с одной стороны, относящихся к противопоставлению социализма и капитализма и с другой стороны — ко всем прочим вопросам. Предполагается, что в границах каждого класса имеет место согласованность прогрессивных взглядов любого рода, но между классами существует различие — рабочие прогрессивны в социалистическом смысле, но реакционны во всех остальных, тогда как средний класс реакционен в социалистическом смысле, но прогрессивен во всех остальных. Из этой гипотезы вытекает любопытный парадокс. Левые партии — такие, как лейбористы в Британии или демократы в США (разумеется, термин «левые» используется здесь в относительном смысле), — имеют репутацию «прогрессивных», поскольку выступают против идеала частной собственности и связанных с нею привилегий, а также придерживаются более «либеральной» позиции по всем прочим вопросам. Репутация консерваторов и республиканцев диаметрально противоположна; их принято считать реакционерами не только ввиду их приверженности идеалам частной собственности, но и по всем иным основаниям. Лейбористская партия Британии выступает за равноправие женщин, против апартеида, за контроль над вооружениями, за интернационализм, за отмену смертной казни, за расовое равноправие и т.п. При рассмотрении этих вопросов в палате общин «за» обычно голосует большинство лейбористов при некоторой поддержке либералов и нескольких отдельных голосов консерваторов; большинство консерваторов при поддерж-

ке отдельных либералов и лейбористов обычно голосуют против.

Парадокс возникает в связи с тем, что большинство голосующих за лейбористов (и соответственно за демократов) — рабочие, тогда как за консерваторов (и республиканцев) голосуют преимущественно представители среднего класса. Иными словами, если наша гипотеза верна, то по многим важным социальным вопросам две противоборствующие в парламенте группы выступают с позиций, которые противоположны установкам их электората. Представители рабочего класса по многим социальным вопросам придерживаются консервативных установок, но отдают свои голоса парламентариям, которые отстаивают прогрессивную позицию по этим вопросам; и наоборот — представители среднего класса по многим социальным вопросам придерживаются прогрессивных установок, но выдвигают в парламент тех, кто по тем же вопросам выступает реакционно. Вопросы, по которым сходятся во мнениях избиратели и члены парламента, касаются налогов, национализации и экономики в целом. По остальным вопросам наблюдается диаметрально противоположное расхождение, когда парламентарии и их избиратели придерживаются противоположных установок. Не приходится удивляться, что докеры поддержали Эноха Пауэлла. Из этого парадокса вытекает много интересных следствий, и в данной главе мы их обсудим; но сейчас давайте убедимся в том, что гипотеза действительно подтверждается фактами.

Для начала рассмотрим то, что называют «экономическим консерватизмом», то есть набор установок, непосредственно касающихся противопоставления капитализма и социализма и отражающих противоречащие друг другу интересы рабочего и среднего классов. В своей книге «Психология социальных классов» Ричард Сентерс описывает одно из самых компетентных исследований в этой области. Он обследовал случайную выборку, состоявшую из примерно тысячи американских избирателей, с помощью следующей батареи вопросов: 1) Со-

гласны вы или не согласны с тем, что Америка — страна равных возможностей и что ее граждане пользуются максимумом благ, которые из этого вытекают? 2) Согласны ли вы с тем, что всеобщее счастье, благополучие и процветание были бы обеспечены, если бы трудящимся предоставили большую, чем сейчас, роль в управлении страной, или вы считаете, что было бы лучше, чтобы трудящиеся располагали не большей властью, чем теперь? 3) Как вам известно, в годы войны (исследование проводилось во время Второй мировой войны) многие частные предприятия перешли под контроль государства. Считаете ли вы, что заработная плата была бы более справедливой, условия труда лучше, а безработица ниже, если и впоследствии государство сохранит за собой управление шахтами, заводами и фабриками, или вы считаете, что положение будет лучше при частном владении? 4) С каким из следующих утверждений вы в наибольшей мере согласны? а) Главная задача правительства — заботиться о том, чтобы каждый гражданин имел достаточно возможностей добиться успеха своими силами. б) Главная задача правительства — обеспечить каждому гражданину постоянную работу и достойный уровень жизни. 5) При забастовках и противоречиях между трудящимися и их нанимателями чью сторону вы обычно занимаете — рабочих или хозяев? 6) Считаете ли вы, что владельцы предприятий обходятся с рабочими честно и справедливо или что они наживаются за счет трудящихся?

Выяснилась высокая корреляция этих вопросов между собой (отчасти за исключением первого), а также с электоральными намерениями; демократы склонялись к экономическому радикализму, республиканцы — к экономическому консерватизму. Комбинации ответов на вопросы позволили разместить опрошенных на шкале, простирающейся от ультраконсерватизма через консерватизм, нейтралитет и радикализм к ультралиберализму; среди ультраконсерваторов оказалось 55% голосующих за республиканцев, среди ультралибералов — всего 5%. Обнаружилась корреляция на уровне 0,59

шкалы экономического консерватизма с социальным классом; представители рабочего класса (даже в обществе, которое в ту пору многие были склонны расценивать как бесклассовое) оказались склонны к экономическому радикализму, средний класс — к экономическому консерватизму. Сентерс расценил полученные им результаты как подтверждающие теорию общественных классов, известную как теория интересов; он формулирует ее так: «Согласно этой теории, статус человека и его роль в экономических процессах общества порождают определенные установки, ценности и интересы. Кроме того, статус и роль индивида в отношении к средствам производства и обмена товарами и услугами порождает у него осознание принадлежности к определенному общественному классу, который разделяет те же установки, ценности и интересы». Действительно ли люди правильно относят себя к определенному общественному классу? После проведенного опроса выяснилось, что примерно три четверти бизнесменов, квалифицированных специалистов и «белых воротничков» отнесли себя к среднему и высшему классу, тогда как даже большее количество работников физического труда (79%) отнесли себя к низшему классу. Это свидетельствует в пользу «теории интересов», особенно в том, что касается экономического радикализма и консерватизма.

Допустимо ли распространить понятия «консерватизм-радикализм» на иные вопросы, помимо экономических? Это часто подвергается сомнению; в частности, американские авторы не раз заявляли, что понятия радикализма и консерватизма не следует увязывать с широким кругом разнообразных и логически не связанных вопросов. Однако согласно моим данным, которые я привожу в «Психологии политики», между многими вопросами, по которым требовалось вынести суждение, существует тесная взаимосвязь. Наглядная демонстрация этого была предпринята Гленном Уилсоном, разработавшим несложный опросник установок, который с его согласия и приводится ниже.

Что из нижеследующего вы одобряете? Обведите «Да» или «Нет». Если не уверены — обведите «?». Не существует правильных или неправильных ответов. Ответьте без комментариев на все вопросы, следуя вашему первому побуждению.

1 смертная казнь	Да	?	Нет
2 теория эволюции	Да	?	Нет
3 школьная форма	Да	?	Нет
4 стриптиз-шоу	Да	?	Нет
5 суббота как религиозный ритуал	Да	?	Нет
6 битники	Да	?	Нет
7 патриотизм	Да	?	Нет
8 современное искусство	Да	?	Нет
9 самопожертвование	Да	?	Нет
10 работа женщин-матерей	Да	?	Нет
11 гороскопы	Да	?	Нет
12 контроль над рождаемостью	Да	?	Нет
13 военная муштра	Да	?	Нет
14 совместное обучение	Да	?	Нет
15 религиозные заповеди	Да	?	Нет
16 социализм	Да	?	Нет
17 превосходство белой расы	Да	?	Нет
18 браки двоюродных братьев и сестер	Да	?	Нет
19 нравственное воспитание	Да	?	Нет
20 самоубийство	Да	?	Нет
21 строгий надзор за молодежью	Да	?	Нет
22 легализация аборт	Да	?	Нет
23 империализм	Да	?	Нет
24 проказы студентов	Да	?	Нет
25 ограничения продажи спиртного	Да	?	Нет
26 компьютерная музыка	Да	?	Нет
27 целомудрие	Да	?	Нет
28 фторирование воды	Да	?	Нет

29 королевская власть	Да	?	Нет
30 женщины-судьи	Да	?	Нет
31 этикет в одежде	Да	?	Нет
32 вождение транспорта несовершеннолетними	Да	?	Нет
33 апартеид	Да	?	Нет
34 нудизм	Да	?	Нет
35 церковная власть	Да	?	Нет
36 разоружение	Да	?	Нет
37 цензура	Да	?	Нет
38 ложь из вежливости	Да	?	Нет
39 телесные наказания	Да	?	Нет
40 смешанные браки	Да	?	Нет
41 строгие законы	Да	?	Нет
42 джаз	Да	?	Нет
43 смирительные рубашки	Да	?	Нет
44 беспорядочная жизнь	Да	?	Нет
45 изучение латыни	Да	?	Нет
46 разводы	Да	?	Нет
47 врожденные способности	Да	?	Нет
48 иммиграция цветных	Да	?	Нет
49 библейские истины	Да	?	Нет
50 фривольные вечеринки	Да	?	Нет

Таблица 4

Как можно увидеть, в список включено множество разнообразных вопросов. Но несмотря на такое разнообразие, надежность результатов была очень высока, корреляция доходила до 0,94; то есть человек, который предпочел «радикальный» ответ на один вопрос, в целом склонен к «радикальным» ответам и по остальным пунктам. По данным Уилсона, по параметру «консерватизма» наиболее высокие показатели оказались у бизнесменов и домохозяек (58 и 61 соответственно); по-

казатель неквалифицированных рабочих был 47. Ниже всех уровень консерватизма оказался у студентов — 33, у взрослых квалифицированных специалистов он также был довольно низким (44). Уилсон показал, что его шкала хорошо коррелирует с политическими взглядами и электоральными предпочтениями; в выборке членов левого литературного кружка средний уровень консерватизма не превышал 17, тогда как среди членов одной из правых партий он составил в среднем 56. Довольно интересно, что вопросы, обладающие наибольшей предсказательной ценностью, касались самых злободневных противоречий (битники, смертная казнь, иммиграция цветных, целомудрие, смешанные браки, королевская власть, религиозные заповеди, разоружение, современное искусство), тогда как вопросы, не вызывающие особых разногласий, слабо коррелировали с остальными (изучение латыни, ложь из вежливости, самопожертвование, студенческие проказы, фторирование воды). Похоже, понятия «консерватизма» и «радикализма» не следует ограничивать лишь экономической сферой.

По этому общему фактору консерватизма-радикализма, который в качестве своего компонента включает и экономический радикализм, должны существовать различия между средним классом и рабочим классом; но согласно старой гипотезе «радикального рабочего класса» это различие должно быть одним, и другим — согласно выдвинутой мною в этой главе гипотезе о том, что прогрессивные взгляды не связаны непосредственно с обладанием собственностью и чаще разделяются представителями среднего класса. С помощью опросника из 35 пунктов я опросил свыше тысячи представителей среднего и рабочего классов и сгруппировал полученные данные по фактору R (радикализм-консерватизм) и фактору T (жесткость-мягкость). Обе классовые группы были подразделены согласно политическим убеждениям, то есть в обеих образовалось четыре подгруппы — консерваторы, либералы, социалисты и коммунисты. В каждой из этих подгрупп представители среднего класса продемонстрировали более радикальные, но в

то же время более мягкие позиции. Полученные данные приводятся ниже в форме таблицы, из которой видно, что представители среднего класса предстают в целом мягкими радикалами, рабочие — жесткими консерваторами. Это во многом согласуется с моей гипотезой; рабочие одобряют смертную казнь и телесные наказания, суровое обращение с заключенными и вообще принцип «пожалеешь розги — испортишь дитя»; им присущи антисемитизм и неприязнь к цветным. Кроме того, они настроены более патриотично, не желают жертвовать национальным суверенитетом во имя мира. Все это резко противоположно прогрессивной, гуманистической политике Лейбористской партии; скорее это навеивает воспоминания о том, как сторонницы Консервативной партии однажды устроили овацию по поводу восстановления смертной казни. Полученные нами данные оказываются более надежным свидетельством общественных настроений, нежели эпизодические отчеты прессы о подобных публичных выступлениях — как правило, весьма не показательных.

	Радикализм		Мягкость	
	Средний класс	Рабочие	Средний класс	Рабочие
Консерваторы	4,6	2,8	7,6	6,3
Либералы	6,3	3,7	7,9	7,4
Социалисты	9,4	6,4	8,0	6,2
Коммунисты	12,4	10,7	6,8	6,0

Таблица 5

Может показаться, что подразделение социальных классов по электоральным предпочтениям осложняет восприятие всей картины; позвольте мне, однако, привести некоторые данные,

полученные Институтом Гэллага в ходе опросов случайных выборок населения и воспроизводимые мною с его любезного согласия. В апреле 1968 г., когда в печати появились сообщения о принятии «Билля о расовых взаимоотношениях», был проведен опрос относительно того, пользу или вред приносят Великобритании иммигранты. Из респондентов, относившихся к среднему классу, 24% заявили, что приток иммигрантов идет стране на пользу, — эту точку зрения разделяли вдвое меньше респондентов из рабочего класса. Среди последних 64% считали, что от иммигрантов исходит только вред, — эту точку зрения поддерживали лишь 54% опрошенных из среднего класса. Аналогично на вопрос, следует ли открыть доступ в страну родственникам иммигрантов, отрицательно ответили 49% представителей среднего класса и 59% рабочих. Ясно, что респонденты, принадлежащие к рабочему классу, придерживаются менее либеральных взглядов на цветную иммиграцию. Иные вопросы, по которым представители среднего класса высказали более либеральные взгляды, касались допустимости работы пивных и стадионов по воскресеньям, усложнения процедуры разводов, разрешения на публикацию фото обнаженных людей в журналах и др., причем схожие взгляды высказывались и в нашей стране, и в США, что вряд ли имеет смысл здесь подробно обсуждать. Совершенно противоположная картина наблюдается в том, что касается экономического радикализма. На вопрос, следует ли проводить более широкую национализацию, утвердительно ответили 5% представителей среднего класса — в сравнении с 9% квалифицированных и 13% неквалифицированных рабочих. Денационализацию поддержали 54% в сравнении с 38% и 37% соответственно. Эти цифры свидетельствуют в пользу того, что именно средний класс, а не рабочий склонен придерживаться прогрессивных взглядов по вопросам, не касающимся экономики.

Давайте теперь обратимся к исследованию, в котором примерно 2000 респондентам, составляющим весьма репрезентативную выборку населения, предъявлялся опросник социальных установок; вопросы были заимствованы из более крупно-

го опросника, опубликованного в «Психологии политики». Используемые вопросы приводятся ниже; после каждого вопроса респондент должен был поставить знак «+ +», если он был полностью согласен, «+» если согласен, 0 если не был уверен или затруднялся ответить, — если был не согласен и «—» если категорически не согласен. Эти символы потом были переведены в числа от 1 («+ +») до 5 («— —»), и результаты подвергнуты статистической обработке. Наибольший интерес, разумеется, представляли те различия, которые могли возникнуть между общественными классами, однако учитывались и различия между полами, а также между молодыми и пожилыми.

ОПРОСНИК СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК

1. Людям следует отдавать себе отчет, что самым важным для них выступает их семейный долг.
2. Промышленность и торговля должны быть свободны от влияния государства.
3. Оккупация иностранной державой лучше, чем война.
4. Мужчина и женщина вправе до брака выяснить, подходят ли они друг другу сексуально (например, путем пробного брака).
5. В наши дни все больше людей озабочены вопросами, которые их совсем не касаются.
6. Евреи — такие же полноценные граждане, как и другие группы населения.
7. Смертная казнь — это варварство, и ее следует отменить.
8. Большинство верующих — лицемеры.
9. Преступников у нас наказывают слишком жестоко: их следует исправлять, а не карать.
10. Любые внебрачные сексуальные отношения предосудительны.
11. Цветных следует селить в особых районах и выделять для них особые школы, дабы избежать лишних контактов между ними и белыми.

12. Военная подготовка в мирное время необходима для безопасности нации.
13. Сексуальные преступления, такие как изнасилования и домогательства к детям, должны наказываться не просто тюремным заключением; виновные должны подвергаться публичной порке или еще более суровым наказаниям.
14. Лиц, страдающих серьезными наследственными заболеваниями и дефектами, следует стерилизовать.
15. Недопустимо, чтобы цветные руководили белыми.
16. «Права она или нет — это моя страна» — вот самое правильное убеждение.
17. Бог — это плод человеческого воображения.
18. Человек вправе вести любой образ жизни по своему усмотрению, без всякого вмешательства общества.
19. Свободная любовь должна поощряться как средство укрепления физического и душевного здоровья мужчин и женщин.
20. Ложь ради приличия достойна одобрения.
21. Неудачники не заслуживают сочувствия и помощи от тех, кто преуспел.
22. Церкви следует позаботиться об усилении своего влияния на жизнь народа.
23. Белые по самой своей природе превосходят цветных.
24. Ядерная бомбардировка Японии, повлекшая гибель тысяч невинных людей, была моральной ошибкой, несовместимой с ценностями нашей цивилизации.
25. Любые формы дискриминации по отношению к цветным, евреям и прочим меньшинствам должны быть поставлены вне закона и сурово наказываться.
26. Капитализм безнравственен, потому что основан на эксплуатации трудящихся.
27. Происхождение Христа божественно, и этим он отличается от любого другого человека.
28. Единство нации важнее, чем предоставление полной свободы каждому.

В ходе анализа группы, принадлежащие к различным общественным классам (таких насчитывалось 10), были сведены к трем основным: средний класс (высококвалифицированные специалисты, администраторы, инженеры и управленцы), квалифицированные рабочие и неквалифицированные рабочие. Были также выделены три возрастные категории — молодые люди, люди среднего возраста и пожилые. С учетом различий по признаку пола образовалось 18 групп, для которых были подсчитаны показатели по всем 28 вопросам. В сравнении общественных классов учитывались только те вопросы, по которым выявились различия между полами и возрастными; аналогично при сравнении мужчин и женщин выделялись те вопросы, по которым выявились возрастные и классовые различия. Что же обнаружилось в отношении общественных классов?

Вот вопросы, по которым мнения рабочих отличались от мнений среднего класса, — почти в каждом случае имело место усиление тенденции от среднего класса, затем квалифицированных рабочих к неквалифицированным рабочим; таким образом, хотя анализ и проводился по трем социальным группам, его выводы вполне адекватны обобщенному делению на средний класс и рабочий класс¹. Представители среднего класса одобряют пробные браки, считают евреев полноправными гражданами, смертную казнь — варварством, а существующую систему уголовных наказаний — слишком суровой. Они не считают большинство верующих лицемерами, не осуждают внебрачные отношения; они не настаивают на сегрегации цветных, не одобряют воинскую подготовку, телесные наказания и стерилизацию лиц, страдающих наследственной патологией. Они не возражают против того, чтобы цветные занимали руководящие должности, и не поддерживают лозунг «Права

¹Приводимые суждения весьма относительны; утверждение «представители среднего класса одобряют...» просто означает, что они более, чем рабочие, склонны к таким оценкам. Однако и среди них это мнение может и не быть общепринятым. — *Прим. автора.*

она или нет — это моя страна». Они считают, что неудачники заслуживают сочувствия и что церкви следует усилить свое влияние, но не согласны с превосходством белых над цветными и с тем, что капитализм аморален; они считают, что порядок важнее полной свободы. По этим вопросам представители рабочего класса придерживаются противоположных мнений; иными словами, по большинству вопросов (за исключением одного, выявляющего экономический радикализм, — о безнравственности капитализма) они придерживаются жестких консервативных позиций. Таким образом, взгляды рабочих в целом предстают более националистическими, ксенофобскими, антисемитскими, расистскими, негуманными, морализаторскими по сексуальным вопросам и безразличными к вопросам религии и этики. Эти результаты по всем параметрам подтверждают ранее высказанную гипотезу о том, что рабочие более консервативны в своих убеждениях, за исключением экономических. Это обобщение относится как к мужчинам, так и к женщинам, а также к людям всех возрастов. Вместе с результатами ранее обсуждавшихся исследований они служат весьма убедительным свидетельством того «парадокса социализма», которому эта глава обязана своим названием.

Конечно, существуют гендерные различия, не зависящие от класса; некоторые из них представляют определенный интерес. По мнению женщин, оккупация предпочтительнее войны, смертная казнь — это варварство, однако они не склонны считать большинство верующих людей лицемерами. Они не одобряют внебрачных отношений, не согласны, что Бог — плод человеческого воображения, и не видят ничего хорошего в свободной любви. Они одобряют усиление влияния церкви и считают аморальной атомную бомбардировку; они выступают против расовой дискриминации и не разделяют взглядов о превосходстве белых над цветными; Иисуса Христа они безоговорочно считают божеством. Иными словами, как это было показано и предыдущими исследованиями, взгляды женщин по сравнению с мужскими отличаются большей мягкостью; это также согласуется с тем фактом, что в целом они более ин-

тровертированы. С возрастом, похоже, люди становятся более консервативными и жесткими; если сравнить ответы молодых и пожилых респондентов, то обнаруживается, что больше пожилых людей придают значение супружескому долгу, отвергают государственное вмешательство, не верят в пробные браки, не считают верующих лицемерами, не одобряют внебрачные отношения, приветствуют сегрегацию цветных, ничего не имеют против выборочной стерилизации, телесных наказаний, убеждены в превосходстве белых над цветными и назначение цветных на руководящие должности не одобряют. Свободную любовь они порицают, приветствуют усиление влияния церкви, порядок предпочитают свободе и не считают капитализм безнравственным. Примерно таких результатов, наверное, и следовало ожидать; хотя нелишне подчеркнуть, что это не долговременное исследование, так что не исключено, что пожилые люди, чьи мнения выяснились, родились и воспитывались в совсем иной интеллектуальной атмосфере. Вполне возможно (хотя необязательно это именно так), что молодые люди из данной выборки, становясь старше, изменяют свои взгляды в том же направлении; только лонгитюдное исследование могло бы пролить свет на эту проблему.

Это не единственное исследование, выявляющее различия между общественными классами; аналогичные выводы вытекают из работы, проделанной И. Плетка в ходе эксперимента, результаты которого не опубликованы. Она выявила явные признаки классовых различий в отношении к широкому кругу социальных вопросов; некоторые вопросы совпадают с ранее процитированными. Другие полученные ею результаты демонстрируют, что представители рабочего класса не приветствуют въезд в страну цветных и считают необходимым ради обеспечения социального прогресса вернуться к героическим ценностям славного прошлого; они также одобряют обложение высоких доходов дополнительным налогом. Они менее склонны верить в загробную жизнь, считают, что евреи имеют неоправданно высокое влияние в обществе, а также «верят в житейский здравый смысл простого человека, хотя народные

массы порой ведут себя и не слишком разумно». По их мнению, большая часть так называемой помощи бедным странам оседает в карманах корыстных правителей этих стран; жизнь коротка, и человек вправе получать от нее удовольствие так, как ему заблагорассудится; так называемые неудачники не заслуживают сочувствия и помощи со стороны тех, кто преуспел (любопытно, что этого убеждения придерживаются те, кого самих следовало бы причислить к неудачникам!). Респонденты, принадлежащие к рабочему классу, также считают, что если полностью отменить цензуру, то пышным цветом расцветет порнография и общественной нравственности будет нанесен серьезный урон; что принимая участие в каких бы то ни было международных организациях, страна должна быть уверена, что этим никак не умаляются ее сила и независимость; за редким исключением все евреи похожи друг на друга; национальные меньшинства не вправе претендовать на самоуправление; возрождение партий нацистского типа в Германии свидетельствует, что история людей ничему не учит.

С другой стороны, представители среднего класса (помимо того, что они придерживаются противоположных взглядов по названным вопросам) считают необходимым поставить все формы дискриминации цветных вне закона, осуждают апартеид в Южной Африке, считают систему уголовных наказаний слишком строгой и полагают, что преступников следует исправлять, а не карать; они также считают моральным долгом сильных государств защищать и поддерживать слабые и бедные страны. Таким образом, снова представители среднего класса оказываются более либеральны, чем рабочие; все прогрессивные убеждения нашего поколения (активно пропагандируемые на страницах «Нью Стейтсмен» и «Нью Рипаблик»¹) поддерживаются ими в гораздо большей мере, чем теми, чьи

¹«Нью Стейтсмен» (New Statesman) — английский политический еженедельник левого толка; выходит в Лондоне с 1913 г.; «Нью Рипаблик» (New Republic) — американский общественно-политический журнал (с 1914 по 2007 — еженедельник) либерального направления.

политические и социальные интересы так дороги издателям этих журналов.

Сказанное относится, разумеется, не только к Англии, но и к Америке, а также, вероятно, и ко многим европейским странам, однако лишь в США имеется достаточно эмпирических данных, подтверждающих это заключение. Блестящий обзор таких исследований, которые были опубликованы (а также тех, которые не появились в печати), содержится в работе Дж. Робинсона, Дж. Раска и К. Хэда «Измерение политических установок»; я приведу некоторые их заключения, не прибегая к ссылкам на конкретные источники. Авторы отмечают, что уровень образования и принадлежность к среднему классу так тесно связаны, что практически невозможно рассматривать их по отдельности; то, что справедливо для высокообразованных в сравнении с менее образованными, столь же справедливо для среднего класса в сравнении с рабочим классом. Это также означает, что тут имеет значение и интеллект — высокообразованные представители среднего класса имеют IQ в среднем на 20—30 баллов выше, чем малообразованные рабочие. Такой разрыв не может считаться абсолютным, имеет место значительный перекрест, то есть сказанное справедливо лишь в целом, со многими частными исключениями. Так каковы же установки высокообразованных респондентов в США?

Во-первых, авторы указывают, что «по некоторым вопросам, например касающимся толерантности к другим группам и чужим идеям, более образованные придерживаются более либеральных взглядов». Кроме того, иногда «предложение определенной либеральной программы сначала встречает одобрение лишь со стороны меньшинства, однако, став законом, получает поддержку большинства. В подобных случаях более образованные оказываются в авангарде, тогда как менее образованные начинают склоняться в поддержку лишь после того, как авторитетные фигуры и институты выскажутся в пользу данного начинания». Эти выводы основываются на долговременном исследовании, проводившемся на протяжении многих

лет; в нашей стране подобного исследования, к сожалению, не проводилось, однако данные отдельных опросов общественного мнения, которые нам доступны, позволяют прийти примерно к тем же выводам.

Также обнаруживается, что «за некоторыми исключениями, в послевоенную эпоху уровень образования оказывается более тесно связан с уровнем поддержки инициатив в области международного сотрудничества, нежели с отношением к либеральным программам внутри страны, не касающимся гражданских прав... В поддержку «утопических» предложений вроде создания всемирного правительства высказываются лишь те, чей уровень образования не выше колледжа». Кроме того, «чем выше уровень образования, тем чаще выражается поддержка компромиссов, сотрудничества во всех сферах и снижения напряженности в отношениях с коммунистическими странами (а также со всеми другими странами). В целом стремление к разрешению любых вопросов невоенными средствами более характерно для высокообразованных. Особенно это наблюдается в последнее десятилетие по мере снижения напряженности «холодной войны». Такое снижение «жесткого мышления» среди высокообразованных наблюдается в их установках по отношению к СССР, а также к Китаю; в марте 1967 г. 38% малообразованных против 57% высокообразованных считали, что война США с Китаем маловероятна. «Американцы с высшим образованием более склонны одобрять принятие коммунистического Китая в члены ООН и установление нормальных дипломатических отношений с этой страной. Идея нанесения так называемых превентивных ударов по коммунистическому Китаю, по СССР или какой-либо другой коммунистической стране, напротив, встречала поддержку у малообразованных граждан. Тех, кто одобрял перерастание локальных военных операций в крупные конфликты, как это имело место в Корее и Вьетнаме, было диспропорционально больше среди малообразованных».

Помощь другим странам находит большее одобрение у среднего класса, а у малообразованных категорий населения

поддержки не встречает. Поддержка свободной торговли менее зависит от уровня образования; «тем не менее большинство граждан со средним образованием считали, что пошлины и прочие торговые ограничения должны быть сохранены на нынешнем уровне или увеличены, а импорт в страну должен оставаться неизменным или уменьшиться, тогда как лица с высшим образованием выступали за снижение пошлин и расширение импорта». С другой стороны, однако, «граждане со средним образованием в большей мере, чем их сограждане с высшим образованием, поддерживали укрепление обороноспособности». И наконец последний вопрос, касающийся «либеральных» ценностей, по которому высокообразованные представители среднего класса продемонстрировали более высокие показатели, чем малообразованные рабочие, относился к сфере самовыражения. Одобрение гражданских свобод, свободы слова, а также терпимое отношение к таким непопулярным идеологическим группам, как фашисты, социалисты, коммунисты, атеисты и битники, оказалось тесно связано с уровнем образования».

Результаты, связанные с отношением к неграм, оказались несколько искажены в связи с тем, что в данных исследованиях среди малообразованных рабочих немалую часть и составляли негры, которые, вероятно, не стали бы демонстрировать такую же предвзятость к своей собственной группе, какую могли бы проявить белые рабочие. Но даже при этом, «вдвое больше людей с высшим образованием, чем с незаконченным средним, заявили, что считают межрасовые браки допустимыми и что они готовы проголосовать за достойного негра, если он выставит свою кандидатуру на президентских выборах» — конечно, стали бы они на самом деле так голосовать — это совсем другой вопрос. Распределение взглядов, касавшихся отношения к ку-клукс-клану, линчеванию, неравенству избирательных прав и биологическому неравенству негров и белых, оказалось не настолько тесно связано с уровнем образования и принадлежностью к общественному классу, в основном в связи с тем, что среди малообразованных чернокожих рабочих,

естественно, распространено крайне негативное отношение к этим предметам.

Если мы отвлечемся от этих неэкономических вопросов, по которым представители среднего класса демонстрируют более либеральные взгляды, и обратимся к вопросам, касающимся экономики, то также обнаружим, что и в Америке, как и в Великобритании, средний класс более консервативен. «По большинству вопросов, касающихся социальных пособий, бесплатного жилья для малообеспеченных и перераспределения доходов в пользу бедных, более образованные американцы придерживаются более консервативных взглядов, то есть менее либеральных, чем малообразованные... Чем выше уровень образования, тем более граждане склоняются в пользу снижения государственных расходов на социальные нужды. Второе больше американцев с высшим образованием, по сравнению с респондентами со средним образованием, не одобряют социальных пособий и бесплатной медицины. Аналогично, первые в сравнении со вторыми вдвое реже одобряют увеличение федеральных расходов на нужды ветеранов, субсидии фермерам, пенсии по возрасту и предоставление бесплатного жилья малоимущим. На протяжении трех десятилетий люди с высшим образованием неизменно возражали против повышения минимальной заработной платы, тогда как люди со средним образованием эту меру приветствовали. Чем выше уровень образования, тем более склонны американцы принимать сторону бизнеса в его противостоянии трудящимся, осуждать чрезмерное влияние профсоюзных лидеров в Вашингтоне и одобрять мероприятия, осуждаемые профсоюзами».

Как уже отмечалось, «доход, уровень жизни и род занятий настолько тесно связаны с уровнем образования, что их влияние по отдельности оценить очень трудно. Однако нет ничего удивительного в корреляции дохода с уровнем знаний, познавательными интересами и прочими психологическими особенностями, влияющими на отношение к общественным проблемам. Наиболее обеспеченные граждане, равно как и более образованные, более активно выступают за гражданские пра-

ва, свободу слова и т.п., чем их менее благополучные сограждане. Однако среди населения США социо-экономический статус лишь очень незначительно связан с убеждениями, касающимися отношения к неграм и расовым проблемам. Диспропорциональное количество негров среди малообеспеченных слоев населения обуславливает довольно невысокий средний уровень расизма в этих кругах. В то же время белые, принадлежащие к низам общества, настроены более расистски, чем белые из привилегированных кругов... Для экономических и социальных вопросов, помимо тех, что касаются финансирования образования, справедливо обратное. В таких вопросах важным определяющим фактором выступают личные экономические интересы. Чем выше доходы, тем консервативнее установки, и это наблюдается даже на одном уровне образования».

Различия в отношении к социальной политике между наиболее и наименее обеспеченными слоями населения очень широки. Они несколько смягчились в последние годы, «однако даже в 60-е среди богатых в полтора-два раза больше, чем среди малоимущих, тех, кто выступает против увеличения социальных пособий и за урезание социальных статей бюджета. Кроме того, хотя группы с разным уровнем образования относительно мало отличались своим отношением к профсоюзам, наиболее обеспеченные демонстрировали к ним большую враждебность, чем малообеспеченные».

Что касается вопросов международной политики, «уровень образования оказался более значимым фактором, чем благосостояние или род занятий. Лишь по нескольким вопросам различия в уровне информированности и установках в области международных отношений оказались больше при сравнении более и менее обеспеченных, а также квалифицированных работников и неквалифицированных, нежели при сравнении лиц с высшим и средним образованием. При равном уровне образования разница в доходах почти не сказывалась на мнениях по этим вопросам. Однако при одинаковом уровне дохо-

дов более образованные демонстрировали несколько более либеральные взгляды по вопросам мировой политики».

Таким образом очевидно, что в США имеет место тот же парадокс, что и в Великобритании. Представители рабочего класса придерживаются радикальных взглядов по вопросам экономики и социальной помощи, но выступают с консервативных позиций, когда речь заходит о свободе слова, толерантности, всемирном правительстве, сокращении вооружений, гражданских свободах, этноцентризме, помощи развивающимся странам и мирного сосуществования с коммунистическими странами. Средний класс демонстрирует прямо противоположный подход, придерживаясь консервативных взглядов по экономическим вопросам и либеральных по вопросам гражданских свобод и всем прочим, упомянутым выше. Политические партии выступают заодно со своими сторонниками на основе классовых интересов (то есть по вопросам экономическим), но расходятся с ними по всем прочим вопросам. Это утверждение, разумеется, представляет собой широкое обобщение, которое необязательно касается каждого конкретного представителя среднего класса или рабочего класса; многие представители среднего класса голосуют за лейбористов (или демократов), поскольку эта партия, хотя ее позиция и противоречит их частным экономическим интересам, выступает в поддержку такой политики, которая по многим иным вопросам соответствует мировоззрению среднего класса. Аналогично многие рабочие, вероятно, голосуют за Консервативную партию (или Республиканскую), потому что она, хотя и противостоит их экономическим интересам, во многих отношениях проводит такую политику, которая соответствует мировоззрению рабочего класса. Вероятно существуют и другие причины такого парадоксального поведения электората; возможно, тут играет роль традиционная позиция «дяди Тома» со стороны британских рабочих в отношении их «естественных» лидеров, а в США для избирателей многие местные проблемы оказываются более значимыми, чем те, что обсуждались выше. Однако и гипотеза о том, что такое «перекрестное голосование» объяс-

няется расхождением либеральных и консервативных установок по разным вопросам, заслуживает самого серьезного внимания.

Интересно, что отмеченный нами парадокс до сих пор оставался незамеченным, причем даже представителями среднего класса со всей их проникательностью. Может возникнуть вопрос: совместим ли этот парадокс с теорией «классовых интересов»; если нет, то тогда факты требуют какой-то иной интерпретации. Я полагаю, что эта теория в немалой степени может тут быть использована; нам необходимо лишь внимательно присмотреться к различиям интересов разных общественных классов. Рассмотрим для примера установки в отношении цветных. Если взять представителей среднего класса, то их почти не беспокоят негры, пакистанцы, индусы и прочие цветные; они никак не состязаются с ними ни за рабочие места, ни за жилье, ни по какому иному поводу. Вследствие этого им совсем нетрудно быть толерантными; все мы добродетельны и великодушны, когда нам это ничего не стоит. Положение рабочих совершенно иное. Они вынуждены (или считают, что вынуждены) постоянно состязаться с цветными за рабочие места, за жилье, даже за женщин; включение каждого цветного в список претендентов на бесплатное жилье означает, что белый, следующий за ним в списке, будет дожидаться своей очереди дольше. Цветные как дешевая рабочая сила препятствуют повышению оплаты труда в некоторых профессиях, тогда как в других профессиях, куда цветные не привлечены, зарплата растет; наглядными примерами могут служить водители автобусов и кондукторы, отчасти медсестры. В силу этого теория классовых интересов довольно точно предсказывает то, что мы в действительности и наблюдаем; рабочие наиболее неприязненно относятся к иммигрантам, к цветным вообще и ко всем прочим меньшинствам, которые могут составить им конкуренцию в доступе к необходимым ресурсам. Сюда относится и образование; в основном именно рабочие считают, что уровень образования снижается из-за того, что в школы приходит много иммигрантских детей, многие из которых даже не гово-

рят по-английски. Таким образом, утверждение, что рабочие не столь либеральны в своем отношении к цветным, не противоречит теории классовых интересов; подобные реакции рабочих объясняются самим их образом жизни и, вне сомнения, должны учитываться политиками. Марш докеров в поддержку Эноха Пауэлла, таким образом, вовсе не явился непредвиденной и необъяснимой выходкой, а стал вполне логичным и закономерным выражением недовольства рабочих своей жизнью.

Или рассмотрим отношение к преступникам. И тут рабочие и средний класс находятся в разном положении. Представители среднего класса по большей части сталкиваются с преступлениями в виде воровства, а их имущество в большинстве случаев застраховано, поэтому они не слишком сильно страдают от активности преступников. Рабочие гораздо чаще становятся жертвами насильственных преступлений, а будучи ограблены или обокражены они в сравнении со средним классом страдают сильнее, поскольку их имущество редко бывает застраховано. В силу этого рабочие страдают от преступников гораздо сильнее, чем средний класс, поэтому и в данном случае теория классовых интересов недвусмысленно объясняет, почему они гораздо более склонны поддерживать систему наказаний, основанную на принципе «око за око, зуб за зуб».

В области отношений полов представители среднего класса придерживаются более либеральных взглядов, одобряют свободные отношения и приветствуют легкость разводов. И тут снова положение рабочего и среднего класса сильно различается; ограничения, накладываемые на тех и на других их образом жизни, далеко не одинаковы. Супруг, принадлежащий к среднему классу, решая развестись со своей женой, чтобы жить с другой женщиной, скорее всего, зарабатывает достаточно, чтобы обеспечить бывшей жене достойный уровень жизни; когда свою жену оставляет рабочий, та, как правило, остается вообще ни с чем, и это событие является для нее настоящей катастрофой. Незамужняя девушка из среднего класса, если она неожиданно забеременеет, гораздо легче найдет

медицинскую и любую иную помощь, чем девушка из рабочих; для последней сложившаяся ситуация окажется крайне неприятной и затруднительной. Семья как социальный институт гораздо более необходима рабочим людям; средний класс просто покупает решения любых своих проблем, поэтому и тут терпимость и либерализм служат лишь отражением привилегированного финансового положения.

Рассмотрим большую озабоченность среднего класса проблемами религии и морали. Карл Маркс считал религию опиумом для рабочего класса, к чему впоследствии Оскар Уайльд иронично добавил: «Труд — проклятие пьющего класса». Рабочие, как правило, живут на грани нищеты, и им недоступна религиозная и этическая искушенность среднего класса. Все образование, искусство и мораль — продукты образа жизни, который намного превышает уровень рабочих. Людей, озабоченных тем, как свести концы с концами, мало волнуют не столь утилитарные проблемы. Спасение души как альтернатива сиюминутному благополучию — тот аспект религии, на который указал Маркс. Но есть еще этическое содержание религии, которое с точки зрения классовых интересов рабочим скорее чуждо.

Все сказанное здесь о ситуации в Англии в еще большей мере подходит для ситуации в Америке. Расистские выступления в северных штатах вовсе не явились столь неожиданными, как это показалось многим социологам; теория установок, вытекающих из классовых интересов, позволяет вполне определенно предсказать такие реакции белых рабочих. Такое утверждение, разумеется, не означает согласия с «расистскими» аргументами или с теми политическими и социальными мерами, которые эти люди предлагают. Теория лишь позволяет заключить, что рост подобных настроений вовсе не является непредсказуемым и необъяснимым и что привычки либералов называть такие настроения «абсурдными» и «иррациональными» только мешают пониманию подлинных причин общественных явлений. Я также вовсе не имею в виду, что согласно теории классовых интересов люди, которые придерживаются подоб-

ных убеждений, правы в своем восприятии действительности. Справедливо лишь то, что иммиграция цветных создает проблемы для белых рабочих; в силу этого реакция этих людей вполне «рациональна». Но у этой медали есть и обратная сторона — цветные исполняют важные и полезные функции, от которых выигрывают белые члены общества. Цветные врачи и медсестры незаменимы в деле расширения возможностей здравоохранения; цветные водители и кондукторы незаменимы в деле совершенствования общественного транспорта. Таких примеров можно привести еще множество. Однако с психологической точки зрения позитивный вклад эмигрантов мало касается повседневных интересов простого рабочего, тогда как негативные аспекты для него вполне очевидны — более того, в ряде случаев цветные выступают козлами отпущения, на которых сваливают вину и за те проблемы, к которым они почти не имеют отношения. То, что кажется очевидным, необязательно истинно — в силу множества разных факторов. Даже если позитивный эффект перевешивает негативный, это не отменяет действие теории классовых интересов; предсказываемое ею формирование установок происходит в сложном контексте повседневной жизни, а не в лабораторно-статистическом исследовании, поэтому точно его оценить довольно трудно. Об этом следует сказать поподробнее.

Что мы имеем в виду, формулируя теорию классовых интересов в формировании установок? Установки, как уже было сказано, — это ментальные привычки, то есть они формируются по тем же законам, что и любые другие привычки. А формирование привычек подчиняется законам подкрепления, описанным в главе о поведенческих технологиях; действие, которое положительно подкрепляется («вознаграждается»), имеет тенденцию к повторению, пока не закрепится в виде привычки. Эффект такого подкрепления зависит от многих факторов, среди которых количество подкреплений, их сила и скорость. Негативное подкрепление привычки к толерантности для многих белых рабочих выступает часто и быстро, поскольку они находятся в постоянном соперничестве с цветны-

ми за рабочие места, жилье и другие жизненные блага; точно так же поступает негативное подкрепление от школ и других образовательных учреждений. Положительное подкрепление поступает не так быстро и не так часто; нам известно, что в наших лечебных учреждениях немало цветных врачей и медсестер, но это отвлеченное знание — оно не служит подкреплением реальных поведенческих актов реагирования, за исключением тех людей, которые имеют многочисленные контакты с лечебными учреждениями. Поэтому все складывается против подкрепления толерантного и доброго отношения и в пользу враждебности. Теория формирования установок на основании классовых интересов не стремится оправдать расистские и прочие антилиберальные установки. Она просто помогает их понять и сформировать рациональный подход к их возникновению и развитию.

Конечно, из этой теории хотелось бы вывести некоторые приемы управления предрассудками, и действительно — выводы, которые из нее вытекают, вполне очевидны. Если объективные условия жизни сказываются на личных интересах человека (преимущественно принадлежащего к рабочему классу), то следует, вероятно, изменить эти условия. Великобритания и США подошли к решению этих вопросов слишком беззаботно, не предприняв почти никаких усилий по предотвращению проблем в области трудоустройства и образования, и нет ничего удивительного в том, что эти проблемы неизбежно возникли как следствие такого незаинтересованного подхода. Совсем иная ситуация сложилась в Нидерландах, где адаптация цветных иммигрантов протекает гораздо менее болезненно; здесь заранее были предприняты значительные усилия в этом направлении, проблемам образования и предоставления жилья было уделено особое внимание. Как следствие там не возникли те неприятности, с которыми столкнулись мы, и гораздо меньшее распространение получили расовые предрассудки, составляющие позор Британии и Америки. Предрассудки могут быть иррациональными, но это не означает, что они не подчиняются определенным законам; вполне возмож-

но понять их причины и поставить их под контроль. К сожалению, такой контроль гораздо легче осуществлять до, а не после того, как явление возникло; как и в любом ином случае, профилактика оказывается более эффективна, чем лечение. Но даже теперь почти не предпринимается усилий для того, чтобы выработать научные основания решения проблем; вместо этого мы наблюдаем одно политическое пустословие. Практически никаких средств не выделяется на исследования, без которых политики обречены действовать вслепую. А любые действия в отсутствие необходимых знаний менее эффективны, чем те шаги, которые предпринимаются на основе научного понимания.

Теория классовых интересов покрывает не все вопросы, возникающие в связи с парадоксом перекрестного голосования. Безусловно, тут играют роль и личностные факторы, как мы уже могли понять из глав 1 и 2; так, невозможно понять индивидуальные различия в сексуальных установках без учета экстраверсии и интроверсии. Теория интересов — слишком общая и не позволяет точно предсказать индивидуальные установки, которые определяются темпераментом конкретного человека, событиями всей его жизни, а не только принадлежностью к определенному общественному классу; теория (преимущественно марксистская) многое правильно объясняет, но она слишком односторонняя, чтобы предоставить нам всю необходимую информацию. Экономические факторы могут определять поведение, оказывая влияние на конкретную личность; это утверждение кажется аксиомой, и вряд ли кто-либо решит в нем усомниться. Принадлежность человека к тому или иному общественному классу во многих отношениях влияет на его поведение, но это влияние опосредуется присущими ему особенностями темперамента, врожденными способностями, а также тем, что Скиннер называет «индивидуальной историей подкреплений», то есть теми в немалой мере случайными событиями его жизни, которые и определяют, какие поступки, установки и привычки оказываются подкреплены позитивно или негативно.

Обсуждавшаяся ранее теория интересов позволяет нам понять, что интересы, порождающие определенные установки, действительно существуют; позитивные или негативные подкрепления, которые получают обладатели этих установок, являются объективными характеристиками ситуаций, их вызывающих. Конечно, человек может заблуждаться насчет своих подлинных интересов, однако убеждения, которые ведут его в тупик, могут содержать и элементы рациональности. Впрочем, это необязательно, и многие убеждения и установки являются чистыми предрассудками. Вот характерная цитата из газеты «Индиан Экспресс»: «Три козла были вчера принесены в жертву в ходе ритуальной церемонии, призванной обеспечить безопасность нового авиалайнера, приобретенного компанией «Непальские авиалинии». Руководство компании убеждено, что недавняя катастрофа непальского самолета в Нью-Дели произошла из-за того, что соответствующее жертвоприношение не было ранее исполнено в Душере». Как возникают предрассудки такого рода, часто религиозные по своему характеру? В одной из предыдущих глав я уже описывал знаменитый эксперимент Скиннера по формированию суеверий; в равной мере он относится к религиозным предрассудкам, «расистским» убеждениям и к фрейдистским мотивам.

Можно провести аналогию между формированием суеверия у подопытного голубя и хорошо известной историей пациента, страдавшего синдромом навязчивости, который постоянно прищелкивал пальцами. Когда психиатр поинтересовался, зачем он это делает, то получил ответ: «Чтобы отпугивать львов». На это психиатр с недоумением заметил: «Но поблизости нет никаких львов». «Вот видите — как хорошо помогает щелканье пальцами!» — ответил на это пациент. Подкрепление может осуществляться на реалистической основе, и в таком случае возникающая установка соответствует реальности и может быть полезна. Однако подкрепление может быть и случайным, как в случае с голубями, в результате чего возникает предрассудок; такие предрассудки формируются по тем же законам, однако не связаны с реальностью и бесполезны

для их обладателя. Но избавиться от них может быть нелегко, потому что они могут и далее случайно подкрепляться. Голубей, у которых сформировалось «суеверное» поведение, кормят вне зависимости от того, прыгают ли они или расправляют крылья; однако им это неизвестно, поэтому они превратно интерпретируют связь своего поведения с кормлением. Конечно, люди — не голуби, но иррациональность множества их убеждений заставляет предположить, что эти убеждения сформировались не в результате длительных размышлений и научных исследований, а вследствие случайного подкрепления. Жертвоприношение козлов вызывает у нас лишь ироничную усмешку, но мы должны понимать, что хотя многие предрассудки безобидны и даже забавны, иные могут вести к удручающим последствиям.

Рассмотрим, к примеру, африканское племя сото, живущее на морском побережье. В настоящее время племя жестоко страдает от голода в связи с тем, что его численность резко возросла; внедрение методов современной медицины помогло значительно снизить младенческую смертность, при этом, однако, не произошло увеличения продовольственных ресурсов. Дети, сумевшие избежать инфекций и разных заболеваний, которые им ранее грозили, ныне обречены на еще более мучительную гибель от голода. Море может предоставить этим людям изобилие пищи — в прибрежных водах водится много рыбы, а мужчины племени прекрасно управляют лодками. Однако рыбу они не едят, потому что усвоили абсурдные предрассудки и верования насчет рыбы, которые не позволяют решить их проблему таким способом. Похожая ситуация наблюдается и в Индии, где также существует угроза голода, тогда как религиозные предрассудки не позволяют решить эту проблему простым и очевидным способом — употреблением в пищу мяса «священных коров», ныне почитаемых неприкосновенными. Если бы удалось изменить подобные установки, это помогло бы спасти многие жизни. Справедливость такого суждения становится еще более очевидна, если вспомнить о предрассудках Гитлера против евреев или об отношении святой

инквизиции к тем людям (даже христианам), которые не разделяли ее специфических верований.

Во всех этих случаях источник подкрепления сильно отличается от того, который поощряет расистские настроения у рабочих Великобритании и Америки. Наиболее вероятным источником выступает общественное одобрение; определенные убеждения подкрепляются позитивно или негативно учителями, родителями и сверстниками. Это, безусловно, очень сильная форма промывания мозгов; человек привыкает воспринимать как должное те установки, которые так широко декларируются и подкрепляются. Здесь сразу вспоминаются религиозные и националистические установки; они очевидно иррациональны, но в то же время сильны и широко распространены, поэтому подкрепление оказывается частным и сильным. (Вероятно, нет необходимости детально обсуждать иррациональность этих убеждений; лишь очень немногие христиане сделали свой выбор в пользу данной религии в результате вдумчивого сопоставления более чем 300 существующих религиозных доктрин. Дети мусульман становятся мусульманами, дети индуистов становятся индуистами, дети христиан становятся христианами, за редким исключением. Даже в рамках этих религий дети воспринимают убеждения, которых придерживаются их родители — в зависимости от верований отца и матери они становятся либо баптистами, либо протестантами, либо свидетелями Иеговы. И это не рациональный выбор, а иррациональная обусловленность позитивным подкреплением.) Кажется даже парадоксальным, что предрассудки против негров, которые обычно рассматриваются как пример совершенно иррациональных предрассудков, на самом деле имеют под собой определенные рациональные основания и подкрепляются определенными условиями окружающей среды, тогда как религиозные верования, как в случае с жертвоприношением трех козлов, представляют собой чистые суеверия в скиннеровском смысле этого слова.

Существуют, конечно, психологические методы борьбы с предрассудками, и большая экспериментальная работа была

проделана в попытках исправить тот вред, который был ранее нанесен случайным или даже неслучайным подкреплением «неправильных» установок. Я не стану здесь описывать эти методы; хотя и кажется странным, что те, кто наиболее заинтересован в практическом решении проблемы предрассудков, оказываются менее всего знакомы с накопленными в этой области знаниями и практическими рекомендациями. Но данная область психологии ничем не отличается от всех прочих; как я подчеркну в последней главе, практики, как правило, противятся внедрению научных методов в сферу их деятельности, предпочитая двигаться проторенными старыми путями и не принимая во внимание накопленные знания. Такой антинаучный подход сам по себе представляет определенный интерес для исследователя, и работы в этом направлении кажутся весьма многообещающими — из всех человеческих заблуждений это кажется самым вредоносным.

Парадокс, давший название этой главе, может иметь множество политических следствий, и некоторые из них мы в завершение обсудим. В качестве критики в адрес теории классовых интересов нередко указывается, что многие рабочие (примерно каждый третий) голосуют за консерваторов, тогда как многие представители среднего класса (примерно каждый четвертый) голосуют за лейбористов. То есть указывается, что небольшая часть людей голосует против той партии, которая представляет их экономические интересы, а в качестве объяснения этого утверждается, что такое поведение «иррационально». Это вовсе необязательно так; экономический радикализм представляет собой лишь один аспект более общего фактора радикализма, и представитель рабочего класса может в значительной мере поддерживать политику Консервативной партии, которая во многих отношениях отвечает его интересам, но в то же время не одобрять ее экономическую политику. Аналогично представитель среднего класса может поддерживать в целом прогрессивную политику Лейбористской партии, не одобряя в то же время ее экономический радикализм. В самой двухпартийной системе заложено противоречие, и оно может быть

разрешено несколькими способами; ни один из этих способов не представляется непременно иррациональным, хотя голосование вопреки собственным экономическим интересам и может показаться таковым убежденному марксисту.

Не исключено, что экономические соображения постепенно теряют свое значение; национализация уже не представляет собой повода для таких острых разногласий, как это было прежде. Лишь немногие социалисты в наши дни желают дальнейшего расширения национализации; не так уж много консерваторов желали бы вернуть в частную собственность национализированные предприятия. Согласно данным опросов Института Гэллапа, лишь один из пяти голосующих за лейбористов желает расширения национализации, в то время как так же один из пяти приветствует денационализацию; очевидно, что лейбористов не следует рассматривать как партию, выступающую за всеобщую национализацию. Будь это так, то могло бы произойти своеобразное выравнивание классов и партий; больше представителей среднего класса стали бы голосовать за (внеэкономический) радикализм лейбористов и больше рабочих поддержали бы (внеэкономический) консерватизм тори. Такие изменения, если бы они произошли, было бы легко зафиксировать, и это послужило бы своеобразным подтверждением выдвинутой здесь теории.

Парадокс, описанный в данной главе, можно проследить на протяжении всей новой истории Англии, от Кромвеля до наших дней, и он также, похоже, характерен для многих индустриальных стран. Кромвель боролся за низвержение королевской власти, но он не доверял простым людям, которые могли бы избрать такой парламент, который мог бы восстановить эту власть. Он попытался создать подобие парламента из своих ставленников, а когда это начинание показало свою полную нежизнеспособность, у него не осталось никакой альтернативы единоличной диктатуре, и он провозгласил себя лордом-протектором. Этому диктатору пришлось столкнуться с тем, что простые люди, чьи интересы он, по своему убеждению, отстаивал, сами совершенно иначе понимают свои интересы;

подобно многим деятелям последующей истории, он пожелал «разъяснить» им их «подлинные» интересы. Гораздо ближе и понятнее события 1970 года, когда на очередных парламентских выборах лейбористы потерпели поражение, хотя ранее по результатам опросов общественного мнения им предсказывалась уверенная победа. Впоследствии стало ясно, что причиной победы тори стала поддержка рабочим классом антииммигрантских выступлений Эноха Пауэлла; широко растиражированная речь Энтони Веджвуда Бенна с критикой Пауэлла оказалась «самой грубой ошибкой всей избирательной кампании». Теперь уже совершенно ясно, что лейбористы проиграли, а тори выиграли вследствие тех позиций, в которые их поставил описанный нами парадокс классовых установок. Да, лидеры консерваторов осудили Эноха Пауэлла, но для человека с улицы его страстные речи, получившие широкий резонанс, значили больше, чем критика в его адрес со стороны мистера Хита и прочих, затерявшаяся на последних страницах газет. И очень интересно будет посмотреть, какое соотношение сложится на следующих выборах.

Глава 6

Польза и вред порнографии

О сексуальных отношениях существует гораздо больше шуток и анекдотов, чем обо всех иных предметах вместе взятых, и в этом нет ничего удивительного — если рассмотреть половой акт без розовых очков романтизма, то он представляет собой самую комичную процедуру всех времен. Мое собственное знакомство с тайнами секса произошло довольно рано. Мой отец второй раз женился, когда мне было девять, и меня повезли в Мюнхен познакомиться с его женой. На беду отель, в котором мы остановились, оказался заполнен до отказа, однако владелец отеля любезно разрешил мне ночевать на диване в его кабинете. Уже в те годы я был одержим чтением и запоем читал все, что попадалось мне под руку; в поисках, чего бы почитать перед сном, я наткнулся в кабинете на книгу Ван дер Вельде о сексе. Это был один из первых образцов современных версий Камасутры, в котором подробно описывалось множество позиций полового акта; в Германии в ту пору эта книжка стала настольной для множества юных девиц. Подобно большинству смысленных мальчишек, я уже тогда считал взрослых ханжами и лицемерами и понимал, что их слова и поступки разнятся необычайно, и на самом деле они люди довольно порочные. Ван дер Вельде наполнил это представление изрядной долей юмора; когда я принялся читать о том, что взрослые

мужчины и женщины способны вытворять друг с другом, меня обуюл такой приступ хохота, что я свалился с кровати и принялся кататься по полу. Я вдруг представил себе, как мой классный руководитель, дородный мистер П., пристраивается в экзотической позе к своей долговязой худющей жене, и зашелся хохотом до колик. Тут появился отец, обеспокоенный шумом, и немедленно отобрал у меня запретную книгу, но было уже поздно. С той поры, когда учитель или какой-то другой авторитетный взрослый утомлял меня своими нравоучениями, я старался отвлечься и вообразить его в одной из тех позиций, которые так впечатляюще описал Ван дер Вельде. Это немедленно восстанавливало мое хорошее расположение духа и позволяло вытерпеть нудные словесные излияния. И даже теперь Ван дер Вельде приходит мне на помощь, когда я собираюсь на заседание какой-нибудь комиссии или комитета, — не умереть со скуки мне помогают мысленные картинки оргий с участием всех заседающих. Книга Ван дер Вельде, разумеется, в свое время была заклеена как «порнографическая», а мое изображение с той поры обогатилось с помощью «Фанни Хилл», «Кэнди» и других ягодок с того же поля¹, но первая любовь

¹«Фанни Хилл» — роман английского писателя Джона Клеланда (оригинальное название — «Мемуары женщины для утех»), впервые напечатанный в 1748 г. и надолго снискавший в истории литературы скандальную славу непристойной книги. В Америке этот роман находился под цензурным запретом в течение двухсот с лишним лет и только в 1960-е годы был в судебном порядке «амнистирован» как талантливое литературное произведение, не наносящее оскорбления общественной морали. Написанная от первого лица история юной наивной провинциалки, попавшей в Лондон, испытавшей череду эротических приключений в качестве женщины для утех и в конце концов обретшей на этом пути настоящую любовь, представлена Клеландом с невиданной для того времени откровенностью. На русский язык роман переведен в 2006 г.; «Кэнди» — роман, написанный англичанином Максвеллом Кентоном (псевдоним Терри Саутерна) в соавторстве с Мейсоном Хоффенбергером, впервые опубликован в 1958 г. Роман весьма откровенно повествует о бурных сексуальных приключениях 18-летней англичанки. В 2006 г. журнал «Плэйбой» назвал «Кэнди» одним из 25 «самых сексуальных произведений всех времен». На русский язык роман не переведен.

сильнее всех, и я до сих пор вспоминаю эту книгу с теплыми чувствами.

Другое удовольствие, которое я получил в связи с сексом, было вызвано чтением о порнографии. Не с чтением порнографии! Хотя я ничего против порнографии как таковой не имею, особого удовольствия она доставить не может. Каковы бы ни были ее функции (а об этом мы еще поговорим), получение удовольствия среди них обычно отсутствует — оно возникает разве только случайно и мимоходом. Нет, меня привлекла дискуссия о том, что является, а что не является порнографией; бесконечный спор о том, оправдывают ли литературные достоинства или научная значимость порнографическое содержание; юридические споры о том, допустимо ли издание порнографии, или она в силу своего вредоносного влияния должна быть запрещена. Меня всегда привлекали эти рассуждения, и, стыдно признаться, читать о порнографии мне интереснее, чем знакомиться непосредственно с нею, — подобно тому, как психолог в разгар эротического шоу наблюдает за зрителями, а не за сценой.

Не хочу сказать, будто мне безразличен тот факт, что с сексом связано множество трагедий; тот, кому довелось поработать в психиатрической больнице, не может этот факт игнорировать. Разумеется, секс может быть и прекрасен — когда сочетается с искренними любовными чувствами. Но ни трагичность, ни красота, как правило, не присущи сексу обыкновенному, повседневному, в котором смех выступает единственным противоядием от уныния. Почему же секс смешон? Я полагаю, что это один из немногих предметов, к которому без оговорок применима теория смеха, выдвинутая Бергсоном. Как известно, Бергсон считал, что комическое возникает вследствие расхождения между нашими представлениями о благородстве и величии человека, с одной стороны, и механической природой наших тел и определенных аспектов поведения, с другой. Классический пример — человек, поскользнувшийся на банановой кожуре; перед нами существо, наделен-

ное разумом, общественным положением, имеющее какие-то финансовые и семейные проблемы, которое, однако, в данном случае выступает всего лишь частным подтверждением закона всемирного тяготения Ньютона. Объяснение, конечно, отчасти состоит и в том, что половой акт и многие предшествующие ему виды активности содержат изрядный «механический» компонент; и это не укрылось от внимания тех, кто изучает символизм сексуальной активности. Вдевание нитки в иглолку, стрельба в цель из пистолета, вставление автозаправочного шланга в бак машины — таковы лишь некоторые примеры того, с чем может ассоциироваться взаимодействие мужских и женских гениталий. Кое-кто до сих пор считает, что такого рода символизм был открыт Фрейдом, а до него оставался никем не замечен. Это не так. Из множества примеров приведу лишь один — книгу «Повествование о культе Приапа», написанную в 1786 г. антикваром Ричардом Пейном Найтом (в соавторстве с сэром Уильямом Гамильтоном, мужем «дорогой Эммы» Нельсона). Заявив, что круглые башни Ирландии и английский майский шест¹ представляют собой фаллические символы, Найт идет еще дальше и негодует: «Даже шпиды наших церквей представляют собой ни больше ни меньше как пережиток этого языческого культа». Именно противопоставление романтического идеала любви и механической природы полового акта, несоответствие гуманистических ценностей, сквозь призму которых мы воспринимаем другого человека, и его физической роли обладающего или отдающегося, неизбежно превращает секс в нечто юмористическое; кроме того, существует также противоречие между сексуальными ассоциациями, возникающими на каждом шагу, и негласным правилом не об-

¹Майский шест — традиционный атрибут народных праздников, отмечаемых в Англии в начале мая; представляет собой высокий шест, обычно украшенный цветами и разноцветными лентами, вокруг которого устраиваются танцы наподобие хоровода; традиция водружения майского шеста уходит корнями в языческие времена, в силу этого пуританами предпринимались попытки ее искоренить (впрочем, безуспешные).

суждать этот предмет вслух. Но забавнее всего, конечно, противоречие между механикой акта и тем спиритуалистическим флером, которым его овеивают поэты, писатели и моралисты.

Подобное несоответствие относится, безусловно, и к такой вещи, как поведенческая терапия; существует явное противоречие между высоким гуманизмом (если таковой вообще присутствует) и нанесением гомосексуалистам ударов электрическим током в процессе просмотра фотографий обнаженных мужчин. Таким образом их можно избавить от гомосексуальных наклонностей, но в то же время это либо трагично, либо смешно — в зависимости от того, под каким углом зрения вы это расцениваете; тут, безусловно, имеет место нравственный конфликт, который поведенческим терапевтам очевиден не менее, чем их критикам. Голос критиков обычно звучит громче, поскольку они менее озабочены положением пациента; они не чувствуют, какое давление испытывает терапевт, потому что не видят страданий пациента. Поэтому для критиков «негуманная» или механистическая сторона лечения перевешивает, и они негодуют против нее; их критика была бы, безусловно, более приемлема, если бы они могли предложить нечто лучшее взамен аверсивной терапии. Но пока такой метод не найден, нам придется мириться с противоречием и смеяться либо рыдать в зависимости от того, к чему мы более склонны.

Попробуйте увязать секс с поведенческой терапией, и вы сможете представить ситуацию, в которой я однажды оказался, когда меня навестил посланец группы арабских шейхов. Я много писал о лечении сексуальных расстройств с помощью поведенческой терапии, и эти фантастически богатые персонажи «Тысячи и одной ночи» решили пригласить меня в Аравию, чтобы я вылечил их от импотенции! Мне стоило большого труда сохранить серьезное выражение лица, когда я представил себе, как дюжина Рудольфов Валентино в богатых арабских одеждах предъявляют мне для осмотра свои детородные органы, а на заднем плане их многочисленные жены в роскошных шатрах умоляют Аллаха восстановить мужское

достоинство их мужей. Это бессердечно? Возможно. Но, безусловно, в подобных сценах есть что-то комичное, вопреки самым печальным фактам, лежащим в их основе. Жизнь — это комедия для того, кто думает, и трагедия для того, кто чувствует; смех — это то средство, которое может помочь нам сохранить здравый рассудок. Но как раз здравого рассудка и недостает в многочисленных дискуссиях о сексе, порнографии и «непристойностях».

Что такое порнография? Из словарей мы узнаем, что этот термин образован греческими словами: «порно» — разврат, и «графос» — писание; то есть это слово должно бы означать описание разврата. На самом деле этот термин используется в более широком значении для обозначения «непристойных сочинений и изображений»; использованное тут прилагательное не имеет за собой богатой семантической истории, оно относится к предметам и явлениям, нарушающим приличия, оскорбляющим нравственность и вызывающим негодование. Если и далее разбирать буквальное значение используемых слов, это запутывает нас еще больше. Является ли дурно написанная книга, вызывающая наше негодование, порнографической? Из ответа на этот почти риторический вопрос становится ясно, что безнравственность и непристойность, с одной стороны, и порнография, с другой, — это не одно и то же; первое покрывает собою широкий круг явлений, тогда как второе относится исключительно к описаниям явлений сексуальности. Я бы хотел рассмотреть психологический аспект этой проблемы. Хотя на эту тему написаны сотни томов, их авторами обычно выступают юристы, литераторы, журналисты, политики, социологи, то есть те, кто далек от психологии. Это кажется нелепым, поскольку рассматриваемая проблема почти исключительно психологическая, однако я не припомню, чтобы когда-либо интересовались мнением психологов на сей счет! (Психиатры и психоаналитики нередко к этой проблеме обращаются, но не потому, что хорошо разбираются в психологии, а потому, что имеют медицинскую квалификацию; какое от-

ношение эта квалификация имеет к данной проблеме, всегда оставалось для меня неясным).

Прежде всего давайте разберемся, как следует понимать термины «безнравственность» и «разврат», которые постоянно встречаются при обсуждении данной проблемы. Из словарей, трактующих эти термины в широком смысле, мы узнаем, что ими определяется недостойное, дурное поведение. В нашем контексте сюда следует добавить определение «сексуальное», таким образом, непристойные художественные произведения описывают скверное, недопустимое сексуальное поведение. Довольно странно, что такое поведение никогда не было детально описано юристами, использующими эти термины, хотя во всех прочих случаях закон настаивает на точности определений. Судя по всему, имеется в виду, что значения этих слов универсальны и всем понятны. Тем не менее совершенно очевидно, что это совсем не так — то, что способно вызвать негодование у одного человека, кажется вполне приемлемым другому. В подтверждение этого я провел небольшой эксперимент, результаты которого красноречивее всяких слов. В ходе этого эксперимента нескольким сотням студентов, весьма неглупых и настроенных на сотрудничество, задавались вопросы о том, какого рода действия они считают «развратными» и «безнравственными»; понятно, что в отношении к разным людям эти действия могут быть или не быть таковыми — половой акт с несовершеннолетней девушкой — это совсем не то же самое, что половой акт со зрелой вдовой, — соответственно и вопросы касались допустимости тех или иных действий в отношении разных людей. Данный опросник приводится ниже, в нем респондентов просили отметить крестиком те случаи, которые они считали относящимися к безнравственности и разврату. Если законодатели правы в том, что не считают нужным точно определять якобы общепринятые нормы, тогда ответы респондентов должны быть практически одинаковы; если верны мои критические соображения, то никакого единодушия быть не должно. Каковы же факты?

Ниже перечислены действия взрослых мужчин по отношению к разным типам женщин. Для каждого типа женщин отметьте тот пункт, в отношении которого вы считаете, что действие такого рода является безнравственным и развратным.

N.B. Могут быть отмечены все пять типов или любые из них.

Не ставьте никаких отметок, если вы не находите действие безнравственным и развратным.

ДЕЙСТВИЯ (взрослых мужчин) в отношении	ТИПОВ ЖЕНЩИН				
	А	Б	В	Г	Д
	15-летняя девушка	25-летняя девушка	Незамужняя девушка	Замужняя женщина (с мужем)	Замужняя женщина (не с мужем)
1 Поцелуй в губы					
2 Соблазнение					
3 Половой акт в обычной позе					
4 Дать почитать порнографическую книгу					
5 Прикосновения и поцелуи интимных мест					
6 Побуждение к проституции					
7 Приглашение в стриптиз-клуб					
8 Приглашение полюбоваться на пару, занимающуюся сексом					
9 Энергичный петтинг					
10 Приглашение на спектакль с обнаженными актерами					
11 Приглашение на просмотр порнографического фильма					

12	Демонстрация женщине своих половых органов
13	Побуждение женщины одеться в мужскую одежду
14	Приглашение на вечеринку с групповым сексом
15	Употребление нецензурных выражений
16	Изнасилование, принуждение к половому акту

Некоторые люди — преимущественно интроверты — испещряли отметками почти всю площадь опросника; похоже, они не одобряли никаких сексуальных действий вне брака. И даже в браке ими отвергалось все, выходящее за рамки «миссионерской позиции». Другие — преимущественно экстраверты — делали лишь несколько отметок, подтверждая тем самым, что считают допустимым практически все, за исключением изнасилования и соращения несовершеннолетних — этого не одобряли даже самые радикальные «вольнодумцы». Большинство респондентов балансировали между этими крайностями, но и их мнения о разврате тоже далеко не совпадали. Это свидетельствует о том, что не существует единодушного общественного мнения, на которое мог бы опереться закон; единомышленники наблюдаются лишь по тем немногим вопросам, которые и закон трактует однозначно. Все это заставляет усомниться в негласном представлении о том, что соответствующие законы легко выводимы из общественного мнения. В таком случае встает острый вопрос: допустима ли неограниченная свобода творчества для писателей, художников, кинематографистов или она рискует обернуться разнузданной порнографией, которая представляет общественную опасность? И в чем состоит эта опасность? Бытует мнение, что распространение безнравственных произведений провоцирует преступления на сексуальной почве. Однако известно, что в

Дании после отмены всех цензурных ограничений уровень сексуальных преступлений снизился на 22%. Конечно, эту цифру не следует принимать слишком серьезно; к любой официальной статистике надо относиться осторожно, а к статистике преступлений (в частности, сексуальных преступлений) — особенно. Криминальная статистика имеет дело только с событиями, ставшими известными полиции, а в случае сексуальных преступлений это обычно лишь верхушка айсберга; достаточно лишь немного изменить установки женщин относительно обращения в полицию по поводу сексуальных посягательств, и процент зафиксированных «изнасилований» может резко возрасти. Тем не менее изучение датского опыта представляется весьма важным; по крайней мере он свидетельствует о том, что опасения насчет роста числа преступлений вследствие «вседозволенности» оказались безосновательными. Происходит ли в условиях либерализации снижение преступности — это еще надо выяснить.

Можно ли утверждать, что допущение публикации порнографических произведений никак не влияет на общественные нравы? Можно ли считать, что тенденция к все большей допустимости все более откровенных публикаций является следствием, а не причиной либерализации общественных нравов? Я считаю такие мнения не очень реалистичными, напротив — порнографические произведения склоняют среднестатистического обывателя к более выраженному сексуальному поведению. Если считать такое поведение безнравственным и развратным, приходится признать, что происходящие изменения действительно имеют разлагающий эффект. Сторонникам отмены цензуры хотелось бы посоветовать обосновывать свои требования доводами о безобидности сексуального поведения, не подпадающего под действие уголовного законодательства; что же касается доводов, будто отмена цензуры не оказывает развращающего действия, то такие доводы не подкрепляются данными экспериментальной психологии. Тут я хочу подчеркнуть, что не выступаю ни за, ни против цензуры в отношении определенных книг, изображений, фильмов и спектаклей.

Я лишь хочу представить известные факты, а уж какие выводы из них напрашиваются, зависит от множества факторов, в которых психолог разбирается не лучше, чем все остальные. Что же касается фактов, то тут психологу есть что сказать. А что касается морально-этических рассуждений, то они, безусловно, будут более взвешенными и обоснованными, базируясь на достоверных фактах, а не догадках и допущениях. К сожалению, человеческая натура такова, что те, кто по тем или иным причинам одобряет определенный образ действий, склонны обосновывать свою позицию фактами, с нею хорошо согласующимися, и недооценивать либо вовсе не замечать противоречащие ей факты. Преимущество научного подхода — в непредвзятом анализе объективных фактов.

Какие же данные могут рассматриваться как свидетельство влияния порнографии на человеческое поведение? Тут можно вслед за Милтоном Шульманом¹ указать на то, что создатели телевизионных программ, утверждающие, будто секс и насилие на экране никак не влияют на аудиторию, в то же время заявляют, что реклама определенных автомобилей, напитков или шоколадок оказывает огромное стимулирующее влияние на зрителей, побуждая покупать именно эти машины, напитки и шоколадки; так в чем же, спрашивается, разница? Если телевизионная реклама эффективна (а так оно, вне сомнения, и есть), то почему телевидение якобы оказывается менее эффективно, когда оно пропагандирует безнравственность и насилие? Позиция владельцев телеканалов сама по себе лицемерна и безнравственна, она направлена лишь на то, чтобы делать большие деньги, прилагая минимум усилий. Но хотя такие соображения и так достаточно убедительны, нелишне подкрепить их экспериментальными данными. Любопытно, что министр по делам связи и информации, отвечающий за содержание национальных телепрограмм, в своем докладе парламенту

¹Шульман (Shulman) Милтон (1913—2004) — известный канадский беллетрист и кинокритик; в 1953—1991 гг. работал в английской газете «Ивнинг Стандарт», рецензируя театральные постановки, кинофильмы и телепередачи.

заявил, что немедленно предпримет решительные действия, если подобные свидетельства станут ему известны. Можно предположить, что, прежде чем публично заявлять о своем невежестве в данном вопросе, в котором общественность вправе рассчитывать на его компетентность, высокий чиновник хотя бы ознакомился с мнением специалистов; увы, даже если это и так, то специалисты тоже оказались не на высоте. Однако объяснение кажется еще проще: в политических играх факты имеют очень малую ценность и с легкостью замалчиваются или игнорируются. Если даже по такому важному вопросу не существует необходимых данных, можно было бы предположить, что правительство позаботится их получить, то есть поручит компетентным специалистам провести соответствующие исследования. К сожалению, даже в вопросах морального здоровья нации политики предпочитают пребывать в комфортном неведении.

Какая же информация могла бы помочь нам разобраться в вопросе влияния порнографии на поведение? Сама по себе природа данного вопроса не допускает непосредственного экспериментирования. Мы не можем себе позволить взять, скажем, 10 000 девушек, заставить половину из них читать порнографические сочинения и смотреть порнографические фильмы, другую половину изолировать от этих вредоносных материалов, а потом на протяжении длительного времени проследить, сколько в каждой группе родится внебрачных детей, или выделить еще какой-то критерий, по которому мы сможем оценить «недостойное» поведение. Такого рода опыт невозможен по этическим и практическим соображениям. С этической точки зрения просто недопустимо предъявлять нашим испытуемым порнографические материалы, если согласно нашей гипотезе это может причинить им какой-то вред; это соображение очевидно и не требует доказательств. С практической точки зрения мы не в силах создать для контрольной группы такие условия, чтобы полностью исключить ее столкновение с порнографией в повседневной жизни, и зафиксировать результаты случайных столкновений такого рода было бы

крайне затруднительно. Предпринимались попытки установить непосредственное влияние телевидения, однако они не были очень успешными — выбор программ в соответствии с индивидуальными вкусами практически сводит такие попытки на нет. Не способствует решению вопроса и подразделение испытуемых на тех, кто смотрит и кто не смотрит телевизор — из принципиальных соображений либо просто в силу недоступности телетрансляций в том или ином районе. Очевидно, что есть существенные личностные различия между теми, кто охотно смотрит телевизор, и теми, кто намеренно его игнорирует. И даже в плане доступности телетрансляций такие различия тоже отчасти играют свою роль — в конце концов, человек сам вправе выбирать, жить ли ему в глубинке, не охваченной телевидением, или перебраться в крупный центр, где оно давно доступно.

Если ответ на интересующий наш вопрос невозможно получить путем непосредственного экспериментирования, его следует искать иными, косвенными способами. Если мы желаем изучить молнию, мы создаем ее модель в доступной нам пропорции в лабораторных условиях. В физике лабораторные испытания проводятся гораздо чаще, чем прямые эксперименты в природе; если мы формулируем гипотезу, соответствующую нашему вопросу, то можем проверить ее в лаборатории, а результаты такой проверки станут ответом на наш вопрос. Конечно, и тут возможны определенные затруднения, но такая тактика в целом соответствует традиционному научному подходу.

Давайте вернемся к теории конфликта стремлений к достижению и избеганию, описанной в одной из предыдущих глав. Стремление к избеганию обусловлено социальными факторами, которые для удобства мы обозначим как «совесть»; она включает этические, религиозные и моральные ограничения наряду с эстетическими предпочтениями, а также практическими соображениями — например, нежелательностью внебрачной беременности. Как уже говорилось в главе 2, подобные убеждения по всей вероятности формируются по принци-

пу павловского обусловливания; действия сексуального характера (все либо лишь некоторые) представляются дурными, порочными и запретными, и за счет наказания, реального или символического, становятся условным стимулом, вызывающим реакции страха, стыда и вины. Такие реакции могут быть исключительно сильными; в моей книге «Преступление и личность» я упоминал эксперимент со щенками, которых отучили есть мясо, несильно шлепая их свернутой газетой всякий раз, когда они приближались к кусочку мяса; сформированная реакция оказалась настолько сильна, что щенки не прикасались к мясу даже в отсутствие экспериментатора! (Разумеется, умереть от голода им не дали, найдя иные способы кормления.) Такого рода условные реакции избегания со всей очевидностью наблюдаются и у людей, особенно у молодых; девушки, которых обычно воспитывают строже, чем юношей, в целом ведут себя лучше (и вообще, вероятно, более законопослушны).

Стремление к достижению отчасти определяется склонностью к поиску новых ощущений, характерной для экстравертированной личности; обладая более высокими порогами ощущений, как это было показано в главе 2, такие люди нуждаются в более сильных и разнообразных стимулах, чтобы избежать скуки и монотонности. Это касается и сексуальной активности, поэтому сексуальное влечение у экстравертов сильнее. Какое же влияние окажет на них чтение порнографических сочинений или просмотр порнографических фильмов? Ответ тут можно дать вполне определенный, поскольку имеется достаточно данных, полученных в области поведенческой терапии и особенно в связи с применением метода десенсибилизации. Эти данные подробно описаны в моей книге «Факты и вымысел в психологии» и кратко упомянуты в других главах данной книги; здесь я отмечу лишь ключевые моменты.

Если человек демонстрирует сильные реакции тревоги или страха в связи с определенными объектами или ситуациями (это может быть, например, боязнь змей или страх встречи с лицами, занимающими более высокое положение), то у него,

по всей вероятности, сформировалась условная симпатическая реакция на соответствующие объекты или ситуации; симпатическая ветвь автономной нервной системы порождает сильные эмоциональные переживания гнева или страха. Антагонистичная ей парасимпатическая ветвь порождает эмоциональные реакции умиротворения. Суть десенсибилизации состоит в том, чтобы сформировать условные парасимпатические реакции на пугающие объекты или ситуации; это достигается погружением человека в расслабленное состояние (иногда с использованием расслабляющих препаратов) с последующим предъявлением ему минимально пугающих образов данных объектов или ситуаций. Например, его могут попросить вспомнить о том, что он слышал о змеях по радио, или вообразить, что его начальник идет по улице, так что он может наблюдать за ним сквозь окно. Сочетание слегка пугающего объекта или ситуации с парасимпатической релаксацией имеет своим результатом легкое парасимпатическое обусловливание, противостоящее исходным симпатическим реакциям; в следующий раз интенсивность пугающего стимула немного усиливается, и так до тех пор, пока нежелательные реакции не будут полностью вытеснены умиротворением и спокойствием. В главе 3 такой процесс лечения описан несколько более подробно.

Нарушения такого рода обычно рассматриваются как неврозы, то есть как реакции, препятствующие нормальной жизнедеятельности; однако в Англии, где змеи почти не водятся, страх перед ними выглядит абсурдно, тогда как в Австралии, где их довольно много, он может сослужить человеку хорошую службу и даже спасти ему жизнь. Сексуальные тревоги и страхи могут расцениваться как абсурдные легкомысленным экстравертам, тогда как интроверт скорее отнесет их к ценным нравственным качествам, удерживающим от опасных шагов; не существует абсолютной шкалы, по которой мы можем измерить их достоинства и недостатки. Когда заходит речь о «соести» по отношению к преступным деяниям, большинство людей, вероятно, согласятся, что такие реакции вовсе не нев-

ротичны, а напротив — социально желательны. Хотя механизмы формирования реакций в большинстве случаев одни и те же, и угашены они также могут быть одним и тем же способом.

Обратимся теперь непосредственно к порнографической литературе и кинематографу. Само по себе знакомство с этими предметами вызывает некоторое возбуждение (как это было показано в исследованиях, неоднократно проводившихся в США); тем не менее оно происходит в расслабляющей атмосфере, то есть читатель или зритель обычно находится дома, сидит в удобном кресле в привычной комфортной обстановке и т.п. То есть условия таковы, что они максимально снижают волнения и опасения, которые в норме возникают при предъявлении подобных материалов. Таким образом стремление к избеганию ослабевает. Постепенно читатель или зритель доходит до того, что начинает совершенно спокойно воспринимать описания таких сцен, которые раньше заставили бы его с негодованием захлопнуть книгу или выключить телевизор.

Сказанное справедливо не только в отношении секса, но и насилия. Неприятные чувства, возникающие у нас при столкновении с насилием, при виде крови и жестокости, отчасти присущи нам по натуре, отчасти сформированы в виде условных рефлексов. Обезьяны демонстрируют сочувствие к совершенно им незнакомой обезьяне, видя, как она испытывает боль; похоже, этой способностью живые существа наделены от природы. Но и позитивные чувства, возникающие в связи с насилием, также достаточно очевидны: силой прокладывая себе путь, принуждая других утолять наши нужды, отбирая у них блага в свою пользу, мы тем самым тешим свое эго, то есть эти действия позитивно подкрепляются. Негативные чувства необходимы для выживания общества; никакие полицейские силы не совладают с огромной массой населения, чьи агрессивные побуждения никак не смиряются совестью. Однако современное кино, телевидение и литература, прославляющие жестокость и насилие, невольно (если только не преднамеренно) разрушают эту веками сложившуюся систему условных реакций; демонстрируя ужасные действия, которые в норме вы-

зывают у нас содрогание, нам предлагают их в несколько смягченной форме и в расслабляющих условиях собственного дома. При этом неизбежно наступает десенсибилизация, то есть зритель или читатель постепенно утрачивает социально полезные условные реакции. Если бы какой-то злонамеренный инопланетный пришелец поинтересовался у меня, как лучше уничтожить человечество, не прибегая к оружию, я бы ответил, что наилучшим способом было бы разрушение моральных устоев общества, а достичь этого легче всего неограниченной демонстрацией насилия в кино и на телевидении день за днем. Люди недоумевают, отчего происходит такой невероятный всплеск насилия в современных Соединенных Штатах, где фильмы и телепрограммы более, чем где бы то ни было, насыщены жестокостью. С точки зрения психолога, это явление совершенно предсказуемо и объяснимо. Однако психологов никто и не спрашивает.

Одним из самых действенных приемов десенсибилизации является демонстрация модели, образца, и соответствующие примеры убедительно подтверждают нашу гипотезу. Представьте человека, который настолько боится змей, что не может находиться со змеей в одном помещении. Войдите, держа в руках змею, в комнату, где он удобно расположился, остановитесь от него на безопасном расстоянии и всячески демонстрируйте, что у вас самого змея не вызывает никаких неприятных чувств. Постепенно вы сможете приближаться к нему со змеей в руках, пока наконец его страх окончательно не улетучится и он сможет сам взять змею в руки. Многие страхи и тревожные состояния успешно устранялись таким образом, причем как у детей, так и у взрослых. Демонстрация примера может быть выполнена и символически — например, на киноэкране. И похоже, нет принципиальной разницы в том, показывать живую змею или ее киноизображение, — соответствующие фильмы снимают страхи не менее успешно.

Точно таким же образом — демонстрацией примера на экране — можно сформировать отношение к насилию. Понаблюдайте за поведением маленьких детей в игре, а потом пока-

жите им фильм, в котором между детьми возникает ссора из-за игрушек, и один ребенок бьет другого и отнимает у него игрушку. Фильм может иметь два завершения — в первом случае агрессор начинает спокойно играть с отобранной игрушкой, во втором появляется взрослый и наказывает его за его поведение. Затем снова понаблюдайте, как станут вести себя дети в игре. Посмотревшие первую версию станут демонстрировать гораздо более агрессивное поведение, чем прежде, тогда как у посмотревших вторую степень агрессивности снизится. Имитация чужого поведения выполняется нами на инстинктивном уровне, и это открывает широкие возможности по управлению поведением. В этой области выполнено много экспериментальных исследований, и теперь нам многое известно о том, каковы бывают последствия тех или иных демонстраций, какие факторы влияют на возникновение подражательных действий. Так или иначе не возникает сомнений, что фильмы определенного содержания оказывают сильный стимулирующий эффект как на взрослых, так и на детей; подражание — если использовать этот несколько устаревший термин — оказывается очень важным фактором нашего поведения.

По понятным причинам с фильмами откровенно сексуального содержания подобных экспериментов не проводилось; однако не вызывает сомнений, что принципы, выявленные на иных видах деятельности — например, агрессии и насилии, — относятся и к сексуальной сфере. Покажите людям фильм, в котором герои с удовольствием и безнаказанно предаются разврату, и вы можете быть уверены, что сексуальное возбуждение зрителей повысится, то есть усилится стремление к достижению в этой сфере и ослабеет стремление к избеганию. Особенно действенным будет постепенное нагнетание сексуальности — без этого, если сразу вылить на неподготовленного зрителя ушат разврата, он может просто впасть в оторопь. Этим объясняются некоторые претензии, которые то и дело возникают в адрес телевидения, — зрители оказываются просто не подготовлены к иным слишком откровенным и вызывающим демонстрациям; когда же процесс идет постепенно,

нареканий, как правило, не возникает. Впрочем, в современных условиях этот процесс зашел уже настолько далеко, что не приходится удивляться значительным переменам в общественных нравах.

До сих пор я говорил о стремлении к избеганию и о том, как оно может быть угашено; обратимся теперь к его противоположности — стремлению к достижению. И здесь современные научные данные заставляют внести коррективы в представления, весьма распространенные еще несколько лет назад. Сексуальное влечение всегда было принято рассматривать как биологический инстинкт наподобие голода и жажды; его целью является оргазм, а все, что этому предшествует, — всего лишь прелюдия. Такая философия, которой столь привержены фрейдисты, представляется слишком упрощенной, а потому неверной. Разумеется, существуют биологические основания сексуальных потребностей и проявлений; например, стимуляция определенных отделов мозга обезьян может вызвать эрекцию у самцов. Но сексуальное возбуждение в гораздо большей степени зависит от внешних стимулов, чем голод или жажда, хотя и в последнем случае внешние стимулы не стоит сбрасывать со счетов. Курица обычно съедает порцию зерна, которую ей отсыплют; если увеличить порцию, курица в сумме съест больше. Многие животные склонны съесть больше, когда им приходится есть вместе с другим животным. Таким образом, даже «инстинктивные» действия у животных невысокого уровня организации оказываются подвержены «социальным» влияниям; насколько больше оказываются им подвержены сексуальные «инстинкты» высших животных! Харлоу¹

¹Харлоу (Harlow) Гарри Фредерик (1905—1981) — американский психолог, наиболее известен своими исследованиями детенышей обезьян, лишенных общения с матерями и вынужденных вместо этого довольствоваться манекенами. Он установил, что длительная депривация ведет к серьезному нарушению последующего социального поведения — сильно затрудненными оказались отношения с другими молодыми обезьянками, в особенности с половыми партнерами, а самки не умели «нормально» обращаться со своими детенышами.

наглядно продемонстрировал, что обезьяны, выращенные в изоляции, став взрослыми, не проявляли никакой сексуальной активности — они не имели возможности освоить соответствующие приемы поведения, хотя все биологические функции были у них сохранены. Сексуальный аппетит в значительной части является благоприобретенным; когда Шофильд изучал сексуальное поведение молодежи, он обнаружил, что большинство не испытали никакого удовольствия от первого полового акта — положительно об этом событии отозвались менее половины юношей и менее трети девушек. Безусловно, для них в этом поведении главную роль играли социальные факторы.

Ф.А. Бич, чьи работы о сексуальности животных и человека хорошо известны, недвусмысленно указывает: «Никакие биологические потребности не возникают вследствие полового воздержания. Долгое время было принято считать, что длительное отсутствие половой жизни в зрелые годы приводит к накоплению секрета в половых железах, и нервные импульсы от этих переполненных желез стимулируют половое влечение. Современные данные заставляют отвергнуть эту гипотезу... То, что обычно принимают за первичное влечение, связанное с сексуальной потребностью, есть не что иное, как сексуальный аппетит, который почти не связан с биологическими или физиологическими нуждами». Этот сексуальный аппетит, поясняет он, является «продуктом опыта, реального или воображаемого. Повышенная сексуальная озабоченность подростка в основном определяется психологическими стимулами, внешними и воображаемыми, и почти не зависит от созревания его половых желез. Его эротические устремления определяются в большей степени социокультурными факторами, нежели физиологическими». Эта позиция согласуется с современными попытками провести различие между механизмами сексуального возбуждения и оргазмическими механизмами.

Механизм сексуального возбуждения основывается на том, что прикосновение к гениталиям вызывает приятные ощущения. У человеческих существ этот механизм весьма изменчив и

подвержен рефлекторному обусловливанию. Благодаря образованию условных рефлексов прикосновения к другим частям тела и даже вызывание определенных образов в воображении могут вызвать то же удовольствие, которое изначально возникает лишь при прикосновении к гениталиям. Обстановка, в которой происходит сексуальная стимуляция, начинает вызывать эмоциональные реакции, которые ассоциируются с нею. Молодые люди, чье детство было богато конфликтами с родителями, начинают ассоциировать возбуждение с агрессией; у других оно, напротив, ассоциируется с нежностью. Именно такой социальной контекст составляют кино, литература и телевидение; где еще растущему мальчику или девочке найти то, что традиционно родителями им не передается? Важную роль, конечно, играет и субкультура сверстников, однако откуда сверстники черпают эту информацию, если не из тех же фильмов, книг и передач? Частота и специфика сексуального возбуждения в значительной мере определяются условными стимулами, и это становится очевидно, если мы присмотримся к нравам иных народов и рас. Для нас женская грудь выступает сильным сексуальным стимулом, тогда как полинезийцев она оставляет совершенно равнодушными; мы предпочитаем стройных женщин, а китайцы на протяжении веков отдавали предпочтение толстым; поцелуй мы расцениваем как сравнительно невинную форму сексуального поведения, тогда как для японцев это акт исключительный, граничащий с развратом. И эти предпочтения не являются ни врожденными, ни рационально обоснованными, они представляют собой результат культурного обусловливания.

Исключительная пластичность механизма сексуального возбуждения может быть продемонстрирована даже в лабораторных условиях. В одном эксперименте использовался плектисмограф — аппарат, фиксирующий изменения размеров пениса. С его помощью измерялось сексуальное возбуждение. Когда испытуемым, молодым мужчинам, предъявлялись слайды с изображением тупель, это не вызывало никакой реакции. Когда же предъявлялись слайды с изображением обнаженных

женщин, реакция была весьма сильной. Затем началось формирование условной реакции — слайд с туфлями предъявлялся за пару секунд до слайда с нагой красоткой. Очень скоро сами изображения туфель стали вызывать у испытуемых возбуждение, даже если за этим не следовала демонстрация женской наготы; более того, имела место тенденция к генерализации стимула — возбуждение стали вызывать слайды с изображением ботинок и других видов обуви, хотя они никогда ранее не предъявлялись в сочетании со слайдами ню. Это своего рода экспериментальная аналогия формирования фетишистских наклонностей; разумеется, у испытуемых такие наклонности сформированы не были, поскольку эксперимент закончился задолго до того, как они могли закрепиться, а также потому, что слайды с обнаженной натурой — это все-таки недостаточный стимул, чтобы вызвать сильные сексуальные реакции.

Таким образом, если исключить «секс в голове», то это сводит на нет практически весь секс. Для нас, нравится нам это или нет, сексуальность порождается, поддерживается и направляется не физиологическими механизмами, а условными стимулами, которые человек привык ассоциировать с возбуждением и воображаемыми действиями, происходящими в голове. Достоин сожаления то, что до сих пор широко распространены взгляды на сексуальность как функцию «либидо»; хочется надеяться, что со временем эта примитивная позиция уступит место более реалистичному взгляду, основанному на научных данных.

Рекомендации, вытекающие из этих устаревших взглядов, основаны на представлении о сексуальности как простой нужде вроде голода и жажды, то есть требуют ее утоления вне зависимости от социальных или каких-либо иных условий; согласно этой позиции, избегать удовлетворения вредно и недопустимо. Соответственно порнография не приносит никакого вреда; людям так или иначе присущи сексуальные инстинкты, и порнографические книги и фильмы ничего к этому не добавляют. Можно даже сказать, что они приносят известную пользу. Некоторые люди настолько закрепощены и скованы в сво-

ей сексуальной активности, что это угрожает их здоровью; приобщение к порнографии играет для них роль разрядки напряжения. Многие девушки пали жертвами этих доводов, приводимых их поклонниками, — разумеется, в трогательной заботе об их душевном и физическом здоровье! И то, что подобные аргументы по сей день популярны у весьма авторитетных персон, свидетельствует лишь о том, с каким трудом научный подход пробивает себе дорогу. Заявления Фрейда о том, что каждому человеку присуща определенная энергия «либидо», требующая выхода, никогда не принимались всерьез учеными; и если эта идея до сих пор используется в качестве оправдания сексуальной вседозволенности, это не делает чести ее пропагандистам.

Теория сексуального аппетита приводит нас совсем к другим выводам. В современном обществе сфера стимулов, связанных с сексом, невероятно расширилась, то есть все больше стимулов и условий вызывают сексуальное возбуждение. Создается впечатление, что нами как обществом избран путь максимизации сексуального возбуждения, достижения его биологических пределов; насколько это мудрый выбор, мнения могут различаться, но по крайней мере следует отдавать себе в нем отчет. Это наш выбор, который не предопределен биологической необходимостью. И отдельный человек не сам делает этот выбор — ему он навязывается теми, кто определяет политику средств массовой информации, в особенности телевидения. Поэтому решения, принимаемые в этой области, должны быть ответственными и обоснованными. Я со своей стороны предлагаю лишь факты, а какие решения будут приняты на их основе, зависит от многих соображений, моральных, этических и прочих.

Современный уровень сексуальности, поощряемый политикой вседозволенности, — это не единственный и даже не самый важный аспект проблемы в целом. Нельзя отделить сексуальность от тех эмоций, которые неизбежно возникают в связи с возбуждением. Современные романы, кинофильмы, телевизионные программы, реклама и множество других средств

влияния склонны изолировать сексуальные переживания от всей остальной личности и тем самым обезличивать секс; они также увязывают с сексом широкий спектр эмоций, далеко не все из которых представляются желательными. Об агрессивности и враждебности я уже писал; помимо этого активно насаждаются высокие амбиции, страхи, тревоги, которые навязываются нам и нашим детям под видом развлечения. Происходит отрыв сексуальности от привязанности, нежности и любви; напротив — она начинает ассоциироваться с индивидуалистическим стремлением к максимальному удовольствию, с жестокостью и бессердечием. Брак перестает быть пристанищем любви — слишком часто он предстает как взаимовыгодное партнерство, объединенное весьма сомнительными целями и ценностями.

Потребление порнографической продукции в наибольшей мере усиливает эти тенденции за счет повышения стремления к достижению. Тут происходит то же, что при чтении журнала, посвященного автомобилям, — читатель проникается стремлением обладать той или иной машиной. Подобно тому, как автомобильный журнал знакомит читателя с различными марками машин, устройством моторов, с новыми аксессуарами и пр., так и порнографическая продукция предоставляет информацию (иногда достоверную, чаще — нет, хотя читателю и зрителю это невдомек!) о том, какими способами возможно осуществление полового акта, как сексуальный аппетит может быть возбужден различными средствами, каких результатов следует ожидать от тех или иных действий. Конечно, существуют гораздо лучшие источники соответствующей информации, однако они мало доступны и даже будучи доступны не выступают таким сильным средством подкрепления, как порнография. И многие люди продолжают черпать информацию о половых отношениях в основном из этого крайне ненадежного источника. Люди даже не отдают себе отчет, как часто порнографические произведения вводят их в заблуждение. Мне вспоминается мой первый «пациент», с которым я столкнулся в годы войны, когда работал в госпитале Милл Хилл. Пациен-

тами там были солдаты, страдавшие невротами и психозами, и, обследуя их, я много с ними говорил — не потому что был очень к тому склонен, а потому что они сами желали подробно описать мне свои симптомы. Один из пациентов рассказал мне, что главной причиной его нервного срыва стала его неспособность совершить половой акт — он пытался много раз, но всякий раз безуспешно. В некотором замешательстве, не зная, что и сказать, я поинтересовался у него, в чем же состояли эти его попытки. И узнал, что искомого результата он всякий раз пытался добиться стоя! Я несмело намекнул ему, что гораздо легче то же самое совершить в горизонтальном положении, и поскольку он, похоже, в этих вопросах был абсолютно несведущ, одолжил ему экземпляр «Фанни Хилл». Пару дней он с интересом изучал книгу, а на третий день я заметил его бегущим вприпрыжку за автобусом, отъезжавшим в Лондон. По возвращении он, сияя от счастья, сообщил, что наконец его усилия увенчались блестящим успехом. Вскоре он был выписан как абсолютно излечившийся, что стало полной неожиданностью для психоаналитика, никогда не интересовавшегося его реальной жизнью, зато сильно озабоченного его эдиповым комплексом. Если бы только порнография в этом отношении была более информативна, то сколь полезна она могла бы быть хотя бы в целях просвещения! Однако в действительности она, увы, имеет противоположный эффект; многие мужчины, обнаружив, что не способны на те подвиги, которые с легкостью совершают герои порнографических произведений, впадают в отчаяние и проникаются ощущением своей полной никчемности. Вот сколь близко отстоят друг от друга возможные польза и вред порнографии! К сожалению, то же касается и солидных, казалось бы, руководств по сексуальности, от которых хотелось бы ждать большей точности и достоверности.

Вне сомнения, порнография ставит перед нами вопрос, на который очень трудно найти ответ. Возможно, ответа и вовсе нет, ибо проблема эта не фактическая и не техническая. Обратившись к названию данной главы, вы можете поинтересо-

ваться: является ли порнография благом или злом, приносит пользу или вред? Однако такой вопрос лишь на первый взгляд кажется имеющим смысл: он полностью зависит от другого вопроса — что считать благом и пользой в этом контексте? Последствия порнографии далеко не однозначны — некоторые можно расценить как благо, другие — как вред. Более того — то, что идет на пользу одному человеку, может повредить другому; индивидуальные особенности здесь играют ключевую роль. В дискуссии на эту тему было бы неразумно принять ту или иную сторону и безапелляционно заявить, что, скажем, порнография абсолютно безнравственна, вредоносна и потому должна быть полностью запрещена. Доводов в пользу такого суждения явно недостаточно. Нельзя согласиться с противниками порнографии, будто ее доступность подталкивает людей к сексуальным преступлениям; полная свобода публикаций порнографических произведений любого рода, может быть, и не снижает значительно уровень преступности на сексуальной почве, но точно его не повышает. В отсутствие цензуры не происходит и повального увлечения порнографией; пример Дании доказывает, что после отмены цензуры следует кратковременный всплеск ажиотажного интереса, на смену которому приходит полный упадок данной отрасли — в Дании порнография пользуется крайне малым спросом, и ее производители держатся на плаву лишь за счет импорта своей продукции в страны, где подобный либерализм еще не достигнут. Поэтому вред, о котором не устают говорить противники порнографии, похоже, ими несколько преувеличен или по крайней мере ничем не доказан.

С другой стороны, не следует с уверенностью утверждать, будто демонстрация на экране секса, равно как и насилия, не оказывает никакого влияния на поведение зрителей. Лабораторные эксперименты убедительно показали, что даже небольшие кинозарисовки, демонстрирующие определенные модели поведения, способны повлиять на поведение смотревших их взрослых и детей; то же касается и вербальных материалов. Эти данные не являются абсолютно точными и безупречными.

Но это вряд ли может стать основанием для критики — и в естественных науках большинство получаемых результатов далеки от абсолютной точности, однако считаются достаточным доказательством. Спор, который ведется по данному поводу, следовало бы вообще перевести в иную плоскость — речь в данном случае идет о том, в каком обществе мы хотели бы жить и передать его в наследство нашим детям, — ни больше, ни меньше.

Людей можно подразделить на интровертов и экстравертов, и эту типологию можно применить и к обществам. Пуританское общество — интровертированное; в нем осуждаются курение и алкоголь, увеселения и танцы, поощряются размышления о вопросах морали и религии, серьезное и воздержанное поведение. Либеральное общество — экстравертированное; в нем ценятся материальные блага, всяческие удовольствия, в том числе сексуальные, без особой заботы о завтрашнем дне. Реклама здесь вытесняет Священное Писание, эротические шоу заменяют религиозные собрания. Если такое противопоставление и кажется чересчур заостренным, оно по крайней мере указывает в правильном направлении. Если попросить сторонников пуританства и либерализма заполнить опросник экстраверсии-интроверсии, результаты кажутся вполне предсказуемыми. Не следует, однако, думать, что в любом обществе все его члены одобряют общепринятый образ жизни и придерживаются его; я лишь имею в виду, что существует некая общая система ценностей, позволяющая отнести общество к тому или иному типу. Соответственно, как на это указывал еще Платон, каждое общество пропагандирует свою систему ценностей средствами литературы и искусства и приучает своих членов разделять эти ценности или по крайней мере относиться к ним терпимо. Фактически имеет место широкомасштабный процесс промывания мозгов, посредством которого общество стремится достичь единомыслия и конформности, и осуществляется этот процесс за счет выработки соответствующих рефлексов. Для формирования того или иного мировоззрения необязательно требуется насилие — в

действительности оно применяется лишь тогда, когда более мягкие методы оказываются неэффективны. Американский школьник, который каждое утро салютует национальному флагу, по сути дела подвергается такому же промыванию мозгов, как его советский сверстник, которому изо дня в день внушают ленинскую доктрину, или юный китаец, побуждаемый учить наизусть цитатник Мао. Промывание мозгов — необходимое средство удержать общество от распада на индивидуалистические единицы; нам это может не нравиться, мы скорее предпочли бы решать все вопросы в интеллектуальных дискуссиях, однако даже это требует опоры на некие незыблемые принципы. В отсутствие таких принципов дискуссии лишены смысла, и общество оказывается обреченным на хаос.

Аргументы сторонников и противников порнографии представляются спорными, потому что основываются на разных принципах. Это справедливо и для большинства религиозных, политических и эстетических споров — их невозможно разрешить, приводя те или иные факты, поскольку споры ведутся вовсе не о фактах. Это подобно противопоставлению «Я люблю сыр» — «Я не люблю сыр», где оба оппонента по своему правы (если, конечно, говорят правду), но между ними нет реального противоречия, пока они не станут утверждать, что любой здравомыслящий человек должен разделять их позицию, любить или не любить сыр. Так себя вести было бы абсурдно, однако большинство людей зачастую именно так себя и ведут — отказывают в здравомыслии тем, кто не разделяет их вкусов и предпочтений.

Что же утверждают в данном случае оппоненты, если освободить их суждения от эмоционального пафоса и предвзятых толкований? Рассмотрим прежде позицию сторонника традиционной морали. Он заявит, что хотел бы жить в обществе, в котором исповедуются семейные ценности, прочные и стабильные человеческие отношения, где дети воспитываются любящими и заботливыми родителями; в таком обществе сексуальное удовлетворение признается достаточно важным, однако не настолько, чтобы претендовать на главную ценность.

Техника секса гораздо менее важна, чем привязанность, поэтому он станет противиться публикации произведений, способных вызвать у юношества (в том числе у его собственных детей) ассоциации неподобающих чувств с сексуальным возбуждением и удовлетворением. Он не согласится с тем, что читать или не читать, смотреть или не смотреть — личный выбор каждого человека, поскольку юные души еще недостаточно зрелы, чтобы сделать достойный выбор, а соблазны слишком велики и могут такому выбору помешать. Он может пожелать, чтобы его система ценностей была закреплена в законе, и даже настаивать, что пропаганда сексуальности разрушительна для семьи и для общества в целом. История свидетельствует, что упадку и краху многих процветающих обществ предшествовал упадок общественной морали и воцарение вседозволенности, в частности сексуальной.

На этот довод трудно возразить, если мы стоим на тех же позициях, придерживаемся тех же принципов. Если мы желаем жить в обществе, культивирующем стабильные, благополучные, основанные на любви союзы между мужчинами и женщинами, то порнография представляет серьезную угрозу для такого общества. Что же на это скажет сторонник сексуального либерализма? Он заявит, что слишком часто традиционные моральные ценности оборачиваются чистым лицемерием — большинство браков строятся вовсе не на любви, лишены взаимной привязанности, и дети в них вырастают гораздо более несчастными, чем могли бы быть, если бы их родители отважились разойтись и последовать собственным сексуальным устремлениям. Он непременно укажет, какой вред причиняет детям невежество, вызванное отсутствием сексуального просвещения, а также не преминет упомянуть о проституции как естественной спутнице и порождении моногамного брака. Он выскажется против принижения сексуального влечения ради других амбиций, в пользу того, чтобы ему было отведено подобающее место. Против цензуры он, скорее всего, возразит на тех основаниях, что она ограничивает свободу творчества. Все эти аргументы также весьма убедительны, и возразить на

них непросто. С определенных позиций либеральное общество действительно видится более предпочтительным, чем пуританское. На самом же деле обе конфликтующие стороны стараются представить обществу выигрышные стороны своей позиции, то есть подчеркивают положительные результаты той политики, которая вытекает из этой позиции; при этом негативные аспекты затушевываются и замалчиваются; противоположная сторона старается повернуть ситуацию в свою пользу, то есть наоборот — акцентирует чужие минусы и свои плюсы. Приемлемого решения таким образом найти невозможно, хотя обе стороны настаивают на том, будто такое решение существует.

Позвольте мне тут напомнить читателю об эксперименте, описанном в главе 1, в котором испытуемые сидели в темной тихой комнате и могли нажатием на педаль включать яркое освещение и громкую музыку. Как вы помните, экстраверты постоянно жали на педаль, чтобы наполнить комнату светом и звуком, интроверты предпочитали мрак и тишину. Теперь представьте комнату, в которой собрались интроверты и экстраверты; первых устраивает тишина и темнота, и соответственно они станут себя вести, тогда как вторые будут энергично жать на педали ради света и звука. И кто прав? Существует ли такое решение проблемы, которое устроит всех? Ответ очевиден — нет. Разным людям предпочтительны разные пропорции света и тьмы, тишины и шума; ни в одном сообществе все не могут получить все, что им желанно. Единственным разумным решением выступает компромисс. Однако и пуритане, и либералы очень далеко отстоят от того, что большинство людей сочли бы разумным компромиссом.

Викторианской морали не удалось добиться для всех счастливой семейной жизни, и с этим трудно поспорить. Наше современное общество, расширив границы дозволенного, похоже, приблизилось к желаемому идеалу. Однако дальнейшее расширение границ чревато сползанием к экстравертированной крайности. Понять, в какой точке находится компромиссное решение, устраивающее большинство, нам могли бы по-

мочь научные данные, касающиеся супружества, воспитания и душевного благополучия вообще. Но важность таких исследований, к сожалению, недооценивается. Достаточно было бы выделить на соответствующие исследования хотя бы 1% прибыли от реализации эротической продукции, и результаты не замедлили бы сказаться. Но политики с этим не торопятся. Правда, в условиях демократии прежде всего от избирателей зависит, кто станет принимать такие решения, то есть народу тут принадлежит решающее слово. Настало время его сказать.

Глава 7

Не стреляйте в бихевиориста — он старается изо всех сил¹

Никому не нравится фея, которой за сорок; это серьезная проблема для фей определенного возраста. Бихевиористы не вызывают симпатий ни у кого и никогда; это кажется несправедливым, и хотелось бы разобраться, почему это происходит. Как бы мы ни старались, наша репутация всегда остается скверной, и самые чудовищные упреки сыплются на нас со всех сторон — вплоть до обвинений в промывании мозгов и пытках. Философы, литераторы, деятели искусства, церковники, политики, педагоги, психиатры — все относятся к нам так, словно мы поражены какой-то страшной заразой, и от нас надо держаться подальше, чтобы ее не подцепить. Все это довольно странно, поскольку мы лишь стараемся изучать поведение человека (и животных) в строго научной манере, чтобы предоставить людям помощь и советы, основанные на достоверно установленных фактах, а не на домыслах; более всего мы озабочены плачевным состоянием человечества и отдаем себе отчет в тех серьезных проблемах, которые перед ним стоят; мы

¹Парафраз известного призыва, вывешенного над пианино в салуне американского Дикого Запада: «Не стреляйте в пианиста — он играет, как умеет». Этот популярный плакат послужил основой для анекдота, заканчивающегося словами: «А где же пианист? — Просто один из наших посетителей оказался неграмотным!»

считаем, что эмпирическая информация о *homo sapiens* могла бы способствовать решению хотя бы некоторых из этих проблем. Разве эти цели низкие и недостойные? Отчего же тогда возникает всеобщая неприязнь, выливающаяся порой в откровенную ненависть и гонения? Поэтесса и философ Кэтлин Нотт в своей книге «Душа в квадрате» (посвященной в основном крайне предвзятым нападкам на бихевиоризм в целом и на автора этих строк в частности) признается, что бихевиоризм ее «раздражает». Так чем же именно мы раздражаем? Хорошим началом этой главы было бы краткое описание трех составляющих бихевиоризма — метафизической, методологической и аналитической. Такое подразделение было сделано К. Э. Мэйсом, одним из моих учителей, а позднее и другом, который сочетал в себе талант философа и психолога и который всегда доброжелательно, но критично относился к своим коллегам, более ориентированным на эмпирические исследования. Эти три аспекта образуют необходимое основание для серьезной дискуссии, потому что без них аргументы рискуют вступить в противоречие и каждая сторона станет приписывать разное значение используемым понятиям.

Методологически бихевиоризм — это всего лишь форма очень древних философских воззрений, а именно — старомодного материализма. Благодаря Декарту утвердилось широко распространенное ныне представление о некотором дуализме, то есть допущение, что существует класс предметов, именуемых «вещами», которые обладают физическими качествами и измерениями, и класс предметов, именуемых «идеями», которые измеримыми качествами не обладают. Идеалисты отвергают существование первых (вопреки аргументу доктора Джонсона, который, споткнувшись о камень, заявил: «Вот вам и опровержение»). Материалисты отвергают существование вторых; то же самое делают и методологи бихевиоризма, не добавляя ничего интересного к давнему спору. По вопросу соотношения разума и тела можно занять множество разных позиций, которые не являются ни идеалистическими, ни мате-

риалистическими; дуализм — один из примеров. Я не собираюсь оживлять эту давнюю философскую перепалку; тут не существует никакого взаимно приемлемого решения, нет даже согласия насчет критериев, по которым это решение могло бы оцениваться, имеет ли смысл сам вопрос, и какие факты тут могли бы служить аргументами. Иными словами, подобно другим метафизическим проблемам, эта кажется нерешаемой и даже бессмысленной; тем не менее она до сих пор представляет собой излюбленную кость, на которой любители метафизических споров оттачивают свои зубы. Оставим ее молодым студентам-философам; опыт свидетельствует, что в таких спорах не рождается ничего путного. И хотя некоторые бихевиористы в данной ситуации выступают как материалисты, большинство просто махнули рукой на эту проблему — редкий бихевиорист проявляет хоть малейший интерес к метафизическим вопросам. Существует внутреннее родство между бихевиоризмом и наивным реализмом, но оно не заслуживает серьезных философских рассуждений; большинство бихевиористов скорее заявят: «Давайте лучше займемся нашим делом — проведением экспериментов, — и забудем про философию». Философия представляется бихевиористу бесплодными рассуждениями о вещах непознаваемых или неинтересных, или о том и другом вместе взятом; и в этом он может найти неожиданную поддержку даже у некоторых современных философских течений, которые предпочли вовсе отказаться от метафизики.

Естественное родство бихевиоризма и материализма явно проявилось в ранней истории первого, особенно во Франции, где, хотя это и не все признают, и были заложены основы многих фундаментальных принципов, на которых базируется современный бихевиоризм. Декарт был абсолютным материалистом, если иметь в виду его отношение к поведению животных; он уподоблял животных перемещающимся в королевских садах статуям, которые приходили в движение, когда кто-то наступал на скрытую платформу. Человек тоже является таким

автоматом, если иметь в виду его тело, но он также обладает душой, которая и управляет действиями тела. Но эта дуалистическая концепция была нелогичной и противоречила даже его собственным писаниям, в которых он неизбежно склонялся к монизму; душа была представлена всего лишь как еще один элемент механической схемы у Ламетри, пока наконец не была и вовсе отброшена Кондильяком.

Жюльен Офре де Ламетри родился в 1709 г.; он изучал теологию и примкнул к янсенистам. Эта секта последователей Св. Августина верила в божественное предопределение; в силу этого Ламетри в юности стал убежденным сторонником детерминизма. Потом он переключился на медицину, в возрасте 15 лет получил докторскую степень и начал практиковать; позднее изучал физиологию в Лейдене у Бургава, чьи работы он перевел. Он также писал и сам, что в силу его молодости вызывало крайнее неодобрение коллег — похоже, даже в ту пору молодость считалась преступлением, оправдать которое можно было лишь полным молчанием! Однажды, тяжело заболев лихорадкой, Ламетри заметил у себя сильный упадок душевных сил наряду с упадком физических сил и заключил, что мысль есть не что иное, как результат активности и мозга и нервной системы. Это привело его к материалистическим представлениям о душе, и он распространил механистические представления Декарта о животных также и на человека. Эти воззрения встретили осуждение со стороны его коллег, и ему пришлось удалиться в Лейден, где он написал самую известную свою книгу «Человек-машина». Эта книга не встретила понимания даже у либерально настроенных голландских бюргеров, и ему пришлось перебраться в Берлин, где он снискал покровительство самого Фридриха Великого. Здесь он продолжил работу над второй частью своей теоретической модели, снова удивительным образом предвосхитив многие элементы современных бихевиористских теорий Торндайка и Скиннера; он предложил гедонистическую точку зрения, согласно которой поведение побуждается главным образом положительным и отрицательным подкреплением, или, говоря его словами,

удовольствие есть конечная цель. Умер Лаверти в возрасте 41 года, став, вероятно, первым настоящим автором в области бихевиоризма, всю жизнь гонимым мыслителями правого толка.

Кондильяк совместил физиологический материализм Ламетри с английским эмпиризмом; наибольшую известность ему принесла притча о чувствующей статуе, способной к обучению, демонстрирующая, что душа не является необходимой для порождения поведения. Кондильяк не стал вслед за Ламетри механизировать душу, он ее попросту отбросил как бесполезную гипотезу. Акцент, сделанный Кондильяком на чувствах и восприятии, заложил еще один краеугольный камень современной концепции бихевиоризма — придуманная им статуя стала первым воплощением схемы «стимул — реакция». Таким образом, у этих писателей прошлого мы находим первые наброски бихевиоризма в философском и физиологическом ключе — исключительно механистический подход к поведению, теория мотивации, подчеркивающая роль подкрепления, а также теория соотношения стимула и реакции, которую Торндайк позднее назовет «коннекционизмом». Однако эти ранние работы не вылились во что-то по-настоящему важное, поскольку были чисто метафизическими; хотя они и учитывали достижения физиологии, в них отсутствовал важнейший компонент современного бихевиоризма — научная методология. Таким образом, эти ранние работы подготовили почву для становления американского бихевиоризма и кое в чем с ним перекликаются, однако существует большая разница между воззрениями Ламетри и Уотсона, Кондильяка и Скиннера, Декарта и Торндайка. Первые были философами и метафизиками, озабоченными в основном проблемой соотношения души и тела; вторых эта проблема совершенно не занимала — они просто принимали как данность, что стимулы определяют человеческое поведение, и исходя из этого стремились вывести реальные законы, по которым это происходит. Успех такой программы полностью зависит от эмпирических достижений; истинность или ложность ее философских осно-

ваний в расчет не принимается. Материализм может быть «истинным» (тут я намеренно ставлю кавычки, поскольку сомневаюсь, имеет ли этот термин какой-либо смысл), но тем не менее бихевиористская программа может потерпеть неудачу; и наоборот, материализм может быть «ложным», однако бихевиористская программа может достичь успеха. Метафизика не имеет отношения к экспериментальной работе, поэтому личные метафизические воззрения того или иного бихевиориста можно просто сбросить со счетов. Некоторые бихевиористы самоотверженно пытались вступить на поле боя метафизики, однако их поверженные тела — лучшие свидетельства наивности таких отчаянных попыток.

Таким образом, метафизический бихевиоризм ни для кого не представляет интереса; он не может предложить ничего нового и ничего имеющего смысл. Фактически он даже не является бихевиоризмом, поскольку определение «метафизический» предусматривает возможность спора на априорных основаниях, а бихевиоризм придерживается исключительно эмпирического подхода, то есть отрицает, что какие бы то ни было априорные основания имеют смысл. Нельзя одновременно придерживаться таких противоречивых убеждений, а потому и не станем больше уделять внимание метафизическому бихевиоризму. Бихевиорист, конечно, может придерживаться каких-то философских взглядов, но именно как философ, а не как бихевиорист; если бы мне пришлось делать выбор в пользу какой-то из многих теорий о соотношении души и тела (чего я, к счастью, не делаю и не собираюсь), я бы, наверное, отдал предпочтение эволюционному эпифеноменализму — в нем все-таки несколько больше смысла, чем в иных подходах, поскольку он признает эволюционное формирование свойств сознания. Не предаю ли я свои бихевиористские позиции, признавая существование сознательных мыслей и чувств? Надеюсь, что нет; было бы глупо отрицать вещи столь очевидные. А противоречит ли существование сознательных мыслей, чувств и желаний основным положениям бихевиоризма — это мы и рассмотрим.

Методологический бихевиоризм — это совсем другое; в свое время он произвел в науке революционный эффект. До Уотсона психология главным образом занималась интроспективным изучением структуры сознания, пытаясь максимально рационализировать свой подход и придать ему научную достоверность. Основным исследовательским методом выступала интроспекция, и очень многие талантливые и искусные специалисты пытались его использовать, чтобы придать психологии статус науки. Их попытки окончились неудачей, хотя с позиций логики эту неудачу невозможно было предсказать; тем не менее даже эта неудача имела свой положительный эффект — она продемонстрировала, что самоотчеты о состояниях сознания не являются подходящим материалом для научного исследования. Не исключено, что со временем в психологии появится некая новая крупная фигура, которая покажет нам, как это делать правильно; мне такое кажется маловероятным, но ничего нельзя сказать наверняка. Пока же этого не произошло, нам приходится согласиться с Дж.Б. Уотсоном и его многочисленными последователями, что предметом нашей науки является не сознание, которое невозможно наблюдать, а наблюдаемое поведение. Это не означает (хотя некоторые бихевиористы на этом и настаивают), будто различные состояния сознания не существуют; как отмечает Т.Р. Майлз, «суть методологии бихевиоризма состоит скорее в том, что, если и существуют явления сознания, они не могут быть предметом научного исследования». Такое утверждение уязвимо для критики, но тем не менее имеет глубокий научный смысл; если вы желаете его опровергнуть, вам необходимо предложить такой метод, с помощью которого явления и состояния сознания могут превратиться в объекты, приемлемые для научного исследования. Пока это не сделано, позиции бихевиористов остаются достаточно сильными, и многие полагают, что осуществленная ими научная революция была исключительно своевременна; как справедливо заметил сэр Питер Мидовар, есть большая разница между высказываниями «Собака лает» и «Собака сердится». До возникновения бихевиоризма эта раз-

ница обычно упускалась из виду; мы же теперь сосредоточились на лае, не стремясь описать то состояние, которое вызывает подобное поведение собаки.

Для бихевиориста термин «поведение» имеет более глубокий смысл, чем придается этому слову в обыденной речи. Поведение включает в себя речь и любые измеримые телесные реакции, даже неуловимые для невооруженного глаза. Таким образом сюда включается и изменение сердечного ритма, и малейшие изменения электропроводимости кожи, сопровождающие легкие изменения эмоционального состояния; согласно данному определению к поведению относятся и изменения волновой активности мозга, а также секреция катехоламинов как функция эмоциональных состояний. Электрическая активность в нервах, идущих к различным мышцам, таким образом, так же относится к «поведению», как и наблюдаемые движения самих этих мышц. Психологическое изучение большинства реакций требует особого оборудования, дабы зафиксировать их все, а также требует высокой квалификации, позволяющей их правильно интерпретировать. Телеметрический метод, то есть прикрепление к человеку датчиков, фиксирующих изменения его поведения в различных условиях, значительно расширил наши исследовательские возможности.

Выражение «вербальное поведение» многих людей приводит в недоумение; чем, — интересуются они, — это отличается от интроспекции? И если последнее мы отвергаем, то почему принимаем первое? Ответ довольно прост. Если вы говорите: «У меня болит голова», — то не возникает никаких вопросов насчет этого вашего высказывания; его все услышали, и оно становится предметом научного исследования. Однако оно не может служить бесспорным свидетельством того факта, что у вас действительно болит голова; это уже относится к области интроспекции и потому доверия не вызывает. В конце концов, вы могли захотеть ввести исследователя в заблуждение или пожелали сослаться на головную боль, чтобы избежать какой-то работы. Ваше высказывание сомнений не вызывает, в отличие от того, какой смысл в него вкладывается. В силу этого необ-

ходимы особые правила, использование которых позволяло бы нам изучать содержание словесных высказываний. Одно из уязвимых мест психоанализа состоит в том, что в нем не существует таких правил, и он даже выходит за рамки здравого смысла, интерпретируя высказывания как проявления «бессознательных» явлений.

Как мы можем быть уверены, что словесное высказывание используется адекватно? Представим простую ситуацию: нам нужно составить опросник для оценки такого личностного измерения, как эмоциональность или нейротизм. Для этого мы полагаемся на наши клинические наблюдения, на различные публикации по данной проблеме, на собственное воображение и в конце концов составляем список из 100 вопросов вроде «У меня часто бывают головные боли», на которые надо ответить Да или Нет. Допустим, один из ваших респондентов отвечает «Да»; совершенно очевидно, что вы не можете использовать это как свидетельство того, что у него часто болит голова, — по причинам, обозначенным выше. Но вы можете использовать этот ответ как свидетельство *жалобы* на головные боли; именно это и только это респондент в данный момент и сделал! Теперь вы можете рассмотреть группу невротиков с достоверно поставленным диагнозом и сравнить их с другой группой, не страдающей неврозом, то есть с абсолютно нормальными людьми; подсчитайте, сколько раз в каждой группе прозвучит ответ «Да» на данный вопрос, и сравните, есть ли между группами различие. Если различие очень существенно, то вы можете с достаточной уверенностью утверждать, что невротики гораздо чаще нормальных людей жалуются на головные боли, а насчет человека, чье состояние вам неизвестно, вы можете вынести определенное суждение на основании его ответа на данный вопрос (а также все остальные вопросы). Интроспекция тут никак не используется; вы имеете дело лишь с фактами поведения.

Наверное, более важен другой случай, когда мы используем словесные высказывания, а именно сенсорное различение. Допустим, вы хотите узнать, различают ли пчелы цвета. Этот

вопрос относится к сфере «сознания» — фактически вы интересуетесь, что происходит в сознании пчелы, когда ей предъясняется тот или иной цвет. Но этот вопрос можно перевести в плоскость поведения: столкнувшись с задачей, которая может быть решена только организмом, обладающим способностью к цветоразличению, сумеет ли пчела ее решить или нет? Именно такую форму вопроса избрал великий немецкий биолог фон Фриш. Он наливал подслащенную воду в маленькие блюдечки, которые всегда ставил на листочки синей бумаги; таким образом у пчел могла возникнуть ассоциация пищи с синим цветом. Потом он предъяснял пчелам разные листки бумаги — одни синие, другие серые, причем всех возможных оттенков яркости, от почти белого до почти черного. Пчелы без колебаний выбирали синие листки, убедительно продемонстрировав, что они способны их отличать от листков серого цвета той же яркости. Таким же образом немецкие педиатры в конце девятнадцатого века выяснили, способны ли младенцы различать цвета, — прежде считалось, что они обретают эту способность лишь годам к четырем. Шестимесячным младенцам предъяснялись молочные бутылочки, одна завернутая в зеленую бумагу, другая — в красную, одинаковой яркости; в зеленой бутылочке было молоко, в красной — вода. Содержимое бутылочек было скрыто бумагой, поэтому младенцам надо было распознать (если они были на это способны!) содержимое по цвету. Что они успешно и делали, быстро научившись предпочитать зеленую бутылочку красной. Таким образом поведение младенцев, как и пчел, продемонстрировало, что они способны различать цвета. Конечно, тут можно пойти и дальше и попытаться определить точные пределы этой способности, то есть насколько тонкие оттенки цветов они способны различать. По этому вопросу появляется все больше научных работ, и эта тема приобретает значение одной из важнейших в современной психологии.

В принципе то же самое можно проделать и со взрослыми людьми. Если вы хотите знать, способен ли ваш испытуемый различать красный и зеленый цвета, вы можете посадить его пе-

ред аппаратом с двумя рычагами; в набалдашник каждого рычага, сделанный из матового стекла, вмонтированы две лампочки — зеленая и красная. Теперь вы можете в случайном порядке зажигать эти лампочки и попросить испытуемого нажимать на рычаг всякий раз, когда загорается зеленая, вознаграждая его за правильное действие подсоленным орешком. Если ваш испытуемый голоден и к тому же любит орешки (оба эти факта нетрудно предварительно установить), то вы вскоре обнаружите, что он очень быстро научится нажимать на рычаг, подсвеченный зеленым цветом, воздерживаясь от нажатия на красный. Однако совершенно очевидно, что это будет глупейший способ установить истину; к этой громоздкой процедуре различения можно вовсе не прибегать, а проделать нечто гораздо более простое — всего лишь попросить вашего испытуемого назвать цвет листка бумаги, который вы ему предъявите! Если он способен отличить зеленое от красного, то он попросту даст правильный ответ, когда ему будет предъявлен листок соответствующего цвета. Эта его способность дать правильный словесный ответ и будет достаточным свидетельством его способности различать цвета. Именно таким образом используются словесные высказывания в бихевиоризме; при этом нет никакой нужды обращаться к описанию явлений сознания или так называемой душевной жизни — у данного человека субъективное ощущение зеленого цвета может быть совершенно иным, чем у вас, и это-то и относится к явлениям сознания. Но не существует никакого реального способа разрешить эту проблему (если данную проблему вообще имеет смысл решать); нас интересует лишь способность к различению. Получив правильный ответ, мы можем уверенно заявить, что человек этой способностью обладает; однако обратное необязательно справедливо. Если человек дает неправильные ответы, то это может объясняться его действительной неспособностью к различению, либо извращенным чувством юмора, либо психическим заболеванием. В данной ситуации нет никакой возможности установить подлинную причину. Но мы можем усложнить ситуацию, варьируя не только цвета, но и их яркость,

либо станем измерять едва заметные различия в рамках некоторого континуума, когда практически невозможно успешно солгать; существуют определенные законы, касающиеся таких ситуаций, которые вряд ли известны испытуемому, и с опорой на эти законы скоро станет ясно, насколько произвольны ответы испытуемого и насколько они отличаются от ответов человека, страдающего нарушением цветоразличения. Даже специалист, которому эти законы известны, не может долгое время намеренно давать неправильные ответы, пределы возможностей его зрительного анализатора скоро выведут его на чистую воду.

В экспериментах по различению присутствуют некоторые затруднения, однако лишь технического свойства. В то время как некоторые люди в своих суждениях готовы идти на риск, другие высказываются более осторожно. Предъявим двум людям, обладающим одинаковой способностью к различению, два стимула, отличающихся друг от друга крайне мало, и спросим их, разные ли это стимулы; один может набраться смелости и сказать «да», а другой на это не решится. Проблема такого рода может быть разрешена методом «вынужденного выбора», когда испытуемые обязательно должны дать тот или иной ответ, либо можно разрешить испытуемому указать, насколько он уверен в правильности своего ответа, а потом статистически обработать данные его ответов, чтобы выяснить влияние на них посторонних факторов. Так или иначе использование словесных высказываний в процессе различения ничем не смущает бихевиориста, хотя и сохраняет некоторый налет интроспективности в традиционном смысле.

Если иметь в виду методологию, то можно сказать, что почти все современные психологи в этом смысле являются бихевиористами, и само по себе это название уже перестает выступать чем-то отличительным. Это лишь означает, что психологи стали применять традиционные научные методы к психологическим проблемам; в то же время между ними остаются многие различия, касающиеся того, какие теории они признают наиболее полезными, какие проблемы — самыми важными

и какие методы — приемлемыми. Ограничив круг своих исследований тем, что наблюдаемо и измеряемо, психологи навлекли на себя немало критики и враждебности; нередко утверждают, будто они отказались от изучения того, что и представляет наибольший интерес. Возможно, это и так, но столь же возможно, что вопросы, интересующие множество людей, вовсе не имеют научных ответов; то, что вопрос может быть задан, еще не означает, что на него существует ответ. Как бы то ни было, психологи задались определенными вопросами и нашли на них приемлемые ответы, используя бихевиористскую методологию; значение этих открытий и следует принимать во внимание.

Прежде чем двигаться дальше, позвольте мне коротко осветить еще одно, третье, значение термина «бихевиоризм» — аналитическое. Мэйс определяет это так: «Для аналитического бихевиориста существование разума, или сознания, в отрыве от поведения не представляется заслуживающим внимания. Утверждения о разуме, или сознании, при аналитическом подходе обращаются в утверждения о материальных действиях. Рассуждения о «восприятии» становятся рассуждениями о «реакциях различения», «симпатии» или «желания» превращаются в реакции стремления или избегания, и так — относительно любого «психического феномена». Фактически это современная форма решения псевдопроблемы путем ее лингвистического анализа; факты остаются неизменными, меняется форма их словесного описания. Это весьма полезно, особенно когда прежняя манера описания приводила ко множеству недоразумений. Однако и тут можно повести себя довольно неуклюже, поэтому требуется некоторая велеречивость, чтобы трансформировать наш дуалистический язык в такой, на котором об «аналитическом бихевиоризме» можно было бы писать и читать. Сам я постараюсь подобной велеречивости избежать, а читатели, привыкшие к философствованию, если им это угодно, могут добавить ее от себя.

После всего сказанного бихевиоризм предстает чем-то бледным и бесцветным, не имеющим никакой определенной

доктрины. Главное, что можно сказать от его имени, это то, что психология представляет собой научную дисциплину и в качестве таковой она вправе использовать такие понятия, которые наилучшим образом отвечают ее задачам. И подобно всем прочим научным дисциплинам у нее единственная просьба к метафизике — оставь меня в покое! Бихевиоризм не является «школой» в психологии в том смысле, что его учение не обладает каким-то специфическим содержанием (как в случае психоанализа или, скажем, гештальтпсихологии); под его сенью собралось много разнообразных групп психологов, имеющих друг с другом мало общего, кроме единого устремления подвести под психологию надежный экспериментальный фундамент, который позволил бы считать ее по-настоящему «научной». Что же во всем этом заставляет многих людей брезгливо морщиться и негодовать?

Один из возможных ответов мы можем отбросить с самого начала. Всегда найдется психолог-бихевиорист, который скажет или напишет что-то глупое и несуразное. Даже основатель бихевиоризма Уотсон не раз ставил себя в неловкое положение — к примеру, когда напрочь отрицал существование сознания или когда заявлял, будто любого ребенка можно сделать кем угодно, если создать ему для этого необходимые условия. И хотя критика в адрес таких нелепостей вполне оправдана, она не затрагивает бихевиоризм как таковой — она касается отдельных суждений отдельных людей. И Скиннер тоже нередко говорит ужасную чушь (как, например, в своей книге «Уолден-2»), за что его совершенно справедливо критикуют; но то, что он говорит, — это его личное мнение, которое вовсе не является заветом для всех бихевиористов. В конце концов, каждому из нас случается сказать нечто такое, о чем потом приходится сожалеть; иные наши провокационные суждения призваны побудить людей думать (как это делали древние философы своими парадоксами); и не следует судить о целой научной дисциплине по таким отдельным всплескам. Критиковать отдельные высказывания отдельных авторов, не являющиеся репрезентативными для бихевиоризма в целом, — это,

говоря словами Алисы, хорошая забава, но никудышная дискуссия.

Другой ответ гораздо ближе касается тех глубинных затруднений, которые многим не позволяют принять бихевиоризм всерьез и даже отталкивают от него. Сэр Сирил Берт выразил это распространенное мнение, когда упрекнул современную психологию в том, что она, поначалу отказавшись от души, а потом и от разума, в итоге пришла к закономерному результату — оказалась совершенно бездушной и безумной. В обыденном сознании, которое неразрывно связано с религиозными убеждениями недавнего прошлого, человеческое поведение рассматривается как целенаправленное, управляемое разумом, который регулирует наши действия в соответствии с определенными законами; также предполагается, что наше поведение отличается от примитивной рефлекторной активности животных тем, что оно «одухотворено», то есть — за неимением лучшего термина воспользуемся этим — управляется «душой». (Английские авторы в отличие от французских иногда склонны не распространять на собак и лошадей всеобщий закон, обделяющий животных душой; писательницы к этой касте избранных иногда добавляют еще и кошек. Французы в этом отношении ведут себя более логично, зато и не имеют свойственной англичанам репутации любителей животных.) Бихевиоризм, во многом подобно раннему материализму Ламетри и Кондильяка, вызывает негодование тем, что отказывается рассматривать такие понятия, как разум, воля и душа; создается впечатление, что он отказывает нам в том, что мы в себе более всего ценим — нашей человеческой сущности. Современную психологию обвиняют в том, что она низводит человека до уровня павловской собаки; это не очень приятный образ, и мы отказываемся себя в нем признать. Конечно, симфония Моцарта, статуя Да Винчи, портрет Рембрандта, стихотворение Гете, сонет Шекспира — это далеко не то же самое, что реакции, получаемые в эксперименте; наблюдение за крысами в лабиринте ничего не может нам сказать о специфиче-

ских человеческих проблемах, которые и представляют для нас наибольший интерес. Разве не так?¹

Такие соображения не лишены смысла, хотя во многом и продиктованы эмоциями; они напоминают то негодование, которое вызвал Коперник, отказавшийся признать Землю центром Вселенной и поместивший на это место Солнце, или Дарвин, заявивший о нашем эволюционном родстве с обезьянами. Эти заявления явились серьезным ударом по нашему самоуважению, однако первые два мы пережили, переживем и третье; то, что начали Коперник и Дарвин, Павлов завершил, хотя все они мало слышали благодарностей за свои труды!

¹ В своей книге «Призрак из машины» Артур Кестлер выразил эту идею с предельной ясностью: «Невозможно разобраться в человеческих проблемах и пытаться разрешить их средствами терапии, опираясь на психологию, которая отвергает существование разума и пользуется обманчивыми аналогиями, выводимыми из поведения подопытных крыс, нажимающих на педаль. Полувековая история такой крысиной психологии сравнима в ее стерильном педантизме со схоластикой периода упадка, когда она скатилась до подсчета ангелов на кончике иглы, — хотя последнее даже кажется более забавным, чем подсчет нажатий крысой на педаль». Обратите внимание, что Кестлер даже не сомневается, будто аналогии обманчивы; никаких примеров не приводится, и множество экспериментов, показавших, как законы, выведенные из поведения подопытных крыс, применимы и к человеку, остаются без внимания. Обратите также внимание на то, как Кестлер сравнивает подсчет несуществующих ангелов с поведением совершенно реальных крыс, нажимающих на педаль; антинаучный подход к человеческим проблемам не в состоянии предложить ничего лучше, чем эта лебединая песня! Кестлер и его многочисленные единомышленники не задаются вопросами, какая альтернатива может быть предложена бихевиоризму и почему психологи девятнадцатого века, увлеченные интроспекцией и пытавшиеся открыть законы «сознания», потерпели поражение. Психологи — не слепцы; покажите им лучший метод, и они охотно его примут. Но они считают совершенно бесполезными псевдофилософские нападки на все, что они делают, не подкрепленные предложениями чего-либо лучшего. Многие критические замечания, вне сомнения, оправданы, но разве есть такая область науки, которая неуязвима для критики? Однако в науке критика, не предлагающая лучших решений, совершенно бессмысленна и бесполезна — особенно когда она побуждается философскими или религиозными соображениями, без опоры на экспериментальные данные. Неужели бихевиоризм потерпел крах? С непредвзятой точки зрения очевидно, что его достижения вряд ли можно признать успехами вундеркинда, но не следует и считать их лепетом умственно отсталого, как это может показаться читателю книги Кестлера. — *Прим. автора.*

Трудно сказать что-либо такое, что могло бы снизить накал эмоциональных реакций; подобно тому, как последователи Аристотеля отказывались взглянуть в телескоп Галилея и увидеть спутники Юпитера, так и их современные преемники отказываются рассматривать свидетельства в пользу того, какую роль играет формирование рефлексов в поведении человека.

Если вам угодно постулировать существование разума, души или даже бессознательного, то вы, конечно, можете так поступить; психологи же вполне могут обойтись без этих понятий для решения своих задач.

Каковы же их задачи? Вне сомнения, они состоят в выяснении фактов, касающихся человеческого поведения, в формулировании теорий на основе этих фактов и, наконец, — в утверждении законов, опирающихся на эти открытия. Эти законы, теории и открытия могут потом продуктивно использоваться для решения разнообразных проблем в области образования, юриспруденции, психиатрии, политики и общественной жизни в целом. Это может показаться грандиозной задачей, но когда проблем так много и они так серьезны, даже крупницы нового знания могут принести немалую пользу; или мы предпочтем блуждать в потемках или полагаться на отжившие традиции? К сожалению, на этот риторический вопрос пока приходится дать скорее утвердительный ответ. Психологические проблемы существовали всегда и были констатированы еще в незапамятные времена, соответственно появились и специалисты, призванные решать эти проблемы. Педагоги, священники, врачи, политики, руководители, юристы и многие другие занимаются этим, и наивно было бы полагать, что они с распростертыми объятиями встретят новичка, который возьмется с научной точностью решить те проблемы, что ими самими издавна решались на основе простого здравого смысла или, хуже того, даже не решались. В эту сферу вовлечено столько амбициозных персон и разнообразных личных интересов, что голос психологов просто тонет в хоре негодующих протестов. Дело усугубляется тем, что именно те люди, чья репутация может быть поколеблена нововведениями, и занима-

ют ключевые позиции в образовании, политике и прочих названных мною областях.

Позвольте мне проиллюстрировать эту ситуацию примером, когда две силы — пытливый дух научной психологии и догматичность истеблишмента — вошли в непримиримое противоречие. Это произошло вскоре после того, как я получил свою первую должность — психолога-исследователя в военном госпитале Милл Хилл, где проходили лечение те, чье душевное здоровье пошатнулось в военные годы. Страдали эти пациенты преимущественно неврозами; всем им ставился диагноз и назначалось лечение в соответствии с выявленной определенной «болезнью» — тревожным расстройством, истерией, шизофренией и т.п. Очевидно, что такая модель требует надежного диагноза, то есть диагноз, поставленный одним психиатром, должен совпадать с тем, который может поставить другой. Помимо этого у меня были и свои соображения, касающиеся данной проблемы; я предъявлял пациентам с разными диагнозами личностные тесты в надежде подтвердить или опровергнуть теорию Юнга о том, что интроверты более склонны к тревожным расстройствам, тогда как экстраверты — к истерическим; понятно, что при недостоверном диагнозе различий между группами с истерией и тревожностью выявить не удалось бы. В сложившейся ситуации пациенты нередко переходили от одного доктора к другому, и, соответственно, диагноз им ставился дважды разными специалистами; однако это не были два независимых друг от друга диагноза, поскольку второй врач имел возможность ознакомиться с выводами первого. Меня заинтересовало, насколько согласуются между собой диагнозы, поставленные разными врачами, и я отправился к главному врачу с просьбой позволить мне провести соответствующее статистическое исследование.

Он принял меня в благожелательной отеческой манере и с интересом выслушал мой план; однако потом, к моему удивлению, заявил, что есть гораздо более важные вещи, над которыми следует работать, и что я только напрасно потрачу время на исполнение моего замысла. В конце концов, разве неиз-

вестно, что все работающие здесь психиатры получили хорошую подготовку, имеют ученые степени и в силу этого (просто по определению) ошибаться не могут? Когда же я робко предположил, что даже такие светила наверняка заинтересованы в лишнем подтверждении правильности своих суждений, он принял серьезный вид и заявил, что не подобает человеку столь молодому и к тому же не имеющему медицинской квалификации ставить под сомнение результаты работы опытных и заслуженных специалистов. Когда же я ответил, что никому не собираюсь бросать вызов, а просто хочу удостовериться с достаточной точностью в правильности сложных диагнозов, главный врач прозрачно намекнул мне, что я, конечно, могу провести такие изыскания, однако в этом случае мне лучше будет поискать другую работу. Столкнувшись с таким несокрушимым аргументом, я пошел на попятный; интересовавшие меня данные я все же собрал, однако предпочел об этом помалкивать. Результат оказался вполне предсказуемым — в диагнозах, поставленных разными психиатрами, обнаружились значительные расхождения, даже несмотря на то, что при постановке второго диагноза первый был известен. С тех пор подобные результаты были получены еще много раз, и они недвусмысленно свидетельствуют, что психиатрические диагнозы весьма ненадежны — в том смысле, что мнения разных специалистов нередко расходятся. Казалось бы, существуют некоторые общие критерии, позволяющие отличить невроз от психоза и т.п., однако и тут расхождения имеют место. Причем такие расхождения наблюдаются не только в рамках данного лечебного учреждения, но и по стране в целом, а при сравнении данных по разным странам выявляются и вовсе очень любопытные особенности. В больнице Модсли нами были засняты на пленку диагностические интервью с разными пациентами, которые потом демонстрировались специалистам разных стран. Оказалось, что американские психиатры готовы поставить пациенту диагноз «шизофрения» в пять раз чаще, чем британские! А это означает, что результаты исследований, данные о применении лекарственных препаратов, обобщения, ка-

сающиеся эффективности терапии, не могут распространяться за пределы национальных границ — то, что справедливо для американского шизофреника, может и не быть таковым для британского, и наоборот! Также было не раз показано, что не существует тесной связи между диагнозом и лечением; у психиатров есть свои излюбленные приемы лечения, которые они назначают практически вне зависимости от диагноза, поэтому даже если диагноз каким-то чудом поставлен правильно, на лечении это может и не сказаться. Это весьма важные сведения, и может показаться, что психиатры должны бы быть за них благодарны психологам, однако в действительности дело обстоит совсем наоборот. Информация такого рода обычно принимается весьма прохладно или вовсе игнорируется.

Подобная ситуация характерна и для других областей. Деятели образования с энтузиазмом встречают новые методы обучения или новые варианты старых методов, после чего в образовательных учреждениях происходят резкие перемены. На смену грамматическим школам и отбору на уровне 11+ вдруг пришли массовые школы при полном отсутствии отбора; можно не сомневаться, что лет через двадцать произойдет новый виток, и грамматические школы (скорее всего, под другим названием) и отбор будут восстановлены. Это просто причуды, не опирающиеся ни на какие фактические доказательства; точно так же был осуществлен переход с кормления младенцев по расписанию к кормлению по желанию ребенка, — очень интересно будет наблюдать, как наши дочери в конце концов вернуться к кормлению по расписанию! Не существует никаких свидетельств в пользу того, что один метод лучше другого, зато существует вероятность, что в каждом конкретном случае тот или иной метод более соответствует личностным особенностям ребенка (а возможно, и матери!) — дети-экстраверты выигрывают от кормления по желанию, интровертов лучше кормить по расписанию. (Психоаналитик, вероятно, предпочтет перевернуть это утверждение с ног на голову: кормление по желанию способствует формированию экстраверсии, по расписанию — интроверсии. Какой замечательный мог бы полу-

читаться эксперимент! Экстравертов или интровертов можно было бы просто специфически выкармливать!) В главе о медиократии я уже писал о том, что некоторые дети выигрывают от помещения в массовую школу, тогда как другим идет на пользу отбор. Но такие сложности, как правило, упускаются из виду энтузиастами новой образовательной или политической системы. Необходимость в доказательствах просто игнорируется, и народу предлагается очередное новшество, насчет которого совершенно неизвестно, будет оно или не будет хоть чуточку лучше того, чему приходит на смену. В адрес тех, кто указывает на отсутствие доказательств, раздаются негодующие упреки; политическую оппозицию политики еще могут себе представить, однако требования научных доказательств выходят за рамки их понимания.

Юристы и все, в чьи обязанности входит исполнение уголовного законодательства, точно так же относятся к обсуждению вопросов обращения с заключенными и к предложениям насчет того, что преступников следовало бы не карать, а исправлять. Существует почти общепринятое мнение о том, что судьи (которые выносят преступникам приговоры) и тюремщики (которые эти приговоры исполняют) — это специалисты в своем деле, и им известны ответы на все вопросы в данной области; это, однако, совсем не так. Судьи просто по определению не знают ничего о преступниках, которым они выносят приговоры. (По понятным причинам им запрещено общаться с подсудимыми за пределами зала суда; им ничего не известно о родственниках подсудимых, их друзьях, обстоятельствах их жизни, их устремлениях — в большинстве случаев они даже не способны все это представить, поскольку сами принадлежат к другому социальному классу.) Они плохо представляют себе последствия своих приговоров — заставит ли наказание преступника раскаяться или еще больше его озлобит, или он попадет в тюрьме под влияние еще более закоренелых злодеев, которые научат его изощренным криминальным навыкам? В типичной ситуации суда не существует никакой обратной связи — решение судьи почти никак не опирается на инфор-

мацию о прежних подобных решениях и никогда не выносятся с учетом возможных последствий. А в атмосфере всеобщего благоговения перед судом судьи преисполняются уверенности в своей непогрешимости и крайне болезненно реагируют на любые намеки на критику. Научное обоснование судебной и исполнительской практики видится им вредным излишеством. Впрочем, это касается практически всех работников судебно-исправительной системы. Поэтому не им, а именно ученым должно быть доверено исследование эффективности методов исполнения наказаний и их последствий.

В целом, надеюсь, ясно, что я предлагаю. Существуют устоявшиеся, традиционные способы решения человеческих проблем, а также множество авторитетных персон, считающихся специалистами в этой области. Когда психологи вторгаются со своими научными методами в ту или иную область, они с большой вероятностью могут поставить под сомнение адекватность используемых методов и компетентность специалистов, которые эти методы используют. И эти сомнения, побуждаемые самыми добрыми намерениями, встречаются с нескрываемой враждебностью так называемыми специалистами, чьи положение и репутация оказываются под угрозой. В этом причина глубокой неприязни к психологии, и особенно к бихевиоризму, — ведь он призывает пересмотреть слишком многое из того, на чем основывается наша повседневная жизнь, и противостоит истеблишменту, ответственному за использование никуда не годных методов и средств. Наука подобна динамиту, и эффект психологической революции обещает намного превзойти эффект революции индустриальной. Луддиты всех мастей чувствуют эту опасность за версту. Поэтому нет ничего удивительного в скверном отношении к психологии; само предложение сделать что-то лучше и рассеять тьму невежества угрожает благополучию тех, кто слишком долго цеплялся за рычаги власти.

Однако и многим простым людям, весьма далеким от этих рычагов, наступление эры психологии не кажется таким уж многообещающим. Психологи предлагают предпринимать со-

циально значимые шаги на основе данных научных исследований; прежде чем закрывать грамматические школы и отказываться от принципов отбора учащихся, говорят они, надо провести соответствующий эксперимент, чтобы такой шаг был научно оправдан. Если мы заинтересованы в исправлении преступников, давайте выделим какую-то тюрьму для исследовательских целей, проведем в ней долгосрочное исследование и сравним его результаты с контрольной выборкой из других тюрем, затем внедрим повсеместно жетонную систему или какой-либо иной метод, который покажет свою эффективность. Если мы хотим улучшить лечение невротиков, давайте выберем какую-то клинику и проведем в ней исследование, в котором сравним эффективность поведенческой терапии, авersiveивной терапии, жетонной системы, импловивной терапии и чего угодно еще, что могут предложить нам научные лаборатории. Иными словами, прежде чем предпринять какой-то ответственный шаг, следует экспериментировать до полной уверенности в его целесообразности; тогда браться за дело можно с большей уверенностью, не опасаясь за возможные последствия. Прежде чем инженер приступает к строительству нового моста, корабля или фабрики, он опробует соответствующую модель, дабы подтвердить правильность своих расчетов; поэтому он, как правило, не сомневается, что его мост не рухнет, корабль не утонет, а фабрика будет работать. Так почему же не воспользоваться этим методом и в общественной жизни, разве от этого может стать хуже, чем теперь? Мудрость педагогов, медиков и юристов испытана веками, даже тысячелетиями, однако разве наши психиатрические больницы опустели? Разве наши дети учатся лучше, чем прежде? Разве тюрьмы уже можно за ненужностью закрыть? Если традиционная мудрость столь безупречна, отчего количество психически больных растет день ото дня? Почему уровень преступности повышается ужасающими темпами? Почему в школах царит такой беспорядок, а нам остается лишь горевать о том, как скверно учатся наши дети и как мало они в итоге знают? Конечно, если бы все было в порядке, то не было бы нужды ни в каких науч-

ных методах; однако в действительности дела идут все хуже и хуже, и обращение к научным методам кажется как никогда своевременным и многообещающим.

Можно, однако, встретить возражения насчет того, что люди — не подопытные кролики. Нельзя же проводить опыты на живых людях, на детях, на заключенных, невротиках, на ком угодно! Психологов еще готовы терпеть в их лабораториях, но эксперименты над людьми в реальной жизни — это уже слишком! С этим, пожалуй, можно было бы согласиться, если бы разного рода опыты не проводились постоянно и повсеместно: закрываются школы одного типа и открываются другого; принимаются законодательные акты, касающиеся преследований за гомосексуализм; активно внедряются новые методы лечения. Ничто не стоит на месте, и жизни миллионов людей постоянно подвергаются тому, что некоторые политики беззастенчиво называют «экспериментами». Перемены происходят, однако, в отсутствие контрольных групп и обратной связи. Иными словами, имеет место как раз то, против чего люди возражают (чтобы с ними обходились как с подопытными кроликами), однако без соблюдения тех необходимых условий, которые оправдывали бы проведение подобных мероприятий. Когда закрываются все грамматические школы и все без исключения дети начинают учиться по-новому, мы, как и прежде, остаемся в полном неведении насчет того, к лучшему ли такая перемена, поскольку никто не позаботился осуществить этот эксперимент в строго научной манере или хотя бы документировать его результаты. Возводятся новые города, но никому не приходит в голову проследить, как их население адаптируется к новым условиям, какие допущены просчеты в планировании и строительстве. В результате, когда еще один новый город будет возводиться, все прежние ошибки будут сделаны снова. А если бы с самого начала были соблюдены правила научного эксперимента, последующих ошибок можно было бы успешно избежать.

Большинство людей даже не представляют себе, как мало значат факты и доказательства для тех, кто облечен властью в

решении разнообразных человеческих проблем — политических, педагогических, медицинских, каких угодно. Возможно, печальная, но поучительная история доктора Игнация Филиппа Зиммельвейса поможет наглядно показать, что происходит, когда факты входят в противоречие с косностью и консерватизмом истеблишмента. Зиммельвейс родился в Будапеште в 1818 г., в 1844 г. получил диплом врача. Его внимание привлекла необычайно высокая смертность рожениц от так называемой родильной лихорадки, которая, как ныне известно, вызывается преимущественно стрептококками. Смертность на уровне 30% была в ту пору обычным делом, но источник заболевания не был известен. На самом деле инфекция передавалась через руки студентов-медиков, медсестер и врачей, когда они сначала осматривали инфицированную женщину, а потом переходили к другой, еще не инфицированной; стерилизация и даже простое мытье рук не были приняты, равно как ничего не было известно о существовании бактерий. Именно Зиммельвейс был первым, кто привлек внимание к вопросам гигиены. Он потребовал, чтобы его студенты перед входом в родильное отделение непременно мыли руки, особенно если следовали туда из морга, где вскрывали трупы. Студенты, дорожившие академическими свободами, воспротивились, считая это указание самодурством. Зиммельвейс в негодовании обозвал их убийцами, за что и был на следующий день уволен. Какие факты были на его стороне? Было хорошо известно, что среди женщин, которых осматривали студенты, уровень смертности был намного выше, чем среди тех, за кем ухаживали акушерки, которые не имели никаких контактов с телами умерших.

Неожиданное событие, казалось, подтвердило позицию Зиммельвейса, ранее чисто умозрительную. Его товарищ, анатом Якоб Колечка скоропостижно скончался, после того как случайно порезался во время вскрытия трупа, причем все симптомы указывали на то, что умер он... от родильной горячки! Это позволило Зиммельвейсу сформулировать свою теорию более четко: «Родильная горячка возникает вследствие зараже-

ния крови ядом, который образуется в трупах... Роженицам этот яд передается через руки докторов». Зиммельвейсу было позволено снова занять свой пост, на котором он не замедлил проверить эту теорию; он заменил акушерок студентами (дабы его эксперимент отвечал критериям научности), и уровень смертности резко подскочил с 9% до 27%, когда же студентам было приказано перед каждым осмотром стерилизовать руки хлорированной водой, смертность снизилась до 1%. Убедительно для непредвзятого взгляда, не правда ли? Однако это совершенно не убедило его коллег, из которых никто не пожелал принять предложенную им практику. И история повторилась: Зиммельвейс снова не сдержался и обозвал коллег «убийцами» и снова был уволен. В 1849 г. он вернулся в Венгрию, где смог добиться снижения смертности рожениц до уровня 1%, но и это не убедило скептиков. На конгрессе гинекологов в Париже в 1858 г. его президент так отозвался о теории Зиммельвейса: «Не исключено, что в ее основе лежат какие-то здравые идеи, однако воплощение ее на практике связано с такими затруднениями, что едва ли целесообразно». Зиммельвейс умер в 1865 г. в возрасте 47 лет; по злой иронии судьбы причиной его смерти стало заражение крови, которое произошло при вскрытии им трупа. Почти в то же время Листером¹ была начата работа по экспериментальной дезинфекции ран, а Пастером закладывались основы современной бактериологии. В некрологе, написанном Листером, говорилось:

¹Листер (Lister) Джозеф (1827—1912) — английский хирург. Проблемой послеоперационных заражений Листер заинтересовался еще студентом, когда изучал под микроскопом образцы гангренозной ткани. Вопреки господствовавшему тогда представлению, что раневые инфекции возникают под действием неких миазмов, витающих в больничном воздухе, Листер предположил, что их вызывает «живое начало», занесенное в рану извне. Эти идеи он изложил в своей первой научной публикации *Изучение ранних стадий воспалительного процесса* (*An Essay on the Early Stages of Inflammation*, 1857). Связав вопрос о заражении послеоперационных ран с идеями Пастера о невозможности «самозаражения» и с его данными о том, что гниение вызывают микробы, Листер разработал систему борьбы с раневыми инфекциями. В 1867 г. опубликовал статью *Об антисептическом принципе в хирургической практике* (*On the Antiseptic Principle in the Practice of Surgery*).

«Без Зиммельвейса мои достижения были бы невозможны. Этому выдающемуся сыну Венгрии хирургия обязана очень многим». Вряд ли стоит комментировать эту историю. Бастионы косности в конце концов пали, но сколько их еще осталось! В любой области авторитеты стоят насмерть, противясь любым научным доказательствам и доводам здравого смысла. И едва ли какие-то бастионы обороняются столь же отчаянно, как те, что воздвигнуты на ошибках и заблуждениях дилетантской психологии.

Обратимся теперь к еще одному аргументу против бихевиоризма — этическому, касающемуся так называемого промывания мозгов. Он состоит в том, что бихевиористские методы лечения (обычно речь идет не только о лечении, но примеры черпаются в основном из области аверсивной терапии) являются бесчеловечными; якобы с их помощью с людьми обращаются не как с личностями, а как с вещами; и эти методы в качестве неотъемлемого компонента включают причинение боли, равносильное пыткам. И эти вопли о пытках настолько эмоциональны, что невольно заставляют задуматься: какие же мотивы движут теми, кто так негодует; тем не менее к этому аргументу следует отнестись серьезно, потому что, будучи заострен до крайности (например, Р.Д. Лэйнг¹), он ставит поведенческую терапию в один ряд с ортодоксальной психиатрией. В своей распространенной форме этот аргумент гла-

¹Лэйнг (Laing) Рональд Дэвид (1927—1989) — английский психиатр и психоаналитик, одна из самых значительных и неоднозначных фигур в западной культуре. Его книги «Разделенное «Я», «Политика семьи», «Узлы», «Политика опыта» пользовались необыкновенной популярностью. В трактовке душевного здоровья и безумия Лэйнг ошеломляющим образом переставил местами суждения, от которых отгалкивалась традиционная психиатрия. Он известен как один из лидеров «антипсихиатрического» движения, хотя сам испытывал отвращение к идеологии, считая ее инструментом насилия над личностью. Он призвал отказаться не только от унижающего личность «психиатрического жаргона», но и от традиционной практики лечения, считая ее не гуманной, а наоборот — карательной. По Лэйнгу, шизофреник не столько нуждается в помощи, сколько сам способен ее оказать закомплексованным конформистам. Творчество Лэйнга всегда было причудливой смесью клинических наблюдений, поэзии и экзистенциальной философии.

сит, что люди вольны жить своей собственной жизнью и никто не вправе их жизнью манипулировать — особенно психиатры, которые выступают своего рода общественной полицией, которая в основном заботится о достижении всеобщего конформизма. Ради этого психиатры хватают несчастного «душевнобольного» и пичкают его лекарствами, подвергают его психоанализу, электрошоку, лоботомии, аверсивной терапии. Конечно, эта картина карикатурна, однако в ней содержится и некоторое предостережение; например, в СССР, похоже, считается официальной доктриной, что человек, недовольный режимом, является душевнобольным, и его, вместо того чтобы казнить или поместить за решетку, теперь изолируют в психиатрической лечебнице и назначают ему «исправительное» лечение. Похожим образом, хотя и не столь явно, в США порой расправляются с коммунистами, атеистами и прочими инакомыслящими; быть коммунистом там само по себе означает страдать умственным расстройством, и всерьез высказываются предложения изолировать таких людей и лечить их. Наверное, нет нужды лишней раз подчеркивать абсурдность такой политики, ибо в нашей стране едва ли найдется много людей, считающих подобные методы приемлемыми в борьбе против каких-либо политических или социальных убеждений. Тем не менее опасность существует, и Лэйнг и его последователи правы в том, что привлекают к ней внимание; это западня, в которую мы ни в коем случае не должны попасть.

Однако заявления о том, будто люди, которые подвергаются психиатрическому лечению вообще и лечению методами поведенческой терапии в частности, вынуждены в силу этого тяжело страдать, — совершенно необоснованны. Возьмите любую проблему, которой занимается практикующий терапевт, и задайтесь вопросом: можно ли то, с чем он сталкивается, и то, что он делает, хоть в каком-то смысле назвать пыткой. Рассмотрим пример детей, склонных наносить себе телесные повреждения. Такие дети, бывает, бьются головой о стены (иногда настолько сильно, что это приводит к отслоению глазной сетчатки), царапают себя и режут, а порой даже намеренно

прыгают с большой высоты, рискуя разбиться. Некоторые добросердечные люди полагают, что таким детям особенно нужны любовь и ласка, однако достоверно установлено, что демонстрация детям любви и заботы, подчеркнута доброжелательное к ним отношение только ухудшают их состояние; как бы замечательно такое поведение ни выглядело, толку от него нет. Как я уже ранее писал, каково бы ни было происхождение таких членовредительских действий, они отчасти подкрепляются их социальными последствиями, то есть тем вниманием, которое ребенок в результате получает, тем участием, которое к нему проявляют, и общей озабоченностью старших в связи с его состоянием. Терапевты, исходившие из этой гипотезы, сумели продемонстрировать, что нежелательные действия полностью устраняются всего за несколько часов в условиях, когда они попросту игнорируются, — находящиеся рядом дети или взрослые отворачиваются или уходят, никак не реагируя на ребенка, пока он не прекратит свои действия. Когда же определенные действия слишком опасны, чтобы оставить их без внимания, то как только они начинаются, ребенок получает несколько ударов электрическим током. В одном известном случае мальчик, страдавший шизофренией, занимался членовредительством с двухлетнего возраста; однажды, будучи ничем не сдержан, он совершил 3000 подобных реакций в течение 90 минут! За четыре сеанса, включавшие 12 ударов током, это поведение удалось почти полностью устранить. Другая девочка причиняла себе боль на протяжении шести лет; от привычки биться головой о стену ее избавили 15 разрядов тока. Важно отметить, что помимо устранения этих симптомов заметно улучшилось и общее социальное поведение. Да, в исполненных процедурах имели место элементы «пытки» в виде несильных разрядов электрического тока (которые многие студенты-психологи добровольно терпят в качестве испытуемых в экспериментах); но какова альтернатива? Приходится годами сковывать детей в движениях, чтобы они не причинили себе вреда, но при этом страдает их общее развитие. И тут ста-

новится уже не до этических рассуждений — вопрос стоит буквально о жизни и смерти.

Представьте себя родителем трехлетнего аутичного мальчика, сильно отстающего в развитии, который к тому же постоянно бьется головой о стену, расцарапывает себе лицо, вырывает на голове волосы. После этого он отказывается спать, вынуждая родителей сидеть возле своей кровати. Не помогают ни успокоительные препараты, ни попытки сковывать его движения. В конце концов отказ носить очки (поскольку контактные линзы опасны при его поведении) ставит под угрозу его зрение. Что вы будете делать? Откажетесь от применения поведенческой терапии по этическим соображениям, не желая подвергать ребенка «пыткам»? Однако простого режима социальной изоляции (причем без всякого тока!) при попытках самоповреждения оказалось достаточно, чтобы за несколько недель избавиться мальчика от опасных симптомов; ведь изоляция сама по себе может служить аверсивным подкреплением. Лечение едва не пошло насмарку, когда один добросердечный ассистент стал ласково разговаривать с мальчиком, провожая того в его комнату. Многие люди путают внешне доброе поведение (которое на самом деле побуждает пациента к нежелательным действиям) с подлинной добротой, которая проявляется в том, чтобы избавиться пациента от мучающих его симптомов. Это тот самый случай, когда нельзя позволять доводам сердца перевешивать доводы головы.

Или возьмем другой случай. Представьте, что ваш сын попал в героиновую зависимость, и наиболее вероятным итогом этого станет его смерть в течение ближайших пяти лет. Не существует надежных методов лечения, которые гарантировали бы положительный результат. Но можно использовать аверсивную терапию, при которой ему позволяется делать себе инъекции героина, но всякий раз перед этим ему также делается инъекция препарата сколамина, который на минуту парализует его мускулатуру и делает невозможным дыхание. При этом героиновая инъекция выступает условным стимулом, а паралич безусловным. Согласно парадигме выработки рефлекс-

са, после нескольких повторений такого опыта страх потери дыхания начинает удерживать пациента от инъекции героина (или чего угодно другого). Этот метод действует очень хорошо; несколько наркоманов, прошедших такой курс лечения, по данным последующих анализов, смогли избавиться от пагубной зависимости. Конечно, необходимы более длительные и широкомасштабные исследования для подтверждения этой закономерности, но уже сейчас этот метод представляется многообещающим и дает надежду многим несчастным. И это вы назовете пыткой? Станете удерживать от этого вашего сына и позволите ему умирать в агонии? Сам я не сомневаюсь в том, какой тут может быть ответ; этические колебания неуместны, когда стоит вопрос о спасении человеческой жизни.

А как насчет половых извращений, которые не подвергают опасности жизнь человека, но обществом осуждаются и ставят человека в положение изгоя, — таких, как, скажем, гомосексуализм, трансвестизм, фетишизм? Вероятно, в подобных случаях именно под давлением общества пациент обращается за лечением. Давление может исходить от супруги, и пациент в таком случае предпочитает лечение разрушению брака. Либо оно может исходить от общества в широком смысле: лечись или будешь репрессирован! Порой трудно понять причины, которые побуждают человека обратиться за лечением, важно то, что он сам делает выбор под давлением разнообразных обстоятельств — он сам решает, что ему станет лучше, если он сумеет отказаться от своих извращенных привычек. Многие такие пациенты просто сами стыдятся своей извращенности даже при отсутствии давления извне. Но каковы бы ни были побуждения человека, будет ли этично отказать ему в лечении, когда мы знаем, что можем ему помочь? Несколько лет назад, еще до того как методы лечения гомосексуализма были внедрены в широкую практику, мне довелось выступать в Гилдхолле с лекцией о поведенческой терапии; после лекции ко мне подошел один важный чиновник и несмело поинтересовался, могу ли я рекомендовать ему кого-то, кто избавил бы его от гомосексуальных наклонностей. В течение нескольких

лет он проходил психоанализ, но безуспешно, и надеялся, что представленный мной метод может ему помочь. Тогда я вынужден был ему отказать — еще никто не практиковал этот метод. Несколько недель спустя он покончил с собой. Философы могут сколько угодно рассуждать о том, что гомосексуалисты (и все прочие извращенцы) принуждаются к лечению общественным давлением и что их лечение неэтично, потому что не является результатом «свободы воли» (что бы это ни значило); но разве этично оставить такого человека один на один с его проблемами и позволить ему убить себя, потому что ему не может быть предоставлена необходимая ему помощь? Я понимаю, что существуют этические проблемы, касающиеся этих методов. Но не будем забывать, что соответствующее лечение назначается бихевиористами не из садистских побуждений, а с целью помочь людям избавиться от по-настоящему острых и мучительных проблем.

Иногда мне кажется, что именно успехи поведенческой терапии служат причиной неприязни к бихевиоризму. Люди могут с легким сердцем вести беседы о психоанализе, поскольку он ввиду своей практической бесполезности никого не уязвляет. И тут вдруг возникает технология, базирующаяся на научных основах и приносящая реальные плоды; естественно, это затрагивает чьи-то интересы и потому сразу вызывает осуждение. К науке вообще много претензий; подававшая большие надежды в девятнадцатом веке, она в двадцатом веке превратилась в монстра наподобие Франкенштейна. Такие претензии, конечно, безосновательны; наука наделила нас силой, но протесты раздаются не против самой этой силы, а против того, как она может быть употреблена. Бессмысленно упрекать ученых в том, что они делают; вина тут лежит на нас самих, потому что мы зачастую сами не знаем, что нам делать с этим ящиком Пандоры. Конфликт между социально ответственной наукой и социально безответственными политиками хорошо иллюстрирует история о том, как было принято решение (политиками — вопреки предостережениям ученых) сбросить первые ядерные бомбы на Японию; эту поучительную исто-

рию, по-моему, следует преподавать в школах. Похожим образом складывается отношение людей к психологии — чем ярче ее успехи, тем сильнее опасения. Не рациональные, а эмоциональные предубеждения лежат в основе неприятия бихевиоризма.

Нам мешает лишь наше недоверие к науке — когда мы боимся довериться разуму, мы полагаемся на эмоции. Но все, чего добилось человечество, достигнуто им благодаря разуму; многим странам удалось победить невежество, эпидемии, голод и нищету благодаря науке, которая представляет собою лишь организованный разум. Назад пути нет, нам предстоит двигаться вперед, и наука — необходимое средство для такого движения. Настало время приложить достижения науки к человеческому поведению. Как говорил Уотсон: «Психология с точки зрения бихевиориста — это всего лишь объективная экспериментальная ветвь естественных наук. Ее задача — предсказание человеческого поведения и управление им». Если мы не научимся управлять своим поведением раньше, чем с помощью достижений физических наук взорвем нашу планету, то вряд ли мы вообще сумеем чему-то еще научиться. Психологи стараются в этом помочь; не стреляйте в бихевиориста — он старается изо всех сил!

Научно-популярное издание

ПСИХОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ

Ганс Айзенк

ПАРАДОКСЫ ПСИХОЛОГИИ

Ответственный редактор *В. Краснощекова*

Художественный редактор *Е. Савченко*

Технический редактор *Н. Носова*

Компьютерная верстка *Е. Мельникова*

Корректор *Б. Бурт*

В оформлении использованы фото
Библиотеки изображений «Фотобанк» / Getty Images

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 13.04.2009.

Формат 60x90 1/16. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 22,0.

Тираж 3000 экз. Заказ № 2711

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: international@eksmo-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.**
International@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.**
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. За.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. gm.eksmo_almaty@arna.kz

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**